ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

И. А. БУНИНА

ТОМЪ ШЕСТОЙ

ИЗДАНІЕ Т-ВА А. Ф. МАРКСЪ :: ПЕТРОГРАДЪ

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1915 г.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29.

РАЗСКАЗЫ 1911 — 1913 г.

Не прошла еще древняя Русь...
Ив. Аксаковъ.

IОАННЪ РЫДАЛЕЦЪ.

Есть новая станція Грѣшное, есть старое степное село того же имени.

На станціи останавливается въ лѣтніе дни юго-восточный экспрессъ. На станціи голо и скучно. Казенный кирпичный вокзалъ, построенный слишкомъ низко по длинѣ, еще слишкомъ красенъ. Платформу замѣняетъ песокъ. Переходить по песку къ вокзалу трудно, да и зачѣмъ? Вокзалъ пустъ и гулокъ, нѣтъ въ немъ ни буфета ни книжнаго кіоска. А поѣздъ великолѣпный. Изъ открытыхъ оконъ тяжелыхъ запыленныхъ вагоновъ глядятъ богатые люди, ѣдущіе на Кавказъ: знаменитый чудовищно-толстый артистъ въ шелковой сѣрой шапочкѣ, черная красивая дама съ лорнетомъ, персіянинъ изъ Баку, не сводящій съ нея нагло-сонныхъ глазъ, худой англичанинъ съ трубочкой въ зубахъ, молча и внимательно осматривающій эти необозримыя равнины, которымъ не уступаютъ только преріи... По доскамъ, вдоль поѣзда, медленно прогуливается широкій старичокъ-генералъ съ маленькими ножками и дѣлаетъ разсѣянный видъ, втайнѣ наслаждаясь и тѣмъ, что у дверей вокзала вытянулся передъ нимъ жандармъ, и тѣмъ, что вотъ ѣдетъ онъ, генералъ, въ дорогомъ поѣздѣ на воды и гуляетъ съ открытой головой, скромный, спокойный за свое достоинство и во всѣхъ отношеніяхъ порядочный. Возлѣ пахнущаго кухоннымъ чадомъ вагона-ресторана, за зеркальными стеклами котораго пестрѣютъ цвѣты на бѣлоснѣжныхъ столикахъ, стоятъ бритые лакеи во фракахъ съ золотыми пуговицами, потный поваръ, поваренокъ,—все какъ будто тѣ же самые, что̀ видѣлъ англичанинъ и въ Египтѣ и на французской Ривьерѣ. А громадный американскій паровозъ, весь горячій и блестящій масломъ, сталью,

мѣдью, топится, дрожитъ отъ клокочущей въ немъ силы, нетерпѣливо сдерживая ее. Ходитъ по выступамъ вокругъ его лежачаго туловища молодой кочегаръ съ масленкой въ рукѣ; шумитъ рукавъ водокачки, наполняя глубокій тендеръ... И вотъ вода уже переливается черезъ края, все, что̀ нужно, сдѣлано, торопливо бьютъ въ колоколъ у дверей вокзала, генералъ, звеня серебряными шпорами, спѣшитъ въ свой вагонъ...

На станціи Грѣшное, когда скрывается въ степи поѣздъ, становится мертво и безлюдно. Мужикъ, неизвѣстно зачѣмъ приходившій на станцію, долго стоялъ на пескѣ и думалъ: „Вотъ уйдетъ машина, пойду и я помаленьку...“ Глядѣлъ на мужика англичанинъ, дивясь его шапкѣ, полушубку и бородѣ, слинявшей на солнцѣ. Глядѣлъ и мужикъ на англичанина, по разсѣянно: селу нѣтъ никакого дѣла до поѣзда. Когда поѣздъ скрывается, мужикъ, безо всякаго желанія, съ притворнымъ наслажденіемъ крякая, выпиваетъ двѣ кружки теплой воды изъ станціонной бочки, вытираетъ бороду и бредетъ домой. Бредетъ онъ не спѣша: время неопредѣленное, ни дневное ни вечернее—въ такую пору дѣлать нечего, думать не хочется, да неопредѣленна и погода: зашло солнце за облачко—не жарко и въ полушубкѣ, хотя, конечно, можно было и не надѣвать его. Дорога отъ станціи къ селу пролегаетъ по выгону, мимо большой княжеской усадьбы и каменной церкви, что̀ напротивъ нея, возлѣ погоста. Поровнявшись съ церковью, мужикъ, по привычкѣ, снимаетъ шапку и крестится, низко кланяясь: въ селѣ Грѣшномъ, за оградой церкви, возлѣ алтаря, рядомъ съ могилой князя, вельможи, ссорившагося съ самимъ царемъ, почиваетъ блаженный, Христа ради юродивый Іоаннъ Рыдалецъ.

Княжеская усадьба въ селѣ Грѣшномъ, конечно, старая и давно всѣми забытая: необитаемъ ея каменный двухъэтажный домъ, черенъ и дикъ садъ. Погостъ на выгонѣ—голый, бугристый, съ двумя-тремя изсохшими ракитами. Церковь грубо испорченнаго византійскаго склада по камню крашена темно-коричневой краской. Въ оградѣ ея, за алтаремъ, не мало разсѣяно широкихъ чугунныхъ плитъ. А какъ разъ возлѣ окопъ алтаря высятся два огромныхъ кирпичныхъ гроба, тоже прикрытыхъ плитами. И съ великимъ удивленіемъ прочтетъ всякій, не знающій преданій села Грѣшнаго, отлитыя на этихъ плитахъ имена подъ ними покоящихся: на одной—имя князя и вельможи, а на другой—раба его, землянскаго крестьянина Ивана Емельянова Рябинина. Такъ и сказано: крестьянинъ такой-то,

родившійся и умершій тогда-то, а ниже: Іоаннъ Рыдалецъ, Христа нашего ради юродивый. Князь и вельможа, богохульникъ, только передъ самой кончиной примирился съ Богомъ и людьми. И, по княжескому желанію, ничто, кромѣ имени и начала покаяннаго псалма Давида, не украсило княжеской могильной плиты. Плита же юродиваго, не выразившаго никакихъ предсмертныхъ желаній, украшена стихами и однимъ изъ любимѣйшихъ плачей его. „Юродъ, неряшенъ міру онъ казался“—говоритъ строфа, посвященная его памяти неизвѣстнымъ поэтомъ. А подъ нею отлиты тѣ горькія и страшныя слова пророка Михея, съ которыми и умеръ юродивый: „Буду рыдать и плакать, буду ходить, какъ ограбленный, буду выть, какъ шакалы, и вопить, какъ страусы!“

Тѣ, что ѣдутъ въ экспрессѣ на воды, знаютъ немало о князѣ—изъ книгъ. А въ селѣ Грѣшномъ образъ его смутенъ; село знаетъ только то, что лѣтъ сто тому назадъ пріѣхалъ онъ доживать свой вѣкъ въ грѣшинской глуши, что малъ ростомъ и чудёнъ былъ онъ, что странными поступками ознаменовалъ онъ свой пріѣздъ. Доложили ему рано утромъ въ день Новаго года, что пришелъ священникъ съ причтомъ. „Позвать его въ залу“,—сказалъ князь—и долго заставилъ ждать себя. А внезапно выйдя изъ маленькой боковой двери въ эту высокую холодную залу, еще не бритый, безъ парика, въ сафьяновыхъ сапожкахъ и халатикѣ на заячьемъ мѣху, отрывисто спросилъ священника: „Зачѣмъ, сударь, пожаловалъ?“. Священникъ оробѣлъ, смущенно отвѣтилъ, что желалъ бы совершить служеніе. И князь, ѣдко засмѣявшись, будто бы сказалъ ему: „Такъ служи мнѣ, сударь, въ такомъ разѣ панихиду“.—„Но осмѣлюсь спросить, ваше сіятельство,—по комъ же?“—„А по старому году, сударь, по старому году!“—сказалъ князь—и самъ подтягивалъ причту, не дерзнувшему ослушаться... Въ этотъ-то день и отдано было первое приказаніе—дать полсотни розогъ Ивану, съ плачемъ и лаемъ выскочившему изъ ельника на князя, на разметенную аллею, по которой гулялъ князь.

Тѣ, что ѣздятъ мимо станціи Грѣшное, ѣдутъ, если они богомольны, на поклонъ угоднику воронежскому, а про грѣшинскаго, мужицкаго, даже и не слыхали никогда. Въ селѣ же Грѣшномъ вотъ что разсказываютъ. Росъ, говорятъ, Ваня въ семьѣ честной и праведной, у родителей своихъ, выселенныхъ княземъ подъ Землянскъ-городъ. Съ раннихъ лѣтъ полюбилъ онъ писаніе. Хорошія книжки носилъ онъ и съ богомолья, отъ Царицы Небесной—къ Ней на поклонъ онъ съ бабами часто ходилъ. Мать настаиваетъ, отецъ кланяется:

женись, сынокъ! А онъ плачетъ, рыдаетъ, проситъ себѣ отъ Бога видѣнія, на Аѳонъ сбирается. Вышло ему въ видѣніи испытаніе: послухаться отца. Всталъ онъ паранѣ, далъ отцу полное согласіе. Сыграли свадьбу, положили молодыхъ въ отхожую спальню, а они другъ дружки не коснулись, вышли оба заплаканные. Сѣлъ Ваня опять за свое, за всякое священное письмо, а день хорошій, морозный, за ночь снѣгъ выпалъ, виденъ слѣдокъ вездѣ: всѣ къ обѣдни пошли, пошла и молодая съ новыми родными, только Ваня одинъ дома, не пожелалъ и въ церковь пойти. И видитъ въ окно: подъѣзжаетъ къ окну поповъ работникъ въ новыхъ розвальняхъ, на ворономъ коню: лошадь отличная, поповская, хлѣбная. Подходитъ работникъ, стучитъ кнутовищемъ: „Ваня, велѣлъ тебѣ отецъ въ церковь ѣхать, взять съ собой лапти новые и денегъ двадцать копеекъ“. Ваня говоритъ: „Да я и не знаю, гдѣ деньги у отца“.—„А за образами,—говоритъ поповъ работникъ,—въ гаманѣ лежатъ“. (По нашей мѣстности всегда такъ—какую записочку волостную, поминаніе—все туда кладутъ, а допрежъ и деньги класть не боялись). Нечего дѣлать, досталъ Ваня деньги, надѣлъ армячокъ, вышелъ, сѣлъ въ сани на колѣнки, поѣхалъ по селу, увидалъ на горѣ храмъ Божій, сказалъ: „Господи Исусе...“. И только сказалъ—глядь, сидитъ онъ въ сѣни, въ полѣ, на снѣгу, на морозѣ, разутъ, раздѣтъ, новые лапти на ногахъ, старые у печки на вереѣ, перекрестился—и самъ плачетъ-рыдаетъ. Узнали объ томъ, наладили подводу за Ваней, хотятъ на сборню везть, думали—бродяга какой, а онъ плачетъ, рыдаетъ, на всѣхъ, какъ цѣпной кобель, кидается, самъ кричитъ на все поле: „Буду, буду ходить, какъ ограбленный, буду вопить, какъ штраусы!“. Ну, конечно, навалились всѣмъ міромъ-соборомъ, избили до безчувствія, связали, повезли, а навстрѣчу отецъ идетъ: пришелъ, говоритъ, отъ обѣдни, вижу, сына нѣту, а видать чей-то нѣшій слѣдъ пробитъ за гумна, за овины; пошелъ я, говоритъ, по этому слѣду и вижу: лапти новые, а слѣдъ отъ одной ноги до другой—болѣ трехъ сажёнъ...

Село Грѣшное этимъ и кончаетъ житіе святого. А смутно помнятъ его лишь старухи, доживающія свой долгій вѣкъ въ княжеской мертвой усадьбѣ. Всю свою жизнь, говорятъ онѣ, Иванъ скитался и непристоенъ былъ. Онъ долго сидѣлъ на желѣзной цѣпи въ отцовской избѣ, грызъ себѣ руки, грызъ цѣпь, грызъ всякаго, кто къ нему приближался; часто кричалъ свое любимое: „Дай мнѣ удовольствіе!“—и былъ нещадно битъ и за ярость свою и за непонятную просьбу. А сорвавшись однажды, пропалъ — и объявился странникъ,

пошелъ по селамъ, всюду съ лаемъ и оскаленными зубами кидаясь на господъ, на начальниковъ и въ слезахъ вопя: „Дай мнѣ удовольствіе!“. Былъ онъ худой, жиленый, ходилъ въ одной длинной рубахѣ изъ веретья, подпоясывался обрывкомъ, за пазухой носилъ мышей, въ рукѣ—желѣзный ломъ и ни лѣтомъ ни зимой не надѣвалъ ни обуви ни шапки. Кровавоглазый, съ пѣной на губахъ, со всклоченными волосами, онъ гонялся за людьми,—и люди, крестясь, бѣжали отъ него. Былъ онъ уже славенъ, былъ пораженъ какою-то болѣзнью, все лицо его покрывшей бѣлой известковой коркой и сдѣлавшей еще ужаснѣе его алые глаза, былъ особенно яростенъ, когда пришелъ въ Грѣшное, прослышавъ о пріѣздѣ князя. Приказавъ отнять у него ломъ и при себѣ выпороть,—конюхи плакали, растягивая Рыдальца, съ воплями кусавшаго ихъ,—князь сказалъ: „Вотъ тебѣ, Иванъ, и удовольствіе. Я бы могъ тебя въ кандалы заковать и въ тюрьмѣ сгноить, да я, сударь, не злобенъ: гуляй себѣ, проповѣдуй, ори, токмо меня не ондируй. А ежели ты не уймешься, то я неуклончиво буду доставлять тебѣ въ такомъ разѣ то самое удовольствіе, о коемъ ты кричишь, уподобляя себя страусу“. И такъ какъ Иванъ не унялся, почитай каждую недѣлю прежестоко пугалъ князя, выскакивая изъ-за угловъ и запуская въ него мышами, то и таскали чуть не каждую недѣлю люто оравшаго Рыдальца на конюшню...

Въ старомъ селѣ Грѣшномъ скоро забываютъ прошлое, быль скоро претворяютъ въ легенду. Ивана Рыдальца запомнили надолго, можетъ-быть, только потому, что на самого князя возставалъ онъ, а князь всѣхъ поразилъ своимъ предсмертнымъ словомъ. Онъ, когда ему, больному и изсохшему, доложили о кончинѣ Ивана, умершаго въ полѣ, въ дождливую осень, твердо сказалъ: „Схороните же сего безумца возлѣ церкви, а меня, вельможу-князя, положите рядомъ съ нимъ, съ моимъ холопомъ“. И сталъ Иванъ Рябининъ Іоанномъ Рыдальцемъ, и видится онъ селу Грѣшному, точно въ церкви написанный — полунагой и дикій, какъ пророки, всю жизнь вопившій о какой-то радости и умершій въ грязномъ полѣ. Но святымъ и пророкомъ онъ все-таки не сталъ: не вѣритъ село въ мужицкихъ святыхъ, крестится и кланяется, а не вѣритъ—всѣ святые, думаетъ оно, всѣ настоящіе угодники не мужиками, а монахами, священниками, архимандритами были. И дивится наслѣдникамъ князя.

На станціи Грѣшное каждый годъ въ началѣ осени сходитъ съ экспресса и направляется по выгону къ церкви, сопровождаемая начальникомъ станціи, некрасивая, худая

дама въ траурѣ, съ красивымъ тонконогимъ корнетомъ подъ руку. У церковной ограды съ поклонами встрѣчаетъ ихъ полный священникъ въ черной ризѣ и дьячокъ съ кадиломъ. Надъ полями уже тянутся низкія тучи, дуетъ сырой, холодный вѣтеръ. Но священникъ и дьячокъ стоятъ съ обнаженными головами. А входя въ церковную ограду, обнажаютъ головы и корнетъ, и начальникъ станціи, слѣдующій позади всѣхъ и спокойнымъ видомъ своимъ дающій понять, что идетъ онъ только ради вѣжливости. Сзади всѣхъ, спокойно и вѣжливо, стоитъ онъ и тогда, когда начинаетъ развѣваться по вѣтру пахучій кадильный дымъ надъ страшными кирпичными могилами, и обходитъ ихъ, кадя и поклоняясь, возглашая вѣчную память князю и рабу его, священникъ. Корнетъ молится разсѣянно. Онъ, юный, красиво наряженный, выставляетъ впередъ острое колѣно, крестится мелкими крестиками и склоняетъ маленькую головку съ той недоведенной до конца почтительностью, съ которой кланяются святымъ и прикладываются къ нимъ люди мало думающіе о святыхъ, но все-таки боящіеся испортить свою счастливую жизнь ихъ немилостью. Но дама плачетъ. Она заранѣе поднимаетъ вуаль, опускаясь на колѣни передъ могилой Ивана Рябинина, Іоанна Рыдальца, — она знаетъ, что сейчасъ навернутся на глаза ея слезы. „Юродъ, неряшенъ міру онъ казался“—читаетъ она на гробовой плитѣ. И слова эти трогаютъ, умиляютъ ее. А страшныя слова пророка Михея, упоминаніе шакала и страуса внушаютъ ей трепетъ и тоску. И она плачетъ долго и горько, стоя на колѣняхъ, опершись одной рукой, въ перчаткѣ, на тонкій зонтикъ, а другой— голубой, прозрачной, въ кольцахъ — прижимая къ глазамъ, съ мольбой, грустью и слезами устремленнымъ на могилу, маленькій батистовый платокъ.

Капри. 18. II. 1913.

ИЛЬЯ ПРОРОКЪ.

Семенъ Новиковъ, жившій съ братомъ своимъ, сухорукимъ Никономъ, въ Овсяномъ Броду, петровками горѣлъ. Братья согласились подѣлиться, и Семенъ, выселяясь изъ Брода, рубилъ себѣ избу на большой дорогѣ.

Подъ Ильинъ день плотники отпросились ко двору. Надо было ночевать на постройкѣ Семену. Поужинавъ вмѣстѣ съ большой семьей брата, въ тѣснотѣ, среди мухъ и дѣтскаго крика, онъ закурилъ трубку, накинулъ полушубокъ и сказалъ своимъ:

— У васъ тутъ духота. Пойду на постройку, тамъ ночую. Боюсь, струментъ покрадутъ.

— Ты хоть собакъ-то возьми,—посовѣтовала ему баба.

— Вона!—сказалъ Семенъ и пошелъ одинъ.

Ночь была мѣсячная. За думами о будущемъ дворѣ, Семенъ и не замѣтилъ, какъ поднялся изъ села по широкому прогону на гору и отмахалъ по большой дорогѣ съ версту—до своей запотолоченной, но еще не крытой избы, стоявшей на опушкѣ хлѣбовъ, въ пустомъ полѣ, чернѣвшей окнами безъ рамъ и тускло блестѣвшей противъ мѣсяца концами свѣжихъ бревенъ по угламъ, паклей, торчавшей изъ пазовъ, и щепой на порогѣ. Іюльскій золотистый мѣсяцъ, поднявшійся далеко за оврагами Брода, стоялъ низко и былъ мутенъ. Теплый свѣтъ его разсѣивался. Спѣлые хлѣба тускло, сумрачно бѣлѣли впереди, какъ пески. А къ сѣверу было и совсѣмъ хмуро. Тамъ заходила туча. Мягкій вѣтеръ, дувшій со всѣхъ сторонъ, иногда усиливался, порывисто бѣжалъ по ржамъ и овсамъ,—и они сухо, тревожно шелестѣли. Туча на сѣверѣ казалась неподвижной, но часто подергивалась жуткимъ, быстрымъ золотымъ блескомъ.

Семенъ, по привычкѣ сгибаясь, вошелъ въ избу. Въ ней

было темно и душно. Мѣсячный желтый свѣтъ, глядѣвшій въ пустыя окна, не мѣшался съ темнотой, только увеличивалъ ее. Семенъ кинулъ полушубокъ на стружки посреди избы, какъ разъ на одной изъ полосъ свѣта, легъ на спину. Пососавъ потухшую трубку, онъ спряталъ ее въ карманъ и, подумавъ еще маленько, заснулъ.

Но вотъ понесло вѣтромъ въ окна и, черезъ сѣни, въ дверь. Глухо заворчалъ вдали громъ. Семенъ очнулся. Вѣтеръ усилился—онъ бѣжалъ теперь по горячечно шумящимъ хлѣбамъ непрерывно, и свѣтъ мѣсяца сталъ еще тусклѣе. Семенъ вышелъ изъ избы, вышелъ за уголъ, въ сухо и знойно шуршавшіе, блѣдные, какъ саванъ, овсы, посмотрѣлъ на тучу. Она, темно-аспидная, заняла полъ-неба. Вѣтеръ дулъ прямо въ лицо, задиралъ, путалъ волосы и мѣшалъ смотрѣть. Мѣшали смотрѣть, слѣпили и молніи, загоравшіяся все грознѣе и жарче. Семенъ, крестясь, сталъ на колѣни: вдали, среди овсянаго моря, выдѣлялась на стѣнѣ тучи, двигалась на Семена небольшая толпа, съ обнаженными головами, въ бѣлыхъ подпояскахъ, въ новыхъ полушубкахъ,— съ трудомъ несла саженный запрестольный образъ древняго письма. Толпа была туманная, призрачная, но образъ хорошо виденъ—страшный, строгій ликъ, краснѣвшій на черной доскѣ, опаленной свѣчами, закапанной воскомъ, окованной по краямъ старымъ, [illegible] серебромъ [illegible]

Вѣтеръ разобралъ волосы на лбу Семена, пріятно отдувая ихъ,—и Семенъ, въ страхѣ и радости, до земли поклонился образу. Когда же поднялъ онъ голову, то увидѣлъ, что толпа стоитъ, неловко держа величаво откинутый образъ, а на тучѣ, какъ церковная картина, начертался и высится огромный зракъ: самъ могутный бѣлобородый Илья въ огненныхъ хитонахъ, сидящій, какъ Богъ-Саваоѳъ, на мертвенно-синеватыхъ клубахъ нижнихъ облаковъ, а надъ нимъ — двѣ горящихъ по аспиду зелено-оранжевыхъ радуги. И, блестя очами-молніями, голосъ свой сливая съ отдаленнымъ гуломъ грома, Илья сказалъ Семену:

— Держись прямѣй, Семенъ Новиковъ! Слухайте, князья-хрестьяне, вотъ я буду судить его, временно-обязаннаго хрестьянина Елецкаго уѣзда, Предтечевской волости, сельца Овсяный Бродъ, Семена Новикова.

И все поле, песками бѣлѣвшее вокругъ, всѣ колосья его вмѣстѣ съ куколемъ понеслись, побѣжали впередъ, поклоняясь Ильѣ, и въ шумѣ ихъ заговорилъ Илья:

— Я серчалъ на тебя, Семенъ Новиковъ, желалъ покарать тебя.

— За что, Батюшка?—спросилъ Семенъ.

— Непристойно тебѣ, Семенъ Новиковъ, меня, Илью, вспрашивать. Ты должонъ отвѣтъ держать.

— Ну, инъ, будь по-твоему,—сказалъ Семенъ.

— Позалѣтошній годъ я убилъ молоньёй Пантелея, старшого твоего: ты зачѣмъ закопалъ его въ землю по-поясъ, колдовствомъ воротилъ его жить?

— Прости, Батюшка,—сказалъ Семенъ, кланяясь.—Жалко было малаго. Разсуди: вѣдь кормилецъ-поилецъ при старости.

— Лѣтошній годъ я посѣкъ, повалилъ твою рожь градомъ-вихрями: ты зачѣмъ прозналъ о томъ загодя, запродалъ эту рожь на корню?

— Прости, Батюшка,—сказалъ Семенъ, кланяясь.—Сердце чуяло, нуждишка была.

— Ну, а нонче, въ петровки, не я ли спалилъ тебя? Ты зачѣмъ спѣшишь строиться, отдѣляешься?

— Прости, Батюшка,—сказалъ Семенъ, кланяясь.—Сухорукій братъ мой несчастливый: отъ него и всѣ бѣды, мнѣ думалось.

— Закрой глаза. Я подумаю, посовѣтуюсь: чѣмъ казнить тебя?

Семенъ закрылъ глаза, склонилъ голову. Вѣтеръ шумѣлъ,— онъ старался сквозь шумъ его тайкомъ подслушать, о чемъ шепчется Илья съ крестьянами. Но близко и тяжело шаркнувъ громъ — ничего не стало слышно.

— Нѣтъ, не придумаемъ,—во весь голосъ сказалъ Илья.— Самъ посовѣтуй мнѣ.

— А глаза-то открыть?—спросилъ Семенъ.

— Не надобно. Слѣпой тверже думаетъ.

— Чудёнъ ты, Батюшка,—серьезно усмѣхнулся Семенъ.— Да и что жъ тутъ придумывать? Поставлю тебѣ свѣчку трехрублевую.

— Не изъ чего. На постройку потратился.

— Тогда въ Кіевъ схожу, либо въ Бѣлгородъ, — нерѣшительно сказалъ Семенъ.

— Это только бездѣльничать, лапти трепать. На кого же хозяйство останется?

Семенъ задумался.

— Ну, дѣвчонку, Аноиску, убей. Ей и всего-то третій годокъ. Дѣвочка, сказать по совѣсти, ласковая, умильная,— жалко намъ будетъ ее, да вѣдь что жъ исдѣлаешь? Все не съ малымъ смѣнить.

— Прислушайте, православные,—громко сказалъ Илья.— Соглашаюся!

И такой огонь разорвалъ тучу, что у Семена чуть вѣки не вспыхнули, и такой ударъ раскололъ небеса, что вся земля подъ нимъ дрогнула.

— Святъ, святъ, свѣтъ, Господь-Богъ-Саваоѳъ! — прошепталъ Семенъ.—Ай да Сватушка!

Очнувшись, открывъ глазъ, Семенъ увидѣлъ только пыльную тучу, пустые волнующіеся хлѣба и самого себя, на колѣняхъ стоящаго среди колосьевъ. Пыль высокимъ вихремъ неслась по дорогѣ, и мѣсяцъ совсѣмъ замутился.

Семенъ вскочилъ на ноги. Позабывъ о полушубкѣ, о торахъ и фуганкахъ, онъ поспѣшно пошелъ, навстрѣчу вихрямъ, домой, въ село. Крупный дождь захватилъ его на выгонѣ. Темныя облака надвинулись надъ стемнѣвшими оврагами. Красный мѣсяцъ закатывался за ними. Село спало крѣпкимъ сномъ, но скотина по дворамъ безпокоилась, пѣтухи тревожно пѣли. И, подбѣгая къ своей старой, полусгорѣвшей избѣ, Семенъ услыхалъ въ ней бабьи вопли. У порога стоялъ сухорукій Никонъ, въ полушубкѣ и безъ шапки, тощій и морщинистый не по лѣтамъ, глядѣлъ тупо и растерянно.

— Бѣда у тебя, — сказалъ онъ, и по голосу его было слышно, что онъ еще не совсѣмъ проснулся.

Семенъ вбѣжалъ въ избу. Бабы съ крикомъ метались въ темнотѣ, ища сѣрниковъ. Семенъ выхватилъ изъ-за образа коробочекъ, зажегъ каганецъ: люлька, повѣшенная возлѣ печки, носилась изъ стороны въ сторону,—бабы задѣвали ее, бѣгая,—а въ люлькѣ лежала вся сизая, мертвая дѣвочка, и на головкѣ ея тлѣлъ чепчикъ изъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ.

Жилъ Семенъ съ тѣхъ поръ счастливо.

Капри. 17. I. 1913.

Я ВСЕ МОЛЧУ.

Молодымъ Александра Романова всѣ звали Пашей, жилъ онъ тогда въ селѣ Лимовѣмъ на выгонѣ, въ домѣ подъ желѣзомъ, а билъ его отецъ, Романъ.

Романъ мнилъ себя первымъ человѣкомъ въ округѣ, самимъ господамъ-дворянамъ совалъ руку при встрѣчѣ. Была у него лавка въ селѣ, мельница за селомъ, а богатѣлъ онъ тѣмъ, что скупалъ помѣщичьи рощи на срубъ. Макару, родному брату его, ѣсть было нечего, онъ, оборванный, плелся по выгону и смиренно говорилъ, снимая шапку: „Здорово, братъ!“. А Романъ, сытый, похожій на дьякона, отвѣчалъ ему съ крыльца: „Ты меня, дуралей, не обратывай. Поклонись да иди, куда шелъ, а въ разговоры не лѣзь“. Что же долженъ былъ чувствовать единственный наслѣдникъ такого человѣка? Онъ по селу гулялъ въ городскомъ картузѣ, въ поддевкѣ тонкаго сукна, въ сапогахъ съ лакированными голенищами, грызъ подсолнухи и наигрывалъ польки на дорогой ливенкѣ. Встрѣчались ему дѣвки и ребята, все родственники, по крови одинаковые съ нимъ, и провожали его тѣми взглядами, отъ которыхъ у людей извѣстныхъ мурашки бѣгутъ по спинѣ. Но мрачнымъ и даже свирѣпымъ взглядомъ встрѣчалъ онъ эти взгляды: вся молодость его пропла какъ бы въ приготовленіи себя къ той роли, въ которой достигъ онъ впослѣдствіи такого совершенства.

Романъ на вершинѣ благополучія сталъ ослабѣвать, запутываться въ дѣлахъ. Сивый, бородатый, длиннопузый, въ казинетовой поддевкѣ, похожей на подрясникъ, онъ только во хмелю бодрился, а трезвый былъ уныль и нарочито грубъ. Слава и могущество еще были у него. Онъ на выгонѣ возлѣ церкви, противъ своихъ оконъ, выстроилъ школу, былъ попечителемъ ея и въ любую минуту могъ заставить учителя

въ ногахъ у себя валяться. Онъ еще могъ давать въ долгъ помѣщикамъ, давать, безъ всякой нужды, взятки становому, угостить могъ шпротами, кислымъ омаромъ въ ржавой жестянкѣ, хересомъ и цымлянскимъ и, угощая, покрикивалъ на кого попроще: „Пей, глупецъ!“. Но пора, пора было смѣнить его. А кому? Смѣны-то и не было. Шаша все больше втягивался въ свою роль, роль человѣка, чѣмъ-то кровно оскорбленнаго,—и отношенія между нимъ и Романомъ сводились только къ тому, что Романъ таскалъ его за „виски“. Шаша, по его словамъ, ангела могъ вывести изъ себя, не таскать его нельзя было. И Романъ таскалъ. А чѣмъ больше таскалъ, тѣмъ все нестерпимѣе становился Шаша.

Ему ли было не гордиться домомъ, могуществомъ и повадками отца! Отецъ при гостяхъ кричалъ на него: „Да будь ты маленько поразвязнѣй, дуралей!“. Но вѣдь это была повадка тѣхъ, кому подражалъ отецъ, повадка купцовъ, а развѣ не высшая гордость—чувствовать себя купеческимъ сыномъ? Отецъ даже хвастался имъ порою, самодовольно говорилъ гостю: „Постой, я табѣ сына покажу!“—и горланилъ на весь домъ: „Шашь, подь суда, тобой Миколай Михалычъ антересуется!“. Но, ахъ, какъ входилъ Шаша въ комнату, гдѣ сидѣлъ гость съ отцомъ! Онъ входилъ, багровѣя, глядя изъподъ насупленныхъ и перекошенныхъ бровей, руки держалъ туго, кренделемъ, ступалъ еще туже, внутрь носками и такъ щеголевато, точно пятую фигуру кадрили танцовалъ, а шаркнувъ гостю, тотчасъ же отскакивалъ къ окну, къ притолкѣ, раздувалъ ноздри, рвалъ зубами заусенцы и, въ ожиданіи оскорбленія со стороны гостя, на вопросы отвѣчалъ съ нелѣпѣйшей краткостью и рѣзкостью... Какъ же было не бить его? Гость уѣзжалъ; Романъ, проводивъ его, молча подходилъ къ Шашѣ и, размахнувшись, крѣпко стребалъ Шашу за волосы. Шаша молча вырывалъ голову изъ его пятерни и, выскочивъ въ прихожую, ударялъ себя кулакомъ въ грудь:

— Ну, папаша! Я молчу! Я все-е молчу!—шипѣлъ онъ зловѣще.

— Да животная ты этакая!—оралъ Романъ.—Вѣдь за это за самое молчанье да ломанье я и бью-то тебя! Значитъ, ты самъ того добиваешься? Зачѣмъ? Почему?

— Прахъ моей могилы все узнаетъ!—отвѣчалъ Шаша яростно и загадочно.

Можно было голову прозакладывать, что чувствовать себя онъ долженъ былъ превосходно. Онъ ли не въ рубашкѣ родился! Не два, не три раза въ годъ онъ заказывалъ себѣ

сапоги; деньги и подсолнухи у него не переводились; на улицу онъ ходилъ съ учителемъ, на гармоньѣ игралъ злѣй и лучше всѣхъ; дѣвки пѣли „страдательныя“, не спуская съ него томныхъ глазъ. А осенью, зимой онъ ухаживалъ на вечеринкахъ за кокетливыми поповнами, за дочерьми станового, танцовалъ съ ними подъ аристонъ, бывалъ шаферомъ на свадьбахъ, надѣвалъ сюртукъ, крахмальную рубашку и новыя тугія ботинки. Но и ухаживалъ онъ какъ-то ѣдко, срыву. Да что! Даже наединѣ съ самимъ собой, глядясь въ зеркало и взбивая металлическимъ гребешкомъ свое бурое руно, изверски косился онъ. Носъ у него былъ раздавленный, голосъ хриплый, видъ каторжный; мужики называли его палачомъ... Кажись, не великая честь! Такъ нѣтъ, онъ и этимъ наслаждался. „Подколодный, дьяволъ! — говорили мужики.— Все ему не нравится, все не по его, не такъ!“ И онъ изо всѣхъ силъ старался оправдать эти кички. „Хто? Это Шаша-то подколодный? — спрашивалъ Романъ съ негодованіемъ. — Да такими подколодными хоть мосты мости! Онъ дуракъ, ахтеръ, лодарь прирожденный и болѣ ничего. Чего онъ карежится? Какого ему рожна надобно?“ А Шаша глядѣлъ съ ядовитой усмѣшкой да помалкивалъ. „Ну вотъ глянь, глянь на него! говорилъ Романъ.—Глянь, что онъ строитъ изъ себя!“ А Шаша все выше косилъ брови, все быстрѣе кусалъ заусенцы и уже самъ вѣрилъ, что закипаетъ въ немъ что-то ужасное. „Охъ, папаша! — шипѣлъ онъ, какъ бы не выдержавъ.—Охъ, сказалъ бы я вамъ одну штуку!“ Романъ, унылый, съ обвислыми мѣшками подъ глазами, страдальчески ухмылялся: „А что же это за штука такая? У? Ну-ка, скажи?“—„Это я-то?“ спрашивалъ Шаша, кидая взглядъ исподлобья. — „Да. Ты-то?“ — „Прахъ моей могилы все узнаетъ!“ — „Да что узнаетъ-то? Ты пьянъ, негодяй?“ — „Пьянъ! — отвѣчалъ Шаша.— Пьянъ. Я молчу. Я все-е молчу!“ И, чуть не плача, Романъ опять вставалъ на него, какъ медвѣдь, опять ловилъ за голову и, пригнувъ ее, таскалъ съ мучительнымъ упоеніемъ.

Лѣтъ съ двадцати до двадцати пяти Шашу совсѣмъ почти не били, — развѣ случайно только. Но онъ возмѣщалъ это другимъ. Онъ изыскивалъ иные поводы къ самотерзанію, а поводовъ было уже сколько угодно.

Онъ женился и великолѣпно — на дочери управляющаго барскимъ имѣніемъ, смѣшливой и хорошенькой веснущатой дѣвицѣ. Женитьбу его праздновали роскошно. Господа жили за границей; поэтому вѣнчаться ѣздилъ Шаша въ господской каретѣ, и священникъ, изъ уваженія къ этой каретѣ, поздра-

влялъ его съ законнымъ бракомъ особенно краснорѣчиво и подобострастно, хотя и казалось Шашѣ, что надъ нимъ издѣваются. Въ господскомъ домѣ шелъ и свадебный пиръ. Вино рѣкой лилось. Романъ, при общихъ восторженныхъ кликахъ, одинъ плясать пошелъ, сотрясая паркетъ, зеркала и люстры. Господскій лакей превосходно изобразилъ поѣздъ: гремуче засвисталъ въ пальцы, затѣмъ началъ медленно и тяжко отбивать грохотъ все расходящагося поѣзда и кончилъ буйнымъ галопомъ. Дьячокъ, опившись на пиру коньякомъ, по дорогѣ домой умеръ. Дьякона, на собственномъ дворѣ упавшаго въ навозную жижу, едва не затоптали овцы. Мерзѣйшій осенній разсвѣтъ блѣдно синѣлъ изъ тумана въ господскія дымныя залы, а тамъ все еще горѣли огни, все еще захлебывался охрипшій аристонъ то „Лезгинкой“, то „Вьюшками“, все еще кричали мокрые отъ жары и хлопоть шафера, управлявшіе танцами, и у барышень мутились глаза отъ усталости, отскакивали отъ пляса подошвы бѣлыхъ туфель... Но Шаша и собственнаго торжества не пощадилъ: притворясь пьянымъ, убѣдивъ себя, что онъ адски приревновалъ свою молодую жену къ одному молоденькому помѣщику, онъ внезапно наступилъ во время вальса на ея шлейфъ и съ трескомъ оторвалъ его. А затѣмъ кинулся къ пожу, пытался зарѣзаться и, будучи обезоруженъ шаферами, дико рыдалъ и рвалъ съ себя крахмальный воротничокъ и бѣлый галстукъ, взывая къ памяти покойной матери... Послѣ же свадьбы Шаша сдѣлалъ все отъ него зависящее, чтобы разрушить свое семейное благополучіе и ускорить разореніе Романа.

Достигнувъ вершины, Романъ неминуемо долженъ былъ, какъ это уже всегда водится, покатиться опять внизъ, въ прежнее мужицкое логово. Вскорѣ послѣ свадьбы оказалось, что онъ, весь съ руками и ногами, запутанъ въ долговыхъ тенетахъ. Онъ сталъ страшенъ. Сивая борода его побѣлѣла. Лицо уподобилось грязно-сѣрому выдоенному вымени. Глаза околѣли. Брюхо обвисло, издрябло. А Шаша злорадствовалъ: „Я говорилъ, говорилъ!“—и добивалъ его: бушевалъ, скандалилъ, требовалъ раздѣла. И Романъ, зеленѣя отъ злобы, медвѣдемъ вставалъ на него, жаждалъ изувѣчить—и уже не могъ, не могъ! Пришибленный мыслью о близкомъ позорѣ, нищетѣ, онъ пьянствовалъ, да все тяжелѣе. Потерявъ всякій стыдъ, онъ въ домъ перетащилъ свою любовницу, солдатку кухарку. Жилъ съ нею, не довольствуясь женой, на зло ему, и Шаша. А жену онъ изнурялъ ревностью и страхами,—пропадалъ изъ дому и присылалъ ей съ

мужиками записки, гдѣ стояло: „Прости до гроба, благословляю дѣтей“, а внизу была нарисована могила съ крестомъ. Жена долго обливалась слезами. Потомъ сошлась съ учителемъ и дала Шашѣ уже полный резонъ говорить: „Н-ну! Только прахъ мосй могилы узнаетъ!“. Кончилось тѣмъ, что Романа разбилъ ударъ, что осталась ото всего богатства его одна вѣтрянка за селомъ, что жена Шаши, забравъ дѣтей, бѣжала къ отцу, переѣхавшему въ городъ Скопинъ: упиваясь своими несчастіями, всѣхъ и все нещадно критикуя и шельмуя, Шаша пропадалъ па селѣ, пьянствуя не хуже отца, а она поднялась да и скрылась.

Изъ села, на мельницу вышелъ Романъ нищимъ и еле живымъ. Нищимъ и вдовымъ, скрипя зубами въ ярости, вышелъ за нимъ Шаша. Если бы работа да забота, можно было не плохо жить и мельницей. Но до того ли было Шашѣ! Въ силахъ ли онъ былъ встать на ноги послѣ того страшнаго удара, которымъ прикончила его судьба? И прежде-то ему, непонятому, неоцѣненному, осужденному жить среди враговъ, недоброжелателей, оставалось только одно: молчать, молчать и молчать. А теперь? Вотъ онъ тысячи могъ бы нажить на одной этой мельницѣ, къ ней ни проходу ни проѣзду не стало бы отъ телѣгъ съ зерномъ, будь у него хоть двѣ-три сотни на новый стоякъ и новые жернова... Да гдѣ жъ ихъ взять? Это вѣдь только дуракамъ счастье само валитъ въ руки, а дѣльнаго, умнаго судьба въ бараній рогъ карежитъ. Да пусть, пусть! „Я молчу, — говорилъ Шаша, злорадствуя. — Я все-о молчу!“

Разбитое корыто, знакомое, мужицкое, опять появилось передъ Романомъ на мѣстѣ палатъ. И дѣло было вовсе не въ томъ, что, вмѣсто шпротовъ и цымлянскаго, на столѣ его очутилась черная краюха хлѣба и корецъ съ водой, — онъ ѣлъ бы съ прежнимъ вкусомъ: дѣло было въ страданіяхъ гордости, самыхъ лютыхъ человѣческихъ страданіяхъ. Въ большой покосившейся избѣ съ землянымъ поломъ и дырами въ углахъ спалъ на голой сырой печи Романъ. Утромъ онъ вылѣзалъ за порогъ съ высокой палкой въ рукѣ. Лебедой и бурьяномъ зарастала снаружи изба, крапива глушила огромный остовъ раскрытой вѣтрянки. Все это стояло на голомъ горбѣ полей, у проѣзжей дороги. И Романъ выходилъ подъ дорогу и клалъ дрожащія холодныя лапы на палку. Онъ былъ безъ шапки, вѣтеръ путалъ его сѣдыя космы, сѣдую бороду — бороду мужицкаго Іова. Онъ былъ босъ, въ короткихъ затрапезныхъ портахъ, въ длинной рубахѣ, грязной отъ золы, печного сора. Ноги его были черны и тонки,

туловище велико и худо. Ѣхали тѣ, что̀ знали его въ славѣ и богатствѣ, тѣ, что̀ прежде боялись его, тѣ, кого угощалъ и поучалъ онъ когда-то. И Романъ,— не даромъ же онъ породилъ Шашу!—даже радовался, что видятъ его люди въ нищетѣ, позорѣ, и до земли кланялся имъ. Вечерами же онъ стоялъ въ темной избѣ передъ дощечкой въ углу и съ тяжкими вздохами кланялся ей еще ниже, чѣмъ людямъ, то шопотомъ, то громко читая молитвы—горячо и горько благодаря Бога за все, что̀ ниспослалъ Онъ ему, несчастному, разбитому старику... Шаша, тотъ упивался своимъ униженіемъ веселѣе—по шинкамъ, по кабакамъ, пропивая скудные остатки прежняго и расплачиваясь за свой языкъ боемъ.

А съ двадцати пяти лѣтъ его стали бить уже аккуратно, въ заранѣе опредѣленные дни и не такъ, какъ билъ отецъ, а каблуками, до безпамятства.

Солдатка осталась вѣрна Романову двору. Она тоже переселилась на мельницу. И когда Романъ умеръ,— ахъ, какъ злорадно-гордъ былъ этимъ несчастьемъ Шаша!—перешла въ руки Шаши открыто. А межъ тѣмъ воротился со службы ея законный мужъ. Нужна она ему была, какъ лѣтошній снѣгъ, но все-таки онъ счелъ священнѣйшимъ долгомъ и неотъемлемымъ правомъ мстить за свою поруганную честь. И мудро пріурочилъ эту месть ко дню всенароднаго торжества въ Лимовòмъ.

Ежегодно пятнадцатаго іюля, на престольный праздникъ, называемый Кириками, въ Лимовòмъ бываетъ ярмарка. Льютъ холодные ливни, о лѣтѣ напоминаютъ только грачи въ поляхъ, густота хлѣбовъ и травъ, да жаворонки, распѣвающіе надъ ними подъ дождемъ и вкось сдуваемые вѣтромъ. А на выгонѣ Лимовòго уже растетъ кочевой городокъ палатокъ. Пріѣхали торгаши изъ города—и съ непривычки странно видѣть въ селѣ этихъ городскихъ людей въ длинныхъ сюртукахъ, они, застраивая и дѣлая тѣснымъ выгонъ, измѣнили простую сельскую картину своимъ многолюдствомъ, крѣпкими большими телѣгами съ товаромъ, покрытымъ кожами и ладно увязаннымъ, привезли вмѣстѣ съ этимъ товаромъ азіатскій базарный запахъ, дымятъ самоварами и чадятъ жаровнями, на которыхъ жарится баранина... Съ ранняго утра пятнадцатаго они уже стоятъ за прилавками, заваленными жамками, рожками и краснымъ товаромъ, а мужики съ бабами и ребятишками ѣдутъ и ѣдутъ, отовсюду тянутся подъ мелкимъ дождемъ къ селу, запруживаютъ возами выгонъ такъ густо, что иголкѣ негдѣ упасть, а надо всей этой тѣснотой, говоромъ, гамомъ и скрипомъ телѣгъ гудитъ праздничный звонъ къ обѣднѣ.

Подъ этотъ звонъ, на глазахъ ѣдущихъ по грязному проселку мимо вѣтрянки, Шаша стоитъ возлѣ своего порога, распояской, согнувшись, держитъ въ одной рукѣ корецъ съ водой, а другой, мокрой, третъ свое бородатое, корявое, распухшее со сна лицо. Какъ не похожъ этотъ коренастый мужикъ въ разбитыхъ сапогахъ на прежняго Шашу! Съ виду онъ сталъ спокойнѣе, но еще мрачнѣе, чѣмъ прежде. Волосы его и теперь страшно густы, но уже стали по-мужицки лохматы. Умывшись, онъ раздираетъ ихъ деревяннымъ овечьимъ гребнемъ, расчесываетъ спутанную круглую бороду, хрипло откашливается и косится въ зеркальце — на свое широкое, пористое, съ раздавленнымъ носомъ лицо. Онъ не забылъ, что онъ похожъ на палача. И точно — похожъ, теперь особенно: причесавшись, онъ надѣваетъ хранимую для торжественныхъ случаевъ линючую кумачную рубаху. Въ будни онъ тупѣетъ отъ скуки, отъ долгаго сна, отъ того, что никто не обращаетъ вниманія на него, никто не слушаетъ; его хвастовство прежнимъ, его намеки на то, что̀ будто бы таится у него въ душѣ, и гнусныя розсказни про сбѣжавшую жену давно всѣмъ надоѣли; нынче же—праздникъ, нынче съ любопытствомъ будутъ глядѣть на него, бывшаго богача, обутаго въ опорки, новые люди, нынче онъ будетъ играть передъ огромной толпой, нынче онъ будетъ страшно, до безпамятства избитъ на глазахъ этой толпы — и вотъ онъ уже входитъ въ свою роль, онъ возбужденъ, челюсти его крѣпко сжаты, брови искажены... Нарядившись, онъ надѣваетъ рыжій картузъ и тугимъ шагомъ рѣшительно и твердо идетъ въ село.

Страннѣе всего благочестіе, съ котораго онъ начинаетъ этотъ день. Онъ направляется прямо къ церкви и, ни на кого не глядя, но всѣмъ существомъ чувствуя на себѣ взгляды окружающихъ, съ размаха кланяется и крестится. Въ церкви онъ продирается къ самому амвону, гдѣ стоялъ когда-то по праву, и въ эту минуту до мозга костей презираетъ мужиковъ, напоминаетъ имъ кратко и строго, какъ власть имѣющій, что не мѣшало бы догадаться посторониться. И мужики торопливо сторонятся. Быкомъ, исподлобья глядя на священнослужителей, на иконы, онъ до самаго конца обѣдни истово и сурово молится, надменно показываетъ всѣмъ, что только онъ одинъ знаетъ, когда именно нужно кланяться и креститься. Такъ же сурово ходитъ онъ и по ярмаркѣ послѣ обѣдни, гордится тѣмъ, что онъ уже выпилъ, что онъ можетъ подойти, какъ равный, къ торгашу подъ палатку, поздороваться съ нимъ за руку, облокотиться на прилавокъ, взять горсть подсолнуховъ и мѣшать торгашу разговорами о городѣ, о торго-

вомъ дѣлѣ, а порою прикрикнуть на дѣвокъ, которыя стадами, какъ овцы, давятъ другъ друга къ прилавку, на мужика, который съ мѣшкомъ подъ мышкой,—въ мѣшкѣ ерзаетъ поросенокъ,—перепробовалъ уже всѣ свистульки, всѣ губныя гармоньи и никакъ не рѣшитъ, какую взять. Народъ, вылившійся изъ церкви, затопилъ весь выгонъ, на колокольнѣ трезвонятъ, нищіе гнусаво горланятъ, скотина, которою тоже торгуютъ на Кирики, блеетъ и гогочетъ,—и среди густой толпы, плюющей подсолнухами и скользящей по грязи между палатками, уже много пьяныхъ. Шаша успѣлъ еще выпить и чувствуетъ: пора! Наговорившись съ торгашами, онъ рѣшительно шагаетъ къ каруселямъ. Тамъ сгрудилось несчетное количество народу, до головокруженія глядящаго на мелькающихъ кругами деревянныхъ коней и на ихъ всадниковъ. Тамъ чуть не все Лимовѝе и головой выше всѣхъ — солдаткинъ мужъ. У Шаши холодѣютъ руки, дергаются губы, но онъ дѣлаетъ видъ, что не замѣчаетъ своего врага. Онъ подходитъ къ знакомымъ, вытаскиваетъ изъ кармана бутылку, кого попало угощаетъ и самъ пьетъ, много и громко говоритъ, куритъ, притворно и злобно хохочетъ, а самъ настѝрожѣ, ждетъ... И вотъ, шатаясь, притворяясь въ дребезги пьянымъ, въ новомъ картузѣ, на которомъ еще бѣлѣетъ лавочный билетикъ съ цѣной, выбритый, сытый, съ сонными синими глазами, солдатъ идетъ прямо на него и со всего размаху, какъ будто ничего не видя, бьетъ его плечомъ въ грудь. Шаша, стиснувъ зубы, сторонится и продолжаетъ бесѣду. Но солдатъ возвращается, опять проходитъ мимо и опять—разъ его плечомъ въ грудь! Тогда, какъ бы не выдержавъ такой наглости, Шаша искажаетъ свое и безъ того искаженное лицо и сквозь зубы говоритъ:

— О-хъ, малый! Какъ бы я не толканулъ тебя по-своему!

И вдругъ солдатъ, сразу осадивъ свое наклонное стремленіе впередъ, отшатывается назадъ и бѣшено взревываетъ:

— Што-о?

Среди ярмарочнаго гама, грохота и позвонковъ бѣшено крутящейся карусели и восторженныхъ притворно-сострадательныхъ криковъ ахнувшей и раздавшейся толпы, солдатъ оглушаетъ и окровавливаетъ Шашу съ перваго же удара. Шаша, норовя, по старой мужицкой манерѣ, запустить ему пальцы въ ротъ, разорвать губы, звѣремъ кидается на него и тотчасъ же замертво падаетъ въ грязь, подъ кованные каблуки, тяжко бьющіе въ грудь, въ лохматую голову, въ носъ, въ глаза, уже помутившіеся, какъ у зарѣзаннаго барана. А народъ ахаетъ и дивуется: вотъ пастырный, нецо-

нятный человѣкъ! Вѣдь онъ же зналъ, напередъ зналъ, чѣмъ кончится дѣло! Зачѣмъ же онъ шелъ на него? И правда: зачѣмъ? И къ чему вообще такъ настойчиво и неуклонно идетъ онъ, изо дня въ день опустошая свое разоренное жилье, стремясь до тла искоренить даже слѣды того, что̀ такъ случайно было создано дикимъ геніемъ Романа, и непрестанно алкая обиды, позора и побоевъ?

Ужасные люди въ двѣ шеренги стояли во время обѣдни въ церковной оградѣ, на пути къ паперти! Въ жаждѣ самоистязанія, отвращенія къ уздѣ, къ труду, къ быту, въ страсти ко всякимъ личинамъ,—и трагическимъ и скоморошескимъ,—въ темныхъ преступныхъ хотѣніяхъ, въ слабоволіи, вѣчной тревогѣ, бѣдахъ, печаляхъ и нищетѣ,—Русь издревле и безъ конца родитъ этихъ людей. Въ одномъ Лимовò̀мъ собирается ихъ около полусотни. И что̀ это за лица, что̀ за головы! Точно на кіевскихъ церковныхъ картинахъ да на кіевскихъ лубкахъ, живописующихъ и дьяволовъ, и подвижниковъ мати-пустыни! Есть старцы съ такими изсохшими головами, съ такими рѣдкими прядями длинныхъ сѣрыхъ волосъ, съ такими тончайшими носами и такъ глубоко провалившимися щелками незрячихъ глазъ, точно столѣтія лежали эти старцы въ пещерахъ, гдѣ замуровали ихъ еще при кіевскихъ князьяхъ и откуда вышли они въ полуистлѣвшемъ рубищѣ, крестъ-накрестъ возложили на свои останки нищенскія сумы, на веревочныхъ обрывкахъ повѣсили ихъ черезъ плечо и пошли себѣ странствовать изъ конца въ конецъ Руси, по ея лѣсамъ, степямъ и степнымъ вѣтрамъ. Есть слѣпцы мордастые, мужики крѣпкіе и приземистые, точно колодники, холодно загубившіе десятки душъ: у этихъ головы твердыя, квадратныя, лица какъ будто топоромъ вырублены, а босыя ноги налиты сизой кровью и противоестественно коротки, равно какъ и руки. Есть просто идіоты, толстоплечіе и толстоногіе. Есть злые карлы съ птичьими лицами. Есть горбуны, клиноголовые, какъ бы въ острыхъ шапкахъ изъ черныхъ лошадиныхъ волосъ. Есть карàндыши, осѣвшіе на кривыя ноги, какъ таксы. Есть лбы, сдавленные съ боковъ и образовавшіе черепъ въ видѣ шляпки желудя. Есть костлявыя, совсѣмъ безносыя старухи, ни дать ни взять сама Смерть... И все это, на показъ выставивъ свои лохмотья, раны и болячки, на древнецерковный болгарскій распѣвъ, и грубыми басами, и скопческими альтами, и какими-то развратными тенорами вопитъ о гнойномъ Лазарѣ, объ Алексѣѣ Божьемъ человѣкѣ, который, въ жаждѣ нищеты и мученичества, ушелъ изъ-подъ отчаго крова „ня знамо куда“...

Всѣ эти люди, двигая бровями надъ своими темными очами, наитіемъ, инстинктомъ, острымъ, точнымъ, какъ у какихъ-нибудь первичныхъ морскихъ особей, мгновенно чуютъ, угадываютъ приближеніе дающей руки и уже не мало нахватали огрызковъ хлѣба, баранокъ и зеленыхъ отъ махорки мужицкихъ мѣдяковъ. Послѣ обѣдни, съ пѣніемъ, уже болѣе бодрымъ и требовательнымъ, они растекаются по народному морю, по ярмаркѣ. Двинулись за ними и калѣки—безногіе, ползающіе на задахъ и четверенькахъ и лежащіе на вѣчномъ одрѣ, въ телѣжкахъ. Вотъ одна изъ этихъ телѣжекъ. Въ ней—маленькій человѣчекъ, лѣтъ сорока, по ушамъ повязанный бабьимъ платкомъ, со спокойными молочно-голубыми глазами, высунувшій изъ ветошекъ тонкую фіолетовую ручку съ шестью пальцами. Возитъ его живоглазый мальчишка съ очень острыми ушками и лисьимъ пухомъ на головѣ. Вокругъ—куча братіи, тоже повязанной зачѣмъ-то платками. И изо всей братіи выдѣляется мужикъ съ большимъ бѣлымъ лицомъ, весь изломанный, исковерканный, совсѣмъ безъ зада, въ одномъ прѣломъ лаптѣ. Вѣрно, и его,—не хуже Шаши,—били гдѣ-то: весь платокъ его, ухо, шея и плечо въ засохшей крови. Въ длинномъ мѣшкѣ — куски сырого мяса, вареныя бараньи ребра, корки и пшено. А сидѣнье подшито кускомъ кожи — и вотъ весь онъ искривился, заерзалъ и поѣхалъ, поѣхалъ себѣ по грязи, выкидывая впередъ необутую ногу, до половины голую, въ известковыхъ струпахъ, сочащихся гноемъ и залѣпленныхъ кусками лопуха.

— Гляньте, православные, гляньте скорѣе: йето считается, по старинному заведенію, болѣзнь проказа! — развеселымъ, быстрымъ речитативомъ выкрикиваетъ возлѣ него рябой оборванецъ...

И вотъ къ этимъ-то людямъ и шелъ Шаша. Живетъ онъ еще три-четыре года на мельницѣ; встрѣчаетъ еще три-четыре ярмарки; вступаетъ еще три-четыре раза въ бой съ солдатомъ; поливаютъ его, бездыханнаго и безгласнаго, водой изъ жбановъ добрые люди; онъ медленно приходитъ въ себя; не раскрывая глазъ, возитъ онъ по землѣ мокрой головой и сквозь зубы тяжко стонетъ:

— Нну, добрые люди! Я молчу! Я все-е молчу!

Затѣмъ его везутъ на мельницу, онъ недѣли двѣ лежитъ на печи, понемногу оправляется и вскорѣ уже опять гуляетъ по шинкамъ, хвастается, лжетъ, все и всѣхъ шельмуетъ, бьетъ себя кулакомъ въ грудь, грозитъ всѣмъ своимъ врагамъ и особливо — солдату. Но однажды выпадаютъ несчастливые Кирики: солдатъ переламываетъ ему каблукомъ

руку и раздробляетъ переносицу, выбиваетъ глаза. Вотъ Шаша и слѣпой и калѣка. Солдатка бросаетъ его; мельницу, землю берутъ за долги добрые люди. И Шаша—у пристани: теперь онъ равноправный членъ, кость отъ кости, плоть отъ плоти нищей орды, стоящей на Кирики въ церковной оградѣ. Босой, въ лохмотьяхъ, кругло-и густо-бородый, съ головой стриженой ежомъ, въ мѣшкахъ крестъ-накрестъ, дико ломаетъ онъ брови надъ выбитыми и затянувшимися глазами и сипло оретъ въ ладъ съ прочими за душу хватающія нищенскія стихиры. Хоръ мрачно деретъ кто во что горазда— и звонко выдѣляются голоса поводырей, выкрикивающихъ каждый слогъ:

Три сестры жили, три Маріи Египетскія были,
На три доли свою богатству дѣлили:
Одну долю отдѣлили на незрящее тѣло,
Другую долю отдѣлили по тюрьмамъ, темницамъ,
Третью долю отдѣлили по церквамъ, соборамъ...
Не сокрашайте свое тѣло хорошимъ нарядомъ,
Сокрасьте свою душу усерднымъ подаяньемъ,—
Ета ваша подаянья на первомъ присутствіи будетъ,
Какъ свѣча передъ образомъ-Богомъ!

Вступаетъ и выдѣляется рѣзкій голосъ Шаши:

Придетъ время,
Потрясется земля, небо,
Всѣ камушки распадутся,
Пристолы Господни нарушàтся,
Солнце съ мѣсяцемъ примеркнетъ,
И пропуститъ Господь огненную рѣку...

И сливаясь, сходясь, достигая зловѣщей силы и торжественности, зычно горланитъ весь хоръ:

Ми-ха-илъ Арха-нгялъ
Тварь земную поморитъ,
Онъ вострубитъ въ трубы,
Возглаголетъ людямъ:
Вотъ вы жили-были
Своей вольной волей,
Въ церкви не бывали,
Заутреню просыпали,
Позднюю обѣдню прожирали:
Вотъ вамъ рай готовый,—
Огни негасимые,
Муки нестярпимыя!

10—14. IX. 1913.

ХУДАЯ ТРАВА.

I.

Аверкій захворалъ, разговѣвшись на Петровъ день.

Молодые работники умылись съ мыломъ, причесались, надѣли сапоги, новыя ситцевыя рубахи. Аверкій, чувствуя слабость, равнодушіе, не сходилъ передъ праздникомъ ко двору, не смѣнилъ рубаху; что̀ до остальнаго наряда, то былъ онъ у него одинъ — и въ будни и въ праздникъ. Молодые работники ѣли не въ мѣру много и весь обѣдъ хохотали, говорили такое, что стряпуха съ притворнымъ негодованіемъ отворачивалась, а порою даже отходила отъ стола, бросивъ мокрую ложку. Аверкій ѣлъ молча.

Онъ былъ уже въ той порѣ, когда хорошіе, смирные мужики, много поработавшіе, — а онъ таки-поработалъ, въ одпихъ батракахъ жилъ тридцатый годъ!—начинаютъ плохо слушать, мало говорить и со всѣмъ, что̀ имъ ни скажешь, соглашаться, думать же что-то иное, свое. Онъ былъ въ тѣхъ мужицкихъ годахъ, которыхъ не опредѣлишь сразу. Онъ былъ высокъ и нескладенъ: очень худъ, длиннорукъ, въ кости вообще широкъ, но въ плечахъ, на видъ несильныхъ, опущенныхъ, узокъ. И съ этой полевой нескладностью, съ лаптями и полушубкомъ, никогда не сходившимъ съ плечъ, страшно сочеталось благообразіе: небольшая, лысѣющая со лба, въ длинныхъ, легкихъ волосахъ голова, изможденное лицо съ тонкимъ, сухимъ носомъ, жидко-голубые глаза и узкая сѣдѣющая борода, не скрывающая сухой челюсти.

Все, надъ чѣмъ смѣялись за обѣдомъ, казалось ему не нужнымъ, не смѣшнымъ. Но непріязни на его лицѣ не было. Ѣлъ онъ не спѣшно, кладя ложку,—съ дѣтства привыкнувъ не только ѣсть, но и пить съ обнаженной головой, совершать трапезу, какъ молитву, ибо эта трапеза всю жизнь была для

него вѣнцомъ трудового дня, среди вѣчныхъ опасеній за будущій день, хотя всю жизнь и говорилъ онъ привычное:

— Богъ дастъ день, Богъ дастъ пищу...

Мысли его туманились. Костлявые выступы скулъ, обтянутые тонкой сѣрой кожей, розовѣли. Душа не принимала пищи. Но ѣлъ онъ пристально: и потому, что ужъ такъ полагается въ праздникъ, и потому, что ѣда могла, какъ думалъ онъ, помочь ему, и потому, наконецъ, что жалко было не ѣсть: вотъ онъ заболѣлъ, съ мѣста, должно, сойдетъ, дома же не только сладкихъ харчей, а можетъ, и хлѣба не будетъ.

Подали на деревянномъ кругѣ круто посоленную жирную баранину. Аверкій вспомнилъ, какъ жилъ онъ когда-то зиму въ городѣ, на постояломъ дворѣ, какъ хорошо ѣлъ тамъ. Подумавъ, онъ осторожно взялъ кусокъ своими тонкими пальцами и блѣдно усмѣхнулся.

— Люблю горчицу, а гдѣ я ее могу взять?—сказалъ онъ застѣнчиво, не глядя ни на кого.

Отъ баранины стало нехорошо; но онъ досидѣлъ-таки до конца стола. Когда же работники, дохлебавъ до послѣдней капли огромную чашку голубого молока и самодовольно икая, стали подниматься и закуривать, смѣшивая запахъ махорки съ запахомъ ѣды и свѣжихъ ситниковъ, Аверкій осторожно надѣлъ свою большую шапку,—въ пеньковомъ днѣ ея всегда была иголка, обмотанная ниткой,—и вышелъ на порогъ сѣнецъ, постоялъ среди голодныхъ собакъ, жадно смотрѣвшихъ ему въ глаза... Погода портилась. Стало сумрачно, похоже на будничное предвечернее время; мелкій дождь стрекоталъ по газетѣ, валявшейся у крыльца барскаго дома; индюшки, опустивъ мокрые хвосты, усаживались на развалившейся оградѣ, а цыплята, которыхъ сердито клевали онѣ, лѣзли, прятались подъ ихъ крылья... Сладкіе харчи! Аверкій зналъ имъ цѣну. Послѣдняя предсмертная тягота наступала для него, а все же крѣпко не хотѣлось ему терять ихъ, когда брелъ онъ за избу.

II.

Воротился онъ блѣдный, съ дрожащими ногами, и попросился у стряпухи на печку.

Она равнодушно спросила:

— Ай захворалъ?

— Служилъ тридцать лѣтъ,—въ тонъ ей отвѣтилъ Аверкій, влѣзая на нары, ставя лапоть въ печурку и поднимаясь въ тѣсное, жаркое пространство между печью и потолкомъ:—служилъ тридцать лѣтъ съ чистымъ лицомъ, а теперь ма-

башъ, ослабъ... Блоху не подкую, — пошутилъ онъ. — Износился, задвыхаться сталъ,—еще тверже и даже съ удовольствіемъ сказалъ онъ, ложась.

И какъ только легъ, получше пристроивъ голову въ шапкѣ на какую-то сломанную плетушку, тотчасъ сталъ задремывать и слышать свое глубокое, однообразно прерывающееся дыханіе, ощущать его жаръ въ губахъ. Онъ уже твердо рѣшилъ, что захворалъ безъ отлѣку, что онъ—„оброчный кочетъ“. Онъ давно перемогался. Больныя собаки уходятъ со двора, ищутъ по межамъ, по лѣснымъ опушкамъ какую-то тонкую, лишь имъ вѣдомую траву, и ѣдятъ ее — тайкомъ ищутъ себѣ помощи. Отдаляясь отъ дворни, Аверкій тоже искалъ—тайкомъ покупалъ то водки, то соды... Теперь перемогаться уже не хватало силъ. Но все-таки надо было подумать: какъ быть съ мѣстомъ, сходить или нѣтъ? Если скоро умрешь, жалѣть его, конечно, нечего. Ну, а если не скоро? Утѣшала мысль, что болѣзнь пришла во-время: черезъ недѣлю и условію срокъ. Но какъ быть даже и въ томъ случаѣ, если не возобновлять его? Гдѣ эту недѣлю провести? Вѣдь если попроситься домой завтра же, никто не повѣритъ болѣзни,—забралъ, скажутъ, деньги, да и на утекъ...

Работники курили и хохотали. Слушая и думая, онъ сталъ видѣть сны. Но изъ печальныхъ и скучныхъ воспоминаній складывались они. Вотъ онъ вышелъ изъ избы—надо ѣхать за хоботьемъ на гумно... А во дворъ входитъ и останавливается, увидя поднимающихся собакъ, странникъ: голова закутана женской шалью, на лѣвой рукѣ лукошко, въ правой высокая палка, на худыхъ ногахъ растоптанные лапти... „Если Богъ подыметъ, пойду въ Кіевъ, въ Задонскъ, въ Оптину, — подумалъ Аверкій въ дремотѣ. — Вотъ дѣло настоящее, чистое, легкое, а то не знамо, зачѣмъ и жилъ на свѣтѣ...“

Но тутъ громко и дружно захохотали работники, надымившіе всю избу. Аверкій очнулся. Стукнула дверь, кто-то вошелъ.

— Опять залилъ глаза!—сказала стряпуха, вытирая столъ и не глядя на вошедшаго.—Опять приперся... Дѣдъ, да ай у тебя стыда-то совсѣмъ нѣту?—спросила она, оборачиваясь.—Ну, чего пришелъ? Не надоѣлъ еще?

Но дѣдъ,—караульщикъ снятаго мѣщаниномъ сада, „старикъ-плясунъ“, какъ называлъ онъ самъ себя для потѣхи, всегда хмельной, обтрепанный, всегда мучившій Аверкія своей неряшливостью, своей болтливостью, всей своей свободной, немужицкой жизнью,—дѣдъ не обратилъ на стряпуху вниманія.

— Ребята, разсудите: мыслено ли? — понесъ онъ съ непритворнымъ отчаяніемъ, разводя руками передъ работниками.—Одинъ какъ есть на этакій садъ! Да я съ него шести цѣлковыхъ не возьму! Пріѣдетъ нынче, такъ и скажу: хомутъ да дуга, а я тебѣ не слуга! Будя! Вонъ ребятишки ужъ зачали въ завязь вникать, двѣ яблоньки отрясли, а я что̀? Дули, говоритъ, береги главнѣй всего... А что̀ я одинъ исдѣлаю? Вишенья опять оборвали на валу—ну, и чортъ съ ними! Я больной человѣкъ!

— Больной, а все хоть выжми!—сказала стряпуха.

— Полегче! — отвѣтилъ старикъ, садясь на нары.— Ты-то помолчи. У меня старуха тебѣ въ матери годится, а я ее, можетъ, полгода не видалъ... да, почесть, и весь вѣкъ не видалъ, не знамо, зачѣмъ и женился...

— Не хуже меня такого-то, — подумалъ Аверкій, закрывая глаза и уже не чувствуя къ старику прежняго отвращенія.

— А она, небось, мнѣ не чужая, — продолжалъ тотъ съ искренней горечью.—Я и ребятамъ вотъ говорю: что̀ я могу? Сейчасъ отшелъ, а въ салашѣ чуйка хозяйская, а она семь цѣлковыхъ! Да что̀ жъ исдѣлаешь? И унесутъ, то же возьмешь... А господамъ я вишенья дозволяю рвать: можете! Господа, они и съѣдятъ-то два зернышка, это вѣдь нашъ братъ дорвется... Правду я говорю, ай нѣтъ?—крикнулъ онъ, снова оживляясь. — Обязательно правду! И тебѣ, староста, завсегда дозволяю, ты тутъ, можетъ, первый человѣкъ надо всѣми! Только ты меня чѣмъ обидѣлъ: тесу на кровать не далъ! И стола опять же нѣту: собаки давеча пришли—хлопъ чашку объ-земь! Спасибо хоть барчукъ помогаетъ: пропляcалъ ему давеча маленько, анъ на косушку и есть...

Аверкій сталъ опять забываться. Подъ вечеръ, въ полѣ, шелъ онъ за возомъ. Моросило. Широко отворены были ворота на скотномъ дворѣ богатаго степного мужика; бродилъ по двору и гоготалъ гусакъ, потерявшій гусыню... „Богатому вездѣ хорошо!“ — съ обидой и болью въ голосѣ кричалъ гдѣ-то внизу старикъ. Аверкій кивалъ шапкой, соглашался, а самъ думалъ свое: „Богатый, какъ быкъ рогатый,—въ тѣсныя ворота не пролѣзетъ...“. И очнулся, чувствуя, что бредитъ.—„Да, Богъ не любитъ высокихъ мыслей... Да, старика жалко... Но дымъ и ненужный говоръ, чужіе люди, чужая печка—ахъ, какая тоска и безпріютность! Звѣрь, и тотъ забивается умирать въ свою собственную норь... Нѣтъ, конецъ, домой пора!“—подумалъ онъ твердо.

III.

Проспавъ три часа, онъ очнулся въ сумерки. Ни работниковъ ни стряпухи въ избѣ не было. На лавкѣ возлѣ окна сидѣла дурочка Анюта, скитавшаяся по господамъ, по мужикамъ. Она была въ мужицкихъ сапогахъ, стриженая. Она глядѣла въ окно,—голова ея сзади была похожа на кувшинъ внизъ горломъ,—и плакала: стряпухинъ мальчишка не далъ ей лечь уснуть—все скакалъ по лавкѣ и надѣвалъ ей на голову гремящее ведро.

— А тамъ индюшки замучили,—говорила она, плача, думая, что Аверкій спитъ, и жалуясь самой себѣ.—Легла отдохнуть въ палисаднику—дождь, индюшки всю голову изодрали, а тутъ этотъ демоненокъ... Такъ-то, Анна Матвѣвна! Такъ-то, матушка! Чужой кусокъ не сладокъ! А богатая была, умнѣй барыни слыла!

Это она вспоминала то золотое время, когда было у нея цѣлыхъ тридцать шесть рублей—какое-то пособіе отъ земства. Она хранила ихъ долго, какъ зѣницу ока. Да выпросилъ, вымолилъ въ долгъ мужикъ, у котораго она стояла на квартирѣ, поклялся на церковь, что отдастъ—и, конечно, не отдалъ, даже прямо сказалъ: такъ и знай, не отдамъ, и не шатайся...

Аверкій открылъ глаза. Было лучше, чѣмъ давеча, уже не мутилась голова. Онъ послушалъ дурочку и усмѣхнулся. Ахъ, Господи, изъ-за чего только волнуются, страдаютъ люди! Этотъ старикъ, такъ растерянно жаловавшійся работникамъ... Эта плачущая отъ обиды на ребенка и потери тридцати шести рублей Анюта...

— А ты бы его за виски,—сказалъ онъ, усмѣхаясь.—Что жъ ты дозволяешь ему надругаться надъ собой?

— Ай ты проснулся? — спросила дурочка. И вдругъ непріятно, неумѣренно зарыдала. — Да ай я слажу съ нимъ? Теперь къ матери побѣгъ, на меня же нажалится...

Когда она стала затихать, Аверкій негромко и ласково окликнулъ ее.

— Что тебѣ?—тупо отозвалась она

— Сходи, матушка, къ моей старухѣ,—сказалъ Аверкій.—Скажи, чтобъ пришла за мной. Боюсь, ей и самой ѣсть нечего, да вѣдь что жъ исдѣлаешь? Какъ-нибудь перебьемся. Я, видно, свое отслужилъ. Все дома-то лучше, пристойнѣе...

— Не съ чужими же людьми смѣнить!—съ горечью отвѣтила дурочка. — Схожу, не бойся... А ты не обидишься на меня, что я тебѣ скажу?

— Нѣтъ...

— А, можетъ, испугаешься дюже?

— А что̀?—спросилъ онъ.

— Да такъ... Я тебѣ же добра желала. Пришла давеча, говорятъ, ты захворалъ. Я и зашла къ Ларюшкѣ...

— Ну и что̀ же?

— Тебѣ, батюшка, плохо вышло... Онъ прямо набралъ земли на сковородку, легъ подъ святые и запѣлъ... А самъ все беретъ землю со сковородки да на лицо себѣ посыпаетъ... Беретъ и посыпаетъ...

— А ты фамилію-то мою сказала?—спросилъ Аверкій.

— Та-то и бѣда, что сказала...

Аверкій помолчалъ.

— А ты все-таки къ старухѣ-то моей сходи,—сказалъ онъ.

— Объ этомъ ты не убивайся. Схожу.

Вынувъ изъ своего нищенскаго мѣшка крендель, дурочка стала ѣсть, собирая съ колѣнъ кропки.

— Хочешь кренделька?—спросила она.

— Нѣтъ, матушка, спасибо, чтой-то не хочется,—сказалъ Аверкій.—„Да, такъ вотъ оно что̀,—подумалъ онъ.— Ну что̀ жъ, худая трава изъ-поля вонъ... А моя,—подумалъ онъ съ завистью и печалью про старуху:—а моя и подумать не смѣетъ съѣсть такъ-то... Да, — вотъ и свѣковали мы съ ней свое...“

Вздохнувъ, онъ повернулся къ стѣнѣ. Дурочка открыла окно—стала доходить свѣжесть вечера. Тонкій, какъ волосокъ, серпъ мѣсяца блестѣлъ надъ черной покатой равниной за рѣкой, въ прозрачномъ небосклонѣ. Далеко на селѣ хорошо и протяжно пѣли дѣвки старинную величальную пѣсню: „При вечерѣ, вечерѣ, при ясной лучинѣ...“. Когда и съ кѣмъ это было? Мягкій сумракъ въ лугу, надъ мелкой заводью, теплая, розовѣющая отъ зари, дрожащая мелкой рябью, расходящаяся кругами вода, чья-то водовозка на берегу, слабо видный въ сумракѣ дѣвичій станъ, босыя ноги — и неумѣлыя руки, съ трудомъ поднимающія полный черпакъ... Шагомъ ѣдетъ мимо семнадцатилѣтній малый въ ночное, сладко дышитъ свѣжестью луга...

— Ай не узнала?—спрашиваетъ онъ негромко и притворно-небрежно.

— Дюже ты мнѣ нужень узнавать! — отзывается нѣжный, грудной, неувѣренно-звонкій голосъ—и противъ воли звучитъ въ немъ ласка, радость нечаянной встрѣчи.

— Ай помочь?

— Дюже ты мнѣ нужень помогать...

Пересиливая себя, считая непристойнымъ навязываться съ

разговоромъ, онъ молча поднимается въ гору, въ росистое темное поле, глядитъ на звѣзды, слушаетъ перепеловъ и дѣловито думаетъ:

— Кабы не сирота была, другое дѣло. А то ишь, сама воду возитъ...

Это было давно, въ самомъ началѣ жизни... Неужели это она, та, что̀ придетъ завтра, поведетъ его домой умирать? Да, она, она...

IV.

Старуха пришла за нимъ на другой день. Она ласково и заботливо убрала своими темными руками его добришко,—армякъ, онучи, линючую подпояску,—и повела его, блѣднаго и слабо улыбающагося, домой:

— Пойдемъ, пойдемъ, батюшка. Будя, поработалъ. Весь свой вѣкъ ждала да боялась тебя. А ты вонъ какой сталъ—совсѣмъ никуда. Износился. Да завѣтный перстенекъ и поношенный хорошъ...

И онъ все радовался первое время: вотъ онъ и дома, отслужился! Онъ не легъ въ избѣ, не пожелалъ въ постылицу входить, докучать старухѣ, да и давно хотѣлось ему полежать на свободѣ, на покоѣ, на чистомъ полевомъ воздухѣ. Легъ онъ на своемъ гумнишкѣ, въ старенькой ригѣ, густо заросшей кругомъ лебедою, легъ въ телѣгѣ безъ колесъ—и въ открытыя ворота день и ночь вѣялъ на него сырой вѣтеръ съ огородовъ и гуменъ, несло вѣтромъ косой крупный дождь.

Всѣ дѣла обсудили они со старухой, пожалѣли дочь, по нуждѣ рано выданную въ дальнее село, во дворъ зажиточный, но больной дурной болѣзнью, и порѣшили цать ей знать, чтобъ пріѣхала провѣдать отца.

Дочь однако не ѣхала—вѣрно, не пускала погода.

Погода мучила. Съ утра свѣтило солнце, парило надъ дымящимися полями, надъ грязными дорогами, надъ хлѣбами, насыщенными водою, легшими на землю. Съ утра Аверкій, порою покидавшій свою телѣгу и добредавшій до избы, обѣщалъ старухѣ, что опогодится. Но къ обѣдамъ опять заходили тучи, казавшіяся еще чернѣе отъ блеска солнца, мѣняли облака свои необыкновенные цвѣта и очертанія, поднимался холодный вѣтеръ, и бѣжалъ по полямъ косой радужный дождь.

— Будутъ бѣды великія,—говорила сосѣдка, бывшая дворовая.—Раньше и тучки не тѣ были, все зайчики да кусточки, а теперь облако грубое пошло...

Но Аверкій, сидя въ валенкахъ и полушубкѣ возлѣ избы, только слабо улыбался: какое дѣло было ему теперь до будущихъ бѣдъ!

Сосѣди, двоившіе паръ, пріѣзжали къ обѣдамъ мокрые, усталые, жаловались, что на нихъ армяки попрѣли, и все хотѣли увѣрить себя, что, авось, Богъ дастъ, послѣ обѣдовъ разгуляется. Но и послѣ обѣдовъ темнѣло отъ тучъ, гнала буря либень съ градомъ. Къ вечеру опять стихало, солнце проглядывало; но на востокѣ громоздились розовыя горы, а западный небосклонъ весь покрывался странной серебристой зыбью, похожей на утиный пухъ.

— Не къ добру,—говорили сосѣди.—Все въ полѣ погніетъ, будутъ опять голода великіе...

Но и на это равнодушно отзывался Аверкій. Никакой голодъ не пугалъ его теперь. Ночи были туманныя. Зеленоватыя пушистыя звѣзды, какъ большіе свѣтляки, глядѣли на него въ ворота. Спалъ онъ отъ холоду мало, по ночамъ скучалъ. Но, вспоминая теперешнюю свою свободу ото всѣхъ заботъ и горестей, благодарно крестился на небо.

Худѣлъ и слабѣлъ онъ не по днямъ, а по часамъ. Но, чувствуя, что смерть овладѣваетъ имъ безъ мукъ, безъ издѣвательства, часто говорилъ старухѣ.

— Ничего, ты не бойся, я удобно помру.

А старуха втихомолку надѣялась, не давала вѣры его словамъ. Больше всего пугало ее его равнодушіе. Но и равнодушіе долго пыталась она истолковать его слабостью, пока наконецъ не перешло оно мѣры.

Въ концѣ іюля, когда кое-какъ стали убираться въ поляхъ и дожди перестали, пропала у нея телушка, которую съ великими лишеніями нажила она себѣ, которая ходила за ней, какъ собака. Старуха всѣ поля, всѣ сосѣднія деревни обѣгала. Въ тоскѣ, въ тревогѣ, она разспрашивала каждаго встрѣчнаго, не видали ли рыжей телушки, и все не сдавалась, придумывала все новыя мѣста, куда надо итти на поиски. Какъ вдругъ, въ одинъ сумрачный вечеръ, собаки притащили на деревню рыжую рогатую голову. У собакъ ее отняли и принесли старухѣ на крыльцо. Она растерялась и заплакала, какъ ребенокъ. И всѣ долго стояли вокругъ крыльца, не зная, что̀ говорить, что̀ дѣлать. На всѣхъ эта страшная, въ сухой крови и съ рогами голова произвела тяжелое впечатлѣніе. И только одинъ Аверкій, который на смутный говоръ прибрелъ изъ риги къ избѣ и которому плачущая старуха напомнила Анюту, легонько рукой махнулъ.

— Ужъ чего тамъ!—сказалъ онъ.—Смолоду не наживали, а теперь не къ чему...

Всѣ взглянули на него съ удивленіемъ и еще дружнѣе загалдѣли, что этого такъ оставить нельзя. Пастухъ сказалъ, что собаки рыли въ лѣсу. Несмотря на сумерки, рѣшили немедля ѣхать въ лѣсъ. Сосѣдъ торопливо запрягъ лошадь въ телѣгу, посадилъ въ нее плачущую старуху, вскочилъ самъ и поскакалъ, загремѣлъ по улицѣ. Поскакали за нимъ верховые. Въ поляхъ было темно, въ лѣсу темно и тихо, уже пахло опавшими листьями. Лѣсъ слабо освѣщался съ одной стороны красноватымъ свѣтомъ всходившей луны. Пріѣхали къ караулкѣ на полянѣ, возлѣ дуба съ засохшей верхушкой. Лѣсникъ ужиналъ, давясь драченой, и, увидя толпу, очень испугался. Потребовали у него фонарь, пошли за пастухомъ къ тому мѣсту, гдѣ рыли собаки, нашли зарытую въ землю требуху, подняли гамъ и повезли лѣсника въ деревню, къ Аверкію.

Аверкій не спалъ, сидѣлъ въ темной избѣ. Когда вздули огонь и стала изба наполняться народомъ, когда привели старосту съ налевой бородой и наперебой стали кричать, обвиняя въ кражѣ лѣсника, Аверкій неожиданно принялъ его сторону. Лѣсникъ, въ свое оправданіе, говорилъ только одно:

— Красть я не согласенъ. Мой родитель не кралъ, и я не согласенъ. Кабы я крадь, у меня бы ничего не было, Богъ бы не далъ, а то у меня свое хозяйство есть.

И, конечно, никого не могъ убѣдить. Но Аверкій, со своимъ равнодушіемъ къ земнымъ дѣламъ, вполнѣ вѣрилъ ему— и даже недовольно возвысилъ голосъ, настаивая, чтобы его отпустили, а не сажали въ холодную. И удивленные, сбитые съ толку сосѣди въ концѣ концовъ покорились ему. Покорилась его голосу, его гробовому лицу и старуха.

На выздоровленіе его у нея не осталось съ этой ночи никакой надежды.

V.

Дочь съ мужемъ посулились пріѣхать и пріѣхали на престольный праздникъ, ко второму Спасу. Было рѣшено, что зять свезетъ Аверкія въ больницу, покажетъ доктору. Аверкій согласился—и на день, на два ожилъ.

На день, на два воротились къ нему обычныя человѣческія чувства. Онъ ждалъ дочь нетерпѣливо. Съ помощью старухи, онъ съ рапняго утра умылся, причесался для гостей.

Въ обѣды онъ лежалъ и прислушивался: не идутъ ли? Послышались шаги и голоса за ригой. Въ рамѣ воротъ показался зять, за нимъ—дочь съ дѣвочкой, сзади старуха. Зять, высокій, съ зеленоватыми волосами, съ бѣлыми рѣсницами, съ

пушкомъ на розовомъ непріятномъ лицѣ, былъ подбритъ и наряженъ: новый картузъ, новые сапоги, сѣрая жилетка поверхъ новой желтой рубахи. Дочь, которую Аверкій всегда считалъ красавицей, и на этотъ разъ удивила его своею красотою, становитостью, ласковой скромностью, соединенной съ достоинствомъ, длинными опущенными рѣсницами, лиловымъ сарафаномъ и смуглостью маленькихъ рукъ. Она, женственная, милая, вела за ручку бѣлобрысую дѣвочку въ зеленомъ платьицѣ, которая съ любопытствомъ осматривала дыры въ крышѣ риги и сосала черную катушку изъ-подъ нитокъ.

Подойдя, гости поклонились Аверкію, осторожно поцѣловались съ нимъ, подняли на руки не хотѣвшую цѣловаться, воротившую въ сторону личико, дѣвочку; Аверкій съ нѣжностью замѣтилъ, что волосы у нея бѣло-золотисты, тверды и гладки, какъ трава послѣ лѣта. Гости заговорили бодро, безпечно,—зять все старался шутить,—но не сводили съ Аверкія глазъ и, видимо, не знали, что̀ говорить. Онъ это чувствовалъ, неловко улыбался и тоже бодрился, а самъ думалъ, сравнивая дочь со старухой: нѣтъ, моя душевнѣе была! И дочь была хороша и скромна, какъ мать въ молодости, но у дочери было больше спокойствія, сдержанности. Дочь трогала его своею красотою, рѣсницами, блескомъ стеклянныхъ капель въ гребешкѣ, а старуха—лаптями, дряблостью кожи, усталостью, искренностью. Ихъ противоположность взволновала его, и опять почувствовалъ онъ на мгновеніе: сладка жизнь! Но за себя ему неловко было. Старуха не притворялась. Она вошла и стала, грустно глядя на него, какъ бы говоря: вотъ привела, хотятъ поглядѣть на тебя—не хорошъ ты сталъ, батюшка, да что̀ жъ сдѣлаешь, они не взыщутъ. А онъ, и правда, былъ страшенъ. Волосы его еще больше порѣдѣли, стали еще тоньше, они лѣзли, падали вмѣстѣ съ крупными сѣрыми вшами на широкій воротъ рубахи, на ключицы, торчавшія подъ нею, какъ удила. По обѣимъ сторонамъ ввалившихся висковъ торчали большія прозрачныя уши. Глубоко западали глаза.

Гости обѣдали въ избѣ. Ему прислали чашку зеленаго кваса съ саломъ, ломоть хлѣба. Онъ тотчасъ же приподнялся, взялъ чашку, низко склонился надъ нею, выгнулъ зубчатую отъ позвонковъ спину, перекрестился, зачерпнулъ дрожащей рукой ложку и проглотилъ торопливо, боясь, что не хватитъ силъ наѣсться. И точно, не хватило. Онъ усталъ, задохнулся, легъ на спину... И чашка такъ и осталась стоять на землѣ возлѣ телѣги. Квасъ запѣнился, подернулся сальной пленкой, въ него нападало много мухъ. Аверкій отгонялъ ихъ и разсматривалъ свою руку, голубые ногти. Дивила его ладонь: впа-

лая, она была суха и блестѣла, будто натертая воскомъ... И, подумавъ о больницѣ, онъ насмѣшливо улыбнулся.

VI.

Передъ вечеромъ прошелъ недолгій дождь. Со смѣхомъ, накрывшись подолами, гуртомъ прибѣжали съ улицы въ ригу дѣвки, стали у воротъ, не обращая вниманія на Аверкія, ждали, пока перейдетъ дождь, видный въ рамѣ воротъ на сѣрой тучкѣ. За воротами говорили, смѣялись ребята, кто-то все началъ играть на сломанной, съ западающими клапанами гармоніи. Подошелъ къ воротамъ зять, сытый, слегка хмельной. Онъ выставилъ впередъ правое колѣно, поставилъ на него свою большую, мягко и пріятно рычавшую гармонію. Онъ томно смотрѣлъ въ одну точку, играя. А противъ него стояла и, слегка склонивъ голову, упорно смотрѣла на него солдатка, полная, блѣдная женщина съ свѣжимъ, пріятнымъ ртомъ и серебристыми глазами въ черныхъ рѣсницахъ. Они звали другъ друга взглядами, словами безконечной „страдательной“. И всѣ долго, подъ рѣдкимъ дождемъ, слѣдили за ихъ любовными переговорами. Потемнѣло въ углахъ риги, темнѣло въ воротахъ. Закрывъ глаза, Аверкій слушалъ. Ему было хорошо.

Улица такъ и осталась возлѣ риги до поздней ночи, расходясь постепенно. Поздно ночью небо расчистило, двѣ большія звѣзды глядѣли въ ригу. „Значитъ, такъ надо,—думалъ Аверкій: — значитъ, ему дочь моя не хороша, иную надо“. Гармонья смолкла. Кто-то говорилъ за воротами дрожащимъ, охрипшимъ голосомъ, о чемъ-то упрашивая. Женщина отвѣчала протяжно, уклончиво, но сопротивленіе ея было слабое. Потомъ двѣ тѣни на минуту заслонили звѣзды въ рамѣ воротъ, прошли мимо, влѣво, къ остаткамъ соломы...

„Ахъ, неладно“,—подумалъ Аверкій, но равнодушно.

Да, его уже и за человѣка не считали. Ну, да что жъ, живой о живомъ и думаетъ... Онъ вспомнилъ дочь. Плохо ей, небось, она изъ бѣднаго двора, мужъ—изъ богатаго... Вспомнилась пѣсня: „Свекоръ-батюшка, отыми меня отъ лиха-мужа. Ужъ ты, мужъ, ты, мужъ — не губи меня близко къ вечеру, загуби меня близко къ полночи“... „Какіе мы сами, такія и сани“,—подумалъ Аверкій... Потомъ въ душѣ зазвучала пѣсня нѣжная, любовная: „Я соскучилась, любезный, безъ тебя: вся постелюшка простыла безъ тебя, изголовьице заиндивѣло...“ Онъ забылся и очнулся отъ громкаго кашля. Зять, проводившій солдатку, смѣло воротился въ ригу, сѣлъ на розвальни и, разуваясь, со стукомъ побросалъ сапоги наземь. Онъ за-

жегъ спичку, освѣтивъ пѣтуха, ночевавшаго на деревянномъ козлѣ для рѣзки.

Чтобы показать, что онъ не обижается, не вмѣшивается въ чужія дѣла, Аверкій, усмѣхнувшись, сказалъ про пѣтуха:

— Ишь, гдѣ квартеру себѣ нашелъ!

— А ты чего жъ не спишь?—спросилъ зять.

— Я, почесть, никогда не сплю,—отвѣтилъ Аверкій.

— Помираешь, значитъ,—равнодушно сказалъ зять, ложась и укрываясь полушубкомъ.

— Худая трава изъ-поля вонъ,—пошутилъ Аверкій.—А чую—конецъ. Чую—*она*. Ночью скучаю, пуще всего какъ полуночная звѣзда-зарница взойдетъ. Никакая!—сказалъ онъ безнадежно.—Стали ужъ колокольцы въ глоткѣ звенѣть...

Зять сталъ засыпать, сумрачно похрапывая. И грусть, умиленье одиночества нашли на Аверкія. Хотѣлось еще поговорить, сказать что-нибудь дружелюбное, пріятное зятю. Онъ окликнулъ его:

— Спишь?

— Нѣтъ,—отозвался зять, очнувшись.—А что?

И забормоталъ строго:

— Будя буровить-то, людямъ спать не давать... Спи!

Аверкій смолкъ. Хотѣлось сказать: „Ахъ, хороша любовь на свѣтѣ живетъ!“. Онъ лежалъ, думалъ и затаивалъ дыханіе, стараясь представить себя въ могилѣ. Выходило ничего,—хорошо и покойно... Зять храпѣлъ, спалъ крѣпкимъ сномъ поздней ночи. Слабое, мутное зарево долго было видно за воротами, за темными полями. Показался поздній полумѣсяцъ,—какъ отраженіе въ затуманенномъ зеркалѣ,—прошелъ низко и скрылся. Потемнѣло передъ разсвѣтомъ. Сталъ на всю ригу кричать пѣтухъ. Стало въ рамѣ воротъ серебриться небо, сталъ заниматься для живыхъ новый день...

Зять проснулся, свѣжо и крѣпко зѣвнулъ, снова разбудивъ тонко дремавшаго Аверкія. Утро настало веселое. Весело и молодо глядѣло въ ворота голубое, по горизонту оранжевое небо. Холодная роса сверкала на травѣ. Зять, надѣвая сапоги, надувался и стучалъ ими въ землю

— Обузилъ хромой дьяволъ!—сказалъ онъ хрипло и бодро, разумѣя сапожника.—Только обнадежилъ.

— Тѣсный сапогъ осеннее дѣло никуда,—отвѣтилъ Аверкій.—Мука.

— Да это еще по чулку,—сказалъ зять.—А по протянкѣ и совсѣмъ не вобьешь... Ну, погоди же, хромой!

Старуха съ дочерью нарядили Аверкія. На него надѣли ситцевую рубаху, давно слинявшую, но чистую, легкую, узкія

сѣрыя брюки въ полоскахъ,—подарокъ съ барскаго двора,—и кожаныя бахилки; надѣли полушубокъ, большую шапку и подъ руки повели къ телѣгѣ. Дѣвочка гонялась по ригѣ за пѣтухомъ, все норовила поймать его за хвостъ. Поджимаясь, пѣтухъ мелко убѣгалъ отъ нея, и Аверкій усмѣхался. Послѣ риги небо показалось ему безконечно-просторнымъ, свѣтлымъ и радостнымъ, воздухъ въ поляхъ—упоительнымъ. Дорога уже обвяла. День былъ августовскій—прохладный, блестящій, со стальными облаками. О больницѣ, о выздоровленіи не хотѣлось и думать: и такъ было хорошо. И за всю дорогу Аверкій и не вспомнилъ о больницѣ.

VII.

Прошелъ еще мѣсяцъ. Жизнь еще болѣе отодвинулась отъ Аверкія за этотъ мѣсяцъ. Черныя катышечки въ пахучемъ желтомъ порошкѣ, конечно, не помогли,—только палили изжогой. Но онъ все-таки ѣлъ ихъ—цѣлыхъ двадцать дней. Когда же проглотилъ послѣднюю и спряталъ круглый пузырекъ съ металлической шляпкой подъ подушку, вздохнулъ такъ облегченно, точно свалилъ съ плечъ послѣдній тяжкій долгъ. А съ людьми онъ мысленно уже простился: люди понемногу забывали о немъ, заходили къ нему все рѣже, а заходя, говорили то трогательное, то смѣшное, то грустное, но всегда неважное. Все время онъ чувствовалъ себя гостемъ, заѣзжимъ въ какой-то край, гдѣ онъ жилъ когда-то и гдѣ теперь живутъ еще бѣднѣе и скучнѣе, чѣмъ жили прежде, при немъ.

Воротился домой и заходилъ раза два солдатъ, побывавшій въ Портъ-Артурѣ и въ Японіи,—на войнѣ и въ плѣну. И не разсказалъ ничего путнаго ни о войнѣ ни о плѣнѣ, говорилъ то же, что̀ говорили и всѣ, побывавшіе на войнѣ и въ чужихъ странахъ. На войнѣ страшно, а потомъ ничего, и не думаешь, а въ чужихъ странахъ все не по-людски: земли много, а ходить негдѣ, вездѣ горы, людей всякихъ—и не счесть, а поговорить не съ кѣмъ... Много разсказывалъ солдатъ о японкахъ, но и ихъ осуждалъ: „малы ростомъ и не завлекательны“. Про море отозвался кратко:

— Воды много, а пить нечего.

Заходила Анюта. Съ ней Аверкію было легко, она сидѣла долго, никуда не спѣшила, не говорила притворно: „ну, я пойду, дѣльце есть“... Она была задушевна, проста, хотя и задѣвала Аверкія тѣмъ, что стала говорить съ нимъ теперь, какъ съ равнымъ, какъ съ дурачкомъ, со своимъ братомъ, лишнимъ человѣкомъ, и, главное, часто жаловалась на судьбу и тоже по очень ничтожнымъ поводамъ. Какъ, напримѣръ, мучили ее селедки!

— Я мученица прямо,—говорила она:—до того люблю ихъ! Только тѣмъ и спасаюсь, что возьму у барчука деньжонокъ, пойду въ лавку и куплю на всѣ... Съѣмъ сразу три, либо четыре—и забуду на цѣлый мѣсяцъ: до того переѣмъ, что съ души воротитъ, видѣть не могу!

Заходилъ старикъ-плясунъ, въ полушубкѣ и соломенной шляпѣ, приносилъ яблокъ, съ неумѣренной настойчивостью совалъ ихъ подъ подушку Аверкію и съ неумѣреннымъ оживленіемъ болталъ, внутренно радуясь своему постоянному хмелю, а жизнь свою то восхваляя, то ни въ грошъ не ставя. Онъ дышалъ перегаромъ, говорилъ безъ умолку.

— Хм!—говорилъ онъ.—Мнѣ тутъ, въ селѣ, рай! Тутъ я маленько оправился, человѣкомъ сталъ. А то сослали меня прошлый годъ въ глухомань... Имѣньишко въ полѣ, садъ въ полѣ—хоть бы тебѣ дворишко! Скука—избавь Богъ, не то, что у васъ въ селѣ: тутъ въ поле выйдешь, и то что-нибудь увидишь обязательно: либо гдѣ ребята въ конопяхъ, либо такъ какой фигурой заинтересуешься, либо бабу примешь къ свѣдѣнію... А тамъ я, бывало, чѣмъ жизнь свою изукрашаю? Пойду къ господамъ подъ чай,—меня всегда чаемъ угощали,—а у нихъ ящикъ съ музыкой: попросишь барыню сыграть—ну, и пойдетъ у нихъ скандалъ, потѣха: барыня тотъ щитокъ кладетъ, а баринъ—тотъ... И кончится дѣло дракой, бранью...

Хозяйственнымъ людямъ было не до Аверкія: они вѣяли новое зерно и опять разсѣвали его. Разъ эта мирная жизнь была нарушена тревогой, набатомъ, торопливо сзывавшимъ испуганное село къ мѣсту неожиданной бѣды, къ омету на дальнемъ гумнѣ, внезапно охваченному среди жаркаго полдня весело и торопливо разгоравшимся оранжевымъ пламенемъ. У Аверкія, всегда боявшагося пожаровъ, заколотилось сердце. Онъ, насколько могъ, поспѣшно приподнялся и долго глядѣлъ въ ворота, на голубое спокойное небо, по которому безпокойно и высоко неслись черныя „галки“. Онъ жадно прислушивался къ тому шуму и гаму въ селѣ, который люди, бѣгущіе на пожаръ, всегда зачѣмъ-то преднамѣренно увеличиваютъ. Онъ, по старой привычкѣ, заразился-было этимъ чувствомъ, но скоро понялъ, что пожару онъ только обрадовался—обрадовался развлеченію, тому, что прибѣгутъ къ нему, потащатъ его изъ риги на траву; понялъ и то, что пожаръ далеко, и что ничего этого не будетъ—и опять почувствовалъ равнодушіе, опять легъ.

Разъ зашелъ къ нему дьячокъ въ парусиновомъ подрясникѣ; посидѣлъ, пошутилъ надъ его болѣзнью, надъ тѣмъ, что скоро прибавится „земляного товару“, и, задумавшись, сказалъ:

— Да... „И возвратится персть въ землю, яко же бѣ, и духъ возвратится къ Богу, иже даде его...“ Этого, братъ, не минуешь!

И Аверкій, которому очень понравились его слова, торопливо отвѣтилъ:

— Избавь Богъ! Какъ можно того миновать!

На мгновеніе ему стало жутко отъ церковныхъ словъ дьячка, но, подумавъ, онъ еще тверже повторилъ:

— Нѣтъ, избавь, Господи,—не миновать-то! Я вонъ жалюсь иной разъ, я, молъ, кочетъ оброчный, какъ говорится, а развѣ не правда? И Богъ оброку требуетъ...

И, запутавшись въ своихъ мысляхъ, прибавилъ некстати:

— Нѣтъ, какъ можно... А то бы столько грѣха развелось! Такъ-то, святые люди говорятъ, шла Божья Матерь отъ креста и плакала навзрыдъ... Всѣ цвѣты отъ слезъ пожглись, посохли, одинъ табакъ остался... За то-то вотъ и жгутъ его, курятъ, а бѣсу—радость...

Онъ, какъ ни старался, не могъ разобраться въ томъ высокомъ чувствѣ, которое возбудилъ въ немъ дьячокъ словами о землѣ, о персти, о духѣ и Богѣ, но, вспоминая ихъ, каждый разъ ощущалъ подъемъ душевныхъ силъ и уже спокойно относился къ безнадежнымъ выводамъ насчетъ своей жизни. Послѣ больницы онъ часто дѣлалъ попытки вспомнить всю эту жизнь. Казалось, что необходимо привести въ порядокъ все, что̀ видѣлъ и чувствовалъ онъ на своемъ вѣку. И онъ пытался сдѣлать это, и каждый разъ напрасно. Воспоминанія его были ничтожны, бѣдны, однообразны. Вспоминались пустяки, безо всякаго толку и все въ картинахъ—неясныхъ и отрывочныхъ. Только начнешь вспоминать жизнь по порядку, съ начала, съ дѣтства, какъ все сольется въ одинъ какой-нибудь день, въ одинъ какой-нибудь вечеръ, часто и не относящійся къ дѣтству и такой далекій, такой ненужный, что только рукой махнешь. Съ тоскою махнулъ рукой Аверкій и на всѣ свои знанія, на всѣ свои способности душевныя и умственныя. „Вѣдь вотъ какое чудо! — думалъ онъ: — жилъ, жилъ—а ничего не помню, ничего не понимаю“... Говорятъ, напримѣръ, что родился онъ вотъ тамъ-то и тогда-то. А что̀ это значитъ—родился? Не оказывалось даже пониманія собственнаго рожденія, не оказывалось даже въ него ощутительной вѣры! Всегда и всѣ говорили, что отцомъ его былъ вотъ тотъ-то, а матерью—вотъ та-та... Теперь онъ и этому не вѣрилъ, и этого не понималъ. Онъ всю жизнь считалъ родителей самыми близкими людьми; но, когда умеръ отецъ, онъ совершенно забылъ его, точно такъ же, какъ и мать: не

только жалѣть пересталъ, а даже лица отцовскаго не могъ ясно представить себѣ. Такъ сближался онъ на своемъ вѣку и со многими другими людьми. Но и ихъ забылъ—вотъ какъ сны, напримѣръ: развѣ мало видѣлъ онъ сновъ, а, попробуй-ка, вспомни ихъ!

Только далекія сумерки на рѣкѣ ощутительно помнилъ онъ да ясно видѣлъ лицо дочери.

VIII.

И еще мѣсяцъ прошелъ, и приблизилось время принести оброкъ Богу.

Осень наступила рано. Замученный холодами, старой одеждой, пролежнями и сухими ранами на локтяхъ, Аверкій только головой качалъ, разумѣя смерть:

— Ну, и норовиста! Не докличешься!

А его даже старуха стала забывать: онъ порой не ѣлъ по двое сутокъ. Міръ онъ попрежнему видѣлъ только въ ворота—видѣлъ только крохотный кусочекъ огромной картины. Шли по горизонту за обнаженными лозинками все бѣлѣвшія, все холодѣвшія облака. Умирая, высохли и погнили травы. Пусто и голо стало гумно. Стала видна сквозь лозинки мельница въ безпріютномъ полѣ. Дождь порой смѣнялся снѣгомъ, вѣтеръ гудѣлъ въ дырахъ риги зло и холодно. Аверкій тупо думалъ:

— Ѣдетъ осень на пѣгой кобылѣ...

А въ черныя, ледяныя и мокрыя ночи, когда только рама воротъ мутнымъ и неподвижнымъ призракомъ стояла передъ нимъ, свинцово глядѣла на него, ему было жутко. Перейти же въ избу онъ не рѣшался: зналъ, что задохнется въ первую же ночь—и умретъ мучительно.

Высокій ладъ чувствъ и думъ опять пошелъ на убыль. И разъ приснился такой сонъ. Очень холодно, низкія тучи вдали надъ зеленями, надъ желто-красной грядой лѣса за ними. Возлѣ грязной дороги ѣдетъ онъ самъ—древній, длинноволосый, длинноногій, въ длинномъ полушубкѣ на изсохшемъ длинномъ тѣлѣ—и поталкиваетъ лаптемъ пѣгую кобыленку, глубоко вязнущую въ сырой землѣ, комами выворачивающую зеленя. Нагналъ его барскій староста верхомъ, на сѣдлѣ, молча, злобно далъ ему въ душу. Онъ, Аверкій, молча, легко съѣхалъ со спины кобылы вмѣстѣ съ армякомъ, на которомъ сидѣлъ, повалился на колѣни, снялъ тяжелую шапку съ лысой головы, сталъ плакать, просить прощенія, говорить, что онъ глухъ, старъ, слабъ, ѣдетъ къ дочери... Оскаливъ зубы, староста сталъ драть его кнутомъ по чемъ попало,—и отъ боли

и отъ ужаса Аверкій проснулся, весь въ слезахъ. И до разсвѣта лежалъ, глядѣлъ на свинцовый призракъ воротъ, чувствовалъ, что замираетъ, бьется послѣднимъ торопливымъ боемъ его истомленное сердце, и не понималъ,—сонъ ли это былъ, или сама жизнь его, слившаяся въ ту тоску, въ то горе, съ которымъ онъ повалился передъ старостой на колѣнки. И, вытирая мокрое отъ слезъ лицо, засмѣялся и твердо сказалъ себѣ:

— Какіе мы сами, такія и сани! Перейду въ избу! Задохнусь—туда и дорога...

А на утро и поневолѣ пришлось переходить. Внезапно пришла зима. И жизнь въ Аверкіи вспыхнула еще разъ.

Ахъ, въ этомъ было и давно знакомое, всегда радовавшее зимнее чувство! Первый снѣгъ, первая мятель! Забѣлѣли поля, потонули въ ней—забивайся на полгода въ избу! Въ бѣлыхъ снѣжныхъ поляхъ, въ мятели—глушь, дичь, а въ избѣ—уютъ, покой. Чисто выметутъ ухабистые земляные полы, выскребутъ, вымоютъ столъ, тепло вытопятъ печь свѣжей соломой—хорошо!

И дочь пріѣхала: „точно почуяло ея сердце“,—подумалъ Аверкій, хотя и зналъ, что пріѣхала она къ подругѣ на сговоръ. Бѣлой курой несло надъ деревней, убѣляя ее, гнилую и темную. Бѣлы были косогоры и берега рѣки—только сама рѣка, еще не застывшая, чернѣла, и по ней еще плавали бѣлые гуси. А въ сѣнцахъ избы стояла дочь, веселая и красивая. Теперь ей совсѣмъ не жалко было отца,—вѣдь все равно ему не встать. Осенью умерла ея дѣвочка—это снова сдѣлало ее молодой и свободной. Старуха готовила на нарахъ постель Аверкію. И она ждала ее, чтобы итти за отцомъ, на розвальняхъ перетаскивать его въ избу.

Пріѣхавъ, она распрягла лошадь и ввела ее въ сѣнцы. Распрягая, согрѣлась, раскраснѣлась, скинула шубку, скинула шаль на плечи и, привязавъ лошадь къ отдѣлившемуся въ дырявой стѣнѣ бревну, кормила ее хлѣбомъ. Въ раскрытую дверь несло серебристой пылью. Она стояла въ голубомъ шерстяномъ платьѣ, отъ котораго хорошо, душисто пахло. На волосахъ ея блестѣли остинки снѣга, глаза сіяли. Сосѣдскій теленокъ лѣзъ въ сѣнцы. Она нѣсколько разъ выгнала его, потомъ выскочила на порогъ. Ей казалось, что она опять живетъ дома, у батюшки съ матушкой, дѣвкой. Ее радовало, что она знаетъ, чей это теленокъ, и кому нужно крикнуть о немъ.

— Мишка, родимецъ тебя расшиби! — крикнула она, выскакивая на порогъ и радуясь, что можетъ, какъ своя, тутош-

няя, не обидно ругаться.—Я за твоимъ быкомъ больше гоняться не стану!

Въ сѣнцы, грызя подсолнухи, вошла подруга, та, на чей сговоръ она пріѣхала, дѣвка серьезная, съ широкими черными бровями, тоже наряженная, въ новомъ большомъ платкѣ стального цвѣта съ серебристыми листьями.

— Пойдемъ батюшку перевозить, — торопливо сказала ей дочь Аверкія.—Совсѣмъ помираетъ, за попомъ велѣлъ итить...

Аверкій, возбужденный и безсонной ночью, и первой мятелью, и переходомъ въ избу,—близкой смертью,—лежалъ въ розвальняхъ и слушалъ, какъ холодно, по-зимнему шумитъ вѣтеръ, несущій бѣлые хлопья, какъ шуршитъ сухой рѣшетникъ, сквозь который дуетъ онъ. Аверкій дрожалъ, ежился въ своемъ истертомъ полушубкѣ, накрытый для тепла пѣгими попонами, и все надвигалъ на лоснящійся лобъ свою глубокую шапку. Лицо у него было ждущее, но глаза, большіе, потемнѣвшіе, ничего не выражали. Онъ самъ, своими силами, шатаясь и пьянѣя отъ слабости, перебрался изъ телѣги на розвальни и съ дѣтскимъ довольствомъ думалъ: придутъ, чтобы перекладывать его, — анъ у него ужъ все готово, только за оглобли берись... Вдругъ раздался звонкій голосъ дочери:

— Батюшка! живъ?

Дочь, увидя его, внезапно заплакала: такъ великъ и древенъ показался ей этотъ живой покойникъ, съ остатками жидкихъ волосъ, отросшихъ до плечъ, въ шапкѣ, ставшей отъ ветхости какимъ-то высокимъ шлыкомъ, въ родѣ скуфьи, и въ длинномъ армякѣ цвѣта сухого ржаного хлѣба поверхъ полушубка. Онъ поздоровался съ ней чуть слышно. И, опустивъ глаза, она почти безъ помощи старухи потащила розвальни къ избѣ. И по бѣлоснѣжному покрову потянулись отъ риги до избы двѣ черныхъ полосы—траурный слѣдъ полозьевъ, все лѣто стоявшихъ на влажной землѣ.

IX.

На дворѣ сизѣли сумерки, но еще свѣтло было, бѣло отъ снѣга. А изба уже наполнялась сумерками.

Въ сумерки, весь въ снѣгу, нагибаясь на порогѣ низкой двери, вошелъ въ избу священникъ.

— Гдѣ онъ тутъ у васъ?—бодро крикнулъ онъ, и голосъ его раздался, какъ голосъ самой смерти.

Въ тихомъ страхѣ встала съ лавки старуха. (Дочь, не думая, что конецъ отца такъ близокъ, ушла на сговоръ). Упираясь дрожащими руками, приподнялся и самъ Аверкій

и замеръ въ ожиданіи, какъ вставшій изъ гроба. Въ темнотѣ мертвенно-блѣдно синѣло его ужасное лицо. Взглянувъ на него, священникъ понизилъ голосъ и быстро, такимъ тономъ, точно вошелъ въ избу еще кто-то, тотъ, для кого все это и дѣлалось, сказалъ:

— Шапку-то, шапку-то сними... Опомнись!

Аверкій стащилъ ее, положилъ на колѣни...

Потомъ затеплилась желтымъ огонькомъ восковая свѣча. Исповѣдавшись, причастившись, Аверкій чуть слышно спросилъ:

— Батюшка! Ну, какъ по-вашему,—вы это дѣло хорошо знаете,—есть ужъ *она* во мнѣ?

И священникъ, какъ бы снова почувствовавъ свою власть, отвѣтилъ ему громко и поспѣшно, почти грубо:

— Есть, есть. Пора, собирайся!

Не глядя на старуху, онъ поймалъ ея руку, въ которой ужъ давно отпотѣлъ приготовленный двугривенный, и поспѣшно шагнулъ за порогъ. Старуха, перекрестившись, подошла къ нарамъ и стала, подпирая рукой подбородокъ, наглядываясь въ послѣдній разъ на того, кого она такъ мало видѣла при жизни... „Пора, пора!“—крикнулъ на него священникъ. И онъ покорно легъ на спину, зажавъ свѣчу въ костлявыхъ пальцахъ. Сердце его млѣло, таяло — онъ плылъ въ туманѣ, въ предсмертной зыби. Желтый дрожащій свѣтъ скользилъ по его пепельнымъ губамъ, сквозившимъ въ рѣдкихъ усахъ, по блестящему острому носу, по большимъ лиловымъ яблокамъ закрытыхъ глазъ. Чувствуя чью-то близость, онъ сдѣлалъ надъ собой усиліе — хотѣлъ что-то сказать и пріоткрыть глаза. Но только дрогнуло его лицо. Можетъ, его пугалъ и безпокоилъ этотъ свѣтъ, эта черная дрожащая тьма, напоминающая церковь? И старуха, думая, что до конца еще далеко, тихо вынула свѣчу изъ рукъ Аверкія и, дунувъ на нее, сѣла возлѣ него.

И въ тишинѣ, въ темнотѣ Аверкію стало легче. Представился ему лѣтній день, лѣтній вѣтеръ въ зеленыхъ поляхъ, косогоръ за селомъ и на немъ — его могила... Кто это такъ звонко и такъ жутко кричитъ, причитаетъ надъ нею?

— Родимый ты мой батюшка, что̀ жъ ты себѣ сдумалъ, что̀ ты надъ нами сдѣлалъ? Кто жъ будетъ нами печалиться, кто будетъ заботиться? Родимый ты мой батюшка, я шла мимо вашего двора: никто меня не встрѣтилъ, никто не привѣтилъ! Я, бывало, батюшка, иду мимо васъ—ты меня встрѣчаешь, ты меня привѣчаешь! Ужъ ты грянь, громушекъ, просвѣтися, мо̀лонья, разступися, мать-сыра-земля! Ужъ вы дуньте,

вѣтры буйные,—вы раздуйте золотую парчу, распахните мово батюшку!

— Ахъ, это дочь! — подумалъ Аверкій съ радостью, съ нѣжностью, съ затрепетавшей въ груди сладкой надеждой на что-то...

Умеръ онъ въ тихой, темной избѣ, за окошечкомъ которой смутно бѣлѣлъ первый снѣгъ, такъ неслышно, что старуха и не замѣтила.

Капри. 14—22. II. 1913.

ПСАЛЬМА.

Я эту псàльму, этотъ южно-русскій сказъ слышалъ въ херсонскихъ плавняхъ, въ низовьяхъ Днѣпра, въ теплый и темный весенній вечеръ.

Сказывалъ и пѣлъ лирникъ Родіонъ, молодой нищій изъ-подъ кіевскаго города Василькова, рябой слѣпецъ, безъ поводыря странствовавшій куда Богъ на душу положитъ: отъ Гадяча на Сулу, отъ Лубенъ на Умань, отъ Хортицы къ гирламъ, къ лиманамъ...

Изъ конца въ конецъ Малороссіи странствовалъ и я въ ту весну. Весна выдалась ранняя. На сѣверѣ Приднѣпровья она была ясная, прохладная, съ звонкими „суховіями“, съ изумрудомъ озимей, съ голыми метлами хуторскихъ тополей, далеко видныхъ среди степныхъ равнинъ, гдѣ, какъ въ морѣ, были малы и терялись люди, пахавшіе на волахъ подъ яровое. А на югѣ тополя уже одѣлись, зеленѣли и церковно благоухали: пробѣгали надъ ними первыя апрѣльскія грозы. Розовымъ цвѣтомъ цвѣли сады, празднично бѣлѣли большія старинныя села, пестро наряжались молодыя казачки: еще недавно смолкъ пасхальный звонъ, на травѣ подъ вѣтряками еще валялась скорлупа крашеныхъ яицъ.

Въ гирлахъ днемъ было знойно, много стрекозъ вилось надъ очеретомъ, много „скиглило“ рыбалокъ, отражавшихся въ серебристыхъ разливахъ теплаго Днѣпра. Теплы и темны были ночи.

Отъ Херсона въ Никополь я плылъ на пароходѣ „Олегъ“, грязномъ, ветхомъ и необыкновенно людномъ. Весь дрожа, шумя колесами, медленно тянулся онъ среди необозримыхъ зарослей и полноводныхъ затоновъ. Въ первомъ классѣ „Олега“ никого не было, кромѣ какой-то дѣвицы, знакомой капитана, державшейся особнякомъ, подобно всѣмъ путешествующимъ без-

платно. Во второмъ было нѣсколько евреевъ, съ утра до ночи игравшихъ въ карты, и все молчалъ, все прогуливался и ровно ничего не требовалъ въ буфетѣ актеръ съ безстрастно-печальными глазами и синей щетиной на блѣдно-сѣромъ лицѣ. А въ третьемъ, на нижней палубѣ, набилось душъ полтораста хохлушекъ, переправляемыхъ весною съ мѣста на мѣсто, подобно рабочему скоту.

Днемъ у нихъ было страшно тѣсно и жарко; днемъ онѣ ѣли, пили и спали. Вечерами долго пѣли.

Въ эти сумерки я лежалъ на скамьѣ, на верхней палубѣ, глядя въ темнѣвшее небо. По палубѣ бродила, останавливалась и притворялась залюбовавшейся облаками на закатѣ знакомая капитана. Она накинула на голову, на модную прическу въ несмѣтныхъ шпилькахъ и гребняхъ, зеленый газъ, тонкій, какъ паутина, обвила его концы вокругъ шеи, и сумеречный вѣтерокъ чуть игралъ ими. Она была въ прозрачной кофточкѣ, высока и такъ хрупка станомъ, что, казалось, вотъ-вотъ онъ переломится. Одной рукой она придерживала газъ, другой—подолъ юбки, обтягивая и дѣлая стройнѣй ноги, и покусывала губы, стараясь придать имъ свѣжесть и яркость. А за нею все время слѣдилъ актеръ.

Актеръ бокомъ прислонился къ скамьѣ, закинулъ ногу на ногу, какъ бы показывая, что онъ ничуть не стѣсняется своими ужасными ботинками. Онъ поднялъ воротникъ клѣтчатаго пальто съ широкимъ хлястикомъ на поясницѣ, надвинулъ на лобъ широкополую шляпу и, шевеля тросточкой, поводилъ глазами. Въ первый день плаванія мы попробовали разговориться—и смолкли, почувствовавъ другъ къ другу ненависть. Онъ оказался однимъ изъ тѣхъ, что̀ переносятъ только слушателей, а не собесѣдниковъ. Онъ могъ говорить только о себѣ и объ искусствѣ. Малороссію, ея пѣсни, ея весеннюю красоту онъ опредѣлилъ однимъ словомъ: „Примитивно“. Знакомую капитана назвалъ выдрой.

Она гуляла, останавливалась, будто и не замѣчала его. Но взгляды изъ-подъ широкополой шляпы дѣлались все пристальнѣе. Внезапно вздрогнувъ, какъ бы отъ вечерней свѣжести, она вскинула брови, подхватила подолъ и съ беззаботнымъ видомъ побѣжала по трапу внизъ. И, прикрывъ глаза, актеръ притворился дремлющимъ. За мягкой чернотой вѣтряковъ и косогоровъ, слившихся съ затонами, съ густыми камышами, медленно блекли въ чемъ-то сумрачно-аломъ слабыя очертанія мутно-синихъ облаковъ. Въ вышинѣ, сквозь темный флеръ дыма, проступали мелкія, блѣдныя звѣзды. „Олегъ“, дымя, дрожалъ и однообразно шумѣлъ колесами... И вотъ, въ пол-

слуха, стройнымъ хоромъ запѣли на нижней палубѣ хохлушки, выспавшіяся за день.

Я въ тѣ годы былъ влюбленъ въ Малороссію, въ ея рѣки, въ ея села и степи, жадно искалъ сближенія съ ея прелестнымъ народомъ, жадно слушалъ пѣсни, душу его. Пѣлъ онъ чаще всего меланхолически, какъ и подобаетъ сыну степей и славнаго прошлаго: пѣлъ на церковный ладъ, какъ и долженъ пѣть тотъ, кто помнитъ не дни и не годы, а цѣлые вѣка, и чье рожденіе, трудъ, любовь, семья, старость и смерть—служеніе; пѣлъ то гордо, то строго, какъ потомокъ героевъ, а порою съ той глубокой и сдержанной нѣжностью, которая дается только силой. Въ людныхъ степяхъ, на ярмаркахъ, въ передвиженіяхъ гуртами на работы еще сопровождали его бандуристы и лирники, наводившіе мужчинъ на воспоминаніе о былой вольности, о казацкихъ походахъ, о чумакахъ и Азовѣ, а женщинъ—на пѣвучія думы о разлукѣ съ сыновьями, съ мужьями, съ любимыми. Богъ благословилъ меня счастьемъ видѣть и слышать многихъ изъ этихъ странниковъ, вся жизнь которыхъ была мечтой и пѣсней, душѣ которыхъ были одинаково близки и вчерашній день, и дни Богдана, и дни Сѣчи, и дни Святополка,—тѣ, за которыми уже проступаетъ синева Карпатскихъ хребтовъ, и близки древне-славянскія, придунайскія низменности. Родіонъ былъ молодъ и неизвѣстенъ. Онъ случайно пристрялъ къ женщинамъ, плывшимъ отъ Херсона въ Никополь, въ Александровскъ, и говорилъ, что даже не считаетъ себя пѣвцомъ. Но пѣвецъ онъ былъ удивительный. Если онъ еще живъ,—Богъ, вѣрно, далъ ему старость счастливую и отрадную за ту радость, что̀ давалъ онъ людямъ.

Слѣпые—народъ сложный, тяжелый; или преступный, или не въ мѣру благочестивый, вѣчно жалующійся на свою нищету, любящій лохмотья и корыстный. Родіонъ не похожъ былъ на слѣпца. Простой, открытый, онъ совмѣщалъ въ себѣ все: и строгость и нѣжность, и горячую вѣру и безвѣріе, и серьезность и беззаботность. Онъ пѣлъ и псàльмы и думы, и про Божію Матерь и про Хому, и легкость, съ которой онъ мѣнялся, которая была бы въ другомъ непріятна, въ немъ была очаровательна: онъ принадлежалъ къ тѣмъ рѣдкимъ людямъ, все существо которыхъ—умъ, талантъ, чуткость и мѣра. Если бы онъ снялъ съ плеча свой холщевый мѣшокъ, никто и не подумалъ бы, что это нищій: такъ чистъ и опрятенъ былъ онъ. Голова у него была небольшая, темные волосы, ровно подрубленные въ кружокъ, закрывали половину лба. Сухое рябое лицо съ закрытыми и глубоко запавшими маленькими вѣ-

ками обычно ничего не выражало. Но, когда онъ говорилъ или пѣлъ, онъ однѣми бровями и улыбками, озарявшими его лицо на сотни ладовъ, выражалъ самыя тончайшія и разнообразнѣйшія чувства и мысли. Ростомъ онъ былъ невеликъ, плечи имѣлъ узкія, покатыя и худощавыя, пальцы сухіе и цѣпкіе. Носилъ короткую и толстую сермяжную свитку, огромные сапоги. И чудесно, по-славянски, краснѣла ленточка, которой завязывалъ онъ воротъ своей сорочки изъ суроваго холста.

Вечерами на „Олегѣ“ онъ всегда пѣлъ или прежде, или послѣ всѣхъ.

Въ этотъ вечеръ начали женщины—со старинной казацкой пѣсни о сынѣ и матери, ласково и безнадежно уговаривавшей его не губить своей молодости даромъ, ради одной удали. Мать съ сыномъ бесѣдовали,—и бесѣда ихъ, такая наивная, у всякаго могла бы вызвать улыбку, если бы не въ эту протяжную, спокойную и грустную пѣсню выливалась она.

— Ой ты, сыну, мій сынъ, ты, дытына моя!—ласково укоряла мать, уговаривая сына не пить.

— Якъ горилки напьюсь, то й ума наберусь,—отвѣчалъ ей сынъ беззаботно, но съ такой безнадежностью, съ такой твердой вѣрой въ неизбѣжность гибели, что не до улыбки было слушателю.

Кончивъ одну пѣсню, женщины долго не запѣвали другой: запѣли-было въ три голоса мѣщанскую, про „баламутовъ“, и бросили, точно чувствуя, что актеръ сталъ сквозь зубы подтягивать. Родіонъ,—онъ сидѣлъ на открытомъ мѣстѣ на кормѣ, почти подо мной,—вполголоса занылъ первыя строки пѣсни, еще болѣе старой, чѣмъ о матери и сынѣ:

— Край Дунаю трава шумыть, а въ тій трави козакъ лежыть...

— Варко! Люде сплять?—окликнулъ онъ кого-то, видимо, повторяя что-то всѣмъ извѣстное, ставшее смѣшнымъ—и ему отвѣтили сдержаннымъ радостнымъ смѣхомъ.

И долго только шутки, тихій говоръ слышались въ дремотѣ теплаго и темнаго вечера, среди ровнаго, ночного шума колесъ. Кое-гдѣ по темнымъ берегамъ мелькали поздніе огоньки. Вдали, на чуть видномъ затонѣ, сливавшемся съ черными камышами, ночной рыбакъ лучилъ рыбу: спокойное отраженіе его огня было похоже на большую восковую свѣчу. Кто-то заговорилъ о Кіевѣ, о базарахъ на Подолѣ. Можетъ-быть, глядя на это отраженіе, вспомнили о Софіевскомъ соборѣ, о Михайловскомъ и стали съ умиленіемъ дивиться ихъ красотѣ и ужасаться картинамъ Страшнаго Суда, которыми славятся

многія кіевскія церкви. Тогда, какъ бы продолжая эту мѣрную рѣчь, въ ладъ ей, медленно и пѣвуче заныла, заскрежетала и зажужжала старая лира Родіона.

Онъ какъ бы перебиралъ въ своей памяти картины церквей, соборовъ, проходовъ подъ златоверхими колокольнями, темныхъ и тѣсныхъ полуподземныхъ придѣловъ. И, дойдя до картинъ судныхъ, усилилъ тонъ: лира его зажужжала и запѣла смѣлѣе, тверже. Послышались вздохи, слабыя восклицанія нѣжности и грусти. И онъ еще усилилъ—и сквозь восточную, степную меланхолію его мотива ясно проступило подобіе средневѣковаго органнаго хорала. Онъ овладѣлъ собою, овладѣлъ слушательницами—и сталъ имъ, матерямъ и невѣстамъ, сказывать то, что̀ такъ близко было имъ,—о сиротѣ и о мачехѣ,—мѣшая органныя угрозы и назиданія съ пѣсней и мягкими славянскими укорами.

— Ой, зашумилы лугы ще й быстріи рикы!—вздохнулъ и строго сказалъ онъ, возвысивъ голосъ и заглушивъ лиру.

И пояснилъ, снова уступая мѣсто ея звенящему жужжанію:

— Померла матинка—зосталыся диты...

Потомъ онъ просто и серьезно сталъ напоминать женскому сердцу, и безпощадному и жалостливому, какова она, эта сиротская доля. Отецъ,—сказалъ онъ,—тотъ утѣшится:

— Отець жону знайде, буде въ пари жыты...

А сиротамъ никто не замѣнитъ родной матери:

— Нещасни сыритки—ти пидуть служыты...

Но не спасетъ ихъ,—сказалъ онъ,—никакая служба, никакая работа:

— Що сырота ро̀быть,—робота ни за̀ що, а люде гово̀рять: сырота ледащо. Що сырота робыть,—робота не мила, а мачуха судыть: сырота линыва...

Однимъ тономъ словъ и лиры онъ далъ трогательный образъ сироты, этого всѣмъ чужого, покорнаго ребенка, этой стриженой, босой, въ грязной сорочкѣ и старенькой плахтѣ дѣвочки. Она долго опускала заплаканные глазки, долго надѣялась терпѣніемъ и непосильнымъ трудомъ снискать хотя бы милость мачехи,—но напрасно: даже родной отецъ, боясь этой безжалостной, хозяйственной женщины, избѣгалъ глядѣть на свою сироту. А если ужъ родному отцу въ тягость собственное дитя, то гдѣ же правда, гдѣ справедливость, гдѣ состраданіе? Ихъ надо искать по свѣту, по міру, гдѣ-то тамъ, куда скрылась мать, сердце матери, единственный нескудѣющій источникъ нѣжности... И, опять со вздоха возвышая свой грудной, степной голосъ, опять усиливая звенящій тонъ лиры, Родіонъ продолжалъ:

— Ой, пишла сыритка темнымы лугамы,—вмывается сыритка дрибными сльозамы. Не могла сыритка мачуси вгодыты,—ой, пишла сыритка по свиту блудыти: по свиту блукаты, матинки шукаты...

Сынъ народа, еще не раздѣляющаго земли и неба, онъ просто и кратко разсказалъ о страшной встрѣчѣ грязной и босой дѣвочки,—о встрѣчѣ ея въ темныхъ лугахъ и о бесѣдѣ ея съ Самимъ Господомъ:

— Тай зустривъ ii Господь, ставъ ii пытаты: „Куда йдёшь, сыритка?“—„Матери шукаты“.—„Ой, не йди, сыритка,—бо далеко зайдешь, вже жъ своей матинкы й по викъ не знайдешь: бо твоя матинка на высокій гори, тило спочывае у смутному гроби“...

Съ нѣжностью, но все такъ же просто передалъ онъ и жуткое свиданіе, горькую „розмову“ сироты съ матерью,—съ Ангеломъ, отзывавшимся изъ могилы за усопшую:

— Ой, пишла сыритка на той гробъ рыдаты,—чи не обизвется зъ гробу ридна маты? Обизвався Янголь, якъ ридная маты, та й ставъ ii стыхо, словесно пытаты: „Хто це гирко плаче на моему гроби?“—„Охъ, це я, матинка: приймы мене къ соби!“—„Насыпано земли, що вже я не встану, склепылыся очи, вже й на свитъ не гляну. Охъ, якъ тяжко, важко каминня глодаты! А ще й тяжче, важче тебе къ соби взяты: нема жъ тутъ, сыритко, ни исты, ни пыты,—тилькы веливъ Господь въ сырій земли гныты. Пишла бъ ты, сыритко, мачухы бъ просыла: може бъ змылувалась—сорочку пошыла“...

И съ непередаваемой трогательностью отвѣтилъ ребенокъ Ангелу-Матери:

— Я жъ ii просыла, я жъ ii годыла! А злая мачуха сорочкы не шыла...

Какъ всѣ истинные художники, Родіонъ,—или не Родіонъ, а народъ, устами котораго онъ говорилъ,—зналъ силу этой простоты, зналъ, что въ простомъ кроется самое драгоцѣнное, что̀ есть въ сердцѣ человѣка. Онъ сказалъ и смолкъ, опустивъ незрячія очи и наслаждаясь тѣми счастливыми вздохами, которыми сопровождаются горькія и обильныя слезы. И, насладившись, опять грозно и радостно возвысилъ голосъ—и развернулъ уже иныя картины—картины суда, жестокаго возмездія:

— Посылае Господь-Богъ Янголивъ одъ Себе, — сказалъ онъ торжественно, чистымъ и звонкимъ голосомъ: — визмить ту сыритку до ясного неба! Посадыть сыритку у свитлому раю, у Господа-Бога, у чести и слави!

И со скрежетомъ и звономъ лиры далеко разлилъ свой зазвенѣвшій отъ радостнаго гнѣва плачъ:

— Посылае Господь-Богъ пекельныхъ зъ пекла—по злую мачуху и по ii душу: „Злитайтесь, пекельни, изъ ливого боку, а тягнить мачуху зализнiимъ гакомъ! Пиднимить мачуху у гору высоко, закыньте мачуху у пекло глыбоко!..“

Кончивъ, онъ опять помолчалъ и твердо сказалъ обычнымъ голосомъ, безъ лиры:

— Слухайте жъ, люде: хто сыроты мае,—нехай доглядае й на путь наставляе.

И, сказавъ, уже не нарушилъ молчанiя ни единымъ добавленiемъ: только долго покрывалъ свои послѣднiя слова однообразнымъ и меланхолическимъ нытьемъ, ропотомъ лиры, какъ бы смягчая силу впечатлѣнiя, какъ бы снова уходя къ востоку, къ степямъ, къ Азiи...

Актеръ спалъ, прислонясь къ скамьѣ. Всходила большая теплая луна,—видно было его лицо, грустное во снѣ. Тускло золотились подъ луною дальнiя чащи черныхъ камышей. Широкiй золотой столбъ уходилъ въ зеркальную глубину между ними, и жабы, чувствуя лунный свѣтъ, начали сладострастно, изнемогая, стонать въ нихъ. Слѣдуя изгибамъ затоновъ, „Олегъ“ поворачивалъ, и тянуло то тепломъ, то сыростью, свѣжестью и гнилью — весною, плавнями. Только крупныя звѣзды остались надо мною, и дымъ поднимался къ нимъ прямѣй, выше...

А записывалъ я псальму про сироту въ Никополѣ, въ жаркiй полдень, среди многолюднаго базара, среди телѣгъ и воловъ, запаха ихъ помета и сѣна, сидя на землѣ. Диктовалъ Родiонъ ласково и снисходительно, повторяя одно и то же по нѣскольку разъ, и порою останавливался, сдерживая легкую досаду, порою поощрялъ меня, какъ старательнаго, но малоспособнаго ученика. Когда мы кончили, онъ долго что-то додумывалъ, и солнце пекло его непокрытую голову. Потомъ въ тонкой улыбкой намекнулъ насчетъ корчмы. Я положилъ въ его ладонь нѣсколько пятаковъ. Онъ быстро зажалъ ихъ, быстро приподнялся, взявъ лиру подъ-мышку, и, поймавъ мою руку, радостно и осторожно поцѣловалъ ее.

Анакапри. 28. II. 1913.

ВѢРА.

Въ лунный осенній вечеръ, сырой и холодный, Стрешневъ приказалъ осѣдлать лошадь.

Лунный свѣтъ полосой голубого дыма падалъ въ продолговатое окошечко темнаго денника, самоцвѣтнымъ камнемъ зажигая глазъ верхового мерина. Работникъ накинулъ на него узду и тяжелое, высокое казацкое сѣдло, вытащилъ его за поводъ изъ конюшни, узломъ закрутилъ ему хвостъ. Меринъ былъ покоренъ. Только глубоко, раздувая ребра, вздохнулъ, когда почувствовалъ подпруги. Одна подпруга была оборвана. Работникъ едва вдѣлъ ее въ пряжку и затянулъ зубами.

Кургузый, подъ сѣдломъ, меринъ сталъ щеголеватѣй. Доведя его до дома, до крыльца, работникъ замоталъ поводъ вокругъ гнилого столба и ушелъ. Меринъ долго щеплялъ, грызъ желтымъ зубомъ столбъ. Иногда дулся, нылъ и ревѣлъ нутромъ. Въ лужѣ возлѣ него зеленовато отражалась неполная луна. Въ рѣдкомъ саду осѣдалъ прозрачный туманъ.

Стрешневъ, держа въ рукѣ арапникъ, вышелъ на крыльцо. Горбоносый, съ маленькой, откинутой назадъ головой, сухой, широкоплечій, онъ былъ тоже высокъ и по-охотничьи щеголеватъ, въ коричневой поддевкѣ, перетянутой по тонкой таліи ремнемъ съ серебрянымъ наборомъ, въ казачьей шапкѣ съ краснымъ верхомъ. Но и при лунѣ было видно, что ему подъ сорокъ, что у него поблекшее, обвѣтренное лицо, жесткая кудрявая борода съ просѣдью и жилистая шея, что длинные сапоги его стары, на полахъ поддевки — темныя пятна давно засохшей крови, къ которой прилипла заячья шерсть.

Въ темномъ окнѣ возлѣ крыльца открылась форточка. Робкій голосъ спросилъ:

— Андрюша, ты куда?

— Я не маленькій, мамаша,—сказалъ Стрешневъ, берясь за поводъ.

Форточка закрылась. Но въ сѣняхъ стукнула дверь. Шлепая туфлями, на порогъ вышелъ Павелъ Стрешневъ, одутловатый, съ запухшими глазами, съ зачесанными назадъ матово-сѣдыми волосами, въ бѣльѣ и старомъ лѣтнемъ пальто, какъ всегда, полупьяный и болтливый.

— Ты куда, Андрей?—хрипло спросилъ онъ.—Прошу передать мой душевный привѣтъ Вѣрѣ Алексѣевнѣ. Я всегда глубоко уважалъ ее.

— Кого ты можешь уважать? — отвѣтилъ Стрешневъ.—И какъ тебѣ не стыдно. Что ты лѣзешь постоянно не въ свое дѣло?

— А! Значитъ, я не далекъ отъ истины, — сказалъ Павелъ.—На прощальное свиданье спѣшитъ любовникъ молодой...

Стрешневъ, стиснувъ зубы, сталъ садиться. Какъ только нога его коснулась стремени, меринъ ожилъ, тяжело завертѣлся. Улучивъ минуту, Стрешневъ легко поднялся и грузно опустился на заскрипѣвшій арчакъ. Меринъ задралъ голову и, разбивъ копытомъ луну въ лужѣ, тронулъ бодрой иноходью.

Въ сырыхъ лунныхъ поляхъ тускло бѣлѣла полынь на межахъ. Большекрылыя совы безшумно, неожиданно взвивались съ межъ—и лошадь всхрапывала, шарахалась. Дорога вошла въ мелкій лѣсъ, мертвый, холодный отъ луны и росы. Луна, яркая и точно мокрая, мелькала по голымъ верхушкамъ, и голые сучья сливались съ ея влажнымъ блескомъ, исчезали въ немъ. Горько пахло осиновой корой, оврагами съ прѣлой листвою... Вотъ спускъ въ разлужья, какъ будто бездонныя, залитыя тонкимъ бѣлымъ паромъ. Бѣлымъ паромъ дышитъ и меринъ, пробираясь среди кустарниковъ, стеклянныхъ отъ росы. Хрустъ сучковъ подъ копытами отдается на той сторонѣ, въ высокомъ лѣсу, темнѣющемъ по скату горы. Вдругъ меринъ насторожилъ уши. Два плечистыхъ, толстогорлыхъ, тонконогихъ волка стояли въ свѣтломъ дыму разлужья, среди грязи и лужъ. Близко подпустивъ Стрешнева, они взметнулись и неуклюжимъ галопомъ пошли въ гору, по бѣлой отъ изморози, радужно сіяющей травѣ.

— А если она еще на день останется? — сказалъ Стрешневъ, откидывая голову, глядя прямо на луну.

Луна стояла надъ пустынными серебристо-туманными лугами направо... Осенняя печаль и красота!

— Если такъ,—сказалъ Стрешневъ:—если такъ...

Меринъ, скрипя арчакомъ, натуживаясь и ноя сильнымъ

нутромъ, поднимался въ частый высокій лѣсъ, по глубокой ложбинѣ размытой ручьями дороги, и вдругъ, оступившись, чуть не рухнулъ на землю. Стрешневъ яростно перекосилъ лицо и со всей силы ударилъ его по головѣ арапникомъ.

— У, старая собака!—крикнулъ онъ съ тоскливой злобой на весь звонкій лѣсъ.

За лѣсомъ широко открылись пустыя поля. На огромномъ скатѣ, среди темныхъ гречишныхъ жнивій, стояла бѣдная усадьба, кое-какія службы, домъ, крытый соломой. За домомъ спускался къ пруду изсохшій садъ, низкія искривленныя яблони, голыя палки прививокъ. Какъ печальны онѣ при лунѣ! Стрешневъ остановился. Казалось, что поздно, поздно,—такъ тихо было кругомъ. Онъ объѣхалъ домъ. Домъ былъ теменъ. Бросивъ поводъ, Стрешневъ соскочилъ съ сѣдла. Меринъ остался стоять съ покорно опущенной головой. На крыльцѣ, положивъ морду на лапы, калачикомъ свернулась старая гончая собака. Она не двинулась, только посмотрѣла, поднявъ брови, и съ слабымъ привѣтомъ постучала хвостомъ. Стрешневъ вошелъ въ сѣни, пахнущія изъ чулана старымъ отхожимъ мѣстомъ. Въ передней былъ сумракъ, стекла, въ холодномъ поту, золотились. Изъ темнаго коридора безшумно выбѣжала небольшая женщина въ легкомъ свѣтломъ капотѣ. Стрешневъ наклонился. Она быстро и крѣпко обвила его сухую шею обнажившимися руками и радостно, тихо заплакала, прижимая голову къ жесткому сукну поддевки. Слышно было, какъ по-дѣтски бьется ея уже немолодое сердце, чувствовался крестикъ на ея груди, золотой, бабушкинъ—послѣднее богатство.

— Ты до завтра? — быстрымъ шопотомъ спросила она.— Да? Я не вѣрю своему счастью!

— Я пойду, Вѣра, лошадь убрать, — сказалъ Стрешневъ, освобождаясь.—До завтра, до завтра, — сказалъ онъ, думая: „Боже мой, съ каждымъ днемъ все восторженнѣй, все ревнивѣй, все несноснѣй! А какъ она много куритъ, какъ неумѣренна въ ласкахъ! И жалко вретъ, думая возбудить во мнѣ зависть, разсказывая, что за ней ухаживаютъ... О! — подумалъ онъ, внезапно озлобляясь.—Видѣть не могу!“

Лицо Вѣры было нѣжно, бархатисто отъ пудры. Она осторожно проводила щекой по его губамъ, потомъ крѣпко цѣловала въ губы мягкими губами. Крестъ блестѣлъ на ея раскрытой груди. Она надѣла тончайшую сорочку — завѣтную, хранимую для самыхъ важныхъ моментовъ, единственную. Голыя бедра ея были холодны... „Какъ твердо зналъ я,—думалъ Стрешневъ, стараясь возбудить себя, вспомнить ее мо-

лоденькой дѣвушкой: — какъ твердо зналъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ, что отдамъ, ни минуты не колеблясь, пятнадцать лѣтъ жизни за одно свиданіе съ ней!“

Передъ разсвѣтомъ на полу возлѣ постели горѣла свѣча. Стрешневъ, длинный, въ сапогахъ и шароварахъ, въ разстегнутой косовороткѣ, спалъ на спинѣ, важно отклонивъ въ сумракъ маленькое горбоносое лицо, закинувъ за голову руки. Вѣра сидѣла возлѣ него, облокотясь на колѣно. Блестящія глаза ея были красны, опухли отъ слезъ. Она курила и тупо глядѣла въ полъ. Она положила ногу на ногу. Маленькая нога ея въ черномъ чулкѣ и лёгкой, дорогой ботинкѣ очень нравилась ей. Но боль сердца была слишкомъ сильна.

— Я для тебя всѣмъ пожертвовала,—тихо сказала она, и губы ея опять задрожали.

Стрешневъ уже тысячу разъ слышалъ это. Но въ голосѣ ея было столько нѣжности, дѣтскаго горя! Однако, открывая глаза, онъ холодно спросилъ:

— Чѣмъ ты пожертвовала?

— Всѣмъ, всѣмъ. И прежде всего здоровьемъ, молодостью...

— Мы съ тобой не Богъ вѣсть какъ молоды.

— Какой ты грубый, нечуткій!—ласково сказала она.

— Во всемъ мірѣ всѣ женщины говорятъ одно и то же. Любимое слово, только произносимое разно. Сперва съ восторгомъ, съ восхищеніемъ: „Ты такой умный, чуткій!“ Потомъ: „Какой ты грубый, нечуткій!“.

На этотъ разъ она не стала спорить. Тихо плача, она продолжала, какъ бы не слушая:

— Пусть изъ меня ничего не вышло. Но музыку я любила и люблю страстно и хоть немногаго, но добилась бы...

— Ахъ, не музыку. И какъ только Падарскій...

— Грубо, Андрюша... А теперь я — жалкая институтская таперша, и гдѣ же! Въ томъ самомъ проклятомъ городѣ, который я всегда такъ ненавидѣла! Каждый отпускъ мнѣ стоитъ столькихъ униженій, лжи, лести... Пойми—я два года не разговариваю съ родной матерью! Ты думаешь, она не знаетъ? А развѣ я не могла бы и теперь еще найти человѣка, который далъ бы мнѣ покой, семью и любилъ и уважалъ бы меня? Боже, какъ я страшно измѣнилась, поблекла! Гдѣ мой стыдъ, гордость!

Стрешневъ закурилъ, сталъ отвѣчать медленно, раздѣляя слова:

— Вѣра, я не гожусь для романа. Я старикъ, мнѣ стыдно... Мы, русскіе, не умѣемъ любить. Это отрава для насъ, мы этого не переносимъ, какъ вотъ никотинъ нѣкоторыя натуры...

И это я, а не ты, загубилъ себя. Пятнадцать, шестнадцать лѣтъ тому назадъ я пріѣзжалъ сюда каждый день и готовъ былъ ночевать у твоего порога... Мы, дворянскія дѣти, поздно развиваемся. Я тогда былъ еще мальчишка, восторженный и нѣжный дуралей...

Папироска потухла. Онъ далеко отшвырнулъ ее, уронилъ руку вдоль тѣла, глядя въ потолокъ.

— У дѣда изъ потайного ящичка бюро я укралъ женское золотое колечко — онъ, говорятъ, нашелъ его въ склепѣ, въ прадѣдовской могилѣ. Любовь прадѣдовъ, тѣхъ, чьи портреты поблекли въ овальныхъ рамкахъ съ золотой бумажкой вокругъ синей, любовь огаревскихъ дней, когда „шиповникъ алый цвѣлъ, стояла темныхъ липъ аллея“... Образъ Гурія, Самона и Авива, покровителей нашихъ древнихъ семей, въ серебряномъ окладѣ черкасской работы... Кому, какъ не намъ съ тобой, назначалось все это? Я, дуракъ, стихи писалъ!

Любя тебя, мечталъ я о мечтавшихъ,
Любившихъ здѣсь сто лѣтъ тому назадъ—
И по ночамъ ходилъ въ заглохшій садъ,
При свѣтѣ звѣздъ, ихъ нѣкогда видавшихъ...

Онъ взглянулъ на Вѣру. Лицо ея показалось ему сухо. Онъ заговорилъ рѣзче:

— Зачѣмъ ты ушла—и за кѣмъ!—изъ своего рода, изъ своего племени? Мы должны умереть въ немъ. Будь мы трижды прокляты, но это такъ! Сколько сумасшедшихъ отъ любви въ нашихъ, дворянскихъ, лѣтописяхъ! Но это лучше, лучше—мы для теперешнихъ распутныхъ романовъ не годимся.

Онъ приподнялся и сталъ въ упоръ, злыми глазами глядѣть на ея черные сухіе волосы:

— Я о тебѣ, съ восторгомъ, съ благоговѣніемъ, только какъ о женѣ думалъ. А когда насъ свела судьба? Вò-время? И по чьей винѣ? И чѣмъ ты мнѣ стала? Женой развѣ? А была молодость, радость, чистота, темный румянецъ, батистовая косоворотка... Пріѣзжать къ вамъ каждый день, видѣть твое платье, тоже батистовое, легкое, молодое, видѣть твои голыя руки, почти черныя отъ солнца и отъ крови нашихъ предковъ, татарскіе сіяющіе глаза—не видящіе меня глаза!—желтую розу въ угольныхъ волосахъ, твою тогда глупую, изумленную какую-то, но прелестную улыбку, даже то, какъ ты уходишь отъ меня по дорожкѣ сада, думая о другомъ, а притворяясь, что играешь, гонишь крокетный шаръ, слышать оскорбительныя фразы твоей матери съ балкона—это было для меня...

— Она, а не я во всемъ виновата,—съ трудомъ сказала Вѣра.

— Все равно... Помнишь, какъ ты въ первый разъ уѣзжала въ Москву, собиралась, разсѣянно пѣла что-то, не видя меня, поглощенная своими мечтами, увѣренностью въ счастьѣ? Я васъ поѣхалъ провожать верхомъ, въ ясный холодный вечеръ... Блестѣли яркія зеленя, розовѣли жнивья и занавѣска въ открытомъ окнѣ вагона... Ахъ, эти Тургеневы!—сказалъ Стрешневъ со злобой и опять легъ на подушку.—Отъ твоей руки, чуть пахнувшей вербеной, остался запахъ и на моей рукѣ. Онъ смѣшался съ запахомъ сыромятнаго повода, сѣдла, пота лошади—и я цѣловалъ свою ладонь, ѣхалъ въ сумеркахъ, по большой дорогѣ, чувствовалъ всю тебя, до послѣдняго изгиба тѣла, до малѣйшаго оттѣнка въ голосѣ — и плакалъ... Если ужъ кто пожертвовалъ всѣмъ, всей своей жизнью, такъ это я, старый пьяница!

И, чувствуя на губахъ соленыя слезы, катившіяся по щекамъ, по усамъ, Стрешневъ скинулъ съ постели сапоги и вышелъ вонъ изъ комнаты.

Луна садилась. Бѣлый рыхлый туманъ стоялъ подъ скатомъ, мертвенно синѣя. Далеко за нимъ занималась багряная заря. Далеко, въ холодномъ потемнѣвшемъ лѣсу, пѣлъ пѣтухъ въ сѣнцахъ караульщика.

Стрешневъ сѣлъ на ступеньки крыльца, чувствуя, какъ обливаетъ холодной сыростью его тѣло подъ тонкой рубашкой.

— А потомъ, конечно, роли перемѣнились,—сказалъ онъ тихо, съ отвращеніемъ.—Я ненавижу ее, какъ собаку! Ну, да теперь все равно. Конецъ...

Утромъ пили чай съ кренделями въ холодной прихожей, на огромномъ сундукѣ. Самоваръ стоялъ на немъ нечищенный, позеленѣвшій, давно потухшій. Холодный потъ, покрывавшій окно, сошелъ съ верхняго стекла. Виденъ былъ въ него солнечный блескъ морознаго утра, корявое дерево въ безцвѣтной, кое-гдѣ уцѣлѣвшей зелени. Босая, опухшая отъ сна рыжая дѣвка вошла и сказала:

— Митрій пріѣхалъ.

— Подождетъ,—отвѣтилъ Стрешневъ, не поднимая глазъ.

Не поднимала глазъ и Вѣра. Лицо ея похудѣло за ночь, подъ глазами и вокругъ вѣкъ былъ коричневый налетъ. Черное платье дѣлало ее моложе и красивѣе, отъ черныхъ волосъ пудра на лицѣ казалась розовѣе. Сухое, жесткое лицо Стрешнева было мертвенно, откинуто назадъ. Сквозь жесткую, курчаво-сѣрую бороду глядѣлъ большой кадыкъ.

На дворѣ слѣпило низкое солнце. Все крыльцо было сѣдое отъ мороза. Морозъ солью лежалъ на травѣ, на сизо-зеленыхъ

раковинахъ капустныхъ листьевъ, раскиданныхъ по двору. Мужикъ, съ оловянными глазами, пріѣхавшій къ крыльцу въ телѣгѣ, набитой соломой, тоже заиндивѣвшей, ходилъ вокругъ телѣги, уминалъ солому, держа въ зубахъ трубку, и черезъ плечо его тянулся сиреневый дымъ. Вѣра вышла на крыльцо въ дорогой и легкой, но уже ветхой старомодной шубкѣ и въ лѣтней шляпкѣ изъ черной соломы съ жесткими, ржаво-атласными цвѣтами.

Проводилъ ее Стрешневъ по отпотѣвшимъ проселочнымъ дорогамъ до большой дороги. Ѣхалъ за телѣгой. Меринъ тянулся къ соломѣ. Онъ стегалъ его по мордѣ арапникомъ, меринъ задиралъ голову и трудно хрипѣлъ нутромъ. Плелись шагомъ и молчали. Сзади бѣжала увязавшаяся за Стрешневымъ старая гончая собака. Низкое солнце пригрѣвало, небо было легкое, ясное.

Возлѣ большой дороги мужикъ неожиданно сказалъ:

— А я, барышня, опять пригоню на лѣто къ вамъ своего мальчишку. Я его опять къ вамъ въ пастушата предназначилъ. Скажите за ради Бога мамашѣ!

Вѣра обернулась съ застѣнчивой улыбкой. Стрешневъ снялъ шапку, наклонился съ сѣдла, взялъ ея руку и поцѣловалъ долгимъ поцѣлуемъ. Она прильнула губами къ его сѣдѣющей головѣ, тихо сказала:

— Будь здоровъ, дорогой. Не поминай лихомъ.

По большой дорогѣ мужикъ загремѣлъ телѣгой, поѣхалъ рысью. Стрешневъ повернулъ, поѣхалъ назадъ безъ дороги, по жнивьямъ. Собака издали сопровождала его, четко видная среди золотыхъ полей. Онъ останавливался, грозилъ ей арапникомъ. Она тоже останавливалась, садилась.—„Куда же я пойду?“—какъ бы спрашивала она. И какъ только онъ трогался, опять неспѣшной рысцой бѣжала за нимъ. Думалъ онъ о далекой станціи, блестящихъ рельсахъ, дымѣ уходящаго къ югу поѣзда...

Въ голыхъ, мѣстами каменистыхъ лугахъ, куда онъ спустился, было почти жарко. Беззвучно сіялъ осенній день голубымъ чистымъ небомъ надъ головою. Великая тишина стояла надъ пустыми полями, надъ оврагами, надо всей великой русской степью. Медленно плыла по воздуху вата съ татарокъ, съ изсохшихъ репьевъ. На репьяхъ сидѣли щеглы. Такъ они будутъ сидѣть цѣлый день, только изрѣдка перелетая, перенося свою тихую, прелестную, можетъ-быть, счастливую жизнь.

Капри. 31. XII. 1912.

ВЕСНА.

Въ Княжòмъ праздникъ—весна.

По утрамъ долго держится липкая ржавая роса въ зарослях сада, на кустахъ смородины, на крапивѣ и бурьянѣ за сараями. Днемъ жарко, весело, въ голубомъ небѣ круглятся бѣлыя красивыя облака. Припекаетъ облупившуюся желѣзную крышу дома, мохнатыя бревенчатыя стѣны его, черныя стекла оконъ. Въ слуховомъ окнѣ, противъ солнца, воркуютъ голуби. На сохнущемъ и разсыпающемся фундаментѣ, на сирени палисадника липнетъ много крупныхъ мухъ. Караковый жеребецъ князя стоитъ въ поварской противъ дома—въ длинной черной избѣ крѣпостныхъ временъ. Онъ безпокоится, не ѣстъ овса, насыпаннаго въ лотокъ на лавкѣ. Просунувъ голову въ окно безъ рамы, онъ глядитъ на широкій зазеленѣвшій дворъ и жалобно-страстно ржетъ.

Князь понемногу приходитъ въ себя послѣ долгой зимы. И эту зиму запивалъ онъ—все отъ одиночества, какъ говорятъ всѣ; когда бывалъ трезвъ, ходилъ на охоту, игралъ въ карты у лавочника, сидѣлъ въ людской съ работниками, случалось, и обѣдалъ съ ними, а не то читалъ въ своемъ тепломъ кабинетѣ и часовъ въ шесть ложился спать. Теперь онъ выходитъ изъ дому чаще, отдаетъ распоряженія. Безстрастно восточное лицо его съ большими сѣдѣющими усами.

Князь вспомнилъ, что пора чистить, подметать садъ: ужъ таковъ споконъ вѣку обычай въ Княжòмъ. И приказываетъ старостѣ пригнать дѣвокъ-поденщицъ. Дѣвки весь день поютъ, сгребая листву по аллеямъ, по дорожкамъ, ихъ красные и желтые сарафаны мелькаютъ въ полуголомъ, нѣжно зеленѣющемъ саду. А вскорѣ веселѣетъ и домъ: растворены двери на крыльцо, лѣзутъ въ домъ собаки, раскраснѣвшаяся баба съ подоткнутымъ подоломъ и колѣнками цвѣта моркови бьетъ

ихъ мокрой ветошкой, бѣгаетъ, согнувшись, среди ведеръ съ горячей водой; въ рамахъ, съ трескомъ выдираемыхъ ею, сверкаютъ на солнцѣ стекла и зеркальными зайчиками озаряютъ потолки. Льется теплый, солнечный воздухъ въ комнаты, шумятъ воробьи на сирени возлѣ дома, замираетъ на горячемъ подоконникѣ первая бабочка... Князь, въ одной косовороткѣ, въ плисовыхъ, вытертыхъ шароварахъ и дегтярныхъ сапогахъ, ходитъ съ работниками по осѣкѣ за сараемъ, выставляетъ изъ омшанника колодки, полныя сердитаго и пѣвучаго жужжанія.

Въ воскресенье на Ѳоминой, какъ опять-таки ведется споконъ вѣку, молятся въ полѣ, на озимяхъ. Молится все село, заказываетъ молебенъ и платитъ изъ своихъ скудныхъ средствъ—князь.

Ночь наканунѣ холодная и лунная. Дѣвки-поденщицы долго не спятъ, сидятъ на крыльцѣ людской, вполголоса поютъ и оговариваютъ другъ друга: грѣхъ, завтра праздникъ большой. Онѣ живутъ въ саду, въ банѣ, но нынче баню топили, князь купается. Когда онъ, накинувъ на плечи тулупъ, проходитъ туда въ лунномъ свѣтѣ по двору, онѣ бѣгутъ въ свѣтлый садъ, изъ сада—подъ окна бани и, давясь тѣмъ особеннымъ таинственнымъ смѣхомъ, которымъ смѣются женщины весной, въ лунныя ночи, заглядываютъ, швыряютъ въ стекла сучками. Князь съ медлительной усмѣшкой стучитъ кулакомъ въ стѣну. Купается и кучеръ князя, Николай, въ той избѣ, гдѣ стоитъ жеребецъ: приноситъ туда два ведра, ставитъ на лавку зажженный огарокъ. Дѣвки подбѣгаютъ подъ окно безъ рамы, швыряютъ сучками и въ него. Косится на нихъ, шуршитъ мокрой соломой, накиданной на полу, упруго перебираетъ ногами обезпокоенный огнемъ жеребецъ, а Николай сидитъ на соломѣ и намыливаетъ голову. Услыхавъ смѣхъ и возню подъ окномъ, онъ вскакиваетъ и, съ серьезнымъ лицомъ, съ сѣдой отъ мыла головой, начинаетъ плясать, потрепывать себя по голымъ мокрымъ ляжкамъ.

Утро теплое, солнечное. Пріятно, когда звонятъ колокола въ такое утро, пріятно наряжаться подъ этотъ звонъ. Мягче кудрявятся бѣлыя облака надъ садомъ, млѣетъ яркая синева между ними, со двора видно, какъ въ поляхъ, надъ зеленями и лиловѣющими пашнями, бѣгутъ, струятся испаренія.

— Дождь будетъ, паритъ, — сказалъ староста, обходя съ овечьими ножницами въ рукѣ поставленный возлѣ кухни продранный стулъ, на который покорно, заранѣе вытянувъ и согнувъ шею, покрытый по плечамъ полотенцемъ, сѣлъ Николай въ распоясанной рубахѣ.

Николай, пока подрубали на затылкѣ его сухіе рыжіе волосы, все глядѣлся въ зеленый осколокъ копеечнаго зеркала. Падаютъ желтые клоки на полотенце, голова Николая становится меньше, уши отстаютъ и торчатъ. Взявъ у старосты ножницы, онъ постригъ и усы: сталъ длиннѣе его лебединый конопатый носъ. Потомъ онъ нарядился: надѣлъ синюю атласную рубаху съ рукавчиками, со вздутыми рукавами, съ тремя крупными бѣлыми пуговицами на высокомъ воротѣ, отдѣланномъ каемкой кружевъ; подпоясался малиновымъ шелковымъ жгутомъ съ махрами; вбилъ ноги въ тѣсные сапоги съ лакированными узкими голенищами. Рубашка коротка, ноги Николая, обтянутыя кавалерійскими штанами, слишкомъ тонки, самъ онъ худъ и сутулъ, глаза у него маленькіе, зеленые, лицо лиловатое. Онъ неуклюжъ, не хорошъ, но дѣвки любуются имъ: и наряденъ, и на гармоньѣ играетъ лучше всѣхъ.

Въ княжескомъ домѣ сумрачно. Теплый воздухъ, льющійся въ открытыя окна, не скоро нагрѣетъ его. Все промерзло за зиму, съ потолка въ залѣ огромнымъ животомъ виситъ отставшая, въ коричневыхъ подтекахъ, бумага. Морозы, время портятъ и зеркала, сдѣлали ихъ молочно-серебристыми. Разставивъ ноги, глядя на мутное отраженіе своего морщинистаго лица, князь долго скоблилъ щеки тупой бритвой. Послѣ бритья лицо его странно помолодѣло: умывается князь рѣдко, брѣется только передъ тѣмъ, какъ запить. Но изнурилъ геморой, пора, пора бросать настаивать водку лимонными корками! Да и соли въ черныхъ усахъ все прибавляется, рѣдѣютъ волосы... Намочивъ и причесавъ ихъ, князь надѣлъ поверхъ пестренькой косоворотки новую синюю поддевку, надѣлъ дворянскій картузъ и, съ ременнымъ кнутомъ въ рукѣ, вышелъ на крыльцо, возлѣ котораго сидѣлъ на бѣговыхъ дрожкахъ и держалъ жеребца Николай.

Обѣдня отошла, на колокольнѣ жидко и празднично звонятъ, разсѣянная, разноцвѣтная толпа течетъ по выгону въ поле. Пять человѣкъ безъ шапокъ, въ новыхъ калошахъ и поддевкахъ чернаго блестящаго сукна, низко подпоясанныхъ красными подпоясками, несутъ хоругви и крестъ, увитый бѣлымъ рушникомъ. Двѣ не въ мѣру набѣленныхъ дѣвки, въ ярко-зеленыхъ платьяхъ,—икону Божьей Матери. Когда толпа была уже за дубовымъ кустарникомъ, въ полѣ, гдѣ дулъ теплый вѣтеръ и пѣли жаворонки, отъ церкви отъѣхала плетеная телѣжка, запряженная сѣрымъ мериномъ въ яблокахъ. Попъ въ Княжомъ чахоточный, ѣхалъ онъ въ толстой чуйкѣ, въ зимней шапкѣ, въ глубокихъ ботикахъ. На козлахъ сидѣло двое: правившій мериномъ дьячокъ и сынъ попа, Вася, сви-

вшійся съ кругу дурачокъ, вѣчно находившійся въ блаженно-радостномъ настроеніи. Онъ въ церкви подтягивалъ дьячку дискантомъ, службы зналъ лучше всего причта, но отецъ часто выгонялъ его изъ алтаря за нетрезвость, не хотѣлъ нынче брать съ собою. Однако Вася, еще съ ранняго утра расчистивъ свои сбитые сапоги, надѣвъ продранный подъ мышкой пиджакъ, грязно-синій воротничокъ и розовый атласный галстукъ, такъ плакалъ, узнавъ, что его оставляютъ дома, что попъ сдался.

Князь обогналъ попа и кивнулъ ему.

— Съ праздникомъ, ваше сіятельство, съ молебствіемъ! — радостно всхлипнувъ, крикнулъ Вася, больше всего на свѣтѣ любившій праздники, дни ангела, поздравленія.

Попъ только покачалъ головою, поглядѣвъ на волосы Васи, густо лежавшіе по воротничку.

Съ правой стороны телѣжки, ровняясь съ ходомъ лошади, не отставая и не забѣгая, шла старуха Марѳа, добровольная прислужница при церкви, высокая, сухая, съ орѣховой палкой въ одной рукѣ и мѣднымъ кофейникомъ, изъ котораго торчало кропило, въ другой. Дьячокъ иногда подгонялъ лошадь и, смѣясь, оглядывался на Марѳу. Она ускоряла шагъ, сердилась, но молчала.

Молились на клину богатаго мужика Данилы. Тамъ, возлѣ дороги, на молодыхъ свѣтло-зеленыхъ всходахъ, приготовили столъ подъ суровой чистой скатертью, красную деревянную миску съ зерномъ и пукъ свѣчей въ хлопчатой бумагѣ. На юго-востокѣ, за сѣрымъ княжескимъ садомъ и прозрачно-лимонными лозинами села, облака, мягко синѣя, порою смазывались въ тучку. Поглядывая то на нихъ, то на приближающуюся телѣжку, выдвинувшись изъ пахнущей кумачомъ толпы, стоялъ самъ Данила, бѣлокурый старикъ. Раскорячиваясь, далеко относя руку для крестнаго знаменія и кланяясь, онъ пошелъ навстрѣчу попу,—и мягкій вѣтерокъ, дувшій съ полей запахомъ сырой земли, шевелилъ его волосы, открывая розовую кожу черепа. Телѣжка остановилась, но попъ продолжалъ сидѣть въ ней, поджидая обогнавшаго его и опять отставшаго князя.

Князь сдержалъ лошадь отъ волненія, охватившаго его въ полѣ. Озими, свѣжо зеленѣя, шли въ одну сторону, дубовый кустарникъ — въ другую. Сухая коричневая листва висѣла кое-гдѣ на немъ, но и это говорило о веснѣ. Синѣли подснѣжники, пахло залежавшимися въ чащѣ снѣгомъ, весеннимъ холодомъ. Тройка чудесныхъ орѣховыхъ лошадей, разукрашенныхъ дорогой сбруей, стояла на опушкѣ. Полулежа въ новомъ

тарантасѣ, зубастый кудрявый кучеръ богатой сосѣдки ѣлъ съ ладони просфору. И князю вспомнилась молодость, другая, далекая весна...

Впереди медленно двигалась телѣга, въ которой лежалъ больной мужикъ, отецъ Николая. Малорослой лошадью неумѣло правила мать его, скорбная жилистая старуха въ черной паневѣ.

— Живъ? — окликнулъ князь.

Изъ телѣги, изъ соломы торчалъ острый восковой носъ подъ глубоко надвинутой шапкой. Больной въ просторномъ полушубкѣ лежалъ на спинѣ. Силясь улыбнуться, онъ съ трудомъ потянулся тонкой рукой къ шапкѣ. Николай поклонился родителямъ, какъ чужой. А безстрастные глаза князя стали какъ будто еще безстрастнѣе.

Въ толпѣ его нетерпѣливо поджидали.

Марѳа давно стояла наготовѣ возлѣ стола. Обогнавъ телѣжку, она подошла къ молодой беременной бабѣ Данилы и передала ей свою орѣховую палку. Кофейникъ она поставила на столъ, бархатный лиловый требникъ, лежавшій на немъ, подвинула на край. Какъ только попъ занесъ ногу вонъ изъ телѣжки, скинувъ чуйку, Марѳа ловко подхватила ее и, подхватывая, чмокнула его холодную, дряблую и тяжелую руку. Попъ бодро прошелъ къ столу, поклонился той богатой барышнѣ, полной, косой и застѣнчивой дѣвушкѣ, чья тройка стояла на опушкѣ дубняка. Онъ былъ выше всѣхъ, издали была видна его голова, поднятое землистое лицо, сквозная бородка и сѣрая шея. Нѣсколько разъ обернулся онъ, поджидая князя. Князь подъѣхалъ. Тогда мелькомъ, но молитвенно глянувъ вверхъ, на высокія весеннія облака, онъ вздохнулъ, вынулъ изъ длиннаго разрѣза ватной рясы красный платокъ, вытеръ большой глянцовитый лобъ,—Марѳа уже подхватила его шапку,—надѣлъ потертую золотую ризу, надѣлъ золотыя очки—и, ставъ строгимъ, зажегъ пучокъ свѣчей, веселый, дрожащій блескъ которыхъ сотнями точекъ отразился въ стеклахъ очковъ. Низко поклонившись князю, стоявшему возлѣ стола и твердо отставившему лѣвую ногу, онъ выправилъ жидкіе волосы изъ-за стоячаго ворота ризы, откинувъ голову, наполовину прикрывъ тусклые глаза воспаленными раковинами вѣкъ, и невнятнымъ, теряющимся въ тепломъ полевомъ воздухѣ голосомъ началъ молебенъ... И князю опять стало грустно, стало жаль себя и радостно за эту вѣчно-юную землю, просящую небо снизойти на нее благодатною весенней влагой.

Онъ перемѣнилъ ноги, выставилъ впередъ правую, сдѣлалъ

мутные глаза. Чтобы не думать, онъ сталъ слушать мирный, успокаивающій и молящій голосъ, порою сливавшійся въ пѣніи съ голосами дьячка и Васи.

Толпа кланялась и крестилась, крѣпко прижимая пальцы ко лбамъ, единственный разъ въ году молясь горячо, всей душою. Полная косая дѣвушка робко поглядывала на князя. Данилова баба, вся въ розовомъ, то безсмысленно пучила глаза и вытирала потѣющія руки носовымъ платкомъ, то начинала быстро, испуганно креститься. Въ ногахъ ея, подпирая намасленной расчесанной головой ея круглый животъ, стоялъ мальчикъ въ плисовыхъ штаникахъ и козловыхъ сапожкахъ, подъ мышки подпоясанный по голубенькой рубашечкѣ. Когда запѣли всѣмъ причтомъ, она, поспѣшно крестясь, надавила ему на голову лѣвой рукой, поставила его на колѣни. Затѣмъ съ трудомъ опустилась и сама, раскинувъ по молодой зелени ржи нижнюю бѣлую юбку съ кружевами и припадая къ ней лбомъ. Мальчикъ замолился неестественно набожно, косясь на сапоги князя.

Дулъ вѣтерокъ, шевелилъ волосы, шли легкія облака, шли по зеленымъ полямъ тѣни отъ нихъ,—далеко было видно въ весеннемъ прозрачномъ воздухѣ. Дрожали, бѣжали огоньки свѣчей, беззаботно-радостное пѣніе жаворонковъ не мѣшалось съ пѣніемъ причта, но какъ-то хорошо дополняло его... Даруй, Боже, землѣ радость новую, новые всходы, — говорили слова молитвъ, пропадающихъ въ тепломъ воздухѣ.—Благослови ее новой жизнью, да въ забвеніи истлѣетъ въ ней сѣмя старой, изъ коего и родится она, юная и чистая... Потомъ запѣли о воскресеніи Христа изъ мертвыхъ. Глаза князя налились слезами—и онъ уже ничего не видалъ передъ собою до конца молебна.

Когда онъ, склонивъ голову, поцѣловалъ холодный, пахнущій мѣдью крестъ и мертвую руку священника, солнце зашло за сѣро-золотистое, темное внутри облако, и на югѣ обозначилась синяя тучка съ туманными полосами дождя.

— Поздравляю васъ съ праздникомъ, ваше сіятельство, съ благодатью Господней, — сказалъ священникъ, кланяясь ему такъ низко, что далеко отстала отъ груди епитрахиль.

Николай остался въ толпѣ, отпросясь поговорить съ отцомъ. Князь поѣхалъ назадъ одинъ, разминувшись съ тройкой, съ мягкимъ громыханіемъ бубенчиковъ плывшей навстрѣчу ему. Солнце зашло за облако—и всѣ краски дальнихъ, ясно видныхъ полей стали гуще, бархатнѣй. Слышнѣе стало гудѣніе пчелъ на лозинахъ при въѣздѣ въ село, потянуло свѣжестью, зеленью распускающихся березъ. Синеватая тучка на югѣ

смазывалась, поблескивая небольшими молніями... Потомъ солнце опять выглянуло, молодо и радостно озаряя все, а изъ облака съ сухимъ шорохомъ посыпались рѣдкіе алмазы.

У церковной ограды князь снялъ картузъ и перекрестился на ветхую часовню надъ старинным княжескимъ склепомъ, вспомнилъ, какъ однажды спускался туда въ молодости, тоже весною—черезъ полгода послѣ смерти отца... Полгода—великъ ли срокъ! А уже ничего, ничего не осталось къ той счастливой веснѣ отъ стараго грѣшнаго князя, кромѣ костей въ тяжеломъ цинковомъ гробу и крупной росы на его поверхности—серебристаго газа, эѳира вѣчной жизни, улетавшаго изъ темнаго ледяного подземелья въ открытый люкъ, въ голубое небо, въ тепло весенняго солнца!

Чтобы не запить, князь чѣмъ-свѣтъ ушелъ на другой день со старикомъ Панкратомъ въ Задонскъ. Яровое разсѣвали безъ него.

Капри. 2. II. 1913.

ПРЕСТУПЛЕНІЕ.

Въ нашихъ мѣстахъ есть довольно большой лѣсъ, который зовутъ Островами. Вотъ что случилось въ немъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, на Святкахъ, когда караулилъ его нѣкто Ермилъ, малорослый, коротконогій, морщинистый мужикъ съ странной кличкой: Зимній.

Лѣсъ отъ села недалеко. Въ сѣрые дни, когда нѣтъ ни мятели ни поземки, онъ виденъ съ гумень: блѣдно сѣрѣютъ поля, склоняется къ горизонту низкое небо, надъ горизонтомъ виситъ сумрачная полоса тумана, а подъ нею залегаетъ синеватая полоса лѣса. Но кажется она далекой — какъ все зимою. Если же поселиться среди этихъ волчьихъ и заячьихъ враговъ, окруженныхъ лѣсными островами, въ старой избѣ среди рыжихъ дубковъ и кустарниковъ, торчащихъ изъ бѣлыхъ пушистыхъ сугробовъ, то съ непривычки будешь чувствовать себя за сто верстъ отъ людей. А Ермилъ былъ къ лѣсу не привыченъ: нанимался онъ все по селамъ, служилъ много лѣтъ при водокачкѣ на станціи, стоялъ при бардѣ на винокурнѣ; семьи не имѣлъ.

Какъ многіе изъ тѣхъ, что никогда не видали добра ни отъ Бога, ни отъ начальника, ни отъ роднаго брата, онъ давно мечталъ быть отъ людей подальше. Они его не любили, онъ ихъ чуждался. Они имъ помыкали, думая, что онъ дуракъ и безотвѣтный. Онъ же, помалкивая, копилъ въ себѣ утѣху—злое сознанье, что далеко не такъ онъ простъ, какъ думаютъ. Онъ внушилъ себѣ, что всѣ ему лиходѣи, и жилъ, надвинувъ шапку, не глядя въ глаза, но сторожко. Переселяясь въ лѣсъ, казавшійся ему такимъ далекимъ, онъ гадалъ пожить хоть одну зиму покойно.

Былъ онъ, какъ большинство мужиковъ, грусливъ. Но однажды, на споръ, сходилъ въ полночь въ овинъ и увѣрился,

что ему все ни по чемъ. Увѣренно переселился онъ въ самое глухое осеннее время и въ лѣсъ. Но оказалось, что онъ даже и представить себѣ не могъ, до чего жутка лѣсная жизнь. Ухъ, какъ зловѣще шумѣлъ невидимый лѣсъ въ тѣ черныя, непроглядныя ночи, когда пошли ноябрьскіе дожди, когда стали они лить по ночамъ безъ перерыва, когда, какъ говорится, хоть кричи, не докричишься ни души, когда въ поляхъ только вѣтеръ, черныя пашни, пустыя дороги да непробуднымъ сномъ умершія деревни! Въ безграничномъ морѣ тьмы чувствовалъ онъ себя, а спалъ, на бѣду, хоть и крѣпко, но тревожно, при лучинѣ, часто просыпался. Мечталъ онъ, бывало: будетъ и у меня въ рукахъ дубинка, буду въ темныя ночки похаживать по лѣсу—и ужъ только попадись мнѣ тогда воръ, грабитель! Но оказалось, что въ такія ночи и за избу-то выйти не возьмешь свѣта бѣлаго.

День не радовалъ. И днемъ было темно отъ тучъ, и днемъ лилъ дождь на лѣсъ, на луки—нельзя было на порогъ показаться. „А придетъ зима, пойдутъ святошныя вьюги—и совсѣмъ хоть пропадай!“—думалъ Ермилъ, валяясь послѣ обѣда на нарахъ, поджидая новой долгой ночи. Иногда онъ садился, собирался приняться за лапти, да только все глядѣлъ и глядѣлъ въ окошечко на мокрый кустарникъ, на тучи. Онѣ къ ночи сгущались. Нагоняя тьму, разыгрывалась буря. Ермилъ слѣзалъ съ нары, открывалъ печку, выпималъ изъ лучинъ, искалъ спичекъ по печуркамъ. А пока возился, выбирая лучину посуше, и совсѣмъ смеркалось. А когда лучина разгоралась и онъ втыкалъ ее въ свѣтецъ, окошечко было уже черно. Онъ опять ложился—и, пользуясь его недвижностью, мертвой тишиной и свѣтомъ, на самую середину избы выбѣгала сѣдая тощая крыса, жившая подъ печкой. Это значило, что ночь опять обступила избу. Въ лѣсу же, въ его мелочахъ, въ непролазныхъ чащахъ по оврагамъ, были волчьи притоны. Въ самую полуночную пору не разъ, съ визгомъ, съ захлебывающимся лаемъ, кидались въ глубину сѣней собаки, ночевавшія у порога. Схвативъ свою тяжелую, ржавую одностволку, шальной отъ крѣпкаго сна при дымящей лучинѣ, что-то крича, выскакивалъ Ермилъ въ сѣни—и сколько огненно-зеленыхъ глазъ разсыпалось передъ нимъ въ черной тьмѣ кустарниковъ, по скату оврага! Съ бьющимся сердцемъ, блѣдный, возвращался онъ, впускалъ за собою грязныхъ собакъ, тотчасъ забивавшихся подъ лавку... Дымно, красно пылала лучина, роняя огненныя искры въ лоханъ подъ свѣтцемъ, гоня дрожащія тѣни. Тяжко и глухо шумѣлъ обломный дождь. И Ермилъ бралъ рогачъ, подпояску, прикладывалъ рогачъ къ

притолкамъ, поперекъ двери, захлестывалъ и его и скобку, туго-натуго затягивалъ... Потомъ опять ложился на спину, въ шапкѣ, въ полушубкѣ, задиралъ тонкія, короткія ноги въ огромныхъ лаптяхъ на свою укладку. Пронзительные желтые глазки его не моргали.

И вотъ пришла зима. Вѣтеръ повернулъ. Гнилыя бури и ливни сдѣлали свое дѣло, раскрыли лѣсъ, дали студеному облачному небу свободно бѣлѣть сквозь него, оборвали листву и завалили ею, мокрой и ржавой, всѣ овраги. Шелъ снѣгъ и таялъ. Но голый лѣсъ гудѣлъ уже туго, сурово, по-зимнему. И Ермилъ повеселѣлъ - было. Но не сровнялось и недѣли, какъ, обходя однажды верховье съ дубинкой въ рукѣ и одностволкой на плечѣ, слушая холодное, зимнее гуканье красногрудыхъ, раздувавшихся на вѣтру снѣгирей и шлепая лаптями по лѣснымъ ухабистымъ дорогамъ, полнымъ грязи и блѣднаго снѣга, между тѣмъ какъ собаки, по своей манерѣ, все бочкомъ, все забирая въ сторону, бѣжали впереди, за стволами, наткнулся онъ на страшное мѣсто: въ раскрытыхъ гудящихъ вершинахъ высоко висѣла и качалась на сукѣ высокаго дуба веревка, а на веревкѣ — оскаленная, до кости объѣденная муравьями собачья голова съ двумя-тремя позвонками перегнившей и разорвавшейся шеи. На землѣ же, у корней дуба, лежали ребра, клоки истлѣвшей бурой шерсти. И, раскапывая эти клоки дубинкой, Ермилъ долго, долго, до ряби въ глазахъ, и такъ и этакъ вглядывался въ нихъ, все стараясь сообразить: велика ли была собака, мужицкая ли, барская ли она, и кто и по какой причинѣ — со зла или для забавы—удавилъ ее. И вдругъ опустилъ дубинку, замеръ скосилъ глаза въ переносицу: а что, если и его вотъ такъ-то удавятъ? Лѣсъ, глушь кругомъ, онъ одинъ, какъ перстъ, на всемъ свѣтѣ, жизнь его никому не дорога, о смерти его и узнать-то могутъ только черезъ мѣсяцъ и, узнавъ, не больно-то встревожатся, а тутъ идутъ праздники, Святки... Это время жуткое для человѣка, живущаго въ лѣсу, въ полѣ. Ужъ не разъ подумывалъ онъ о немъ. Весь вѣкъ онъ пробылъ на-людяхъ— что же будетъ чувствовать онъ въ одиночествѣ, когда придетъ это время: одинъ волчьи свадьбы чего стоятъ. А вѣдь и помимо того но Богъ вѣсть какъ просты вечера и ночи на Святкахъ. И лихіе люди пользуются этими ночами. Удавили же когда-то мужики лѣсника въ Дехтярномъ, чтобы натопить изъ покойника какихъ-то свѣчей колдовскихъ... У Ермила, какъ у стоящаго надъ пропастью, запыло, заломило въ ляжкахъ. Онъ повернулся и, надвигая шапку, посѣдшно, неловко, задѣвая за корни, зашагалъ назадъ.

Снѣгъ валилъ непроглядный, весь день. Къ вечеру пересталъ. Стало теплѣй, затихло. Ермилъ слазилъ на потолокъ, нашелъ возлѣ борова старыя лыжи, привязалъ къ нимъ новыя оборки и опять пошелъ къ дубу. Но снѣгъ былъ пушистъ, лыжи тонули, скользить на нихъ Ермилъ не умѣлъ, поминутно попадалъ одной лыжей на другую—измучился, извихлялся и вернулся къ избѣ. Вечерѣло. Все вокругъ глубоко покрыто было снѣгомъ. Сизо, съ розовымъ оттѣнкомъ бѣлѣлъ противоположный бугоръ въ мелкомъ чернолѣсьѣ. Гдѣ-то далеко жалобнымъ зовомъ стоналъ рогъ, ему, то слабо, то совсѣмъ явственно, страстно отзывался собачій гонъ—и лѣсъ, въ мертвой тишинѣ, какъ будто слушалъ. „Кажись, опогодится,—подумалъ Ермилъ, мучимый страннымъ желаніемъ еще разъ поглядѣть на собачью голову. — Схожу завтра пѣшій“... Но опять поднялся почью вѣтеръ—и опять на цѣлую недѣлю понесло снѣгомъ, да все гуще и гуще. Зима спѣшила—до Святокъ оставалось чуть. И Ермилъ сталъ готовиться къ нимъ.

Собачья голова не выходила у него изъ ума. Какъ только темнѣло, онъ крѣпко-накрѣпко связывалъ подпояской рогачъ и дверную скобку. Спалъ еще тревожнѣе. А чѣмъ свѣтъ, онъ слѣзалъ съ печки, выпускалъ своего бѣлаго лохматаго кобеля, — сучка куда-то сбѣжала, если только не попалась на зубы волку,—шелъ по сугробамъ въ оврагъ, на прудъ; возвратясь, затапливалъ, умывался, молился и принимался за работу—вѣрнѣе, за думы. Были онѣ нехороши, но онъ все болѣе входилъ во вкусъ ихъ, сосредоточенно поддѣвая на деревяжкѣ лыко, постукивая кочетыкомъ. Дымилъ, сипѣлъ, стрѣлялъ хворостъ въ печи. Сыро и тепло было въ избѣ. За окошечкомъ, на завалинкѣ, задомъ къ стеклу, сидѣлъ, застилъ кобель — наслаждался, зимнее отродье, тѣмъ, что его заноситъ снѣгомъ. А Ермилъ думалъ: какъ бы пріучить его кидаться чужому человѣку прямо на горло; гдѣ бы достать волчій капканъ, чтобы къ святочной ночи положить его возлѣ порога, заровнявъ соломкой, снѣгомъ... Дни шли. Пора было обезопасить себя! Но какъ? Что выбрать изъ придуманнаго? Выбрать надо было то, что исполнимо, то, что вѣрнѣе и тверже всего. Поумнѣй злодѣя надо было оказаться! И страхъ Ермила таялъ, замѣнялся тревожной, но расчетливой злобой.

Въ избѣ все бѣлѣло, все свѣтлѣло отъ сугробовъ вокругъ. Поднимались тѣ самыя рождественскія вьюги, которыхъ со страхомъ ждалъ осенью Ермилъ. Лѣсъ порыжѣлъ, измельчалъ, день и ночь гудѣлъ въ зимней дремотѣ подъ сумрачнымъ небомъ. Непорочно-бѣлые наносы, въ которыхъ тонули

его скрипучіе стволы и корявые кустарники, день и ночь росли, дымясь бѣлымъ дымомъ. За порогомъ насквозь прохватывалъ крутой сѣверный вѣтеръ. Весь въ снѣгу ворочался Ермилъ съ пруда. Скинувъ полушубокъ, затопивъ печку, березовымъ голикомъ подмахнувъ земляной полъ, онъ обмывалъ подъ своими густыми волосами, вѣчно грѣвшими его маленькій лобъ, свое морщинистое лицо водой съ ледяжками, обдергивалъ свою безсмѣнную посконную рубаху и становился на молитву, врозь раскинувъ носки сопрѣвшихъ лаптей. Щурясь, онъ устремлялъ пристальный, но невидящій взоръ на дощечку въ углу, привычно шепталъ что-то и въ опредѣленные моменты съ размаху кланялся ей. Но думы его были не возлѣ Бога. Не о Немъ думалъ онъ и послѣ молитвы, сѣвъ за работу.

Онъ всю жизнь полагалъ, что вѣритъ въ Бога, но только полагалъ. Темная сила—другое дѣло: въ нее онъ вѣрилъ,—по крайней мѣрѣ, думалъ о ней и чувствовалъ ее часто. И того, что Святки время не простое, онъ не отвергъ, освоившись съ тѣмъ, что̀ ошеломило его подъ дубомъ. Ну, да съ этимъ и можно и должно было примириться. Потерпитъ онъ жути на Святкахъ, но жуть эта, вѣрно, и останется жутью только. Волчьи свадьбы — это тоже страшно, да что̀ онѣ сдѣлаютъ ему въ избѣ? Остается свой братъ, человѣкъ... И тутъ Ермилъ клалъ лапоть на колѣни и долго смотрѣлъ своими желтыми глазками подъ печь, на груды золы. Онъ вспоминалъ всю свою жизнь, съ тѣхъ дней, когда онъ по-людски женился, по-людски нанялся съ женой на барскій дворъ. Теперь ему пятьдесятъ, тогда было восемнадцать, но и тогда звали его корявымъ, короткимъ, зимнимъ, а, въ придачу къ тому, былъ онъ глупъ. Женили его на рябой, высокой; рябая была смѣла и распутна, и онъ всѣмъ разсказывалъ, какъ она ухитрялась провести его, оказаться невинной. Онъ искалъ сочувствія, а что̀ же вышло? Его же ославили дуракомъ. Рябая любила мѣдныя и серебряныя кольца и скоро сошлась съ приказчикомъ. Онъ было-сунулся на него, защищая свою честь. Но какъ просто, при общемъ хохотѣ, сбилъ съ него приказчикъ шапку и прогналъ со двора долой! И примолкъ Ермилъ, затаился, покорился судьбѣ, понесъ, вдовцомъ, по чужимъ угламъ, камень за пазухой...

Случаи, такіе, какъ въ Дехтярномъ, правда, рѣдки. Да чего не бываетъ! И, значитъ, пора, на всякій случай, слазить за пазуху да покрѣпче подумать. Итти немедля въ село, какъ сгоряча хотѣлъ Ермилъ, просить помощи противъ лихихъ людей у старосты, урядника, добыть кайданъ, вырыть

яму—все это никуда не годилось, все это скоро стало казаться пустой затѣей: надо было похитрѣе выдумать. Пустымъ казался порою даже и самый страхъ: ну, кто придетъ давить его! Но тутъ Ермилъ начиналъ разжигать себя. Кто—неизвѣстно, да въ злодѣяхъ недостатка нѣтъ. За что? А за то-то. Есть у людей и корысть, есть и злоба. Развѣ не сжили его со станціи, съ винокурни—и за то только, что онъ густоволосъ, морщинистъ, коротконогъ, за то, что молчитъ-то онъ молчитъ, а всѣхъ насквозь видитъ. Развѣ не собирались рабочіе то обѣ ноги переломить ему, то удушить его соннаго полушубками, то, какъ будто нечаянно, столкнуть въ горячую барду? Смирно шелъ онъ на Казанскую по селу, а развѣ не оралъ за нимъ пьяный сапожникъ, Ванька Махоръ, первый воръ и разбойникъ въ селѣ: „Погоди, погоди, Зимній, я те подыму со лба волосы...“ Нѣтъ, видно, никогда не откажется человѣкъ искалѣчить, пришибить человѣка, если только съ рукъ сойдетъ. Глянь, какъ рветъ, молотитъ мужикъ вора, стащившаго клокъ соломы. Клокъ не дорогъ, да вѣдь какъ такой случай упустить! За вора-то ничего не будетъ. И не даромъ, знать, пословица лежитъ: „Золъ злодѣй, а ты позлѣй злодѣя окажись...“

Наконецъ все было обдумано. Пора было дѣло дѣлать.

И прежде всего Ермилъ испробовалъ свою ржавую одностволку съ самодѣльнымъ, некрашеным прикладомъ. Онъ продулъ ее, пробилъ пистономъ, зарядилъ утиной дробью, крѣпко забилъ паклей, вышелъ изъ избы и съ часъ стоялъ среди острыхъ сугробовъ и дымныхъ вихрей, среди рыжаго, гудящаго лѣса, по колѣно въ бѣлѣйшемъ снѣгу, поджидая, не сядетъ ли гдѣ поблизости ворона. Вѣтромъ принесло ее наконецъ, глупую, голодную, каркающую. Проваливаясь въ наносы по-поясъ, согнувшись, падая, набивая стволъ снѣгомъ, Ермилъ пробрался къ тому дереву, на которомъ раскачивалась она, присѣлъ, положилъ стволъ на ближній сучокъ, долго водилъ мушкой по грязно-сѣрой, сутулой отъ карканья птицѣ, — наконецъ спустилъ курокъ. Его оглушило, ослѣпило, отдало въ плечо и въ щеку такъ крѣпко, что онъ свалился навзничь. Но тотчасъ же и вскочилъ и, вмѣстѣ съ яростно лаявшимъ кобелемъ, кинулся къ своей добычѣ: окровавленная, на клочки изорванная, она валялась, тонула въ рыхломъ снѣгу подъ тѣмъ же самымъ деревомъ, на которомъ, за мгновеніе передъ тѣмъ, хрипѣла, тужилась, качалась.

Затѣмъ онъ ловко выбилъ палкой кусочекъ стекла въ нижнемъ углу своего окошечка: попробовалъ всунуть въ него дуло одностволки и присѣсть на скамейку возлѣ самой лавки:

дуло вошло отлично, но скамейка оказалась высока. Да вѣдь обрубить ей ножки было дѣломъ недолгимъ. И, обрубивъ, Ермилъ заткнулъ дыру,—до поры до времени,—тряпочкой. Ночь будетъ, если и мутная отъ мятели, да все-таки видная, лунная,—это ужъ навѣрно. Вотъ и накидаетъ онъ на завалинку соломы, чтобы таилось въ ней торчащее изъ окна дуло: потомъ вернется въ избу, потушитъ огонь, прильнетъ къ стеклу и будетъ ждать — смотрѣть на тропинку, поднимающуюся по косогору противъ окна. Тотъ же, кто будетъ итти по этой тропинкѣ, ничего не разсмотритъ въ окнѣ, прикрытомъ соломой. Самого же Ермила, сидящаго въ темной избѣ,—тѣмъ болѣе. А кто же именно итти-то будетъ? Теперь ужъ самому Ермилу приходилось выбирать. И, подумавъ еще маленько, онъ выбралъ.

Въ Сочельникъ онъ пошелъ въ село.

Теперь, послѣ цѣлыхъ двухъ недѣль размышленія объ одномъ и томъ же и подсчета всего того, чѣмъ весь вѣкъ радовали его люди, онъ и совсѣмъ, казалось, освободился отъ страха. Онъ былъ возбужденъ, какъ во хмелю какомъ, но слабости уже не чувствовалъ. Напротивъ. „Нѣтъ, постой, меня голой рукой не возьмешь!“ Теперь, если бы ему сказали, что никто не придетъ къ нему съ злымъ своимъ умысломъ, онъ бы, кажется, молить сталъ о томъ. Съ дубинкой на плечѣ, ковылялъ онъ среди полей, тонувшихъ въ туманѣ вьюги, по чуть видной дорогѣ къ невидному селу, гнулъ голову отъ снѣжныхъ вихрей и рѣшалъ, что̀ именно надо сдѣлать, у кого побывать и что̀ кому сказать въ селѣ...

Только не все договаривалъ онъ самому себѣ. Онъ притворялся, что идетъ только за кой-какой покупкой да за тѣмъ, чтобы такъ—поглядѣть на людей, послушать, попытать ихъ... Что̀ жъ, вѣдь всякому животъ свой дорогъ.

Показались сквозь куру прутья лозняка по задворкамъ, по окраинамъ скудныхъ мужицкихъ гуменъ, забитыхъ, занесенныхъ до весны. Скучно, дико было и въ селѣ, а все не то, что̀ въ лѣсу. Въ лѣсу и снѣгъ-то куда бѣлѣе, пушистѣй, глубже,—не жилой это снѣгъ, звѣриный... Онъ прошелъ околицу, прошелъ мимо рѣдкихъ крестовъ, торчавшихъ изъ слоистаго сѣраго наста на погостѣ, вѣчно на юру обдуваемаго вѣтромъ, перекрестился на деревянную церковь, на рѣшетчатыя окна алтаря, до половины прикрытыя сугробомъ... Дальше стало тише, теплѣй, свободнѣй. Онъ осунулъ подпояску на самые кострецы, отвернулъ съ угловъ обледянѣвшій, затвердѣвшій воротъ армяка, пошевелилъ плечами въ толстыхъ снизкахъ... Зачернѣли люди, ѣхавшіе въ кабакъ, въ лавку.

Ермилъ не спѣша переступилъ порогъ ея, сталъ въ сторонкѣ, держа, какъ нищій, мѣшокъ въ лѣвой опущенной рукѣ, а дубинку въ правой, скромно дожидаясь очереди.

Мужики въ тулупахъ, въ полушубкахъ, засыпанныхъ снѣгомъ, скрипѣли мерзлыми лаптями и валенками, входя, заворачивая полы, сморкаясь въ нихъ. Лавочникъ въ тонкой поддевкѣ, худой, съ чистой желтой кожей, съ большими кофейными глазами, съ длинной, рѣдкой бородкой, похожій на угодника, доведшій свою молчаливую ловкость до щегольства, то перевертывалъ мѣрку съ мѣдными обручами въ подставляемые мѣшки, ссыпая туда пшено, то наливалъ, щедро переливая, бутыли керосиномъ, то бросалъ свиныя середки на изсѣченный пень, взмахивалъ топоромъ и съ единаго взмаха отрубалъ ровно столько розоваго мяса и мерзлаго сала, сколько требовалось, лишь для видимости прикидывая на ржавыхъ тарелкахъ вѣсовъ. Раздражающе пахло маринованными сельдями, ситцами, кругами хомутины, на видъ какъ бы копчеными... Ермилъ сдержанно поздоровался, побалакалъ кое съ кѣмъ, взялъ пшена, соли, спичекъ, кренделей; платя, нарочно показывалъ всѣмъ трехрублевыя бумажки. Потомъ сталъ говорить, ни къ кому не обращаясь, медленно пряча деньги и закуривая, хотя не курилъ никогда, — только затѣмъ, чтобы подольше побыть въ лавкѣ и попользоваться безплатнымъ табакомъ, махоркой, насыпанной лавочникомъ въ коробку изъ-подъ килекъ для угощенія покупателей:

— А у васъ тутъ хорошо въ селѣ... Вамъ жисть. Не то, что мнѣ, въ лѣсу, въ глухомани. Вамъ Святки идутъ, веселье, пированье, а мнѣ—жуть... Я на это робокъ... Еще сдуру придетъ кто да убьетъ. Да что жъ! Небось, скажетъ, у него и деньжонки есть... Человѣкъ, молъ, скрытный, бережной... А не то, святошное дѣло, и такъ только—попугать вздумаетъ... А я и отъ того могу обезпокоиться. Я слабосилент. Старѣть сталъ...

— А ты вотъ бреши такъ-то побольше, накликай на себя,— сказалъ лавочникъ, протягивая щербатому, почернѣвшему, курному старику пачку нюхательнаго табаку. — Бреши побольше. Народъ-то и разнесетъ.

Мужики подхватили:

— Вѣрно. Это ужъ извѣстно—только пусти слухъ по народу... Сдуру ты это, Зимній.

Ермилъ поглубже надвинулъ шапку, чтобы скрыть довольство. Постоялъ, дурацки разводя руками, и медленно вышелъ.

Заходилъ онъ и въ кабакъ. Выпилъ сотку, купилъ бутылку, глубоко запряталъ ее въ карманъ и опять поговорилъ съ народомъ, опять продѣлалъ то же самое.

— Такъ-то лучше, — сказалъ онъ, затягивая гамань. — У кого денежки, у того и праздничекъ...

А отъ кабака опъ быстро пошелъ подъ гору, гдѣ жили духовные, шорникъ, коновалъ, Ванька Махоръ. Смеркалось, мятель въ затишьѣ улеглась, синѣли снѣжныя сумерки, чернѣли подъ горой мѣщанскія избушки. У Ваньки избушка была всѣхъ меньше, всѣхъ ниже и грязнѣе. На вогнутой стѣнѣ ея съ осыпающейся коркой глины висѣла дощечка, на которой Махоръ нарисовалъ сапогъ, похожій на орудіе каменнаго вѣка, а вокругъ него—много желтыхъ и бѣлыхъ медалей. Въ темныхъ сѣняхъ Ермилъ быстро нащупалъ скобку, обмотанную тряпкой, и рванулъ къ себѣ. Въ полутьмѣ, въ свинцовомъ полусвѣтѣ у мерзлаго и вѣчно мокраго, оттаивающаго окна, у лавки, заваленной кусочками кожи, инструментомъ, жестянками съ прокисшимъ клеемъ и затвердѣвшимъ лакомъ, согнувшись, сидѣли самъ Махоръ и его подручный Мишка. Больная старуха спала за ситцевой занавѣской на нарахъ. И гнилью мѣщанскаго угла, и сапожнымъ товаромъ, и всячески воняло тутъ. Было скучно, тяжко отъ присутствія больного человѣка, спящаго въ сумерки, и даже отъ двухъ пестрыхъ куръ, тоже дремавшихъ возлѣ печки. Но чернявый Мишка бойко стучалъ молоткомъ по каблуку перевернутаго вверхъ подошвой и зажатаго въ колѣни сапога, одинъ за однимъ вгонялъ въ него мелкіе деревянные гвоздики и, вгоняя, бормоталъ что-то, приговаривалъ. А Махоръ поспѣшно, видимо, съ большой охотой, налаживалъ старую гармонію съ золотыми мѣхами, вынималъ изъ снятой крышки мѣдныя планочки съ серебряными клапанами, поперемѣнно прикладывалъ ихъ къ губамъ, безъ передышки тянулъ въ себя воздухъ—и клапаны дребезжали, пѣли, пищали. Было ему лѣтъ двадцать пять, но усовъ у него еще не было, лицо его было длинно, крупно и очень блѣдно, взглядъ, бараній, бѣлый, прямъ и наглъ. Длинно, велико было и туловище его. Какъ неуклюже вихлялось оно, падая впередъ, когда Махоръ игралъ въ праздники съ мальчишками въ лодыжки! Какой дуракъ онъ былъ, какъ сцѣпливался онъ, верзила, спорить съ какимъ-нибудь соплякомъ и какъ гордъ, холоденъ и веселъ былъ, всѣхъ обыгравъ и уходя прочь!

И Ермилу на минуту стало очень страшно. Онъ переступилъ порогъ —и оба работавшіе подняли головы и, увидавъ его, расширили глаза отъ удивленія. Но онъ и тутъ не потерялся.

Стараясь хоть изрѣдка встрѣчаться съ глазами Ваньки и казаться простодушнѣй, онъ, войдя, тотчасъ же заговорилъ

о томъ, что вотъ былъ онъ въ селѣ, кое-что покупалъ, да и надумалъ забѣжать прицѣниться, сколько, примѣрно, могутъ стоить сапоги.

— Головки?—отрывисто спросилъ Махоръ.

— Нѣтъ, зачѣмъ же... хворменные сапоги.

Махоръ поднялъ голову, и его бѣлые глаза холодно повеселѣли:

— Это кому же?

— А хоть бы и мнѣ,—сказалъ Ермилъ.—Что жъ, ай я и этого не нажилъ себѣ за всю свою службу?

— Франтъ тоже,—сказалъ Махоръ, оглядывая его.— Нечего сказать! Да тебѣ околѣвать пора. Ай погодить хочешь?

Мишка ухмылялся ядовито, съ любопытствомъ.

Ермилъ сощурилъ глаза и изъ-подъ волосъ покосился на сапожника. „Не околѣй ты прежде!“ — подумалъ онъ. И съ притворной развязностью отвѣтилъ:

— Помри ты нынче, а я завтра... Да это ужъ дѣло хозяйское. Ты про сапоги-то говори. А не хочешь—я къ Кострецу, къ хромому, пойду. Мнѣ, братъ, шесть цѣлковыхъ не деньги...

— А! Вонъ оно что!—свистнулъ Махоръ.

Онъ въ упоръ посмотрѣлъ на Ермила и, уже совсѣмъ, какъ разбойникъ, не скрывающій своихъ мыслей, спросилъ:

— Значитъ, у тебя, правда, есть деньги?

Ермилъ дрогнулъ отъ этого взгляда и поспѣшно, искренно забормоталъ:

— Что ты, что ты... Какія у меня деньги? Откуда онѣ у меня?

Онъ почувствовалъ, что чуть не погубилъ дѣла, и во-время спохватился—быстро воспользовался своей невольной искренностью и, путаясь, понесъ то же, что говорилъ въ лавкѣ:

— Деньги! Деньги! Вотъ такъ-то болтаютъ... плетутъ... А я сижу ни живъ ни мертвъ въ лѣсу... По ночамъ не сплю... Кто и попугать просто вздумаетъ, и то навѣкъ не человѣкомъ сдѣлаетъ...

— Родимчикъ приключится?—сказалъ Махоръ.

— А ты что жъ думаешь?—подхватилъ Ермилъ, чувствуя, что выпутался.—Время святошное... Кто-нибудь шутку вздумаетъ, подушубокъ для смѣху вывернетъ, да подъ окно, а мнѣ и каюкъ...

— А!—опять сказалъ Махоръ, но уже равнодушно.—Значитъ, ты просто пофорсить пришелъ, побрехать... А я-то, дуракъ, съ тобой зубы чешу.

И опять наклонился къ гармоніи. Но вдругъ загоготалъ и подмигнулъ Мишкѣ.

— Чего ты?—торопко спросилъ Ермилъ.

— А то чего же!—отвѣтилъ Махоръ весело и загадочно.

Ермилъ посидѣлъ еще минуту, чтобы не замѣтили его тор-

жества,— онъ понялъ этотъ хохотъ; онъ уже не сомнѣвался теперь, что Ванька придетъ въ вывернутомъ полушубкѣ!—и, сославшись на то, что приоздалъ, наобѣщавъ непремѣнно договориться „какъ-нибудь на гулянкахъ“ о сапогахъ, вышелъ вонъ, пока Махоръ зажигалъ лампочку. Была уже ночь. Мерзлые помои у порога тускло блестѣли. Высоко, надъ самой головой, ныряли и сіяли въ волнистыхъ облакахъ луна и какая-то яркая звѣзда. Сіялъ порою и крестъ церкви, когда быстро шелъ мимо нея Ермилъ. И только на мгновеніе, возлѣ погоста, изумила и ужаснула его мысль:

„Неужели этотъ самый Махоръ будетъ черезъ нѣсколько дней лежать вотъ тутъ, на юру, подъ мерзлой глиной, подъ снѣгомъ?“

Пришелъ онъ домой поздно. Кобель сидѣлъ у избы, противъ луны, ждалъ его. Дружно и быстро вошли они въ избу и тотчасъ же, не зажигая огня, легли спать. Спали крѣпко, но оба видѣли путанные яркіе сны. Кобель вылъ, вскакивалъ. Ермилъ проснулся среди ночи. Лунный свѣтъ бѣлѣлъ пятномъ какъ разъ посреди избы, на земляномъ полу. На лавкѣ сидѣлъ блѣдно-зеленый, сквозной, сутулый старикъ, въ длинной рубахѣ, съ гробовымъ вѣнчикомъ на лбу—покойникъ-батюшка. Ермилъ подошелъ къ нему и усмѣхнулся.

— Батюшка? Ты зачѣмъ?—спросилъ онъ.—Я теперь тебя не боюся.

Покойникъ, улыбаясь, поднялъ слабую руку и легонько перекрестилъ его:

— Ну, спи, Господь съ тобой. Злыхъ людей бойся.

И Ермилъ проснулся и увидалъ, что и не думалъ онъ слѣзать, подходить къ лавкѣ, а лежитъ, какъ лежалъ. Но еще много разъ казалось ему, что онъ просыпается, пробуетъ, крѣпко ли привязанъ рогачъ къ двери, вздуваетъ лучину, вынимаетъ похлебку изъ печи и ѣстъ: забылъ поужинать, придя изъ села...

Проспалъ онъ и весь слѣдующій день, не топилъ даже. Передъ вечеромъ всталъ, поѣлъ вчерашней, кислой похлебки и, помолившись, сталъ заряжать ружье. Было уже темно, но огня онъ не вздувалъ. Руки тряслись, зарядъ казался то малъ, то великъ. Кобель стоялъ возлѣ и заглядывалъ ему въ глаза вопросительно, совсѣмъ по-человѣчьи. Онъ даже не ударилъ его,—такъ покоенъ онъ былъ, хоть и тряслись руки.

Часовъ въ восемь онъ вышелъ на порогъ. Опять ныряла въ вышинѣ, въ облакахъ, луна, но мутнѣе, бѣлѣе, чѣмъ вчера, была ночь; по кустамъ несло бѣлымъ, поземкой.

Съ восьми до десяти онъ, не шевелясь, не дыша, сидѣлъ на лавкѣ возлѣ окна, въ крѣпко запертой полутемной избѣ. Вдругъ онъ насторожился. Тихо, тихо прислонялся и при-

льнулъ къ стеклу: въ бѣлесой мути, блѣдно озаряемой луной, на тропинкѣ среди кустарника, точно мукой осыпаннаго, чернѣли двѣ поднимавшіяся изъ-подъ горы фигуры. Впереди была та, что повыше... И не прошло и минуты, какъ она надвинулась на завалинку, затемнила свѣтъ и уже хотѣлабыло тоже прильнуть къ окошечку, какъ Ермилъ, задомъ упавшій на свою скамейку, оглушительно, какъ изъ пушки, выстрѣлилъ.

Мишка кинулся, свалился назадъ, подъ гору. Махоръ остался на мѣстѣ. Ермилъ, выскочивъ изъ избы за неистово лаявшимъ кобелемъ, наклонился надъ лежащимъ ничкомъ большимъ человѣкомъ съ нарисованными углемъ усами, въ новой, вывернутой поддевкѣ: снѣгъ подъ животомъ его былъ окровавленъ; на большомъ пальцѣ правой откинутой руки такъ и остался ремешокъ гармоньи съ золотыми мѣхами.

А черезъ три мѣсяца послѣ этого Ермила ввели въ залу суда. И онъ произвелъ на всѣхъ самое пріятное впечатлѣніе. Войдя, онъ долго крестился на золотой образъ въ углу, отвѣсилъ низкій поклонъ судьямъ. Вызванный, онъ всталъ твердо, разобралъ густые волоса на потѣющемъ лбу, откинулъ голову, отвѣчалъ точно, охотно, щурясь добродушно, съ хитрецой, по-стариковски, и къ каждому слову прибавлялъ:

— Господа-начальники, судьи праведные...

Ему, видимо, нравилось, что собралось столько народа для него, что въ залѣ сидятъ барыни, купцы въ сюртукахъ, что на столѣ сукно съ бахромой, за столомъ мундиры, а у золотого образа горитъ красная лампадка. Его не останавливали—и разсказывалъ онъ, ни разу не взглянувъ на Мишку, блѣднаго, испуганнаго, и сидѣніе свое въ лѣсу, и походъ въ село,—„насчетъ сапожонокъ“,—и даже убійство съ мельчайшими подробностями. И все говорилъ:

— Мой великій грѣхъ, господа-начальники, судьи милосливые! Злые люди загубить хотѣли, а я того весь вѣкъ ждалъ.

— Но вѣдь они съ гармониками шли,—возражали ему.

— Бѣсъ и губитъ да трубитъ... играетъ, козлякаетъ. А на умѣ у него никто не былъ. Казните меня тюрьмой-каторгой.

Въ монастырѣ, гдѣ онъ отбывалъ наказаніе, не было человѣка работящѣе его: какъ чисто мелъ онъ дворъ, какъ ловко кололъ дрова, какъ усердно таскалъ воду въ братскую кухню!

И монахамъ понравился онъ. Съ ними и остался, отбывъ покаяніе,—„прижился къ Богу“. Но въ монахи постричься не пожелалъ:

— Нѣтъ, я дюже преступный,—говорилъ онъ съ удовольствіемъ.

Капри. 25—27. XII. 1912.

КНЯЗЬ ВО КНЯЗЬЯХЪ.

Лукьянъ Степановъ пріѣхалъ въ свѣтлый сентябрьскій день въ Галино, къ помѣщицѣ Никулиной. До его хутора верстъ пятнадцать, лошадьми онъ дорожитъ, какъ зѣницей ока. Значитъ, пріѣхалъ онъ по важному дѣлу.

Гнѣдой жеребецъ, сверкая глазами, тяжело влетѣлъ во дворъ, къ сараю, гдѣ еще до сихъ поръ слѣзаютъ тѣ, что̀ не рѣшаются слѣзать у крыльца. Лукьянъ Степановъ сидѣлъ на бѣговыхъ дрожкахъ, на голой доскѣ.

— Что̀ же это вы, Лукьянъ Степанычъ, безъ подушки-то?— улыбаясь, спросилъ его лицеистъ Сева, шедшій отъ конюшни.

— Погоди, разскажу,—отвѣтилъ Лукьянъ Степановъ, привязывая жеребца къ телѣгѣ безъ передковъ

Сева сталъ годить. Привязывалъ Лукьянъ Степановъ долго, основательно. Привязавъ, высморкался на землю, вытерся полою и наконецъ отвѣтилъ, протягивая руку:

— Вотъ оттого-то у вашего брата, господъ, и нѣту ничего. Есть подушка—валяй ее и въ хвостъ и въ голову!

Взявъ съ дрожекъ мѣшочекъ, набитый чѣмъ-то тяжелымъ, онъ пошелъ къ дому — большой, толстый отъ одежды. На немъ была теплая поддевка, сверхъ поддевки бараній тулупъ, голова подъ шапкой повязана по ушамъ краснымъ платкомъ, ноги обуты въ тяжелые сапоги.

Сева опять засмѣялся и сказалъ:

— А тепло вы одѣты!

— Мнѣ, братъ, восемьдесятъ съ гакомъ, — отвѣтилъ Лукьянъ Степановъ.—Доживи-ка до моего.

— Ну, ужъ и восемьдесятъ! Откуда вы столько набрали?

— Въ полѣ, братъ, набралъ.

— Ну, а уши-то вы зачѣмъ же завязали?

— Глухой быть не хочу — вотъ зачѣмъ. Отчего вы, го-

спода, глухіе-то всѣ? Все отъ этого. Выскочилъ въ чемъ попало, надуло ему въ уши—и готовъ.

Вышла въ залъ хозяйка, ея старшій сынъ Мика, лысый, усатый, близорукій, и дочь Люлю—блѣдная, женственная, задумчивая, постоянно кутающая плечи въ пуховой платочекъ и неожиданно, притворно вздратывающая. Хозяйка угощала водкой, копченой колбасой, бѣлымъ хлѣбомъ, наливала чаю, много говорила, дѣлая видъ, что очень освѣдомлена въ сельскомъ хозяйствѣ. Сева не спускалъ смѣющихся глазъ съ Лукьяна Степанова, съ его загорѣлаго лица и носа, который отъ загара лупился, былъ лиловый, въ золотистой шелухѣ. Мика, наклонясь къ столу, курилъ, сбрасывалъ пепелъ въ пепельницу въ видѣ ладони и катали хлѣбные шарики, что всегда раздражало хозяйку. Люлю сѣла съ ногами на диванъ, прижалась въ уголокъ, съежилась и, не моргая, глядѣла красивыми, печальными глазами въ большой ротъ Лукьяна Степанова: десны у него были розовыя, голыя, безъ одинаго зуба. Всѣхъ томила загадка: зачѣмъ онъ пріѣхалъ? А ну какъ приторговываться къ имѣнію? Ахъ, если бы далъ Господь! Хозяйка, очень тонко, какъ ей казалось, подводила разговоръ къ продажѣ имѣній, намекала на то, что по нынѣшнимъ временамъ и она охотно продала бы:

— Ахъ, Лукьянъ Степанычъ, съ нашимъ народомъ поневолѣ придешь къ заключенію, что банкъ-то самое надежное мѣсто для капитала!

Но Лукьянъ Степановъ говорилъ только о своихъ лошадяхъ, объ умолотѣ, очень охотно ѣлъ бѣлый хлѣбъ, деликатно бралъ ложечку съ вареньемъ прямо изъ вазы, глубоко запускалъ ее въ ротъ, клалъ обратно и пилъ чай. Онъ дѣлалъ видъ, что слушаетъ хозяйку, изумлялся самымъ простымъ вещамъ, хлопалъ себя по колѣну—и опять говорилъ только о себѣ, не давая говорить хозяйкѣ. Сидѣлъ онъ въ разстегнутой поддевкѣ, подъ которой была линючая ситцевая рубашка, вытиралъ лысѣющую голову и лицо платкомъ, снятымъ съ ушей. „Совсѣмъ еще здоровый мужикъ!—думали всѣ.—Только борода сѣдая, да и то не совсѣмъ, еще видно, что она была рыжая; сѣть, конечно, и въ глазахъ что-то тусклое, старческое; животъ провалился...“ Наконецъ онъ всталъ, принесъ изъ прихожей и развязалъ свой тяжелый мѣшочекъ, полный серебра вперемежку съ золотыми. Оказалось, что онъ пріѣхалъ только затѣмъ, чтобы похвастаться. „Да это еще что!—сказалъ онъ.—Развѣ это деньги? Такъ, запродалъ овсишко, ну и взялъ маленько задатку...“

Вызвавъ удивленіе, зависть, почтеніе, онъ довольно и хитро

засмѣялся, вѣрнѣе, засипѣлъ, открывая розовый ротъ, поблагодарилъ за чай, за угощеніе, и пошелъ одѣваться.

— Нѣтъ, пора, пора,—сказалъ онъ, хотя никто не останавливалъ его.—И такъ приполздалъ. Лучше на Покровъ еще пріѣду.

Всѣ были разочарованы и ушли, не дождавшись, пока онъ одѣнется. Въ прихожей остался одинъ Сева.

— Ну, вотъ вы, Лукьянъ Степанычъ, говорите, что вамъ восемьдесятъ съ гакомъ,—началъ онъ, садясь на коникъ,—Ну, скажите откровенно: боитесь смерти? Часто о ней думаете?

— Погоди, разскажу,—отвѣтилъ Лукьянъ Степановъ, одѣвался.

И опять ничего не разсказалъ. Повязавъ уши, надвинувъ шапку на самыя брови, туго и низко подпоясавшись, онъ сталъ нанизывать на себя тулупъ. Справившись съ этимъ, онъ усталъ, задохнулся и тяжело сѣлъ рядомъ съ Севой.

— Смерти-то?—сказалъ онъ.—Кто жъ ее не боится!.. Чудакъ-человѣкъ! Да вѣдь что жъ исдѣлаешь? И умрешь, не откажешься... И богатства своего, братъ, съ собой не возьмешь!

— А вотъ вы съ деньгами такъ-то ѣздите: не боитесь, что убьютъ, ограбятъ?

— Что я съ деньгами, того никто не знаетъ. А и узнаетъ, не догонитъ. Такого жеребца, какъ мой, у твоего дѣда на свадьбѣ не было.

Усѣвшись на дрожки верхомъ, Лукьянъ Степановъ шибко понесся со двора, но, миновавъ церковь, гумно, всѣхъ, кто могъ его видѣть, потянулся шагомъ. А въ накуренномъ залѣ долго стоялъ столбами свѣтъ предвечерняго солнца. Сева открылъ піанино, въ тысячный разъ началъ Лунную сонату, изъ которой зналъ только первую страницу. Хозяйка съ грустнымъ и важнымъ лицомъ несправедливо обиженной, но покорной своей судьбѣ женщины, занялась мытьемъ и вытираніемъ чайной посуды, брезгливо отдавъ горничной вазу съ вареньемъ, изъ которой ѣлъ Лукьянъ Степановъ.

— Выкиньте это и вымойте горячей водою.

Люлю встала съ болѣзненной гримасой:—ахъ, ужъ эти доморощенные музыканты!—и, выйдя изъ дому, медленно пошла по липовой аллеѣ, стараясь наступать на сухіе листья, золотые и розовые. „Осень, осыпается весь мой бѣдный садъ!“—высокимъ голосомъ запѣла она. Но оборвала пѣсню на первыхъ словахъ, свернула на дорожку среди сиреневой заросли, сѣла на скамью и вдругъ зарыдала, подавляя рыданія, злобно закусывая край платка, чтобы не закричать отъ боли. Полоса яркаго вечерняго свѣта легла на сѣрый старый столъ

возлѣ скамьи. Какая-то черноглазая птичка беззвучно слетѣла на вѣтку, съ вѣтки на столъ, туго, бочкомъ прыгнула раза два, съ любопытствомъ глядя на плачущую. На гумнѣ, куда, притворяясь хозяиномъ, шелъ Мика въ австрійской курткѣ и длинныхъ сапогахъ, ровно гудѣла молотилка. Ясный, равнодушный вечеръ былъ такъ тихъ, что она слышна была далеко въ полѣ—желтомъ, пустомъ, золотившемся шелковыми сѣтями паутины.

Черезъ нѣсколько дней подали къ крыльцу никулинскаго дома тройку. Кучеръ надѣлъ плисовую безрукавку, шелковую кашареечную рубаху и шляпу въ павлиньихъ перьяхъ; барыня и барышня—трауръ: всегда есть какая-нибудь умершая дальняя родственница, а это вѣдь такъ удобно, если нѣтъ хорошихъ костюмовъ для вагона. Спустивъ вуали, натягивая фильдекосовыя перчатки, онѣ ласково и грустно прощались съ прислугой, принимая зонтики, накидки, рыжій пледъ покойнаго Никулина. Сева поѣхалъ верхомъ, на нервной худой кобылкѣ. До станціи всего двадцать верстъ, поѣздъ отходилъ въ семь, а выѣхали въ два. Можно было отстать. Сева отсталъ возлѣ хутора Лукьяна Степанова. Тройка скрылась въ степи, среди ржаныхъ жнивій; онъ повернулъ на перекопанную, заросшую полынью дорогу къ хутору.

Было жарко, вокругъ блестѣла сухая вспаханная земля на картофельныхъ обобранныхъ поляхъ. Вдали серебрились тополя. Навстрѣчу шелъ по пыли бѣлый толстый мальчикъ лѣтъ трехъ, въ грязной рубашечкѣ, въ большомъ черномъ картузѣ, похожій на старичка,—шелъ, положивъ голову на плечо, неизвѣстно куда. „Заблудится, зайдетъ къ чорту на кулички“,—подумалъ Сева, смѣясь.

Былъ праздникъ, послѣобѣденное время—хуторъ казался необитаемымъ. Вотъ плетень и въѣздъ въ широкій дворъ. На дворѣ телѣги, сорокаведерное каменное корыто, журавль давно высохшаго колодца, тѣнь отъ старыхъ амбаровъ подъ сизой соломенной крышей съ навѣсомъ. Нарушая видъ степного мужицкаго гнѣзда, бѣлѣетъ за амбарами еще некрашенная желѣзная крыша новаго мѣщанскаго дома на высокомъ фундаментѣ. Дальше—какой-то черный исполинскій шалашъ, возлѣ котораго виситъ на шестѣ дохлый ястребъ. Впереди—мелкій прудъ, сверкающій на солнцѣ, глиняные берега въ гусиномъ пуху. А по другую сторону двора—развалины варка, стариннаго, еще тѣхъ временъ, когда хуторъ принадлежалъ барону Ачкасову: каменныя крѣпостныя стѣны, голый остовъ несокрушимыхъ стропилъ. Всѣ ворота настежь—виденъ навозъ, слежавшійся, спекшійся, наросшій за многіе годы подъ самые переметы.

Лукьянъ Степановъ одиноко и величаво стоялъ среди двора, безъ шапки, въ лиловой рубахѣ, опираясь на рогачъ. Невдалекѣ тихо сидѣлъ въ ведрѣ, забитый въ него, закутанный въ попонку, блѣдный ребенокъ въ чепчикѣ. Другой, въ продранной на тугомъ животѣ рубашкѣ, криво и старательно заносилъ полную ножку, взбираясь на каменное крыльцо амбара. А вокругъ все было усѣяно спящими: одной семьи у Лукьяна Степанова шестнадцать человѣкъ, да еще гости, кумъ съ женой, пріѣхали. Всѣ ошалѣли, ослабѣли послѣ обѣда, повалились гдѣ попало и заснули. Одинъ Лукьянъ Степановъ не сдался: былъ еще во хмелю, красенъ, но стоялъ, стерегъ свои владѣнія бодро.

Когда Сева въѣхалъ во дворъ, Лукьянъ Степановъ, не спѣша, подошелъ, подалъ руку и осмотрѣлъ запотѣвшую подъ сѣдломъ кобылку.

— Въ Москву за пѣснями?—спросилъ онъ съ усмѣшкой.

Подъ навѣсомъ амбаровъ сидѣли на цѣпяхъ овчарки. Онъ погрозилъ имъ. Возлѣ нихъ, въ тѣни, крѣпко спалъ на спинѣ кумъ, мужикъ съ черно-шелковой бородой. На солнцѣ, въ телѣгѣ—баба въ зеленомъ платьѣ и старшій сынъ Лукьяна Степанова, въ атласной синей рубахѣ, въ кованыхъ сапогахъ съ выпущенными изъ-за голенищъ каемками шерстяныхъ чулокъ. Эти лежали ничкомъ, обнявшись. Прочіе спали прямо на травѣ. Бабы—прикрывшись отъ солнца фартуками, подолами.

— Жишинку? А?—спросилъ Лукьянъ Степановъ.

Сева, смѣясь, отказался:

— Мы только-что отъ завтрака.

— Ну, чайку?

— Право, не хочется.

— А то ветчинки накрою?

— Нѣтъ, спасибо, ей-Богу, ничего не хочу. Да и на станцію бокомъ опоздать.

— Значитъ, вѣрно—опять въ Москву?

— Да... Пора. Я и такъ пропустилъ уже много уроковъ.

— Жисть вамъ!—сказалъ Лукьянъ Степановъ, какъ бы съ завистью, но не скрывая и пасмѣшки.—Урковъ! А я вотъ тысячъ на сорокъ имѣю, князь во князьяхъ, а все сижу. Въ Кіевъ и то не соберусь никакъ. А понужнѣе твоихъ урковъ. Пойдемъ, домъ покажу.

Возлѣ дома, на рваной ватнаго одѣяла, сушилось просо.

— Кш, пропасти на васъ нѣту!—сказалъ Лукьянъ Степановъ, махнувъ рогачомъ на высокихъ худыхъ цыплятъ, бѣгавшихъ по просу, и первый поднялся на крыльцо, вошелъ

въ сѣни, дѣлившія домъ на двѣ половины. Пола въ сѣняхъ еще не настилали; навалены были тутъ разсыпавшіяся колеса, разсохшіяся кадушки, кирпичи, известка. Въ отворенныя двери глядѣли пустыя комнатки, кафельныя печки, мѣдные отдушники, стѣны въ голубенькихъ обояхъ.

Сева спросилъ, оглядываясь:

— А что же вы его не додѣлываете?

— Это кого? Домъ-то?

— Да.

— Капиталу, братъ, не хватаетъ. Это вѣдь у тебя одна забота—урки учить, задачи рѣшать да диктовку гнать.

— Нѣтъ, безъ шутокъ? И не додѣлываете и не переходите... Вѣдь вы, говорятъ, подъ шалашомъ, въ землянкѣ живете?

— Она землянка, а лучше всякой избѣ,—сказалъ Лукьянъ Степановъ.—А не перехожу, это правда. Третій годъ не перехожу, оттого и не додѣлываю. Дай ребятенки подойдутъ, выровняются.

— Какіе ребятенки?

— А внуки. Ихъ у меня числа нѣтъ. Пусти-ка ихъ! Живо всѣ шпалеры обдерутъ.

Въ задней комнатѣ, въ залѣ, какъ назвалъ ее Лукьянъ Степановъ, сидѣла на полу босая баба, миловидная, очень смирная на видъ, и рубила косаремъ зеленую траву.

— Это кому же?—спросилъ Сева.

— Свиньямъ кушанье готовитъ,—сказалъ Лукьянъ Степановъ.—Пойдемъ. Тутъ жарко.

— А я все-таки избу вашу хотѣлъ бы посмотрѣть.

— И въ избу сведу.

Подъ громаднымъ, чернымъ отъ старости шалашомъ толстый потолокъ изъ бревенъ и навозу, залитаго глиной, покрывалъ громадную землянку. Спустились внизъ по земляннымъ стертымъ ступенькамъ. Внизу было мрачно, темно—свѣтъ проходилъ только въ два крошечныхъ окошечка подъ самымъ потолкомъ. Сева увидалъ нары, человѣкъ на двадцать, опять-таки заваленныя старьемъ—попонами, лотками, опметками лаптей, люльками; оглядѣлъ разсѣвшуюся кирпичную печь, полати, столъ, занимавшій чуть не половину избы, щербатые чугуны на мокромъ земляномъ полу возлѣ печки,—въ нихъ, въ водѣ съ золой, выпаривались портки и рубахи.

— Но это ужасно!—сказалъ онъ, смѣясь.—Какъ же вы тутъ живете! Вѣдь васъ шестнадцать человѣкъ. И цѣлую зиму спите всѣ вмѣстѣ...

— Ничего тутъ нѣту ужаснаго,—сказалъ Лукьянъ Степановъ, что-то внимательно оглядывая подъ печкой, и вдругъ

махнулъ рогачомъ: изъ-подъ печки, раздувая золу, вылетѣлъ больной облѣзлый голубь.—Ничего тутъ нѣту, братецъ ты мой, ужаснаго. Девять лѣтъ прожилъ, какъ дай тебѣ Богъ прожить. Ни разу не угорѣли. Диво, а не изба. А теплынь какая! Зимой прямо хоть рубаху скидавай... Мы, братъ, люди земляные.

— Но сыро, должно-быть, ужасно?

— Наладилъ! Сыро, это правда... дюже сыро. Пойдемъ, свою охоту покажу.

Охота Лукьяна Степанова, его знаменитые на всю округу чернопѣгіе битюги помѣщались въ особомъ дворѣ, въ камсной, крытой тесомъ пристройкѣ къ новому дому. Отомкнули замки на высокихъ тесовыхъ воротахъ, вошли въ уютный квадратъ изъ денниковъ и амбарчиковъ съ крылечками и маленькими желѣзными дверками.

— Вотъ буду жить въ новомъ домѣ, проснусь такъ-то ночью, гляну, анъ мнѣ изъ залу все и видно, — сказалъ Лукьянъ Степановъ, показывая на окошечко, глядѣвшее изъ дома во дворъ.—Понялъ? Умно придумано? Истинно, какъ Адамъ въ раю, живу! Истинно, князь во князьяхъ!

Глаза его стали блестѣть. Денники тоже были на замкахъ. Отмыкая ихъ, онъ распахивалъ дверь, смѣло шелъ прямо къ заду лошади, оглаживалъ его и шелъ къ головѣ.

— Ты не ходи, не ходи!—кричалъ онъ изъ денника.—На порожкѣ постой. На-смерть убьетъ! Меня только одного подпущаютъ...

Страшныя траурныя лошади вздрагивали всей кожей, шарахались, храпѣли, косили огненными глазами. Гривы у нихъ были черныя, густыя, чуть не до земли. Раскормлены онѣ были на удивленіе, до желобовъ на спинахъ и крупахъ.

— А? Что? Каково?—глухо кричалъ Лукьянъ Степановъ изъ темноты.—Видалъ? А то Москва-а... Болѣ ста лѣтъ въ нашемъ роду этотъ самый заводъ, такой масти ни у кого во всей губерни нѣту. Стану помирать, накажу цѣльную тройку запречь въ самую первую телѣгу,—тройкой гробъ помчатъ!

Потомъ, нагнувшись, переступилъ порогъ денничка, гдѣ стояла ладная перламутровая кобылка:

— А это моя любимица! Земчужная лошадка называется. У, матушка! Любишь? Любишь?.. Любитъ, чтобъ ей носикъ чесать, страсть любитъ,—сказалъ онъ съ восторгомъ, оборачиваясь къ соскучившемуся гостю.

Все осмотрѣвъ и затворивъ, замкнувъ, онъ обрѣлъ самое прекрасное, ровное и ласковое расположеніе духа.

— Погоди, дурачокъ, погоди, поспѣешь!—говорилъ онъ,

удерживая гостя.—Пойдемъ чай пить. Ну, а не хочешь, давай такъ посидимъ, побалакаемъ...

Онъ сходилъ въ избу, принесъ скамью, сѣлъ; глубоко и довольно вздыхая, усадилъ Севу рядомъ съ собой.

— Эй, бабка!—закричалъ онъ на весь дворъ.—Старуха!

Толстая, сутулая старуха въ шерстяныхъ чулкахъ, въ очкахъ, съ паголенкомъ и спицами въ рукахъ, показалась изъза шалаша.

— Княгиню-то мою еще не видалъ?—спросилъ Лукьянъ Степановъ, кивая на нее. — Заодно ужъ и ее погляди. Ума палата! Она у меня тоже при дѣлу. За избой сидитъ, макъ стережетъ.

Старуха подошла и низко поклонилась.

— Ну, какъ?—спросилъ Лукьянъ Степановъ. — Сидишь? Никого не видать?

— Пока, слава Богу, никого. Да вѣдь знаютъ, что есть караулъ.

— Маку немножко для потѣхи посѣялъ,—сказалъ Лукьянъ Степановъ, не дослушавъ ее и обращаясь къ гостю.—Я этихъ тамъ маковъ, подсолнуховъ ни по чемъ не уважаю—для потѣхи только сѣю по малости, абы, абы ребятишкамъ хватило. Какъ сѣяли дѣды-прадѣды ржицу, такъ и намъ Богъ велѣлъ. Они только ее одные, матушку, знали, а цыгарки изъ трехрублевокъ вертѣли. Я, братецъ ты мой...

Старуха стояла и блестѣла мелькающими спицами, слушала, глядя исподлобья, изъ-за очковъ. Лукьянъ Степановъ слегка нахмурился.

— Ну, будя, послухала,—сказалъ онъ и махнулъ на нее рукой.—Что приглядываешься? На мнѣ узоровъ нѣту. Ступай, ступай отседа...

Вечерѣло. Галки, болтая, усаживались на рѣшетчатые колпаки на трубахъ новаго дома. Стали просыпаться спавшіе. Одинъ за однимъ прошли мимо, на прудъ, умываться, сыновья Лукьяна Степанова—угрюмые, густоволосые, крѣпкіе мужики. Ребенокъ, сидѣвшій въ ведрѣ, повалился вмѣстѣ съ ведромъ и кричалъ на весь дворъ. Сева простился.—„Ну, во святой часъ,—сказалъ Лукьянъ Степановъ:—подюжѣй учись“,—и Сева, вскочивъ на свою нервную кобылку, поѣхалъ по плотинѣ пруда. Вечерняя прохлада и тишина сходили на степь. Воробьи осыпали горѣлую, голую лозинку на плотинѣ сплошнымъ трескомъ, вечернимъ, уютнымъ. Желтоватая жидкая вода кишѣла возлѣ плотины мельчайшими вшами. Умывшійся мужикъ сидѣлъ на глиняномъ берегу распояской, отражался подъ берегомъ и глядѣлъ на оранжевое солнце,

садившееся за степью, за неоглядной равниной, въ молочно-голубомъ сухомъ туманѣ. Жнивья были лимонныя. Пастушонокъ, съ раздутой губой, въ бараньей шапкѣ, медленно гналъ по нимъ стадо овецъ: „Ррръ!“. Онѣ двигались скопомъ, на ходу докармливаясь, съ шумомъ дыханія. Сева, отъѣхавъ отъ хутора, взглянулъ на его миръ и уютъ съ завистью, ударилъ плеткой по лошади и понесся вскачь, оставляя за собой столбъ пыли. Столбъ этотъ протянулся на версту и не опадалъ долго, долго, пока не стемнѣло...

Въ Москвѣ всю осень шли дожди. Мика не писалъ и не слалъ денегъ изъ деревни—опять съ любовницей связался. Мама хворала,—по крайней мѣрѣ, не принимали никого, говоря, что она хвораетъ. Принимали только одного Жедринскаго, стараго театрала, бритаго, очень полнаго и удивительно размытаго, страдавшаго одышкой, славившагося своими остротами на весь городъ. Въ ноябрѣ Люлю, неожиданно для всѣхъ, вышла за него замужъ. Теперь уже валилъ снѣгъ, ночью вверхъ по Тверской одна за одною неслись, гремя глухарями, тройки. Жедринскій, очень подружившійся съ Севой, какъ всегда проводилъ ночи съ компаніями въ Стрѣльнѣ и бралъ его съ собою. Куря на морозѣ сигару, сидя въ дохѣ между женою и маленькой знаменитой артисткой, Жедринскій все наклонялся къ ней и остротами вполголоса заставлялъ ее хохотать до упаду и бить его по рукамъ. Люлю, въ дорогихъ легкихъ мѣхахъ, въ средневѣковомъ бархатномъ беретѣ, печальными, молящими глазами, уткнувъ лицо въ муфту необыкновенной величины, смотрѣла на сидящаго напротивъ молоденькаго сумскаго офицера. Его сосѣдъ, знаменитый пѣвецъ, съ лицомъ екатерининскаго вельможи, стриженый въ скобку, по-мужицки, но въ цилиндрѣ и медвѣжьей шубѣ, дѣлалъ лѣнивые, безстрастные глаза: ревновалъ. Люлю грустно думала:

— Я гадкая, гадкая...

Жизнь въ Стрѣльнѣ, у Яра только начиналась. Весело было входить туда, въ огни, тепло, блескъ зеркалъ, теплый воздухъ, пахнувшій сигарами, шампанскимъ и жаренными рябчиками, отряхивать бертолетовую соль морознаго снѣга съ мѣховъ, кидать ихъ на руки ловкихъ людей въ поддевкахъ и помогать дамамъ, шуршащимъ шелкомъ юбокъ, раскраснѣвшимся и сіяющимъ съ мороза, разстегивать ботики!

А Лукьянъ Степановъ, мирно ночевавшій со всѣмъ своимъ многочисленнымъ потомствомъ и телятами въ теплой земляной берлогѣ, уже третій разъ просыпался въ эту пору и босой выходилъ наверхъ, на скрипучій снѣгъ, подъ черно-синее небо и звѣзды.

Капри. 30. XII. 1912.

ПОСЛѢДНІЙ ДЕНЬ.

Все было кончено: свели проданную скотину, увезли проданные экипажи, сбрую, мебель, настежь распахнули ворота варковъ и сараевъ, двери амбаровъ и конюшенъ: вездѣ было пусто, просторно, на дворѣ—хоть шаромъ покати.

Новый владѣлецъ, мѣщанинъ Ростовцевъ, извѣстилъ, что будетъ вечеромъ двадцатаго апрѣля. Въ тотъ же день, въ три часа, рѣшилъ уѣхать и Воейковъ: семью онъ отправилъ въ городъ еще двѣнадцатаго.

Изъ работниковъ осталось двое: солдатъ Петръ и Сашка. Они валялись по лавкамъ въ пустой кухнѣ, курили и то со смѣхомъ, то съ сожалѣніемъ говорили о прожившемся баринѣ. А онъ, одѣтый по-городскому, въ коричневой пиджачной парѣ и уланскомъ картузѣ съ желтымъ околышемъ, держа въ одной рукѣ костыль, въ другой табуретъ, ходилъ по дому. Какъ было свѣтло въ его нагихъ стѣнахъ! Растворяя двери изъ комнаты въ комнату, онъ влѣзалъ на табуретъ и задиралъ сверху внизъ засиженные мухами, отставшіе отъ стѣнъ обои: съ трескомъ и шумомъ падали на полъ огромные куски ихъ, съ исподу покрытые известкой и сухимъ клейстеромъ. Въ большой угловой комнатѣ обои были синіе съ золотомъ. Они поблекли, выцвѣли, но много было на нихъ и темныхъ овальныхъ кружковъ, квадратовъ: эта комната всегда была увѣшана дагеротипами и мелкими старинными гравюрами, а въ углу образами. Ободрать ее не удалось. Солнечный свѣтъ мягко проникалъ сквозь тонкія и тусклыя, выгорѣвшія стекла четырехъ большихъ оконъ. Вспоминая дѣтство, проведенное здѣсь, Воейковъ ударилъ костылемъ въ одно окно, въ другое... Стекла со звономъ посыпались на гнилые подоконники, на желтые восьмиугольники разсохшагося паркета. Въ дыры потянуло мягкимъ весеннимъ вѣтромъ, стали видны сѣрые кусты сирени.

Сѣвъ на табуретъ, Воейковъ рѣшилъ додумать и послѣднее. Онъ сидѣлъ долго, снявъ картузъ, опустивъ широкую голову, причесанную на косой рядъ по-старинному—справа налѣво, съ косицами на виски. Снова и снова вспомнились дѣды, прадѣды, жившіе и умершіе въ этомъ домѣ, въ этой усадьбѣ; вспомнились чуть не всѣ имена борзыхъ, прославившихъ воейковскую охоту... Теперь захудалыхъ, обезображенныхъ голодомъ и старостью потомковъ ихъ осталось всего шесть штукъ... Они скоро поколѣютъ, конечно... Да, но не Гришкѣ же Ростовцеву оставить ихъ! Воейковъ поднялъ свое тяжелое смуглое лицо, все въ желчныхъ складкахъ и морщинахъ, съ черно-зелеными, крашеными усами. Темные глаза его блестѣли зло и строго.

Надѣвъ картузъ, стуча костылемъ, онъ вышелъ на крыльцо и крикнулъ черезъ дворъ въ кухню. На порогъ выскочилъ длинный Петръ и, какъ всегда при видѣ барина, нахмурился.

— Гдѣ собаки?—спросилъ Воейковъ.

Петръ глянулъ въ сѣнцы, по двору, въ садъ...

— Да, кажись, всѣ дома.

— Ну, вотъ и отлично,—громко и твердо крикнулъ Воейковъ.—Всѣхъ удавить. Получишь по четвертаку за каждую.

И, закуривая толстую короткую папиросу въ дорогомъ прокопченомъ мундштукѣ, сѣлъ на ступени крыльца. Петръ скрылся въ кухнѣ, удивилъ и обрадовалъ Сашку, быстро сообщивъ ему о рѣшеніи барина, нашелъ подъ лавкой веревку и снова вышелъ на порогъ, думая: съ какой начать?

Три пѣгихъ собаки лежали среди двора, на солнцѣ. Двѣ бѣлыхъ—въ тѣни, возлѣ сарая. Одна бѣжала отъ ельника по свѣтлой аллеѣ еще сквозного сада съ голыми зацвѣтающими яблонями, по розоватой весенней землѣ. Всѣ были стары, стара и эта—палевая сучка съ черными ушами, съ длинной сухой шерстью на тонкихъ жилистыхъ ногахъ. Петръ посвисталъ и похлопалъ себя по колѣнкѣ. Сучка направилась черезъ дворъ прямо къ нему, виляя густымъ загнутымъ хвостомъ, лизнула ему руку. Петръ накинулъ ей на шею веревку и, заскребая сапогами, побѣжалъ по двору къ саду. Схвативъ желѣзную лопатку, забытую въ углу сѣнецъ, коротконогій веселый Сашка побѣжалъ за нимъ.

Собака пошла сперва охотно. Но у воротъ сада вдругъ уперлась, взвилась и, завизжавъ, закувыркалась. Сашка на бѣгу поднялъ рогатый зелено-золотой яблоновый сукъ и нѣсколько разъ ударилъ ее по сухой спинѣ, оставляя на рогулькахъ лохмотья старой шерсти. Петръ бѣжалъ, держа веревку черезъ плечо и точно падая; собака, подскакивая, кидалась

во всѣ стороны, рвалась назадъ, присѣдая и отматывая, отрывая себѣ голову. Опавшія борзыя очнулись и стаей бросились катать ее.

— Отрыжь! — грозно гаркнулъ Воейковъ, вскочивъ съ крыльца.

Сашка лопатой разогналъ ихъ. А на деснахъ сучки, яростно грызшей веревку, показалась кровь, давясь, она защемила языкъ. Въ боковой аллеѣ изъ кустовъ акаціи Петръ пошелъ тише: она внезапно изнемогла, перестала сопротивляться, похудѣла еще болѣе, уже шаталась, путая задними ногами, и отставила опустившійся хвостъ. Когда Петръ перекинулъ веревку черезъ толстую вѣтвь раскидистаго клена, засыхающаго на перекресткѣ двухъ дорожекъ, и, быстро повернувшись къ нему правымъ плечомъ, рванулъ ее внизъ, собака, вздернутая на дыбы, судорожно скорчивъ переднія лапы, сдѣлала усиліе удержаться на взрытой подъ кленомъ землѣ, но повисла, едва касаясь ея. Черно-лиловый языкъ ея высунулся, обнажились въ гримасѣ коралловыя десна, дневной свѣтъ, отраженный въ потухающихъ глазахъ виноградnаго цвѣта, сталъ тускнѣть.

— Теперь молчи, не вякай,—сказалъ Петръ, усвоившій себѣ манеру шутить сумрачно.

Сашка, напѣвая женскимъ голосомъ, рылъ яму среди голыхъ кустовъ, покрытыхъ блѣдно-зелеными зернами почекъ. Вдали, на старыхъ деревьяхъ въ низахъ сада, шумѣли грачи. Кругомъ пѣли скворцы, стрекотала сорока, солнце сушило слежавшуюся листву въ корняхъ кустовъ, а Сашка твердо и съ удовольствіемъ наступалъ на блестящую лопату, легко уходившую въ рыхлую синюю землю и рѣзавшую надвое жирныхъ малиновыхъ червей. Подошелъ Андрей, стерегшій свою кобылу въ безхозяйномъ саду, молодой опрятный мужикъ съ деревни.

— За что такъ сказнили?—спросилъ онъ, улыбаясь.

— Значитъ, такъ приказано,—отвѣтилъ Петръ, все еще державшій веревку черезъ плечо.—На прощанье, значитъ. Всѣхъ велѣлъ къ смерти предать. Чтобъ никому не доставались.

— Горюетъ?

— Загорюешь. Все говоритъ: „Выхожу я одинъ на дорогу“... А ты, кажись, пристроился лошадь въ саду кормить? Смотри,—къ вечеру новый пріѣдетъ. У этого, братъ, не покормишь.

— Я къ вечеру сгоню,—сказалъ Андрей..

Онъ палкой приподнялъ подъ задъ собаку,—собака очнулась, зарычала, втягивая животъ,—и продолжалъ разсѣянно:

— А я тоже недавно собачонку удавилъ. Пристряла чья-то,

живетъ недѣлю, другую, брехать не брешетъ... Я подумалъ, подумалъ, взялъ да и удавилъ,

— Собакъ что̀, и людей, какіе позамѣчательнѣе, и то много казнятъ,—сказалъ Петръ.

— А ты что̀ жъ, видалъ?

— Видѣть я этого никакъ не могъ. Никого не допускаютъ; ближнимъ даже и то нельзя. Мнѣ солдаты разсказывали. Сдѣлаютъ съ ночи висѣльницу, а на разусвѣтъ приведутъ этого самаго злодѣя, палачъ мѣшокъ ему на голову надѣнетъ и подыметъ на резиновомъ канатѣ. Докторъ подойдетъ, глянетъ и сейчасъ говоритъ, удавился или нѣтъ... Тутъ же подъ висѣльницей и могила.

— Такъ безъ гробовъ и валятъ?

— А ты думалъ—подъ стекло?

— И такъ ни одинъ алхитекторъ не найдетъ,—сказалъ, смѣясь, изъ кустовъ Сашка.

Петръ бросилъ веревку,—собака упала и осталась въ сидячемъ положеніи,—и сталъ закуривать.

— А потомъ, значитъ, станокъ этотъ на иную мѣсто переносятъ?—спросилъ Андрей.

— Куда нужно, туда и переносятъ.

— А за что жъ ихъ казнятъ?

— Понятно, не за хорошее. За всякія разныя, за начальство, за разбой. Не буянь, не воруй...

— А палачъ-то этотъ самый, онъ что̀ жъ, жалованье получаетъ?

— А какъ же. И харчи, и одежу даютъ отличную.

— Смотри, отдышитъ,—пошутилъ Андрей и пошелъ къ лошади, трещавшей сушью въ чащѣ стараго вишенника.

— Небось,—сказалъ Петръ и крикнулъ Сашкѣ:—Готово, что ль?

Вмѣстѣ съ мраморными и желтыми, сухими и мокрыми листьями онъ потащилъ собаку къ ямѣ. Закидавъ яму землей, Сашка сталъ утаптывать ее, и влажная земля дышала подъ его сапогами.

— Ну, вѣчная память,—сказалъ онъ.—Намъ жить, поживать, тебѣ гнить.

И, вскинувъ лопату на плечо, пошелъ за Петромъ къ дому. Петръ на дворѣ остановился и, держа веревку за спиной, манилъ къ себѣ большого, уже сѣдѣющаго кобеля Черкеса.

— Съ одной, Борисъ Борисычъ, управились, закопали,—весело крикнулъ Сашка Воейкову, все еще сидѣвшему на крыльцѣ.

— Чего ржешь, болванъ?—строго осадилъ его Воейковъ.—

Какъ такъ закопали? Кто вамъ приказывалъ закапывать? Въ ельникѣ, на елкахъ повѣсить всѣхъ и такъ и оставить. Слышишь?

— Слушаю,—отвѣтилъ Сашка и кинулся помогать Петру.— Ну, скорѣй, что ль!—крикнулъ онъ шопотомъ.

Къ тремъ часамъ покончили со всѣми собаками. Теперь старая усадьба, тихая, безлюдная, дремлющая подъ лаской теплаго апрѣльскаго солнца, была совершенно пуста. Возбужденные, уморившіеся работники шли по аллеѣ и считали, сколько имъ приходится за работу.

— Ничего, отлично,—говорилъ Петръ съ сумрачной веселостью.—Полтора цѣлковыхъ. Будетъ намъ на поминки полный обѣдъ съ закуской.

Воейковъ, съ обнаженной головой, стоялъ у крыльца, крестился и кланялся дому.

— Прощайте,—строго сказалъ онъ, оборачивая свое энергичное темное лицо къ подошедшимъ.—Кончили?

— Кончили,—отвѣтили работники въ одинъ голосъ, снимая картузы.

— Получите.

Принимая деньги, Сашка поцѣловалъ его смуглую руку съ истончившимся обручальнымъ кольцомъ. Воейковъ, не мѣняя выраженія лица, обнялъ его и поцѣловалъ въ губы. Кивнулъ Петру. На мгновеніе глаза его перекосились, подернулись мутью. Но, надѣвъ картузъ, опъ сталъ еще строже и еще тверже сказалъ:

— Теперь можете итти. Я не велѣлъ Мирону заѣзжать за мной. Самъ къ нему зайду, отъ него поѣду. Я не телѣги стыжусь, а просто... не желаю.

И пошелъ къ воротамъ, не оборачиваясь.

Сашка сбѣгалъ въ лавку, и лавочникъ ржавымъ топоромъ отрубилъ ему на порогѣ кусокъ мокрой соленой свинины. Петръ поджидалъ его возлѣ винной лавки, на выгонѣ, близъ усадьбы. И, закусывая, они долго сидѣли на мелкой и яркой весенней травѣ. Вечеръ наступалъ розовый. Холодѣлъ воздухъ, и слышнѣе шумѣли, кричали грачи на старыхъ деревьяхъ въ сыроватыхъ низахъ сада. За сквозными верхушками ихъ уже сіяла небольшая ясная луна. А за рѣкой, въ золотомъ чистомъ блескѣ, садилось солнце,—и въ страшно молчавшей усадьбѣ оранжево пламенѣли стекла настежь растворенпаго мертваго дома.

Ростовцевъ, съ приказчикомъ, на бѣговыхъ дрожкахъ, пріѣхалъ поздно, когда деревня вся спала. Въ тишинѣ чуть звенѣла гайка на его колесѣ, когда онъ шагомъ въѣзжалъ

на бывшій войковскій дворъ. У крыльца онъ остановился и, съ трудомъ слѣзая, передалъ вожжи назадъ, приказчику, Приказчикъ поѣхалъ къ сараю отпрягать, а онъ, въ чуйкѣ и глубокомъ тепломъ картузѣ, разминая онѣмѣвшія отъ долгаго сидѣнія ноги, вошелъ въ домъ. Поклонился и онъ дому, снимая картузъ и набожно роняя волосы на порогѣ полныхъ мутнаго луннаго свѣта комнатъ. Всюду были завалены драными обоями полы въ нихъ. Проходя комнату за комнатой, внимательно и уже по-хозяйски строго вглядываясь во всѣ углы, онъ отшвыривалъ шуршавшіе куски сапогомъ и, качая головою, съ искренней горечью, бормоталъ:

— Ахъ, мошенники! Ахъ, невѣжи!

Въ полусумракѣ казалось, что комнатамъ конца нѣтъ. Было жутко въ обезображенной пустотѣ ихъ, въ этомъ остовѣ разореннаго чужого гнѣзда, столько лѣтъ жившаго своей особой и для всѣхъ Ростовцевыхъ загадочной, недоступной жизнью. Ростовцевъ повернулъ назадъ, вышелъ, горбясь и хмурясь, на крыльцо и, волнуемый нетерпѣніемъ поскорѣе осмотрѣть все, теперь свое, собственное, пошелъ въ садъ взглянуть на цвѣтъ яблонь: очень онъ надѣялся на садъ въ этомъ году. Но при розоватой лунѣ даже зоркіе глаза Ростовцева не могли отличить мелкаго бѣло-розоваго цвѣта отъ нагихъ сучковъ и почекъ. Онъ постоялъ, потянулъ носомъ, надѣясь взять обоняніемъ. Цвѣтомъ пахло, но слабо. Сильнѣе пахло холодной влажной землей, свѣжестью молодой травы. Въ глубокой тишинѣ четко и осторожно отдавалось по саду чоканье соловья, пробующаго въ низахъ голосъ. Ночь была нѣжная, свѣтлая, луна чуть туманная. Далеко сквозилъ садъ— и, повернувшись къ ельнику, Ростовцевъ вдругъ почувствовалъ, какъ у него зашевелились подъ картузомъ волосы: на сумрачной чащѣ высокихъ густыхъ елей стояло пять длинныхъ блѣдно-голубыхъ привидѣній. Внѣ себя отъ страха, онъ двинулся на нихъ... А черезъ минуту уже шелъ назадъ и бормоталъ съ еще большей горечью:

— Ахъ, мошенники! Ахъ, невѣжи!

— Думалъ въ домѣ лечь,—нарочно громко, на весь дворъ, сказалъ онъ, выходя на середину двора.—Да ну ихъ къ чорту. Тамъ жуть, безобразіе. Все ободралъ, старый дуракъ, собакъ всѣхъ повѣшалъ... Пойдемъ въ избу, авось наше дѣло не барское.

— Корысть не велика,—громко и весело отвѣтилъ приказчикъ, подходя къ нему.—Ужъ чего, чего, а собакъ-то наживемъ... Съ новосельемъ васъ, Григорій Кисентинычъ!—сказалъ онъ, снимая картузъ и протягивая руку.

— Ну, будя, будя!—притворно-сердито отвѣтилъ Ростопцевъ.—Пойдемъ-ка спать...

Бросая на росистую траву двѣ тѣни, они пошли къ кухнѣ. Тамъ, на лавкѣ, при лунномъ свѣтѣ, они закусили колбасой и бѣлымъ хлѣбомъ, отрывисто переговариваясь, и легли голова къ головѣ, положивъ вмѣсто подушекъ свернутыя чуйки. Нужно было встать пораньше, чтобы встрѣтить подводы изъ города и начать приводить усадьбу въ порядокъ.

Но отъ нетерпѣнія ночь казалась Ростовцеву безконечной. Онъ проснпался и съ тоской видѣлъ розовый свѣтъ все на томъ же мѣстѣ—на своихъ голенищахъ. А, засыпая, вздрагивалъ: стѣной вставала передъ нимъ черно-зеленая чаща ельника, а на ней, въ ея строгомъ сумракѣ,—висящія собаки. Онъ перевертывался съ боку на бокъ и сердито ухмылялся своему малодушію.

Капри. 1. II. 1913.

СКАЗКА.

Идутъ съ сѣвера тучи и закрываютъ западъ, который еще даетъ невѣрный свѣтъ деревенской грязной улицѣ. Въ избѣ почти темно.

Баба разводитъ огонь на загнѣткѣ: набила въ чугунъ яицъ, хочетъ дѣлать яичницу. Въ другомъ чугунѣ, щербатомъ, она принесла изъ лавки два фунта гречневой крупы. Она поставила его на нары, и ребятишки, одинъ за другимъ, заголяясь, сошмыгнули съ печки, сѣли вокругъ чугуна, горстями, торопливо ѣдятъ крупу, закидывая назадъ головы, и отъ жадности дерутся.

На лавкѣ возлѣ стола, облокотясь на подоконникъ, сидитъ мелкопомѣстный баринъ, въ глубокихъ калошахъ, въ теплой поддевкѣ и каракулевой шапкѣ. Ему двадцать лѣтъ, онъ очень великъ, худъ и узкогрудъ. Глаза у него, какъ у многихъ чахоточныхъ, темные; ротъ большой, бѣлая тонкая шея со впадинами за ушами закутана розовымъ гарусным платкомъ жены. Онъ недавно женился на дочери винокура, но уже соскучился съ женой и ходитъ по вечерамъ къ сосѣду, къ Никифору: заставляетъ его разсказывать сказки и были, плохо слушаетъ, но дарить за работу то гривенникъ, то двугривенный.

Никифоръ мужикъ еще молодой, но сумрачный. Какъ попалъ онъ въ сказочники, ему самому непонятно. Началось съ шутки: разсказалъ однажды какой-то пустякъ, а барину понравилось,—смѣясь, онъ далъ на полбутылки и, зайдя на другой день, потребовалъ новаго разсказа. Пришлось вспоминать всякую чепуху, порою выдумывать что̀ попало, порою врать на себя всякую небылицу. Притворяться балагуромъ, сказочникомъ неловко, но неловко и сознаться, что нечего разсказывать. Да и какъ упустить заработокъ? Все-таки не

всегда засыпаютъ голодными ребятишки, закусишь и самъ иной разъ, купишь табаку, соли, мучицы, а не то, какъ вотъ нынче, крупы, яицъ.

Никифоръ сидитъ за столомъ, насупясь. Надо разсказывать, а ничего не придумаешь. Держа въ зубахъ трубку, вытянувъ верхнюю губу, глядя въ землю, онъ до зеленой пыли растираетъ на ладони надъ кисетомъ корешки, выгадывая время. Баринъ ждетъ спокойно, но ждетъ. Хворостъ подъ чугуномъ разгорается, но свѣтъ держится только возлѣ печки; уже не видно визжащихъ ребятишекъ, смутно и лицо барина. Однако Никифоръ не поднимаетъ глазъ, боясь выдать свое раздраженіе. Разсказывать нечего, но раздраженіе помогаетъ. Притворяясь думающимъ, онъ медленно, невыразительно начинаетъ:

— Старыя права были хитрыя... Вотъ такъ-то поѣхалъ одинъ мужикъ за дровами въ лѣсъ, дѣло было, конечно, зимой, самый холодъ былъ ужасный, и встрѣчается съ барином... У мужика, конечно, лошадь плохая, а баринъ попался злой. Ну, встрѣвается съ нимъ, кричитъ: „сворачивай съ дороги“... Снѣгъ былъ глубокій, мужикъ съ дороги не сворачиваетъ, говоритъ: „куда жъ мнѣ сворачивать? вы, говоритъ, на тройкѣ, а я на одной, да еще съ возомъ“... Баринъ вскакиваетъ, сшибъ его съ ногъ долой, давай кутузкой гладить... Отгладилъ разъ, мужикъ отвѣчаетъ: „за вами, говоритъ, должокъ“. Баринъ глядитъ, что̀ такое онъ буровитъ, дуракъ, молъ, опять его кутузкой... И онъ его четыре раза поролъ, этотъ самый баринъ... Потомъ бросилъ его пороть и говоритъ на кучера: „ну, онъ, вѣрно, дуракъ, ну его къ чорту, сворачивай“... Поѣхалъ, значитъ, своей дорогой, а мужикъ своей. Пріѣзжаетъ домой, „ну, говоритъ, дѣвка, врядъ живъ буду; избилъ баринъ, вся тѣло синяя“... Мужикъ этотъ шесть недѣль отлежалъ отъ сильнаго удара...

Что̀ дальше, Никифоръ не знаетъ и, выгадывая время, насыпаетъ трубку. Затѣмъ продолжаетъ:

— Выздоровѣлъ, конечно, а онъ былъ плотникъ, и собирается въ дорогу. Положилъ въ мѣшокъ рубанокъ, аршинъ, топоръ... А барина этого была фамилія Шутовъ. Шелъ, шелъ, приходитъ, спрашиваетъ, гдѣ такой-то баринъ проживаетъ... Всходитъ на дворъ. Лакей выходитъ, говоритъ: „вы плотникъ?“ Говоритъ, плотникъ. „Васъ, говоритъ, баринъ требуетъ“. Приходитъ къ барину. „Вы, говоритъ, изъ рязанцевъ?“ Мужикъ отвѣчаетъ: „такъ точно“. „Вы, говоритъ, откуда?“—„Я, говоритъ, Тамбовской губерніи, Рязанскаго уѣзда“.—„Вотъ мнѣ нужно домъ сдѣлать“. Ну, конечно, до-

говорились цѣной, за двѣсти рублей. Нацисали между собой расписку, далъ пятьдесятъ рублей задатку... А у него былъ лѣсъ свой, у барина у этого... „Ну, говоритъ на барина, какъ бы намъ съѣздить посмотрѣть лѣсъ этотъ“. Велѣли запречь, сѣли, поѣхали. Пріѣзжаютъ. Мужикъ этотъ самый и говоритъ кучеру, „ты, говоритъ, ступай на опушку, а мы тутъ будемъ стоять“. Кучеръ отправляется, а мужикъ подходитъ сейчасъ къ дереву. раскололъ ее топоромъ, загесалъ клинъ и загналъ въ трещину...

Тутъ Никифоръ нагибается къ трубкѣ и поспѣшно закуриваетъ, стараясь не глядѣть на барина, растянувшаго ротъ въ ласковую, наивную улыбку. Табачная пыль въ трубкѣ горитъ синимъ огонькомъ. Никифоръ тушитъ его пальцемъ, пускаетъ дымъ и кашляетъ.

— Ну, раздвоилъ мужикъ эту дереву и давай нюхать въ серединѣ. Баринъ спрашиваетъ у мужика: „Что это ты, братецъ, нюхаешь?“—„А вотъ что нюхаю, узнаю, какой лѣсъ, сухъ ли будетъ“.—„Да твой носъ не чувствительный, дай-ка я понюхаю“... А мужику того и надо, вытолкнулъ клинъ, носъ-то бариновъ и прихватило какъ слѣдуетъ. А у этого мужика тоже плетка была трехххвостовая; онъ поскорѣй ему брюки долой и давай этой плеткой полосовать... Онъ его до того дралъ, то баринъ кричалъ, а то и кричать пересталъ... „Ну, говоритъ, еще два раза за тобой“. Сѣлъ на лошадь— и часъ добрый. Кучеръ приходитъ — лошади, саней нѣту, а баринъ у деревѣ носомъ забитъ, и тѣло вся изрублена до живого мяса...

— Очень глупо, — говоритъ баринъ, улыбаясь, и косится на загнѣтку, откуда тянетъ шипящей въ салѣ яичницей.

Теперь пламя подъ чугуномъ совсѣмъ красно, въ избѣ совсѣмъ темно. Дѣти, доѣвъ сырую крупу до зернышка, слушаютъ отца. А онъ небрежно отвѣчаетъ барину:

— Старики чего не наплетутъ... Конечно, сказка.

— И предурацкая,—говоритъ баринъ.—Ну, ну, продолжай.

— Да что жъ тутъ продолжать. Баринъ, конечно, заболѣлъ, чуть не померъ, мѣсяца два больной былъ, а мужикъ прослышалъ объ этомъ и заявляется къ нему докторомъ. Выходитъ опять лакей. „Вы, говоритъ, изъ докторовъ?“ Говоритъ, изъ докторовъ. „Васъ, говоритъ, баринъ требуетъ“. Мужикъ всходитъ прямо въ домъ, велитъ самоваръ ставить. (А тогда, въ старину, кто зналъ эти самовары!) Принесли самоваръ, закуски наклали, бѣлаго хлѣба... Мужикъ напился, наѣлся какъ надо, потомъ идетъ свидѣтельствовать, чѣмъ онъ нездоровъ. Обнаготилъ его всего, „это вы, говоритъ, отъ

побоевъ нездоровы, что̀, говоритъ, у васъ баня есть?“ Онъ отвѣчаетъ: есть. Сейчасъ приказалъ натопить баню, велитъ несть барина въ баню на простынѣ, растирку дѣлать. Лакей съ кучеромъ понесли, а онъ и говоритъ: „Погоди, говоритъ, я съ тебя спущу шкуру-то, дай только выздоровѣть“. А этотъ мужикъ идетъ сзади и говоритъ: „Погоди, погоди, я съ тебя еще половчѣе спущу“... Начинаетъ его парить, а на лакея съ кучеромъ сказалъ: „вы можете отсюда удалиться“. Тѣ ушли, остался докторъ, мужикъ этотъ самый, съ бариномъ одинъ-на-одинъ въ банѣ... Онъ его парить, а баринъ говоритъ: „вы вотъ тутъ-то да вотъ тутъ-то“. Онъ какъ выхватитъ треххвостку, да вдоль хрипа—разъ! „А тутъ-то, молъ, не надо?“ До тѣхъ поръ его парилъ, чуть живого оставилъ, да въ холодную воду головой. Приходитъ въ домъ, говоритъ барынѣ: „мнѣ баринъ приказалъ сто рублей выдать“... Получилъ денежки и отправился ко двору. А барина чуть живого вытащили, ужъ булькн сталъ пускать и весь кровью подплылъ...

Приложивъ къ краямъ чугуна ветошки, баба несетъ его отъ печки и ставитъ на столъ. Потомъ рѣжетъ на ломти краюшку хлѣба, вдавливая ее себѣ въ грудь.

— Кушайте на здоровье,—говоритъ она притворно, кладя по ломтю передъ бариномъ и передъ Никифоромъ.

— А ты-то что̀ жъ?—спрашиваетъ Никифоръ.

— Да мнѣ чтой-то не хочется. У меня отъ ней изжога всегда...

— Ну, а я не любитель до ней...

Яицъ всего десятокъ, хлѣба тоже мало, но такъ вкусно пахнетъ саломъ и хлѣбомъ, что баринъ, пересиливая неловкость, съ дѣланной беззаботностью, снимаетъ съ нагрѣтой головы шапку.

— Ну, а я глазокъ съѣмъ,—говоритъ онъ, придвигая къ себѣ чугунъ и берясь за деревянную шершавую ложку.

Онъ, обжигаясь, ѣстъ и съ улыбкой мотаетъ головой, дѣлая видъ, что думаетъ о сказкѣ.

— Очень глупо!—говоритъ онъ съ удовольствіемъ.

Никифоръ злобно глядитъ на его маленькую голову, на его мягкіе волосы, причесанные на косой рядъ и приглаженные шапкой. Ему такъ жалко яичницы, такъ противенъ аппетитъ барина, что рука такъ и тянется схватить со стола засиженную мухами скалку и со всей силы ударить по барину голову черепу.

— А глупо, вы бы не слушали,—говоритъ онъ.

— Нѣтъ, ужъ разсказывай до конца,—отвѣчаетъ баринъ,

заставляя себя положить ложку и отодвинуться.—Чѣмъ же дѣло-то кончилось?—спрашиваетъ онъ, между тѣмъ какъ баба беретъ чугунъ и несетъ его на нары, къ дѣтямъ.

— А тѣмъ и кончилось,—говоритъ Никифоръ,—что окончательно предалъ къ землѣ мужикъ этого самаго барина... Онъ послѣ этой самой бани опять мѣсяца три больной отдернулъ... То охотой прежде занимался, а тутъ и охоту свою забылъ... Лежитъ и обѣщается: „Вотъ какъ выздоровлю, поѣду по святымъ мѣстамъ молиться“. А мужикъ этотъ прослышалъ, что онъ хочетъ шинель себѣ походный шить, моментально разжился себѣ иглу, аршинъ взялъ и приходитъ на дворъ къ барину. Конечно, его сейчасъ увидали. „Это, говорятъ, портной, его-то намъ и надо“... Призываютъ въ домъ, баринъ говоритъ, „мнѣ нуженъ, говоритъ, шинель изъ такого-то вотъ матерія“, а мужикъ с'отроду не видалъ даже, какъ краютъ. Подумалъ, и говоритъ: „Этого сукна, говоритъ, не хватаетъ, надо въ городъ посылать“. Баринъ подошелъ, глянулъ и прямо велитъ въ городъ ѣхать. Сейчасъ запрегъ кучеръ лошадей, барыня сѣла въ сани и въ городъ, а мужикъ сидитъ, складываетъ это сукно, какъ мѣшокъ. Баринъ говоритъ, „что это ты дѣлаешь, портной?“—„А вотъ я что дѣлаю: я сперва наживлю, а потомъ на васъ надѣну, мѣрку сниму“... Надѣлъ на него этотъ мѣшокъ, „вы, говоритъ, только руки подберите“... Сейчасъ нитку ссучилъ, подпоясалъ его совсѣмъ съ руками, да какъ выхватитъ плетку да давай охаживать черезъ морду, по чемъ попало! До тѣхъ поръ его порол, пока кричать пересталъ... Подобралъ сукно да драло...

— Однако ты не изобрѣтателенъ!—говоритъ баринъ.—Это даже скучнѣй сказки про бѣлаго бычка.

Никифоръ и самъ чувствуетъ, что конецъ сказки, несмотря на все его раздраженіе, вышелъ слабъ, и, краснѣя отъ стыда, спѣшитъ вывернуться.

— Какъ такъ про бѣлаго бычка?—спрашиваетъ онъ, поднимая лицо и въ упоръ глядя сквозь темноту на барина.—Вы не дослушали, а говорите, сами не знаете что. Онъ его не одной плеткой, а еще и аршиномъ желѣзнымъ перекрестилъ какъ слѣдуетъ... А потомъ нанялъ трехъ лихачей и прямо къ нему. Подъѣзжаетъ и прямо въ домъ нахрапомъ. Барыня выскочила со страху въ одной рубашкѣ въ родѣ какъ Баба и Яга, онъ ей разъ въ душу наотмашь и прямо въ спальню. Распибъ всю прислугу къ чортовой матери—и давай его добивать... Онъ ему, говорятъ, всѣ руки, ноги переломалъ, до того билъ. Барыня заявилась, а онъ ужъ убитый лежитъ... „Ну, говоритъ, теперь похвитались“... Выскочилъ въ

окно и прямо чрезъ садъ,—потуда и видѣли... Тамъ „ахъ, ахъ“, „лови, лови“, а его ужъ и слѣдъ простылъ...

Грубымъ тономъ сказавъ послѣднія слова, Никифиръ смолкаетъ. Молчитъ отъ неловкости за него и баринъ. Никифоръ это чувствуетъ и пытается убожество своей выдумки оправдать нравоученіемъ:

— Да и вѣрно,—говоритъ онъ, глядя въ сторону.—Не наказывай зря. Вы вотъ еще молоды, а я этихъ побасокъ мальчишкой конца-краю нѣту сколько наслушался. Значитъ, въ старину-то тоже не медъ былъ...

— Разумѣется, не медъ,—отвѣчаетъ баринъ, поглядывая въ окошечко и напѣвая.—Разумѣется, не медъ,—вздыхаетъ онъ.—А дождь-то опять, кажись, пошелъ... Чортъ знаетъ, что̀ такое! Скажи, на твое настроеніе очень дѣйствуетъ такая погода, или тебѣ все равно?

— Какъ же такъ все равно?—дѣловито говоритъ Никифоръ.—Конечно, жалко. Да у меня-то еще милость: и строенья-то всего одна изба... А, конечно, и та прѣетъ, протекаетъ... Желѣзная крыша, и та ржавѣетъ, не то что̀ солома...

Баринъ, легонько усмѣхнувшись, медленно надѣваетъ шапку, медленно застегивается. Въ избѣ темь,—слѣдовало бы дать хоть гривенникъ на керосинъ. Но нынче давать особенно неловко.

Думая о дурацкой сказкѣ, онъ бредетъ въ темнотѣ, подъ мелкимъ дождемъ, къ своей жалкой усадьбѣ, мимо ограды старенькой церкви. За оградой, слабо освѣщая могилы, горитъ фонарь: церковь недавно обокрали. И говорятъ, что Никифоръ пропиваетъ въ шинкѣ на большой дорогѣ мелкіе складни.

Анакапри. 12. III. 1913.

БУДНИ.

Казалось, что вѣчно будутъ стоять по горизонтамъ эти блѣдно-синѣющія тучки, подъ которыми сѣрѣли соломенныя крыши, зеленѣли лозины и пестрѣли разноцвѣтныя клѣтки окрестныхъ полей. Іюньскій день безъ солнца былъ особенно дологъ.

Поповъ сынъ, у котораго гостилъ семинаристъ Случевскій, возилъ съ попомъ навозъ. Ворота, возлѣ длинной бѣлой хаты, были открыты настежь. Двѣ испачканныхъ коричневой жижей телѣги, двѣ сытыхъ лошади стояли среди взрытаго двора на варкѣ. Поповъ сынъ ворочалъ за троихъ: глубоко поддѣвалъ вилами горячіе пласты и, подставивъ подъ вилы лѣвое колѣно, вздиралъ ихъ съ сочнымъ трескомъ. Попъ, черный, высокій человѣкъ, въ одной рубахѣ, въ розовыхъ подштаникахъ и мужицкихъ сапогахъ съ опустившимися голенищами, не отставалъ: бодро трясъ по плечамъ синими волосами, запуская въ навозъ вилы, и крѣпко шлепалъ по возу дымящимися ломтями, перевертывая ихъ. Выходили изъ воротъ и отецъ и сынъ съ потными лицами, но возбужденные, довольные предстоящимъ въ пути на-поле долгимъ отдыхомъ.

— Господинъ Шаляпинъ, присоединяйтесь-ка къ намъ!— весело крикнулъ попъ, идя за колесами, держа въ рукахъ веревочныя вожжи и развѣвая на ходу легкія полы незастегнутаго подрясника.

Семинаристъ, сидѣвшій на крыльцѣ, почувствовалъ въ этой шуткѣ фальшивую, корыстную ноту, однако не сдался.

— Да вотъ та-то и бѣда, что Шаляпинъ,—отозвался онъ.— Запотѣешь, охватитъ вѣтромъ, — и готовъ. Съ голосомъ, о. Петръ, нельзя шутить. А то бы я съ величайшимъ удовольствіемъ.

Семинаристъ, темноглазый юноша съ широкимъ, блѣднымъ и важнымъ лицомъ, смотрѣлъ на удаляющіяся телѣги, на сѣро-сиреневую дорогу и на потные, ржавые клоки, раскиданные по ней. Прошелъ мимо дьячокъ, пріостановился, пожаловался на свою судьбу и опять разсказалъ о своемъ покойномъ сынѣ. Огромныя, красно-лиловыя руки его, разбитыя старостью и пьянствомъ, лежали на костылѣ и все время ходили, шатали костыль. Огромные дегтярные сапоги глядѣли изъ-подъ коричневаго подрясника. Серебряная медаль на красной ленточкѣ украшала грудь. Лицо и крупный носъ были розовы, мясисты, въ рытвинахъ. Выпученные гноящіеся глаза, какъ всегда, плакали; темно-рыжіе волосы, заплетенные въ косу, жестко вились, какъ у старухъ-пьяницъ. А говорилъ дьячокъ однотонно, съ трудомъ выбивая каждый слогъ: каждый слогъ его дрожалъ, прыгалъ.

— Отцу Петру счастье!—говорилъ онъ.—У него помощникъ есть. А мой—лежитъ себѣ въ могилкѣ! Росъ—восхищалъ всѣхъ. Бывало, похвалюсь имъ: „У меня не сынъ, а геній!“. А всѣ говорятъ: „Если выйдетъ въ васъ, Степанычъ, лучше всякаго генія будетъ“. Выросъ,—такъ, вѣрите ли, хозяйственнѣе его во всемъ селѣ не было! Чахотка въ послѣднемъ градусѣ, а и умеръ, не поддался. „Вы должны на-дняхъ умереть“,—говоритъ фельдшеръ.—„Нѣтъ,—говоритъ,—не могу я, не свозивши рожь, умереть“. Скосили мы, связали, сидитъ зарей на крыльцѣ, смотритъ на облака, а я ему и говорю: „Что̀ это ты сидишь, смотришь?“ А онъ и говоритъ: „Давайте, папашъ, покуда погодка, на двухъ подводахъ возить“.—„Да Богъ съ тобой, куда тебѣ возить! Я мужика хотѣлъ нанять“.—„Не надо, не надо, сами управимся“.—„Какъ же, — говорю, — управимся: ее, ржи одной, тридцать четыре копны“. А онъ все свое... Такъ, вѣрите ли, по двѣнадцати разъ въ день на-поле леталъ! И отдыхать не отдыхалъ,—сядетъ въ холодокъ, выпьетъ квасу—и опять въ телѣгу. Меня—и то уходилъ. Чуть свѣтъ, еще пѣтухи не крикнутъ, а онъ ужъ подымаетъ: „Вставайте, вставайте скорѣй, тучки заходятъ“... Въ три дня все кончили—и свезли, и обмолотили, и солому прибрали... Гонитъ меня за вѣялкой, взялъ я вѣялку у Данилкиныхъ, обвѣяли, подмели токъ... Какъ послѣднее зерно въ амбаръ,—входитъ въ избу и говоритъ: „Ну, вотъ теперь дѣло другое. Гдѣ, папашъ, свѣчи? Зажигайте свѣчи“. Зажгли свѣчи у образовъ, онъ легъ на диванъ—и каюкъ!

„Недурно“,—иронически думалъ семинаристъ, слушая.

Но уходѣ дьячка онъ взялъ тросточку, надѣлъ новенькую

сѣрую шляпу, накинулъ на плечи серебристый дождевикъ и побрелъ по деревнѣ. Выйдя на выгонъ, онъ посмотрѣлъ на церковь, блѣдно бѣлѣвшую на тучѣ, посмотрѣлъ на раскрытыя окна казенной винной лавки; хотѣлъ-было зайти поболтать къ сидѣльцу, но раздумалъ и пошелъ по направленію къ погосту. Сидѣлецъ былъ отравленъ страстью къ чтенію. Съ утра до вечера лежалъ онъ на своей высокой двуспальной кровати, опершись на локти, и страница за страницей пожиралъ „Вокругъ Свѣта“. „Сейчасъ, сейчасъ,—торопливо бормоталъ онъ въ отвѣтъ на привѣтствіе.—Дайте только до точки дочитаться“... А бесѣдуя съ гостемъ, не слушалъ его, невпопадъ смѣялся, ждалъ, когда гость уйдетъ. Поминутно отрываемый отъ книги то женой, то мужиками, онъ кидалъ на нихъ растерянные, шальные взгляды. „Коровѣ пора мѣсить!“—злобно кричала жена, отворивъ дверь. „Еще четвертку поскорѣе!“ — радостно оралъ мужикъ, заглядывая въ раскрытое окно. А онъ не понималъ, кто и куда зоветъ его. Въ головѣ его путались острова Тихаго океана и преріи, Южный Крестъ и Гренландія, Бразилія и кафры, голландскіе колонисты и удавы, рѣки въ тропическихъ чащахъ и гиппопотамы... „И при чемъ тутъ Тихій океанъ?“—думалъ семинаристъ, шагая по безлюдной улицѣ. Навстрѣчу ему шелъ десятскій, длинный, въ красной рубахѣ, въ разбитыхъ сапогахъ, изъ которыхъ одинъ былъ связанъ по ступнѣ веревкой. На плечѣ его лежала одностволка.

— Куда это?—спросилъ семинаристъ.

— Грачей наказывать,—отвѣтилъ десятскій.

Десятскій былъ человѣкъ знакомый: не разъ приходилъ просить газетъ на цыгарки. Полуразсыпавшаяся изба его стояла на краю деревни, рядомъ съ погостомъ. Когда семинаристъ проходилъ мимо, въ ея разбитое окно съ кудахтаньемъ влетѣла курица. За избой пустовало гумно, безъ соломы и безъ риги, валялись, зарастая травой, однозубыя вилы, перевернутый вверхъ дномъ телѣжный ящикъ съ двумя новыми, желтыми ребрами, высохшая дегтярка... На лозинѣ внизъ головой висѣлъ дохлый цыпленокъ—пугало, хотя отпугивать было некого и не отъ чего. Гордый своей отчужденностью отъ этого жалкаго быта, своими мечтами о Москвѣ и консерваторіи, семинаристъ вышелъ на погостъ, на бугоръ за деревней, небрежно откидывая голову, выставляя кадыкъ, посвистывая, шурша серебристымъ плащомъ.

На погостѣ, среди рѣшетъ, татарокъ и могильныхъ бугровъ бродила рыжая лошадь съ палевой гривой. Помахивая жидкимъ хвостомъ, она щипала мелкую, сухую траву. На боль-

шой свѣжей могилѣ, на холмикѣ изъ сизой разсыпчатой глины, лежалъ, съ головой накрывшись армякомъ, мужикъ. Смиренно, съ опущенными хвостами, тихо переговариваясь, гуляли индюшки лавочника. Гуськомъ тянулись онѣ къ мужику—и вдругъ всѣ разомъ пускались бѣжать, а, добѣжавъ, вклевывались въ его армякъ, въ голову. Мужикъ вскакивалъ, запускалъ въ нихъ горстями глины: индюшки подпрыгивали, треща перьями... Сдѣлавъ видъ, что не замѣчаетъ мужика, семинаристъ прошелъ мимо.

Надъ господскими могилами росли двѣ березки. Когда-то ихъ окружала деревянная ограда, за оградой стояла скамья. „Буду приходить сюда, сидѣть, вспоминать и грустить“,—думалъ тотъ, кто дѣлалъ все это. И ни разу не пришелъ. А деревня мало-по-малу разломала, растаскала и ограду и скамью. Свиньи взрыли могильные бугры, телята обглодали стволы березокъ... Съ иронической улыбкой посвистывая, семинаристъ повернулъ назадъ. Поблизости отъ той могилы, на которой старался уснуть мужикъ, стоялъ гнилой голубецъ. Изъ него выпорхнула мухоловка. Семинаристъ подошелъ: въ голубцѣ, рядомъ съ фольговой радужной иконкой, лежало круглое гнѣздышко. Отъ скуки семинаристъ хотѣлъ вытащить его, разсмотрѣть, разодрать и бросить. Но мужикъ открылъ глазъ и пристально посмотрѣлъ изъ-подъ армяка.

— Отдѣлались?—спросилъ онъ.

Вопросъ былъ неожиданный. Семинаристъ обернулся и поднялъ брови.

— То-есть какъ это?—сказалъ онъ.

— А такъ. Отучились?

Семинаристъ не сѣвши прошелъ къ сосѣднему могильному бугру.

— А, ты вотъ про что!—сказалъ онъ, садясь и съ притворной разсѣянностью поглядывая вокругъ.—Да, до осени отучился. А ты откуда?

— Я изъ Разсохина,—отвѣтилъ мужикъ.—Изъ волости ѣду. Ѣхалъ и думаю,—дай, молъ, лошадь маленько покормлю... А вы? Духовные?

— Да... Но, главнымъ образомъ, пѣнію учусь.

— Какъ, то-есть, пѣнію?—спросилъ мужикъ, зѣвая.—Хоръ, значитъ, будете задавать?

— Нѣтъ, братъ, не хоръ,—сказалъ семинаристъ и опершись на трость.—Я на сценѣ буду пѣть. Да ты, впрочемъ, этого не поймешь... Я въ театръ готовлюсь.

Мужикъ усмѣхнулся.

— Ну, нѣтъ, это я даже очень хорошо могу понять,—

отвѣтилъ онъ.—Ну, только это совсѣмъ никуда, совсѣмъ скверно. Этакъ вы много не наживете.

— Да что ты!

— Вѣрное слово,—сказалъ мужикъ спокойно и увѣренно.—Тамъ вы добра не пріобрѣтете. Нѣтъ, вы ужъ лучше по церковному ступайте, либо по своему рукомеслу,—куръ да ситники съ народа огребать. А въ театрѣ нѣтъ—это ужъ самое послѣднее дѣло.

— Да чѣмъ же послѣднее?

— А такъ, что совсѣмъ послѣднее. Тамъ чепуха одна идетъ. Вы лучше мое готовое слушайте, я ужъ плохого не скажу. Я не простой, я бывалый человѣкъ. Я отъ этихъ мужиковъ теперь отбился, я все лѣто прошлый годъ въ Липецкѣ прожилъ. Со всякимъ могу теперь поговорить...

Скучно синѣло по горизонтамъ низкое облачное небо, блѣдно зеленѣли хлѣба на противоположномъ косогорѣ,—поневолѣ приходилось довольствоваться и такой бесѣдой. Вынувъ плетеный портсигаръ, семинаристъ закурилъ папиросу, другую протянулъ мужику. Мужикъ осторожно взялъ.

— Вотъ это покорнѣйше благодаримъ,—сказалъ онъ, зажигая сѣрникъ, и, пустивъ дымъ въ ноздри, посмотрѣвъ на папиросу, отрывисто спросилъ:

— Асмолова?

Семинаристъ напомнилъ ему о театрѣ.

— А вотъ слушайте,—сказалъ мужикъ.—Я этихъ театровъ ни по чемъ не уважаю. Тамъ, прямо надо говорить, черти живутъ. Разъ куренье тамъ есть,—значитъ и водка есть. А ужъ гдѣ водка, тамъ и бабъ не миновать... Нѣтъ, отъ этого вамъ надо подальше куда подаваться! Вотъ кто, къ примѣру, по монастырямъ живетъ, монахи,—тѣмъ хорошо, имъ ничего не бываетъ: гуляй, бѣсись,—и вся недолга. Есть чистые борова, домовые! Цѣльную жизнь бражничаютъ, весь вѣкъ въ томъ протекаютъ. А въ театрахъ,—тамъ водка, бабье, ну, конечно, и онъ тутъ же вертится. Ужъ гдѣ вино, тамъ безпремѣнно онъ.

— Это ты про чорта, что ли?—спросилъ семинаристъ.

— А то про кого же? Конечно, про него. Да и вѣрно. Тамъ, куда ни качнись, вездѣ онъ. Я давно объ этомъ понимаю. Что тамъ хорошаго? Я такой-то, и то туда не пойду. Тощавый человѣкъ туда и не показывайся,—на троякъ тамъ не разыграешься. А ѣздятъ туда бабье это самое, разныя бабы пальныя, да купечество: долги свои завертать—и вали... Я въ этомъ Липецкѣ всего наглядѣлся. Тамъ въ трехъ верстахъ садъ есть, ну, вотъ туда и ѣздятъ всѣ. Забираютъ

съ собой ветчину, колбасу копченую, наливки... Пріѣдутъ и кружатся цѣльный день. Посуду бьютъ, бузуютъ—прямо не судомъ. Старуха съ дѣдомъ не усцѣваютъ самоваръ кипятить...

Семинаристъ небрежно сказалъ:

— Ну, вотъ и видно, что ты ничего не понимаешь, несешь чепуху, и все путаешь. То грѣхъ, а то—„на троякъ не разыграешься“...

— Обязательно такъ!—твердо сказалъ мужикъ.—По капиталу глядя, конечно, можно, а такимъ-то, какъ мы съ вами, голоштаннымъ, зачѣмъ туда соваться? „Грѣхъ“!—ухмыльнулся онъ.—Согрѣшить, братъ, недолго. Я вотъ вчера всю ночь не заснулъ. Не утерпѣлъ, свинью зарѣзалъ,—разбаловался на сладкихъ-то харчахъ въ Липецкѣ. Да какой тамъ,—и съѣлъ-то всего кусочекъ, а она, свинья эта, мнѣ спать не дала. Забудусь, забудусь, а она и вотъ она,—подымается туша, прямо на меня идетъ... Вотъ что̀ дѣлаетъ! И, значитъ, нельзя ѣсть мясное. Спожинки,—можно мясо ѣсть, глядя по капиталу, а Петровки,—онѣ, братъ, Великому посту не уступятъ... Нѣтъ, со мной трудно спорить!—сказалъ мужикъ твердо.—Плюсъ на минусъ взаимно уничтожается.

Семинаристъ вздернулъ плечами.

— Чортъ знаетъ что̀!—проговорилъ онъ, помолчавъ.—Несешь и съ Дона и съ моря... Ну, а скажи, пожалуйста: какъ относятся къ тебѣ твои односельчане? За кого они считаютъ тебя?

— Никакъ они ко мнѣ не могутъ относиться,—сказалъ мужикъ.—Умнѣй меня во всемъ селѣ нѣту. Обойди всѣхъ, спроси: кто дѣльнѣе по хозяйству Назаръ Павлова Протасова? Анъ никого и нѣту! Со мной старики, и то совѣтоваться приходятъ.

— А несешь чепуху?

— Какую-такую чепуху? Воспитанья на васъ нѣту хорошаго, вотъ и „чепуху“... Вонъ у насъ сапожникъ есть... Первое дѣло, какъ выпилъ, сейчасъ за ребятъ: у него ихъ цѣлая война, человѣкъ двѣнадцать... Такъ они винтомъ отъ него, кто куда гораздъ! А воспиталъ отлично! Ты не гляди, что онъ пьяный: такъ, братъ, воспиталъ,—по лычку ходятъ! А, конечно, теперь всѣмъ воля дана... Женщину, напримѣръ, взять: отъ кого вся сумятица въ государствѣ идетъ? Опять же отъ ней. Она теперь во всѣ предсѣданія допущена большое количество, а куда она годится? Хоть имъ теперь тоже хорошее ученье пошло, ну, а все-таки мужчина-то немножко подѣльнѣе будетъ!

— Чортъ знаетъ что̀!—повторилъ семинаристъ, глядя на

его густую чубарую бороду.—Что такое у тебя въ головѣ творится? То садъ, то театръ, то женщины... Ну, скажи на милость, какое отношеніе можетъ имѣть этотъ дурацкій садъ къ театру?

— А такое, — отвѣтилъ мужикъ еще увѣреннѣе. — Такое, что безъ этого ему никуда податься нельзя.

— Кому ему?

— Запѣвалѣ главному, вотъ кому. Онъ тамъ, въ саду-то въ этомъ, вылупитъ стаканъ али два хорошихъ — и ореть, альни ребра трещатъ... Онъ ужъ не можетъ безъ этого.

— Да позволь: какой-такой запѣвала?

— Говорю же вамъ — главный запѣвала. Главачъ этихъ самыхъ пѣвцовъ. Натощакъ онъ никакъ не станетъ для нихъ глотку рвать.

— И опять чепуха, — сказалъ семинаристъ. — Пѣвцамъ и совсѣмъ нельзя пить. Отъ этого голосъ портится.

Мужикъ ухмыльнулся, поднялся и сѣлъ.

— Ну, нѣтъ, не чепуха! — сказалъ онъ. — Не можетъ отъ ней голосъ портиться. Отъ ней голосъ не хуже, а много тверже, злѣй становится. Какъ же можно ровнять! Отъ вина человѣкъ сердитѣй дѣлается, ему тогда все ни по чемъ. Онъ прямо самъ не свой, когда душу свою наспиртуетъ. Вы попробуйте-ка ея, сивухи-то нашей. Она слѣпому глаза продереть!

Семинаристъ, махнувъ рукой, облокотился на колѣни и сталъ осторожно давить концомъ трости красныхъ козявокъ, парами ползавшихъ возлѣ его ногъ. Мужикъ что-то думалъ, глядя въ землю.

— Нѣтъ, этотъ жребій вашъ—жестокій,—сказалъ онъ съ сожалѣніемъ.—Жестокая ваша задача. Театры—это какъ все равно звѣрильница, али, скажемъ, цырульная простая... Какъ эти звѣри тамъ ревутъ, такъ я такой страсти прямо с'отроду не видывалъ! Настоятель ходитъ,—какъ какой зритель захочетъ, чтобъ звѣрь всталъ, онъ его сейчасъ желѣзнымъ прутомъ... Хочетъ, не хочетъ, а обязательно подымается.

— Здравствуйте!—сказалъ семинаристъ.—Еще и цырульня на сцену появилась. Она-то тутъ при чемъ?

— Такъ, тамъ все есть... Только я этого, говорю, никакъ не уважаю. Разъ тамъ молитвеннаго нѣту, всѣ эти театры, звѣрильницы, цырульни всякія надо запечатывать и скилеты всѣ переломать... Вонъ у меня родственникъ есть. Изъ себя такъ, писаришка простой, а голосъ — прямо бѣда. Молодой еще человѣкъ, а пить страшный здоровый, любитель до вина.

Залѣзъ недавно на крышу и звѣвать на все село. Это что̀ жъ, прилично?

— Но зачѣмъ же на крышу-то?

— А спроси его! Чума его знаетъ, зачѣмъ. Съ сестрой вотъ это они; правда, хорошо поютъ. Его сестра въ городѣ живетъ, на машинкѣ работаетъ. Она хоть чахоточная, а голосъ много складнѣй, чѣмъ у него, хоть подъ кого подтянетъ. Какъ пріѣдетъ къ нему, сядутъ зарей возлѣ избѣ и поютъ. И не что-нибудь, не мужицкія наши пѣсни, а все „Накинувъ плащъ“, либо „Ахъ, ты, воля моя, воля“... Хорошо выходитъ. Сулился этотъ писарь ко мнѣ пріѣхать, вотъ и вы пріѣзжайте попѣть съ нимъ. Я и угостить могу всякаго.

— Merci bien,—сказалъ семинаристъ. — Пріѣхать не мѣшало бы. Ты поистинѣ достоинъ изученія.

Мужикъ радостно улыбнулся.

— Ага!—сказалъ онъ, подмигивая.—Понялъ?

И горячо заговорилъ:

— Ахъ, братъ, кабы мнѣ ученье-то, какихъ бы я корней наворочалъ! Да вѣдь откуда ее взять? Я вонъ въ городѣ недавно былъ. Такъ тамъ что̀ надѣлали. Тамъ земскій музей надѣлали и скилетъ коркодилій привезли, а онъ, можетъ, пятьсотъ, либо тысячу стоитъ. Вотъ, похоже, куда наши денежки-то идутъ, вотъ они, мошенники-то, сукины дѣти! — сказалъ онъ съ горечью. — А ты вотъ сиди тутъ... Да тутъ отъ одной скуки удавишься! Я ужъ на что бывалый человѣкъ, а и то не могу. Мнѣ, братъ, не до революцій! Меня вонъ дьяконовъ сынъ, не хуже тебя такого-то, цѣльный годъ на эту штуку настрачивалъ, да нѣтъ, не на того напался! Я ему еще припомню его рѣчи! „Плюсъ на минусъ“... Шарахну какъ-нибудь вечеркомъ изъ-за валу каменищемъ въ голову,—вотъ тебѣ и будетъ плюсъ на минусъ! Меня и безъ него, собаки, скука съѣла...

Скулы его порозовѣли, лицо приняло злое и грустное выраженіе. Не глядя на семинариста, онъ поднялся, надѣлъ армякъ въ рукава и, заскребая сапогами по землѣ, рѣшительно пошелъ къ лошади. „Чего онъ разозлился?—подумалъ семинаристъ, недоумѣвающе глядя ему вслѣдъ. — Вотъ нелѣпая и странная скотина!“ Мужикъ, какъ бы угадавъ его мысли, обернулся:

— Чего вылупился? — сказалъ онъ зло и грубо. — Ай не правду говорю? Ты долженъ за ученье благодаренъ быть, а не лупиться. Я съ тобой задушевно, а ты—лупишься. Вотъ подойду, изморду тебя, ради скуки, въ лучшемъ видѣ,—

тогда судись со мной! Не посмотрю, братъ, на твое духовенство, на нѣчіе.

Распутавъ лошадь, онъ кинулъ обрывокъ ей на шею и, подпрыгнувъ, упалъ животомъ на ея спину, перекинулъ ногу и бодро поѣхалъ среди могильныхъ бугровъ на дорогу.

Ошеломленный такимъ неожиданнымъ концомъ бесѣды, семинаристъ всныхнулъ, хотѣлъ-было кинуться драться, но только переставилъ трясущимися руками между колѣнъ трость.

Мужикъ повернулъ на деревню. Семинаристъ, просидѣвъ въ оцѣпенѣніи съ полчаса и успокоившись, пошелъ подъ гору, поднялся на косогоръ и свернулъ на какую-то высокую межу, осыпанную бѣлымъ клеверомъ и убѣгающую вдаль между двумя стѣнами сѣро-зеленой ржи, блѣдной вдали, подъ тучей. Мягкій, сладкій вѣтеръ дулъ навстрѣчу, рожь слабо дымилась іюньскимъ цвѣтомъ... Семинаристъ пожималъ плечами и думалъ:

„Странно, странно. Безъ револьвера, собственно, и выходить бы не слѣдовало“.

Капри. 25—26. I. 1913.

ХОРОШИХЪ КРОВЕЙ.

— Я хорошихъ кровей,—говоритъ про себя коновалъ Липатъ. — А все оттого, что мы спокон вѣку ѣдимъ хорошо. Со скотинѣ взять примѣръ: у смореной лошади дрянь носомъ идетъ и она даже можетъ другихъ заразить. А мы всегда хорошо жили. Дѣдъ страшный колдунъ и первый однодворецъ во всемъ округѣ былъ. А покойный родитель еще потягался бы съ нимъ. Ну, вотъ и считай, что мнѣ по наслѣдству пришлось... Я, братъ, не простой коновалъ.

Говоритъ онъ мѣрно, низко, съ пріятной грубостью. Зовутъ его, конечно, не Липатомъ, но Ипатъ — это мужикамъ, да и ему самому не нравится. Отца его звали такъ же, какъ дѣда, — Борисомъ. Онъ увѣряетъ, что нѣтъ такого имени — Борисъ, а есть Борисоглѣбъ, что былъ въ старину святой, благовѣрный князь-однодворецъ, носившій это имя, и что далеко не всякій мужикъ достоинъ быть тезкой Борисоглѣба.

— И меня обязательно надо было такъ же назвать, — говоритъ онъ.—Только, конечно, мы попамъ ножъ вострый, они нашъ родъ спокон вѣку не любятъ, вотъ и сдѣлали на-зло намъ.

Росту онъ большого, волосомъ блѣдно-желтъ; глаза у него мутно-синіе, рѣсницы бѣлыя, крупныя. „Мы, сказываютъ, изъ Сибири пришли,—говоритъ онъ.—Оттого у меня и ростъ, и волосъ сибирный. Одного не пойму,—и тутъ онъ сдвигаетъ рукавъ полушубка и показываетъ жесткую, покрытую красноватой шерстью руку:—волосъ у меня вездѣ лисій, блапжевый, а по рукамъ съ красциной: вѣрно, мѣченые мы всѣ...“ Зимой онъ носитъ черную баранью шапку, сверхъ полушубка — длинный тулупъ нараспашку, съ большимъ, раскинутымъ по плечамъ воротомъ изъ бѣлой овчины, и длинные, кожей обшитые валенки.

Онъ богатъ. Живетъ на дѣдовскомъ помѣстьѣ, въ голомъ полѣ. Хозяйствуетъ безъ работниковъ, съ двумя женатыми сыновьями. Не жаденъ, не золъ, но безпощаденъ. Разъ подкараулилъ поджигателя, пьяницу-старика, убилъ — „какъ лярву“—слегой, заявилъ, куда слѣдуетъ—и забылъ. Воровъ ни въ грошъ не ставитъ—„мышь кошы не боится“ — говоритъ онъ насмѣшливо, но держитъ пѣлыхъ семь штукъ ужасныхъ собакъ. Онѣ часто выходятъ подъ дорогу, въ поле. Прошлый годъ на клоки разорвали нищенку, рвутъ пастуховъ и овецъ,—только подгони стадо къ хутору!—и почему-то особенно злы осенью.

Коновалъ онъ знаменитый. Но слыветъ и рѣдкимъ крысоморомъ. А морить, изгонять крысъ—это уже съ колдовствомъ связано.

По достатку своему онъ давно бы могъ оставить такія дѣла. Но они перешли къ нему по наслѣдству, отъ покойниковъ родителей; они даютъ ему извѣстность, окружаютъ его дворъ и всѣ преданія двора таинственностью. А это для него важнѣе всякаго богатства.

Онъ очень дорожитъ тѣмъ, что его считаютъ не простымъ человѣкомъ. Онъ чувствуетъ себя носителемъ какой-то большой и жуткой силы, съ которой онъ, если бы даже и хотѣлъ того, не могъ бы разстаться, — невольнымъ воспріемникомъ какихъ-то знаній, высокихъ тѣмъ болѣе, что, соприкасаясь съ колдовствомъ, они однако творятъ на землѣ не злое, а доброе.

Онъ разсказываетъ:

— Есть разные колдуны. Есть отъ Бога, есть и отъ врага. Кто къ сатанѣ захочетъ прикачнуться, тотъ ужъ и дѣлаетъ такъ. Перво-наперво онъ въ самую темь, въ ночь-полнóчь въ овинъ обязанъ итить и ружье съ собой и образъ взять. Собака не брешетъ, лягушка не турлычетъ, а онъ, знай, иди. Придетъ, вздуетъ огонь въ печи, сниметъ съ себя крестъ, сядетъ на него и ждетъ сидитъ... Какъ полночь, такъ онъ и вотъ онъ: зашуршитъ, какъ собака, въ соломѣ, подымется рогами подъ самый рѣшетникъ изъ этой самой страсти, темени, и корыто поганое передъ тобой постановитъ. Самъ молчитъ, а самъ дѣло дѣлаетъ. Наблюетъ въ него, нагадитъ, а ты—ѣшь. Потомъ ружье у тебя изъ рукъ возьметъ. Зарядитъ, какъ надо, забьетъ дохлой шерстью, а образъ надъ печью пристроитъ: хочешь, не хочешь, а стрѣляй...

— Это, значитъ, на гибельныя дѣла силу человѣкъ получаетъ,—говоритъ слушатель.—А на хорошія?

— А на хорошія тоже не медъ. Ночью надо на перекре-

стокъ пойтить и свинымъ ножомъ кровь себѣ изъ лѣвой руки кинуть. Онъ се страсть какъ любитъ. Всю подберетъ, выли-жетъ вмѣстѣ съ пылью. Ну, вотъ такимъ-то побытомъ и дѣдъ нашъ, конечно, дѣлалъ. Зато и богатъ, жаденъ былъ. Сталъ помирать, отецъ стоитъ надъ нимъ, ждетъ отъ него *силы*, а онъ велѣлъ подать себѣ на блюдѣ серебра, золота—и давай его въ ротъ горстями пхать. Подавился, заплакалъ—„нѣтъ, говоритъ, видно, съ собой не унесешь!“—и открылся отцу во всемъ... А мнѣ покойникъ родитель только и сказалъ, что одно слово до трехъ разъ: „Все мое — твое, все мое—твое, все мое—твое...“ Штука-то, кажись, не хитрая, а поди-ка, откажись!

Ѣздитъ онъ на крысъ съ мѣшочкомъ „бѣлаго камня“, мышьяка, а то и просто „съ голыми руками“. Онъ говоритъ, что стоитъ ему войти въ домъ, гдѣ, предвѣщая всяческія бѣды, множатся крысы, какъ гурьбой потянется крысиное пискучее племя вонъ изъ дому, въ степь, въ яруги. Онъ появленіемъ своимъ повергаетъ въ тревогу пауковъ, ткущихъ сѣти по угламъ, за образами. Онъ знаетъ какія-то, только его роду вѣдомыя, „отдушины“ у скотины. Взглянувъ на скотину, онъ безъ ошибки можетъ опредѣлить время ея болѣзни или смерти. Распухнетъ у свиньи горло, онъ обложитъ его съ наговоромъ теплымъ пометомъ. Объѣстся корова вёху, онъ пробьетъ ей бокъ гвоздемъ. Очумѣетъ, закружится „круговая“ овца, онъ зальетъ ей въ ухо горячаго масла. Мартъ, начало весны — время его усиленныхъ разъѣздовъ. Тутъ онъ работаетъ не покладая рукъ. Прибыль животворящихъ силъ, бродящихъ во всемъ живомъ, онъ начиналъ чувствовать рано. Голосъ его пріобрѣтаетъ тогда особую крѣпость, движенія—силу и точность. Онъ осматриваетъ скотину, ломаетъ молодымъ лошадямъ „дурной зубъ“ и—властно вторгается въ самые сокровенные уставы природы.

Нынче утро тихое и снѣжное. Много молодого мартовскаго снѣга выпало за ночь на господскую усадьбу. Снѣгъ и теперь еще падаетъ, но такой рѣдкій, что видно онъ только на темной глубинѣ въ раскрытыхъ воротахъ конюшни. Бѣлыя пухлыя крыши мягко и свѣжо выдѣляются на сѣромъ небѣ. Садъ весь въ лебяжьемъ пуху; налипло на всѣ стволы, на всѣ вѣтви и склонило ихъ. Чуть морозитъ, но воздухъ не зимній. Не по-зимнему пахучъ кухонный дымъ, встающій ровно и высоко, сизымъ витымъ столбомъ. Съ закрытыми глазами стоитъ на варкѣ скотина, густо обросшая за зиму шерстью, коротконогая, бокастая... Что чувствуетъ она? Она въ сладкой предвесенней истомѣ, пьянѣетъ.

Липатъ пріѣхалъ въ усадьбу рано. Дома, на хуторѣ, онъ всталъ чуть свѣтъ. Осторожно слѣзъ съ нары, одернулъ рубаху, плеснулъ на лицо водою и, покрестившись въ темный еще уголъ, шагнулъ вонъ изъ душной, полной спящими избы: надо погоду взглянуть, да и сладко глотнуть въ этотъ ранній часъ душистой мартовской свѣжести. Возлѣ избы, на рыхломъ снѣгу, слабо бѣлѣвшемъ въ сумракѣ, валялись, играли собаки. Одна вскочила и бросилась къ нему на грудь: онъ крѣпко охватилъ ее, теплую, сильную, съ бьющимся сердцемъ, зорко заглянулъ ей въ прозрачные глаза—и она тотчасъ же отвела и притушила ихъ... Потомъ пошелъ будить семью, одѣваться, завтракать. Лошадь запрягли и подали къ крыльцу сыновья.

Лошадь, старая, умомъ не уступающая человѣку, нескладная и машистая, легко несла его по снѣжной дорогѣ. Раскинувъ по плечамъ воротъ тулупа, овчина котораго такъ пріятно воняетъ на воздухѣ своей кислотой, онъ глубоко сидѣлъ въ низкихъ козырькахъ съ лубочнымъ круглымъ задомъ и чуть держалъ вожжи. Зыбко бѣлѣлъ снѣжный просторъ передъ нимъ. Въ селѣ стало свѣтлѣй, ярче. Лошадь на полномъ ходу сама завернула во дворъ усадьбы.

Птичница вела рѣзать гусака, держа его за одно крыло, и онъ, важно переваливаясь, слѣдовалъ за нею.

— Буди батраковъ! — крикнулъ ей Липатъ.

Не привязывая, остановилъ онъ лошадь недалеко отъ конюшни, у стопудоваго каменнаго корыта, похожаго на скиѳскую гробницу. Собаки нигдѣ не брешутъ на него. Всѣ онѣ поднялись и побѣжали къ нему, окружили, обнюхали его. Онъ, стоя среди нихъ, не спѣша скинулъ тулупъ, хорошенько свернулъ его, уложилъ въ козырьки, въ овсяную солому, и остался въ короткомъ полушубкѣ. Полушубокъ этотъ весь блеститъ, весь замаслился и заскорузъ отъ крови. Подпоясанъ онъ чернымъ и скользкимъ ремешкомъ — и сколько ржавыхъ желѣзокъ, крючковъ и ножей всяческой длины, спрятанныхъ въ кожаные ножны, виситъ, болтается на этомъ ремешкѣ! Въ конюшнѣ уже сидѣли, ждали работники.

Вотъ и послѣднихъ, рѣдкихъ снѣжинокъ не стало видно. Въ тишинѣ и спокойствіи бѣлаго утра ясно слышны зычные окрики Липата на горячихъ непокорныхъ жеребчиковъ. Дѣло совершается надъ ними жестокое, ужасное, но развѣ не на то и дана мудрая власть человѣку, чтобы смирять, уравновѣшивать буйныя силы природы? Работники кричали безтолково, не въ ладъ. Жеребчики шарахались, они ловили ихъ, галдѣли, торопя другъ друга, когда нужно было навалиться

разомъ. А окрики Липата были кратки и властны: онъ-то понималъ, на что возсталъ онъ — зло и грубо, но съ цѣлями благими.

Конопатая, въ рудыхъ волосахъ, жесткая рука его, засученная по-локоть, часто мелькала въ воротахъ конюшни — далеко выплескивала изъ деревяннаго, вырубленнаго топоромъ корца темную густую кровь. Алыми пятнами были обрызганы и порогъ, и ящикъ старой телѣги, занесенной снѣгомъ у конюшенной стѣны, и борзыя собаки, которыя съ визгомъ отскакивали, когда мелькала рука Липата, а потомъ, дрожа отъ жадности, лизали, ѣли красный снѣгъ.

Выводили и валяли лошадей работники. Липатъ командовалъ, а наваливался на лошадь только тогда, когда она была уже связана, сбита съ ногъ и со всѣхъ сторонъ прижата къ землѣ. Никитка, толстомордый малый, былъ непороворотливъ. Липатъ полушутя далъ ему подзатыльникъ. Солдатъ, унылый человѣкъ, былъ боленъ зубами и лѣнивъ. Липатъ сурово и твердо глянулъ ему въ глаза — и солдатъ нахмурился, но ожилъ. Старика Гаврилу, услужливаго, но глупаго, торопливаго, ему не разъ хотѣлось взять за шиворотъ и выкинуть вонъ.

Напослѣдокъ дѣлали другое дѣло: ломали зубъ молодой кобылкѣ золотистой масти, съ „лысиной“ на лбу и свѣтлой гривой. Она выскочила изъ денника легко и довѣрчиво, — и, подбитая подъ ноги, рухнула на солому, очень удивленная этимъ. Старикъ, упираясь лаптями въ землю, лежалъ, надувался на ея крупѣ, но все сползалъ съ него, подхватывая лѣвой рукой гапникъ сползающихъ портокъ. Солдатъ тянулъ конецъ веревки, которой захлестнули морду кобылки, — задиралъ ей кверху голову, раскрывалъ ротъ, въ который веревка была пропущена. Никитка вытащилъ на-сторону и крѣпко держалъ голой рукой ея розовый, слюнявый, все выскальзывающій языкъ. А Липатъ, держа въ рукѣ короткую желѣзную палку, острую по краямъ и съ желобкомъ на концѣ, глядѣлъ на бѣлые крупные зубы и внушительно говорилъ:

— Держите крѣпче. Теперь гляньте на вонъ энтотъ желтый зубъ. Этотъ зубъ называется, по старому преданію, вредный зубъ, онъ называется — сухой зубъ. Тутъ весна, самые корма, самый нагулъ скотинѣ, а лошадь отъ этого зуба щеки проѣдаетъ, ворочать языкомъ ей нельзя, и бываетъ заражение. Не догляди, не сломай во-время — она будетъ какъ шальная ходить и жизненности въ ней никакой не будетъ.

Потомъ онъ сразу, со всего своего роста, рухнулъ бокомъ на плечо кобылки, сунулъ ей въ ротъ желѣзную палку, пой-

малъ нужный зубъ желобкомъ и съ трескомъ сталъ выворачивать. Кобылка забилась, заметалась, разбрасывая во всѣ стороны мерзлую землю, мерзлый помет и солому изъ-подъ своихъ блестящихъ подковъ. Работники тоже бились, тяжело дышали и надувались, сдерживая ее. У старика опять показалось голое тѣло...

Облизъ кровью руки и солому, Липатъ поднялся, сдвинулъ шапку съ потнаго лба и твердо сказалъ октавой:

— Шабашъ. Благодареніе Богу.

Кобылку отпустили, распутали. Она долго лежала, вся дрожа. Потомъ разомъ рванулась, чуть не упала, вскакивая, но справилась и, вскочивъ, легко побѣжала въ денникъ. Тамъ она крѣпко встряхнулась, какъ собака, выскочившая изъ воды.

— Спятъ, спятъ, спятъ! — сказалъ Липатъ, не спуская съ нея блестящихъ, радующихся ея силѣ, молодости и красотѣ глазъ. — На доброе здоровьице!

Но сейчасъ же и нахмурился. И, вытирая окровавленные пальцы о завернутую полу, сурово сталъ приказывать подтянувшемуся ездалу:

— А вороному мерину надобно лѣкарству составить. Я составлю. Вели принесть шесть горстей муки пшеничной. Этой мукой ты обязанъ шесть дён посыпать ему рѣзку. Для пропорціи нынче самъ посыплю, покажу. А въ мукѣ этой будетъ семибратская кровь и копиный хининъ. Послѣ шести денъ кровя у него зачнутъ расходиться, нутренность очищаться, и зачнетъ онъ какъ ото сна отходить, будетъ опять полноту имѣть и даже грудь зачнетъ наливать. Къ Егорію не узнаешь — не нарадуешься, глядя. А если бы его такъ кинуть, безо всякаго вниманія, сейчасъ онъ сохнуть зачнетъ, дрянь носомъ кинется, и онъ даже можетъ другихъ заразить...

Потомъ онъ отдыхалъ — передъ тѣмъ, какъ итти осматривать прочую скотину. Весь день онъ будетъ наслаждаться своей кровной близостью къ ней, къ тайникамъ и силамъ природы. Сидя возлѣ конюшни на телѣжномъ ящикѣ, онъ жадно курилъ, пускалъ паръ и дымъ изо рта и ноздрей и глядѣлъ на бѣлый дворъ, бѣлый садъ и бѣлыя крыши. За облаками уже много свѣта — и эта весенняя бѣлизна и безъ солнца слѣпитъ.

Ачхаларъ. 15. III. 1913.

ЛИЧАРДА.

Когда послѣ обѣдни всѣ сгрудились къ подножію амвона, на средину маленькой церкви, изъ купола ея почти отвѣсно падало на толпу блѣдное апрѣльское солнце. Потушенныя свѣчи чадили, въ толпѣ, разнообразно пахнущей дыханіемъ, волосами и одеждой, стало жарко. Каждому хотѣлось приложиться поскорѣе. Низкій и ладный, чернобородый, плѣшивый мужикъ, выдѣлявшійся изъ толпы очень черной сермяжной поддевкой и очень бѣлыми, толсто и аккуратно увязанными онучами, хотѣлъ пролѣзть прежде всѣхъ. Но священникъ, держа мѣдный крестъ обѣими руками, поднялъ его и смотрѣлъ куда-то черезъ головы, а Агаѳья, чистая, строгая старушка изъ дворовыхъ, схватила мужика за рукавъ. Онъ покраснѣлъ, рванулся, что-то заговорилъ, блестя сердитыми глазами.

— И слушать не хочу, не пущу не по чину, — отвѣтила Агаѳья, оттаскивая его въ сторону. — Я, братъ, къ этому глухая.

Мужикъ долго глядѣлъ на нее, и краска стыда, подавленнаго раздраженія не сходила съ его лица. Толпа разступилась, — и къ кресту осторожно приложился миловидный молодой человѣкъ съ чрезвычайно нѣжнымъ румянцемъ, напомаженный, въ голубой короткой поддевочкѣ и съ дворянскимъ картузомъ въ рукѣ. Послѣ него кинулись къ священнику безъ-толку, а тотъ сталъ совать крестъ, кому попало. Чернобородый мужикъ приложился все-таки раньше многихъ и быстро вышелъ въ боковую дверь, за оградой же, надѣвая шапку, кинулся бѣжать по сохнущей дорогѣ сзади барскаго сада.

Теплое солнце точно щурилось, улыбалось сквозь блѣдную апрѣльскую дымку въ небѣ. Въ голомъ саду, за соломеннымъ валомъ, пѣли дрозды, гудѣли пчелы, хотя кое-гдѣ, среди ко-

ричневой листвы, еще сѣрѣлъ крѣпкій горбатый снѣжокъ. Агаѳья вышла изъ церкви на ту же дорогу, по которой пошелъ мужикъ, развязывая носовой платочекъ съ мѣткой-короной. Въ платочкѣ были куски просфоры. Она перекрестилась и на ходу стала ѣсть, наклоняясь къ ладони, боясь просыпать крошки.

Мужикъ ждалъ въ концѣ вала, на пригрѣтой весенней травѣ. Увидавъ Агаѳью, онъ сдвинулъ шапку съ потнаго лба и, разбрасывая полы, направился прямо къ ней. Агаѳья въ страхѣ остановилась.

— Ты чему мою дѣвку заучаешь? — спросилъ онъ, подходя. — Ты что барину ее подводишь? А?

Агаѳья хотѣла что-то отвѣтить, но онъ сгребъ ее за лицо всей пятерней, зажалъ ротъ, отламывая голову. Агаѳья, пытаясь вырваться и крикнуть, стала давиться, пускать слюни.

— Молчи, стерва! — крикнулъ мужикъ бѣшенымъ шопотомъ. — Какъ такъ ты ничего не знаешь? Кто ей вчера гостинцевъ надавалъ и водкой напоилъ? Можешь ты такія грѣховныя дѣла затѣвать?

Разжавъ правую руку, онъ лѣвой схватилъ ее за шиворотъ, за темный платокъ вмѣстѣ съ сѣдыми волосами, нагнулъ, подставилъ подъ ея лицо колѣнку и крѣпко ударилъ объ колѣнку носомъ. Ноги Агаѳьи подломились, но, пока она падала, онъ успѣлъ перегнуть ее назадъ и коротко ткнуть кулакомъ въ зубы. Агаѳья повалилась, боясь даже плакать. Мужикъ вытеръ кулакъ объ изнанку поддевки и, блѣдный отъ злобы, задыхаясь, быстро пошелъ назадъ. Агаѳья осталась лежать, слабо и уже притворно охая, сплевывая кровь на зеленую траву, по которой, тихо жужжа, ползали еще сонныя пчелы.

Квартировала она у старосты. Староста жилъ на другомъ концѣ деревни, на выѣздѣ. Подъ голой лозинкой, бросающей чуть замѣтную тѣнь, у порога кирпичной избы, глядѣвшей на ровный выгонъ, на большомъ камнѣ, накрытомъ суровой скатертью, пили водку и закусывали ситникомъ съ творогомъ и сметаной двое копачей, окапывавшихъ старостину усадьбу, и хозяйка его, Катерина, съ дочерью дѣвкой. Староста былъ въ городѣ, и копачи, угощая Катерину водкой, говорили лишнее; хохотали. Дѣвка, нарумяненная, въ канареечномъ платьѣ, стояла на порогѣ; она наѣлась раньше всѣхъ, но не хотѣла уходить и, тупо улыбаясь, хлопая бѣлыми рѣсницами, слушала.

Вдругъ всѣ смолкли и подняли головы: изъ-за избы показался сосѣдъ, высокій бѣлобрысый малый Гришка. Онъ велъ

Агаѳью, почти тащилъ ее, маленькую, со всклокоченными сѣдыми волосами, и жмурилъ глаза отъ смѣха.

— Въ цѣлости и сохранности! — сказалъ онъ, опуская ее подъ стѣной избы на сухую глину. — Сюда, что ль, квартиранку-то вашу опредѣлить?

— Да ба-атюшки, кто жъ это носъ-то ей расшибъ? — протянула Катерина, раскрывая и оставляя открытымъ ротъ съ творогомъ на языкѣ.

Одинъ изъ копачей, Демьянъ, низкорослый, кривоногій, съ курчавой сѣрой бородкой и широкоскулый, посмотрѣлъ на Агаѳью, со стономъ легшую на глину, бодро играющими темными глазами.

— Знать, гдѣ воевала, — сказалъ онъ. — Гдѣ воевала старуха, а?

— Вотъ тебѣ и досводничалась! — жалобно сказала Катерина. — Да кто жъ это тебя, Петровна? Что жъ молчишь?

Гришка, упершись руками въ бока, подмигнулъ и качнулъ головой въ сторону деревни.

— Карпуха Больтаковъ,—прошепталъ онъ.—За дочь, вѣрно.

— Значитъ, ей зеркало теперь надо, — сказалъ Демьянъ, разсѣянно взглянувъ въ зеленѣющее поле, въ серебристый блескъ пригрѣвающаго солнца и на лозинку, на сукѣ которой лежалъ его армякъ. — Дашка! — крикнулъ онъ дѣвкѣ, стоявшей на порогѣ съ радостно выпученными глазами. — Бѣги, соломки принеси, ей струшнѣй умирать будя.

— Ступай скорѣй, — съ притворной строгостью прибавилъ другой копачъ, Титъ, гнутый, широкоплечій, съ волосатымъ ободраннымъ носомъ. — Выпьешь, что ль, за работу? — обратился онъ къ Гришкѣ. — Пей, ничего.

— Со всей удовольствіей, — отвѣтилъ Гришка.

И, нагнувшись, осторожно взялъ съ краями налитый стаканчикъ.

— Значительная старуха, — сказалъ онъ, жмурясь отъ смѣха и вытягивая шею, приготовляясь пить.

— Старушка дружелюбная, старая барская гнида, вѣрная Личарда, — подтвердилъ Титъ, разглядывая чуньки и просторные шерстяные чулки Агаѳьи. — Здорово земляныхъ шмелей послухала!

— Самый разнесчастный человѣкъ! — весело прибавилъ Демьянъ. — Мы и ей сейчасъ поднесемъ... Вѣрная Личарда, выпить хочешь? — крикнулъ онъ. — Забудь горе! Не ѣшь съ Ѳсмой, ѣшь со мной! Захмелѣешь, пѣсни зачнешь играть, танцовать пойдешь, и я съ тобой протанцую, — сказалъ онъ, съ притворной удалью раскидывая руки.

— Что ты ей спокою не даешь, не трожь ее,— сказала Катерина, изъ приличія нахмуриваясь.—Поднеси, правда. Ей полегчаетъ.

Демьянъ налилъ стаканчикъ, вынулъ изъ него толстымъ пальцемъ кусочекъ пробки и бережно понесъ Агаѳьѣ, одергивая короткую рубаху на широкомъ заду и гусемъ ступая на своихъ крѣпкихъ выгнутыхъ ногахъ. Подойдя, онъ притопнулъ лаптями и затрясъ портки. Агаѳья приподнялась, взяла стаканъ дрожащей рукой, отпила немного, сморщилась, какъ отъ уксуса, и, отирая губы, отказалась:

— Нѣтъ, и не неволь. Не могу.

— Допивай, допивай!—крикнулъ Демьянъ.—Никакъ нельзя!

Агаѳья допила и, поправляя платокъ, сбитый на сторону, опять тихо заплакала, сморкаясь въ подолъ. Дашка, успѣвшая притащить снопъ обитой ржи и положить его возлѣ Агаѳьи, поставила ей на колѣни блюдце въ синихъ разводахъ со сметаной, подала кусокъ ситника.

Гришка выпилъ еще, поблагодарилъ и ушелъ. Агаѳья, не подпимая запухшихъ глазъ, плакала и ѣла, а Демьянъ бодро заговорилъ, вынимая трубку:

— Такъ-то вотъ и у насъ была въ селѣ такая-то Личарда, сводня, грѣховодница. Взяла и подвела нашему барину одну барышню изъ города, въ родѣ какъ въ управительницы. Барин у насъ никуда, голова толкачомъ, голая, надѣнетъ круглыя очки—чистый филинъ, а до женскаго пола первый любитель. Ну, конечно, и улестилъ ее, хотѣлъ, сказывали, увѣковѣчить ее, всю имѣнье подъ нее подписать. А барышня попалась добродушная: развеселая, словоохотная, такъ и распускаетъ глаза на кажное слово. Что ей ни скажешь, на все дивится, радуется: „Да что ты? Да что ты?...“ Въ родѣ дурочки.

— Видалъ я ее,—сказалъ Титъ.—Часто, бывало, по селу хаживала, а не то по саду. Возьметъ зонтикъ кружевной, подхватитъ бѣлую юбочку,—наряжалась, правда, хорошо, и юбка вся въ кружевцахъ,—и ходитъ по дворамъ, все нѣтъ ли больныхъ, спрашиваетъ: я, говоритъ, жалостлива и сама изъ бѣднаго быта... А то по саду съ книжкой хэдитъ. Какъ захолодаетъ, сейчасъ въ садъ. Идетъ съ книжкой, уткнется въ нее, глаза вылупитъ и такъ и жжетъ, только листики перевертываются.

— Вѣрно, вѣрно, и до чтенія охотница была,—сказалъ Демьянъ.—Только пріѣзжаетъ, значитъ, къ барину гость, малый молодой, должно, изъ военныхъ, а можетъ, и служака какой... Человѣкъ капризный, тощій, а до бабъ тоже разбалованъ, зѣлъ...

— Онъ самый и есть вострякъ,—сказалъ Титъ.

— Да. Да и она ужъ, значитъ, до мужчинъ стала распущенная...

— Любила блудничать,—вставила Катерина.—Понравились, дескать...

— Любила,—подтвердилъ Демьянъ.—Такой ужъ природъ была. А, бываетъ; и самъ баринъ былъ старъ по этому дѣлу. Вынесутъ имъ, бывало, въ садъ подъ яблонку коверъ, подушки, лежатъ и читаютъ. Утромъ на станкѣ на токарномъ точитъ всякую пустяковину, кровь себѣ полируетъ, послѣ обѣда—подъ яблонку. Она въ одну сторону, онъ—въ другую, такъ и блеститъ очками изъ травы, какъ змѣй. Покатается, покатается возлѣ ней, да только и всего, только разбередитъ. А тутъ кстати помоложе подвернулся... Слухай да догадывайся!—весело и бодро сказалъ онъ, обращаясь къ Агаѳьѣ, легшей на снопъ.—Дѣло до хорошаго дойдетъ: „и ему отдалась до послѣдняго дня“...

Онъ засмѣялся, подмаргивая, и продолжалъ:

— Прякрасно. Значитъ, занялась она съ нимъ, со служакой съ этимъ. Идешь мимо саду, глянешь—сидитъ на скамейкѣ, плачетъ и платочкомъ кружевнымъ утирается... Потомъ, глядь, повеселѣла: махнула, значитъ, на свою судьбу рукой, на отчаянность попла. Мы весь садъ въ ту лѣто окапывали и все это хорошо видѣли. Сходбища у нихъ была въ самой ихъ завѣтной бесѣдкѣ. Бесѣдка была прямо хоть круглый годъ живи: столы, стулицы, чистота, полъ подъ желтую одинарную краску, а по бокамъ черныя каемки пропущены. Ну, вотъ они и повадились туда. Какъ вечеръ, какъ баринъ въ полѣ, она сейчасъ прослѣдуетъ въ садъ, въ родѣ какъ чтеніемъ заниматься, а это и есть самая сустрѣча ихъ. Онъ, какъ заяцъ, прокрадется черезъ задній валъ—и къ ней... Ну, только и отъ него она часто въ горькихъ слезахъ выходила. Капризенъ былъ! Иду разъ мимо саду, вижу, стоитъ въ своей курткѣ плетеной, слюнявитъ платокъ и къ рукѣ, къ маслаку прикладаетъ, а рука въ крови,—бываетъ, упалъ, содралъ на валу. Брюки синія въ землѣ и въ листу... „Здравствуйте,—говорю,—Чеславъ Викентьичъ!“ Запустилъ онъ меня матеркомъ и залился въ бесѣдку...

Агаѳья, все выжимавшая изъ глазъ слезы, вдругъ зарыдала, поднялась и, шатаясь, пошла въ избу. Дашка, сидѣвшая на порогѣ съ широко раскрытыми глазами и раздвинутыми колѣнками, кинула на нее радостный взглядъ, вскочила и тоже скрылась въ сѣнцахъ.

— Горе, правда!—сказала Катерина.—Онъ ей весь носъ размялъ.

Демьянъ быстро оглянулся,

— Не горе!—быстрымъ шопотомъ сказалъ онъ.—Это я ее разжегъ. Вѣдь барышню-то она подводила!

— Да что ты!—въ одинъ голосъ воскликнули и хозяйка и Титъ.

— Сейчасъ умереть! Вѣдь она изъ Голицына?

— Изъ Голицына, изъ Голицына,—подтвердила Катерина.—Говоритъ, къ намъ на спокой удалилась, дома дюже много враговъ, завистниковъ нажила.

— Какъ же, успокоится такая-то!—сказалъ Демьянъ.—Я давно объ ней наслышанъ, вѣдь Голицыно-то отъ насъ пять верстъ всего. Я ее сразу призналъ, только говорить не хотѣлъ—угостить сулилась...

— Они страшные хитрые черти, эти дворовые,—сказалъ Титъ.—Ненавистные къ намъ.

— И, значитъ, она самая и загубила эту самую барышню?—спросила Катерина.

— Говорю же тебѣ—она,—сказалъ Демьянъ.—Она и все дѣло это совостожила. Да ты погоди, что дальше-то будетъ! Повалялись они, говорю, въ бесѣдкѣ въ энтой, отдѣлалась она, идетъ по дорожкѣ, поетъ пѣсню, а сама цвѣты рветъ, хоть, правда, дюже глаза опять заплаканы. А баринъ-то и вотъ онъ. Бросилъ дрожки за садомъ и идетъ прямо къ ней съ плеткой. Она—туда, сюда, обмерла отъ страха да такъ и осталась на мѣстѣ. Подходитъ онъ тутъ прямо къ ней, скидаваетъ съ ней косынку кружевную съ плечъ, рветъ, ногами топчетъ, скидаваетъ брошку, рветъ часы золотые на цѣпочкѣ, зачалъ и ихъ топтать, только стекла хрустятъ... Потомъ за нее принялся: самъ терзаетъ, а самъ плеткой, да все по мордѣ норовитъ... Избилъ, какъ надо, сшибъ съ ногъ не хуже старухи этой—и поскорѣй прочь, домой, чтобы, дескать, отъ грѣха уйтить. Прибѣжалъ приказчикъ, кликнулъ насъ, понесли мы ее въ контору, а она—безо всякихъ чувствъ, лежитъ, какъ мертвая, въ своемъ голубенькомъ платьицѣ, въ кружевцахъ, и вся лицо тоже въ родѣ какъ голубая стала, альни носъ блеститъ. Потомъ призываетъ баринъ кучера Никодима и кричитъ ему съ крыльца: „Немедленно свезть и ее и этого сукина сына на станцію, отыскать его немедленно, онъ, небось, въ саду въ лопухахъ хоронится. Брось ихъ гдѣ-нибудь въ страшную глубину, къ пучину-яругу...“ Ну, тѣмъ же вечеромъ и оттащили ее въ телѣгѣ на станцію.

— Ужли съ любовникомъ вмѣстѣ?—спросила Катерина.

— Куда тебѣ!—сказалъ Демьянъ, поднимаясь.—Его и слѣдъ простылъ. Ему-то что жъ! Онъ своего добился, обломалъ ей сучья-вѣтья, да потуда его и видѣли.

— Я эту исторію тоже слышалъ,—сказалъ Титъ, выскребая кускомъ хлѣба остатки сметаны изъ чашки.—Я ее, говорю, сколько разовъ видалъ. Ее Лизаветой звали. Жидкая, прахѣвая бабенка, а ничего все-таки, аккуратная. Я тогда у попа при молотилкѣ служилъ. Рабочая пора, самый разгаръ, я сижу погоняю, а старостишкинъ сынишка, бѣдовый дьяволенокъ, все подъ приводъ, подъ лошадей лѣзетъ. Разъ сказалъ, два сказалъ—неймется. Я соскочилъ, поймалъ его да маленько за висчонки. Онъ въ голосъ. Гляжу, бѣжитъ эта самая барышня Лизавета,—по дорогѣ возлѣ гумна съ собачкой гуляла,—прямо ко мнѣ: „Какъ вы смѣете,—кричитъ,—васъ къ уряднику надо. Надо съ дѣтьми гуманно обращаться“... Будь въ другомъ мѣстѣ, я бы ее кнутомъ шарахнулъ.

— Гуманно!—повторилъ Демьянъ и засмѣялся, снимая съ лозинки свой армякъ.

Всталъ и Титъ, перекрестился и, поклонившись хозяйкѣ, пошелъ вслѣдъ за Демьяномъ отдыхать въ ригу. Качая головой, Катерина стала собирать съ камня чашки, хлѣбъ, скатерть...

— Мамушка!—крикнула Дашка, выскакивая на порогъ.—Я боюся! Она пьяная, на всю избу кричитъ, волосы съ себя деретъ...

Катерина, кинувъ скатерть, вошла въ избу. Агаѳья сидѣла на лавкѣ и раскачивалась съ сильнымъ воемъ, глядя и ничего не видя кровавыми безумными глазами. Безъ платка, съ растерзанными сѣдыми волосами, сизая отъ слезъ и отъ натуги, она была и страшна и жалка.

— Господи, прости меня, окаянную!—сипло вскрикивала она, размахиваясь, широко крестясь и кланяясь двери.—Господи, разрази меня, старую дьяволицу, холопку лютую!.. Ненавижу васъ, мужланы дикіе!—завопила она, увидавъ Катерину.—Ненавижу!

Не отвѣчая и улыбаясь, Катерина стала тереть хрѣнъ, чтобы привести ее въ чувство.

Капри. 27. I. 1913.

ЗАБОТА.

Солнечный осенній вечеръ прохладенъ. Изъ-за дворовъ большого села, растянувшагося по скатамъ къ лугамъ, къ родниковой рѣчкѣ, изъ-за ригъ, зелени лозинъ и высокихъ конопляниковъ желтѣютъ новые ометы и скирды. Улица села въ тѣни, солнце опускается за дворами, за гумнами—и ярко краснѣютъ противъ него глинистые бугры по ту сторону луговъ, блеститъ на этихъ буграхъ стекло въ избѣ мельника.

Старикъ Авдей Забота, зажиточный мужикъ, собирается въ городъ.

Возлѣ его двора, на дорогѣ между дворомъ и пунькою, дремлетъ запряженная въ телѣгу сивая кобыла, съ мелкими, врозь разставленными копытцами, съ большими рѣсницами, съ сѣрыми усами и большой шершавой нижней губой. Авдей курчавъ и сѣдъ, крупенъ и сумраченъ, на плоской спинѣ его, подъ липучей ситцевой рубашкой, выдаются лопатки. Онъ ходитъ возлѣ телѣги, набитой соломой, съ молоткомъ въ рукѣ, держитъ губами пучокъ гвоздей и ни на кого не смотритъ.

У него горе.

Онъ всѣ послѣдніе дни мучился думами: продавать ли барана? Баранъ старъ, но продавать его не слѣдъ, не время. Продавать нужно было бы хлѣбъ. Осень погожая, урожай отличный, одна кладушка уже обмолочена,—только бы насыпать, да въ городъ. Но цѣны на рожь, на овесъ стоятъ страшно низкія. Ни зерна нельзя продавать, какъ ни торопи нужда... Продумавъ недѣлю, Авдей рѣшилъ разстаться лучше съ бараномъ.

Но онъ постарѣлъ за эту недѣлю, осунулся и потемнѣлъ въ лицѣ. Взглядъ его твердъ и сумраченъ. Собирается онъ, ни на кого не глядя.

Дочь, въ нижней коленкоровой юбкѣ, безъ кофточки, въ однихъ шерстяныхъ чулкахъ, раза два робко и быстро перебѣжала дорогу отъ избы къ пунькѣ. Она тоже собирается— на дѣвишникъ къ подругѣ, но боится отца, боится своей затаенной радости, своей беззаботности рядомъ съ его заботой,— старается проскользнуть незамѣтно. Братишка, пузатый мальчикъ, въ огромной старой шапкѣ, облизывая губы, разъѣденныя соплями, долго хлоналъ, размахивалъ обрывкомъ кнута и падалъ среди дороги. Чтобы угодить отцу, она на бѣгу поймала его ледяную пухлую ручку и такимъ вихремъ умчала его въ избу, что онъ не успѣлъ даже крикнуть.

Старуха стоитъ на порогѣ и не сводитъ жалостныхъ глазъ съ Авдея. Она положила тонкую сѣрую руку на выдающійся животъ, а другую, подпирающую подбородокъ, поставила въ ладонь. Темная, морщинистая, зубастая, она имѣетъ видъ страдальческій. Панева ея коротка, ноги длинны и похожи на палки, ступни, потрескавшіяся отъ грязи, холода и цыпокъ,—на куриныя лапы. Животъ ея выдается, а спина горбится отъ трудныхъ родовъ, отъ тяжелыхъ чугуновъ. Въ разрѣзъ ея рубахи, темной отъ золы, видны палевыя, тощія, повисшія, какъ у старой собаки, груди, а межъ ними—большой мѣдный крестъ на засаленномъ гайтанѣ.

Ее заботы сдѣлали за долгую жизнь страдалицей, Авдея— нелюдимомъ.

Телѣга разсохлась, растрепалась. Раскапывая старновку въ ея ящикъ, Авдей прибиваетъ кое-гдѣ отставшія планки. Дуетъ предвечерній вѣтеръ и задираетъ сзади его рубаху на поясокъ-ремешокъ, обнажаетъ желобокъ на широкой сухой спинѣ, показываетъ тугой гашникъ, низко врѣзавшійся въ тѣло. Портки Авдея висятъ по-стариковски—точно пустыя. Подошелъ кобель и сталъ обнюхивать разбитые, блестящіе, только-что помазанные дегтемъ сапоги, въ опустившіяся голенища которыхъ заправлены эти портки. Авдей съ размаху ударилъ кобеля по боку молоткомъ.

— Полушубокъ вынеси, да хлѣбушка завяжи, — сердито сказалъ онъ старухѣ.

Забивъ послѣдній гвоздь, сдвинувъ со лба шапку, онъ рѣшительно пошелъ въ раскрытыя ворота унавоженнаго двора. Половина его была въ тѣни, половина озарена золотистымъ свѣтомъ. Въ тѣневой половинѣ куры усаживались на насѣстъ, на переметъ, побѣлѣвшій отъ ихъ известковаго помета, и заводили глаза. Нахохлившись, сбились голуби подъ застрѣху въ углу. Они слабо заворковали, когда вошелъ Авдей... Какъ радовали всегда сердце его эти хозяйственныя

куры, голубп, этотъ теплый дворъ, его глубокій навозъ, его плетеныя изъ лозняка и обмазанныя коровьякомъ съ глиной закутки! На старой телѣгѣ безъ передковъ, давно загрязшей въ навозѣ, валялся обрывокъ. Взявъ его, Авдей направился къ закутѣ, гдѣ взаперти сидѣлъ баранъ.

— Батюшка, мать вспрашиваетъ: огурчика положить?— крикнула дѣвка, заглядывая въ ворота.

— А сама не знаетъ?—строго откликнулся Авдей.—Ай первый разъ?

За рѣшетчатой дверью закуты шуршала солома. Большой круторогій баранъ въ толстой, вьющейся дымчатой овчинѣ, съ удивленнымъ бараньимъ взглядомъ, съ бараньей щеголеватостью, ходилъ по соломѣ, мелко тряся жирнымъ хвостомъ. Быстро распахнувъ дверь, Авдей кинулся на барана всѣмъ тѣломъ, сбилъ, повалилъ его и торопливо сталъ связывать обрывкомъ его тонкія ножки. Баранъ удивился еще болѣе, но не издалъ ни звука, только глаза выкатилъ. Авдей подсдѣлъ подъ связанный обрывокъ руку, натужился и, волоча барана спиной по навозу, потащилъ его за ворота, къ телѣгѣ. Баранъ, выкативъ бѣлые глаза, сдѣлавшись похожимъ на турка, мелко и быстро тряся хвостомъ и лизалъ шершавымъ языкомъ руку Авдея...

Черезъ полчаса Авдей въ пути.

Медлительно скрипитъ, тянется съ горки на горку, проходитъ мимо избъ и пунекъ, то въ тѣни, то на солнцѣ, по-дорожному пахнущая дегтемъ телѣга. Въ задкѣ ея лежитъ веревочный хрептугъ съ сѣномъ, въ передкѣ, на старновкѣ—связанный, спокойный баранъ. Авдей, въ полушубкѣ и глубоко надвинутой шапкѣ, съ кнутомъ подъ мышкой, съ трубкой въ зубахъ, изрѣдка пуская черезъ плечо сладкій, пахнущій донникомъ дымъ, не спѣша, по-дорожному, шагаетъ за колесами.

Вотъ и крайняя изба. Солнце стоитъ не такъ низко, какъ это казалось въ селѣ: скатъ за селомъ совсѣмъ отлогій. Этотъ скатъ—голый и широкій большакъ, тутъ поворотъ влѣво, на городъ. Съ неподвижно простертыми обломками крыльевъ стоитъ на немъ вѣтрякъ, какъ стоялъ онъ и шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, когда Авдей былъ еще ребенкомъ. Возлѣ беззаботно перекрикиваются, прыгаютъ на одной ножкѣ, играютъ въ лунки мальчишки... „Погодите, доиграетесь!“— думаетъ Авдей. Слюнявый, стриженый дурачокъ въ женской рубахѣ, похожій на чучело, ковыляетъ навстрѣчу, пучитъ глаза дурьей барана... Авдей грустно усмѣхается: „Дуракамъ счастье, горя мало!“

Подъ скатомъ—мелкая рѣчка разливается широкимъ пло-

сомъ по бѣлому щебню; изъ щебня, вѣчно сочащагося водой, кое-какъ перекинутъ мостъ на ту сторону. Плесъ ослѣпительно блеститъ; желто-каменистый подъемъ за нимъ весь въ зеркальныхъ веселыхъ разводахъ, въ медленно переливающихся отраженіяхъ. По мосту ѣдутъ бездѣльники-охотники: высокая гнѣдая лошадь, бѣговыя дрожки, на дрожкахъ, одинъ за другимъ, сидятъ верхомъ два человѣка, и торчатъ изъ-за ихъ спинъ два ружейныхъ ствола. Авдей тянетъ веревочную вожжу, останавливаетъ свою кобылку и ждетъ, пока перебе-рутся по узкому и зыбкому мосту встрѣчные. На одномъ изъ нихъ ягдташъ, набитый перепелами, на колѣняхъ другого— уже окостенѣвшій заяцъ съ усами въ крови. Авдей глядитъ, но видитъ все, какъ во снѣ. Онъ ко всему равнодушенъ— какъ больной.

Наконецъ перебрался и онъ черезъ мостъ. Поднялся на на гору, спустился въ котловину и опять сталъ подниматься... Жесткая, выгорѣвшая за лѣто мурава ржаво краснѣетъ по каменистымъ переваламъ старой мертвой дороги. Этимъ переваламъ конца нѣтъ. До города верстъ двадцать пять, но онъ всегда, всю жизнь казался Авдею очень далекимъ. Съ перевала на перевалъ поднимается, идетъ онъ, задумчиво глядя впередъ. Солнце сзади него, краснѣетъ, садится. Сіяніемъ окружена лежащая по муравѣ тѣнь Авдея, длинная тѣнь телѣги, лошади. Пусто кругомъ, далеко видно. Воронье безпріютно, по-осеннему ночуетъ на опушкѣ желтыхъ жнивій. На горизонтѣ рядъ телеграфныхъ столбовъ, уходящихъ въ безконечное поле. Алыми клубами бѣжитъ назадъ дымъ бѣгущаго товарнаго поѣзда—длинной цѣпи красныхъ вагоновъ. Авдей до сихъ поръ глядитъ на поѣзда непріязненно. Разъ въ жизни ѣхалъ и онъ по желѣзной дорогѣ. И закаялся: все время кружится голова, все время страшно...

Дойдя до желѣзной дороги, пересѣкающей большакъ, онъ ждетъ возлѣ переѣзда, закрытаго шлагбаумомъ. Непріятно-рано, по-осеннему, зажгли огонь въ будкѣ.

Дальше—шоссе, самая скучная дорога на свѣтѣ...

Авдею шестьдесятъ семь лѣтъ: скоро умирать. Особой нужды онъ никогда не зналъ, отъ бѣдъ, несчастій Богъ его миловалъ.

— Разскажи что-нибудь интересное, что было въ твоей жизни,—сказалъ ему однажды молодой баринъ.

— У меня, слава Богу, ничего такого не было,—отвѣтилъ Авдей.—Вотъ семой десятокъ живу, а, благодарю Бога, интереснаго ничего не было.

Не забыла ко жизнь поѣздить-ли его. Ѣздилъ,—говорили

про него сосѣди побѣдителѣй.—Да вѣдь тебѣ, побирушкѣ, хорошо говорить!—всегда со злобой думалъ въ отвѣтъ на это Авдей.

Солнце закатилось, дуетъ холодный вѣтеръ. Авдей прикрываетъ барана соломой, надвигаетъ шапку поглубже, запускаетъ руки въ рукава и мѣрно шагаетъ по краю шоссе за скрипящей телѣгой.

Широкій старческій носъ его сизѣетъ, стынетъ, вѣтеръ коситъ сѣдую бороду. Большія сѣрыя брови сурово сдвинуты, въ потухшихъ глазахъ—тоска.

Капри. 24. I. 1913.

БЕЗЪ ЗАГЛАВІЯ.

Въ часъ ночи, зимней, деревенской, до кабинета стараго дома доносится изъ дальнихъ комнатъ жалобный дѣтскій плачъ. Домъ, усадьба, село—все давнымъ-давно спитъ. Не спитъ только Хрущевъ,—у него безсонница. А плачетъ кто-нибудь изъ его маленькихъ племянниковъ. И, разсѣянно положивъ карандашъ на столъ, останавливаетъ Хрущевъ усталые глаза на огняхъ свѣчей:—Какъ все прекрасно! Право, даже этимъ голубымъ стеариномъ, свѣчами можно любоваться!

Огни ихъ, золотисто-блестящія острея съ прозрачными ярко-синими основаніями, слегка дрожатъ,—и слѣпитъ глянцовитый листъ большой французской книги. Хрущовъ подноситъ къ свѣчѣ руку,—становятся прозрачными пальцы, розовѣютъ края ладони. Онъ мгновенно забываетъ все, что̀ читалъ и думалъ, и, какъ въ дѣтствѣ, засматривается на нѣжную, ярко-алую жидкость, которой свѣтится и сквозитъ противъ огня его собственная жизнь.

Плачъ раздается громче—жалобный, умоляющій.

Хрущовъ встаетъ и направляется въ дѣтскую; уже давно не можетъ онъ равнодушно слышать дѣтскаго плача. Онъ проходитъ темную гостиную,—чуть мерцаютъ въ ней подвѣски люстры, зеркало,—проходитъ темную диванную, темную залу, видитъ за окнами лунную ночь, ели палисадника и блѣдно-бѣлые пласты, тяжело лежащіе на ихъ черно-зеленыхъ, длинныхъ и мохнатыхъ лапахъ. Дверь въ дѣтскую отворена, лунный свѣтъ стоитъ тамъ тончайшимъ дымомъ. Въ широкое итальянское окно безъ занавѣсокъ просто, мирно глядитъ снѣжный озаренный дворъ. На полу у двери что-то чернѣетъ—это, какъ мертвая, лежитъ дѣвка, нянька. Голубовато бѣлѣютъ дѣтскія постели. Въ одной крѣпко спитъ Стасикъ, въ другой Лиля. Спятъ и деревянные кони, спитъ на спинѣ, закативъ

свои круглые стеклянные глаза, бѣловолосая кукла, спять коробки, которыя такъ заботливо собираетъ Коля. Онъ-то и проснулся,—самый маленькій, самый впечатлительный, худенькій, большеголовый, съ большими карими глазками... Въ чемъ дѣло?

Какъ всегда, онъ внезапно поднялся, сѣлъ на постели—и заплакалъ горько, безпомощно. Онъ протягиваетъ къ дядѣ ручки и заливается еще жалобнѣе, а самъ спитъ, спитъ.

— Въ чемъ цѣло, дорогой мой?—шепчетъ Хрущевъ, садясь на край постели, вытирая платкомъ личико ребенка и обнимая его щупленькое тѣльце, что̀ такъ трогательно чувствуется сквозь рубашечку своими косточками, грудкой и бьющимся сердечкомъ.

Онъ береть его на колѣни, покачиваетъ, осторожно цѣлуетъ. Ребенокъ прижимается къ нему, дергается отъ всхлипываній и понемногу затихаетъ... Что̀ это будитъ его вотъ уже третью ночь?

Луна заходитъ за легкую бѣлую зыбь, лунный свѣтъ, озаряющій дѣтскую, таетъ, блѣднѣетъ, меркнетъ—и черезъ мгновеніе опять растетъ, ширится. Опять загораются подоконники, косые золотые квадраты на полу. Хрущевъ переводитъ взглядъ съ пола, съ подоконника на раму, видитъ свѣтлый дворъ—и вспоминаетъ: вотъ оно что̀,—опять забыли сломать это бѣлое чудище, что̀ дѣти сбили изъ снѣга, поставили среди двора, противъ окна своей комнаты! Днемъ Коля боязливо радуется на него,—это человѣкоподобный обрубокъ съ бычьей рогатой головой и короткими растопыренными руками,—ночью, чувствуя сквозь сонъ его страшное присутствіе, вдругъ садится на постели и, даже не проснувшись, заливается горькими слезами. Да снѣгуръ, и впрямь, страшенъ ночью, особенно если глядѣть на него издали, сквозь стекла: рога поблескиваютъ, отъ головы, растопыренныхъ рукъ падаетъ на яркій снѣгъ черная тѣнь. Но попробуй-ка сломать его! Дѣти будутъ ревѣть съ утра до вечера, хотя онъ, все равно, уже таетъ понемногу: скоро весна, мокнутъ и дымятся въ полдень соломенныя крыши...

Хрущевъ осторожно кладетъ ребенка на подушку, креститъ его и на цыпочкахъ выходитъ. Въ прихожей онъ надѣваетъ оленью шапку, оленью куртку, застегивается, поднимая черную узкую бороду и думая: сломать или нѣтъ? Потомъ отворяетъ тяжелую дверь въ сѣни, идетъ по скрипучей тропинкѣ за уголъ дома. Луна, не высоко стоящая надъ рѣдкимъ садомъ, что̀ сквозитъ на бѣлыхъ сугробахъ, ясна, но по-мартовски блѣдна и спокойна. Раковинки легкой облачной зыби

тянутся кое-гдѣ по небосклону. Тихо мерцаютъ въ глубокой прозрачной синевѣ между ними рѣдкія голубыя звѣзды. Молодой снѣжокъ чуть запорошилъ крѣпкій, старый. Отъ бани въ саду, стеклянно блещущей крышей, бѣжитъ гончая Заливка. „Здравствуй, — мысленно говоритъ ей Хрущевъ. — Мы съ тобой одни не спимъ въ эту ночь. Жалко спать, коротка жизнь, поздно начинаешь понимать, какъ хороша она...“

Онъ подходитъ къ снѣгуру и медлитъ минуту. Потомъ рѣшительно ударяетъ въ него ногою. Летятъ рога, разсыпается бѣлыми комами бычья голова... Хороша жизнь, къ чорту все, что мѣшаетъ ея радостямъ! Еще одинъ ударъ,—и останется только куча снѣга. Озаренный луной, Хрущевъ долго стоитъ надъ нею и, засунувъ руки въ карманы куртки, глядитъ на блещущую крышу. Онъ наклоняетъ къ плечу свое бѣдное лицо съ черной бородой, свою большую оленью шапку, стараясь уловить и запомнить оттѣнокъ блеска. Вотъ бы вернуться въ кабинетъ и просто, просто записать все, что только-что чувствовалъ и видѣлъ...

Потомъ онъ поворачивается и медленно начинаетъ ходить по тропинкѣ отъ дома къ скотному двору и обратно. Движется у ногъ его, по снѣгу, косая тѣнь. Дойдя до сугробовъ, онъ пробирается между ними къ воротамъ. Ворота на замкѣ, но отзынуты. Онъ заглядываетъ въ щель, откуда рѣзко тянетъ сѣвернымъ вѣтромъ. Онъ съ нѣжностью думаетъ о Колѣ, думаетъ о томъ, что въ жизни все трогательно, все полно смысла, все значительно. И жадно глядитъ во дворъ. Холодно, но уютно тамъ. Подъ навѣсами сумракъ. Сѣрѣютъ въ углу сбившіяся въ кучу, стоя спящія овцы. Сѣрѣютъ передки телѣгъ, засыпанные снѣгомъ. Надъ дворомъ — синее, въ рѣдкихъ крупныхъ звѣздахъ небо. Половина двора въ тѣни, половина озарена. И старыя, косматыя бѣлыя лошади, дремлющія въ этомъ свѣтѣ, кажутся зелеными.

29. VI. 1911.

КРИКЪ.

Однажды ранней весной или мы въ Батумъ изъ Портъ-Саида.

Въ Стамбулѣ была чума, дѣла нашъ грузовикъ тамъ не имѣлъ; мы рѣшили миновать Золотой Рогъ, а разсвѣта дождаться въ Ковакахъ, у входа въ Черное море: ночью не выпускаютъ. И вотъ отправили съ нами изъ Дарданеллъ двухъ турокъ, двухъ карантинныхъ стражей, дабы они удостовѣрили, придя въ Коваки, что остановки не дѣлалось.

Снялись мы изъ Дарданеллъ часа въ четыре. Въ пять матросы обѣдаютъ. Передъ обѣдомъ полагается имъ по манеркѣ спирту. Но былъ чистый четвергъ, нѣкоторые сочли за грѣхъ пить въ такой день. А чтобы спиртъ не пропадалъ даромъ, поднесли — для потѣхи — туркамъ. Спиртъ свалилъ ихъ, непривычныхъ къ пьянству, и они заснули: одинъ, рослый, дюжій — на кормѣ, надъ самымъ винтомъ, другой, маленькій — на крышкѣ трюма между кормой и машинной частью. И передъ тѣмъ, какъ заснуть, этотъ маленькій долго бормоталъ и по-турецки, и по-гречески, и даже по-русски:

— Руссъ—карашо, арабъ—нѣтъ карашо!

Онъ разсказывалъ, что у него, человѣка простого и бѣднаго, жена была такая красавица, что онъ даже по имени не звалъ ее никогда, а говорилъ: „джанымъ — сердце мое“, что она уже давно умерла, родивъ ему сына, что и сынъ его былъ красивъ, нѣженъ и почтителенъ, какъ дѣвушка, да увезли его въ Стамбулъ, отправили на войну, въ Аравію. А ужъ изъ Аравіи не вернешься, нѣтъ!—говорилъ онъ. И, вскакивая, громко вскрикивалъ, какъ бы стрѣляя изъ карабина, падалъ на спину, изображая убитаго наповалъ, и задиралъ свои кривыя ноги въ шерстяныхъ полосатыхъ чулкахъ. Штаны его, очень узкіе книзу, были въ заплатахъ, мундиръ—коро-

тенькій, истрепанный, феска грязная, бараньи глаза мутны, усы вислые, подбородокъ давно не бритъ, спаленное зноемъ и вѣтромъ лицо все въ морщинахъ. И матросы хохотали и жалостно говорили:

— Вино-то, вино-то, братцы, что̀ дѣлаетъ!

Много разъ видѣлъ я Босфоръ. Но можно ли на него наглядѣться? Вечеромъ я легъ спать и приказалъ разбудить себя, лишь только откроется маякъ. Около двухъ часовъ ночи вѣстовой постучалъ въ дверь моей каюты и негромко сказалъ:

— Подходимъ къ Сералю.

Я отозвался:

— Есть. Очень холодно?

— Три градуса.

— Туманъ?

— Чисто.

Я въ темнотѣ нашелъ пальто, шапку и вышелъ. Въ каютъ-компаніи тускло и печально горѣлъ одинъ рожокъ. Легкій свѣжій бризъ дулъ въ открытую дверь, за которой синѣла лунная ночь, и, сухо шелестя, чуть трепетали перистыя вѣточки карликовой японской пальмы, стоявшей въ горшкѣ у камина. Среди тишины, царившей всюду, выдѣлялись только этотъ шелестъ да медленное постукиваніе стѣнныхъ часовъ. А чуть слышный звонъ рюмокъ, которыми увѣшанъ потолокъ въ буфетѣ, и та слабая дрожь, которой дрожитъ весь пароходъ отъ машины, работающей въ глубинѣ его глухо и мѣрно, какъ огромное сердце, не нарушали тишины. Я вышелъ на лѣвый бортъ — и заглядѣлся на приближающійся Стамбулъ, на рѣдкіе ночные огни его, матово блестѣвшіе за бѣлесымъ тонкимъ паромъ, на его призракъ, фантастическій и величавый, таинственно-блѣдный на синевѣ лунной ночи...

Потомъ я поднялся на капитанскій мостикъ. Глядя впередъ, за фокъ-мачту, дежурили у телеграфа капитанъ и вахтенный помощникъ, въ шапкахъ, въ теплыхъ курткахъ. Они не обернулись, когда я сталъ за ними, возлѣ штурманской рубки, гдѣ въ сумракѣ, держась за рога рулевого колеса и не спуская глазъ съ компаса, освѣщеннаго низко спущенной электрической лампочкой подъ колпакомъ, каменѣлъ рулевой матросъ. Они, тоже завороженные ночью и Стамбуломъ, роняли слова команды точно, но медленно, вполголоса.

— Пять градусовъ лѣво, — безстрастно, не оборачиваясь, говорилъ капитанъ.

— Есть пять градусовъ лѣво,—протяжнымъ сиплымъ альтомъ отзывался рулевой.

Но отзывался онъ тоже безстрастно, словно спросонья, въ

ладъ полночной тишинѣ. Мѣрно, медленно отдавались изъ глубины вздохи машины, и медленно шло и развертывалось передъ нами сказочное царство великаго города.

— Такъ держать,—просто и осторожно говорилъ капитанъ.

— Та-акъ держа-ать!—на четыре тона выше браль рулевой.

Я поднялся на штурманскую рубку... Мертвый штиль. Полная ясная луна стоитъ справа, почти сзади насъ, надъ туманными силуэтами Принцевыхъ острововъ. Огромная золотая полоса продольно блещетъ между ними, подъ той тѣнью, что всегда лежитъ по горизонту за луннымъ блескомъ. Блескъ зеленоватаго стекла возникаетъ и гаснетъ, переливается по валамъ тяжелаго шагреневаго масла возлѣ самаго борта. Но все въ отдаленіи,—и холмистыя побережья, и Золотой Рогъ, медленно раскрывающійся передъ нами, и блѣдные призраки Скутари, Стамбула, Галаты, Перы, — все подернуто матово-бѣлесой чадрой, нѣжной, прозрачной, какъ драгоцѣнные брусскіе газы. И за этой чадрой, какъ несмѣтные глаза, таинственные и прекрасные, матово и недвижно блещутъ несмѣтные, далекіе и близкіе огни: золотые, мелкіе—густо насыпанные среди темныхъ садовъ на скутарійскомъ берегу; роями усѣявшіе съ верху до низу гору Перы и Галаты; изумрудные и рубиновые, крупные — на мачтахъ въ Золотомъ Рогѣ, на буяхъ, сторожевыхъ лодкахъ, длинно отражающіеся въ зеркальной водѣ; рѣдкіе и сонные — въ Стамбулѣ, спящемъ съ открытыми блестящими глазами на своихъ холмахъ противъ луны. Я различалъ каменные и деревянные дома его предмѣстій, легкіе, безконечно-высокіе минареты вокругъ чашеобразныхъ куполовъ бѣлой Ахмедіэ, древній, дорогой мнѣ куполъ Софіи, сады Сераля и сѣрую стѣну дворца Константина. Я опять обонялъ особый, сладкій и сухой ароматъ береговъ Турціи... Вдругъ откуда-то издалека пронесся въ тишинѣ чей-то слабый рыдающій зовъ.

— Юсу-уфъ!—крикнулъ кто-то.

И оборвалъ, точно захлебнувшись слезами.

Все ближе роились огненныя пчелы по горѣ Галаты. Мы шли, а мимо насъ, точно сильнымъ теченіемъ, несло назадъ красные фонарики на сторожевыхъ лодкахъ. Я подумалъ: это, вѣрно, кто-нибудь на сторожевой лодкѣ крикнулъ; можетъ-быть, это—убійство и вопль о пощадѣ; можетъ-быть, контрабандиста-грека поймали; но что мнѣ до того?

Вотъ опять негромкая команда и альтъ рулевого. Луна мѣняетъ мѣсто, надвигается справа скутарійскій берегъ — далеко по зеркальной водѣ легла тѣнь его. Уже прошла гора

Перы и Галаты, сплошь залитая каменнымъ городомъ за прозрачно-бѣлымъ покровомъ. Далеко за кормой остались два сонныхъ сквозныхъ изумруда, низко, одинъ надъ другимъ повисшихъ надъ водою, тамъ, гдѣ торчитъ изъ воды бѣлая башенка Леандра. Носъ парохода медленно поворачиваетъ,— закрывается выходъ въ Мраморное море, блещущій, какъ стеклянно-золотое поле, возлѣ Серальскаго мыса. Это поле меркнетъ; раздается короткій хрустальный звонъ телеграфа; мы все круче забираемъ вправо. Теперь уже нигдѣ нѣтъ блеска, чадра рѣдѣетъ, Босфоръ сузился. Бѣломраморные султанскіе дворцы тянутся по лѣвому прибрежью, купая въ водѣ широкія ступени своихъ мраморныхъ пристаней. Тѣнь достигаетъ и до нихъ; зеленовато-блѣденъ въ тѣни мраморъ...

— Юсуфъ!—опять долетаетъ откуда-то издалека.

Я удивленно поднимаю бровь, прислушиваюсь... И опять забываю объ этомъ воплѣ.

Отъ тѣни ярче и зеленѣе кажется холодная весенняя ночь, зеркальнѣе луна. Чище, синѣе стало звѣздное небо. Норою вершины малоазійскаго берега, по низамъ покрытаго виллами, селеніями, садами и рощами, отдаляются. Далеко впереди я вижу высокій круглый холмъ. Какъ мягко и отчетливо выдѣляется онъ на свѣтломъ небѣ! Какъ спокойны и легки очертанія нѣсколькихъ итальянскихъ пиній, вѣнчающихъ его темя, ихъ короткіе стволы и темные зонты! А вотъ большая сѣдловина между горами—и луна, стоящая за нею, чуть блѣднѣетъ; сквозятъ голыя весеннія рощи, серебрится подъ луною прозрачная дымка въ нихъ. Но закрывается и сѣдловина, — идемъ подъ темнымъ склономъ въ густыхъ садахъ, гдѣ надъ черепичными крышами высятся черные кипарисы. Первый робкій соловей звучно и сладко окликнулъ сады — и затихъ... Весеннимъ холодомъ земли и ароматомъ прошлогодней листвы тянетъ съ берега...

— Юсуфъ! — страстно, захлебываясь слезами, кличетъ голосъ съ кормы.—Юсу-уфъ!

Спустившись съ рубки, я быстро пошелъ туда. Сбѣжалъ по трапу со спардэка, прошелъ возлѣ мѣрно и глубоко вздыхающей машины, обдавшей меня своимъ тепломъ и запахомъ разогрѣтаго масла... Опять луна перемѣнила мѣсто. Она далеко за кормою, надъ золотымъ огромнымъ озеромъ, которымъ сталъ теперь Босфоръ среди сомкнувшихся береговъ... И еще разъ сбѣжавъ, увидѣлъ я черную фигурку, на колѣняхъ, спиной ко мнѣ стоящую на крышкѣ трюма. Она садилась порою на ноги, на пятки, какъ дѣлаютъ это во время молитвы, порывисто приподнималась, кидалась ницъ, что-то искала въ

рогожкѣ, служившей ей вмѣсто коврика, и опять откидывалась назадъ и, воздѣвая руки къ лунѣ или къ дворцамъ Стамбула, страстно, кратко, съ несказанной болью и мольбою вскрикивала:

— Юсу-уфъ!..

И я все понялъ.

Онъ, этотъ оборванный маленькій турокъ, заснулъ, набормотавшись, напѣвшись спьяну греческихъ пѣсенъ. Онъ проспалъ все Мраморное море. И вдругъ очнулся возлѣ самаго Стамбула, отнявшаго у него сына... Онъ покорно, какъ истый муслимъ, принялъ и затаилъ въ сердцѣ свое горе. Никто не замѣтилъ слѣдовъ скорби въ его равнодушныхъ морщинахъ, въ безстрастно поднятыхъ бровяхъ и висячихъ усахъ. Да и слишкомъ тупо ныла эта скорбь въ его сердцѣ. Но вотъ случилось нѣчто необычное: путешествіе въ Коваки, чужая палуба, чужіе люди, начавшіе его угощать сѣрымъ, мелкимъ, ѣдкимъ табакомъ и огненной водкой. Сведенный ею съ ума, чувствуя, что онъ плыветъ въ городъ самого падишаха, сталъ онъ съ болѣзненнымъ восхищеніемъ вспоминать, какъ увозили туда его сына, представлять себѣ съ непонятнымъ восторгомъ, какъ убили его въ Аравіи. И свалился наконецъ—потерялъ сознаніе, и спалъ долго, долго... И вдругъ очнулся. Что-то тяжко томило его въ пьяномъ тяжкомъ снѣ. Когда же открылись его глаза, почувствовалъ онъ позднюю ночь по той тишинѣ, которая окружала его, увидалъ величавый и фантастическій въ лунномъ свѣтѣ призракъ Стамбула — и внезапно, всѣмъ существомъ своимъ, можетъ-быть, впервые постигъ всю глубину того, что̀ сдѣлалъ Стамбулъ съ его никому не нужной, жалкой жизнью и съ прекрасной молодостью Юсуфа. Вѣдь это о немъ, о сынѣ, разсказывалъ онъ хохотавшимъ русскимъ собакамъ!.. И, поднявшись, съ ужасомъ почувствовалъ, что онъ пьянъ, страшно пьянъ, отравленъ и несчастенъ...

Я подошелъ къ нему. Онъ повернулъ ко мнѣ блѣдное въ лунномъ свѣтѣ, все мокрое отъ слезъ, съ мокрыми висячими усами лицо, выпучилъ на меня свои бараньи, остеклянѣвшіе отъ яда, отъ рыданій и натуги глаза... Зачѣмъ подъ нимъ эта скомканная рогожка? Можетъ-быть, онъ вспомнилъ еще и то, что проспалъ вечернюю молитву, и кинулся, падая и опять поднимаясь, разстилать эту рогожку... Но до молитвы ли? Все мѣшается въ его мозгу, онъ чувствуетъ только одно—ужасъ и тоску. И вдругъ начинаетъ кричать Стамбулу, лунной ночи, что онъ одинъ и погибаетъ. Да нѣтъ, этого не можетъ быть! Сынъ живъ, онъ долженъ быть живъ, онъ

долженъ вернуться! Сынъ долженъ вернуться еще и потому, что его, нищаго, одинокаго старика, опозорили, отравили... И, рыдая, безумѣя отъ ужаса и горя, онъ сталъ кричать дико, захлебываясь слезами.

Я взялъ его ледяную руку. Онъ выпучилъ глаза и вырвалъ ее. Онъ, какъ звѣрь, кинулся на рогожку, сталъ судорожно комкать ее, стараясь разстелить передъ собою... И опять, не сладивъ съ хмелемъ и горемъ, тяжело упалъ задомъ на пятки, уперся руками въ рогожку. Неудержимо катившіяся слезы застилали его изумленные глаза, пьяный насморкъ затыкалъ дыханіе, мокрые усы лѣзли въ ротъ.

— Юсуфъ!—крикнулъ онъ тупо и кратко, какъ человѣкъ, вынырнувшій изъ воды.

И завопилъ, затрясшись отъ рыданій, захлебываясь и простирая руки къ Стамбулу:

— Юсуфъ! Юсу-уфъ!..

Неслась вода мимо борта. Золотое озеро за кормою меркло.

28. VI. 1911.

КОПЬЕ ГОСПОДНЕ.

Красное море встрѣчаетъ насъ дурными знаменіями.

Вчера на закатѣ дулъ хамсинъ. Слѣва, въ пыльной, красной мглѣ, садилось болѣзненно и тускло блестящее солнце. Справа эта мгла была сумрачнѣе. Тамъ темнѣли очертанія Джебель-Таира. И оттуда, со стороны Аравіи, горячій вѣтеръ гналъ двухъ птицъ. Онѣ неслись бокомъ, низко надъ водою. Перья ихъ были измяты и взъерошены. Неожиданно наткнувшись на спасеніе, на нашъ грузовикъ, онѣ взмыли къ верхушкѣ фока, на тугую струну штага, соединяющаго фокъ съ гротомъ. Уцѣпившись, онѣ крѣпко встряхнулись, приводя себя въ порядокъ, и застыли.

Мы съ мостика долго разглядывали ихъ. Таиться нечего,— всѣмъ стало не по себѣ: это были два старыхъ аравійскихъ стервятника, два „вѣстника смерти“ и всяческихъ бѣдъ. А вѣдь мы прямехонько идемъ на смерть: по всему побережью Аравіи, въ Суэцѣ, въ Портъ-Саидѣ — чума и холера; въ Джибути, гдѣ мы стояли сутки и сообщались съ берегомъ, умираетъ по сто, по двѣсти человѣкъ въ день... А нервы у насъ никуда, — устали мы ужасно. Переходъ въ Японію былъ трудный, бурный. Не давши намъ и недѣли отдыха, погнали насъ назадъ, въ Китай, оттуда— въ Сингапуръ. Тамъ мы безъ дѣла простояли мѣсяцъ, изнуряемые жарой, лихорадочной влажностью, запахомъ мускуса, видомъ голыхъ тѣлъ, опоясанныхъ по бедрамъ мокрыми отъ пота тряпками, черныхъ китайскихъ лавчонокъ, заваленныхъ гніющими фруктами, жертвенниковъ, облитыхъ кокосовымъ масломъ, и боговъ, еще болѣе безобразныхъ, чѣмъ ихъ желтоликіе поклонники. Индійскій океанъ въ мартѣ, конечно, отдыхъ, но вѣдь впереди было это проклятое Аравійское море, чума и долгое отсутствіе всяческихъ вѣстей о родинѣ. А на-

родъ моряки чувствительный. Имъ, обреченнымъ жить внѣ дома три четверти года, разлука съ домомъ всегда тяжела. Что же до вѣры въ примѣты, въ предзнаменованія, то плавающіе въ сѣверныхъ и тропическихъ моряхъ хуже всякаго араба...

Вечеромъ безъ охоты поиграли въ шашки. Старшій механикъ вспомнилъ покойнаго командира „Японіи“: это было нѣсколько лѣтъ тому назадъ, тоже во время чумы и тоже въ Красномъ морѣ, командиръ захворалъ,—можетъ-быть, и впрямь захворалъ, заразившись въ Массовѣ, гдѣ онъ съѣзжалъ на берегъ,—а, захворавъ, поспѣшилъ принять датуры, оставивъ записку, что у него жаръ, дурнота и опухоли подъ мышками. Страшно сказано было тогда въ газетной телеграммѣ о его смерти: „Тѣло предано Красному морю...“

Отъ песку, отъ горячаго вѣтра закрыли люминаторы. Стало похоже на печь съ закрытой заслонкой. Свободные отъ вахтъ рано разошлись спать, — одинъ пьяница Францъ старчески ворчалъ и гремѣлъ въ буфетѣ, швыряя посуду. Но какой сонъ при хамсинѣ! Тѣло ноетъ, сердце замираетъ. Поминутно, весь въ поту, просыпаешься, куришь, снова задремываешь... Никогда не кажется такъ мала каюта! Лежа въ темнотѣ, слушая ровный плескъ воды, бѣгущей назадъ, мимо слегка дрожащаго на ходу „Китая“, все думаешь о томъ древнемъ, мистическомъ, чѣмъ отравляетъ насъ Востокъ—тропики, Индія, Китай... а въ этомъ мглистомъ морѣ—Аравія. Какая загадочная, и донынѣ невѣдомая намъ, ветхозавѣтная страна—эти пустыни, до шлака сожженныя ветхозавѣтнымъ Богомъ! Что тамъ, въ гористой, вѣчно мглѣющей миражами глубинѣ ея?

Окраины мы знаемъ: жара, грязь и вѣчная холера въ портахъ; дальше—пески и камни; гдѣ-нибудь на голой волнистой равнинѣ ихъ—страшный въ своей доисторической неуклюжести верблюдъ, стоящій всегда одиноко, безпріютно, далеко отъ той чахлой пальмы и грязнаго колодца, возлѣ котораго—большой жаркій шатеръ изъ чернаго войлока, слабо синѣющій на солнцѣ дымокъ костра, свирѣпая собака, полусонная отъ зноя старуха, полуголыя дѣти въ паршахъ, котелокъ, измазанный тѣстомъ дурры, невѣсть откуда занесенная керосиновая жестянка съ теплой водой... А тамъ—опять то бархатные, то осыпанные мелкимъ, острымъ камнемъ пески. Тамъ начинаются тѣ заповѣдные, вѣчно засыпаемые пескомъ пути изъ Сиріи, Персіи и Средней Азіи къ Меккѣ, Ятрибу, что издревле отмѣчаютъ своими костями святые хаджи, гибнущіе, во имя Господа, отъ жажды, урагановъ, зноя и, ужъ конечно,

холеры, чумы—„Раны отъ Копья“, какъ называютъ ее арабы. Вотъ за такими-то караванами и слѣдуютъ они, эти стервятники.

Ихъ зловѣщая близость чувствовалась всю ночь. Я выходилъ на палубу: горизонты мглисты, луна туманно-розова, ночь суха, горяча—точно и не въ морѣ. Высоко, возлѣ клотика фока—два темныхъ комка... Гдѣ они вывелись, гдѣ скитались? Сколько разъ отбивались отъ смерти, отъ такихъ же хищниковъ, какъ и они сами, сколько разъ рвали падаль, трупы и погибали отъ хамсина? „Господь есть Богъ ревнитель и мститель“—такъ и донынѣ вѣруетъ пламенная страна ихъ.—„Передъ лицомъ Его идетъ язва, а по стопамъ Его—жгучій вѣтеръ...“ И жгучій вѣтеръ, съ пескомъ, дулъ въ каюту всю ночь...

За Джебель-Таиромъ море чисто до самаго Дедолоса, нынче можно было бы вздохнуть свободно, тѣмъ болѣе, что хамсинъ пронесся и опредѣлились мы какъ нельзя лучше. Но еще вчера оказалось, что насъ сноситъ, и отъ этого кажется, что идемъ мы страшно медленно. „У, матери твоей чортъ!“ — злобно сказалъ нынче утромъ боцманъ, проходя мимо фока. И, сложивъ ковшикомъ руки, захлопалъ, дико гукнулъ вверхъ и затопалъ сапогами. Ястребъ и не шевельнулся. Одного уже убили, но этотъ сидитъ крѣпко.

Всталъ я нынче рано. Въ шесть утра надъ каютами начинается бѣготня матросовъ, топотъ босыхъ ногъ и шумъ воды, пущенной изъ шланговъ по палубамъ. Обычно слышишь все это одно мгновеніе, затѣмъ перевертываешься и засыпаешь еще крѣпче. Но нынче я очнулся сразу. Какъ всегда, ослѣпительный свѣтъ тропическаго солнца билъ въ люминаторъ, до головокруженія душно было въ каютѣ — и такъ отраденъ этотъ свѣжій шумъ! Сбѣжавъ внизъ, къ ваннѣ, я разъ десять окунулся въ холодную воду. Утренній сквозякъ въ тѣни, мраморный полъ, мраморная ванна и хрустальная качающаяся масса, — это, поистинѣ, наслажденіе. Самому пріятно чувствовать холодокъ своей руки, которой пожимаешь сухую, горячую руку того, кого смѣняешь, входя на мостикъ. Тамъ уже пекло. Я взялъ самый сильный бинокль и навелъ его на птицъ. Великолѣпны эти аравитяне! Сквозь стекла еще прозрачнѣе кажется прозрачный, сіяющій среди яснаго неба воздухъ. Четко, крупно видны блестящій на солнцѣ бокъ мачты, витой стень-штагъ и ястреба, въ огромномъ пространствѣ висящіе на немъ: ихъ желтоватое жесткое оперенiе, круглыя совиныя головы, покрытыя рѣдкимъ младенческимъ пухомъ, прищуренные кошачьи глаза, короткіе,

крѣпко загнутые клювы и лимонныя лапы. Оба ястреба очень велики и очень худы. И это особенно замѣтно тогда, когда какой-нибудь изъ нихъ затрепыхается, взъерошивая перья, и совершенно особымъ движеніемъ, движеніемъ стервятника, судорожно, вжимая въ себя голову, подниметъ концы поломанныхъ крыльевъ, задвигаетъ ими, весь вытянется впередъ, вцѣпившись въ канатъ, и плевкомъ пуститъ на палубу известковый пометъ.

Фельдшеръ, который, неизвѣстно зачѣмъ, всегда беретъ въ плаваніе ружье, все утро чистилъ, промывалъ его. Затѣмъ началась ожесточенная пальба. Всѣ окружили этого нескладнаго рыжаго человѣка, неумѣло наводившаго на птицъ мушку. Солнце жгло спины, у всѣхъ ломило шеи и слезились глаза, изъ-подъ бѣлыхъ шлемовъ струился по краснымъ лицамъ потъ. Всякому казалось, что, стрѣляй онъ, не было бы этого безплоднаго треска. Вдругъ одинъ ястребъ подпрыгнулъ и комомъ, безпомощно раскинувъ бѣлыя съ исподу крылья, полетѣлъ съ высоты наискось. Мелькнувъ своей желтизной, своими изломанными перьями въ густо-синей, плавной и тяжелой, какъ масло, волнѣ, онъ исчезъ подъ бортомъ. Другой испустилъ короткій, жалкій и злобный крикъ, взмахнулъ крыльями и опять, еще туже сжавшись, замеръ. Пули съ визгомъ летѣли мимо него—онъ только втягивалъ въ себя голову. Куда же ему было дѣваться! Ему оставалось одно — ждать, пока выйдутъ всѣ пули. И наконецъ онѣ вышли. Онъ уцѣлѣлъ, но надолго ли? Этого онъ не зналъ. А сидѣть ему все-таки было надо. Въ морѣ, кольцомъ окружавшемъ его, не было ни единаго камня.

Я опять взялся за бинокль. Ястребъ во всѣ глаза глядѣлъ на меня. Золъ онъ, должно-быть, невѣроятно, голоденъ такъ, какъ можетъ быть только стервятникъ! Вѣчная брань со всѣмъ живущимъ, вѣчная мука голода и вѣчное выслѣживаніе жертвъ или падали... Жестокъ и къ нему Богъ, предъ лицомъ Коего идетъ смерть, язва, — Богъ, опредѣлившій ему быть вѣстникомъ чернаго Копья Своего!

И цѣлый день не выходила у меня изъ головы мысль о крысѣ, которая, можетъ-быть, уже сѣетъ смерть, чумѣя въ темнотѣ нашихъ трюмовъ.

Этотъ желтый флагъ смерти, подъ которымъ мы теперь плывемъ, твердо напоминаетъ: будь всегда готовъ къ ней,— она и надъ тобой, и впереди, и вокругъ, вотъ за этой водою, на жаркихъ песчаныхъ берегахъ, среди той нищеты и грязи, которой живетъ почти все человѣчество: Копье Господне вѣчно поднято!

Матросы, тѣ подтягиваются при вѣсти о малѣйшей опасности. И на „Китаѣ“ за послѣднее время чистота необыкновенная. Очень рано стали мы готовиться къ одесскому порту въ этотъ рейсъ—чиститься, краситься. И какъ охотно работали матросы! Въ Аденскомъ заливѣ нѣсколько дней не смолкалъ на „Китаѣ“ ладный, дробный стукъ молотковъ: съ палубъ, съ мачтъ, съ бортовъ, съ трубъ обивали старую, потрескавшуюся краску, а на ея мѣсто клали свѣжую, блестящую, спиртуозно пахучую. И теперь нельзя было насмотрѣться на густую синеву за бортами, великолѣпно подчеркнутую яркой киноварью, которой выкрасили нашу желѣзную палубу, и золотой охрой трубъ. Въ небѣ, знойномъ и свѣтоносномъ, весь день не было ни единаго облачка, ровно тянулъ навстрѣчу легкій бризъ, ровная спокойная синева на сотни миль разстилалась вокругъ. На бакѣ—жизнь простая, всегда ко всему готовая: изъ подвахтенныхъ иные крѣпко спятъ на самомъ припекѣ, иные, въ тѣни, у входа въ кубрикъ, болтаютъ, курятъ... На носу, разноцвѣтными пятнами выдѣляясь на синевѣ моря, сохнетъ развѣшенное на веревкахъ матросское бѣлье. На ютѣ, какъ всегда, сладко щебечутъ, живутъ еще болѣе легкой жизнью тѣ канарейки и тѣ розовые тупички, которыхъ веземъ мы изъ тропиковъ на сѣверъ... И только тамъ, возлѣ клотика фока, на блестящей въ воздухѣ струнѣ, въ упоръ освѣщенный опускающимся солнцемъ, зловѣще желтѣетъ врагъ всяческой жизни...

Францъ, больной съ похмелья, лѣниво таскалъ свои разбитыя ноги по палубѣ, яростно тряся колокольчикомъ.

— Memento mori!—сказалъ командиръ, когда мы сошлись на этотъ призывъ въ каютъ-компанію, къ обѣденному столу, и кивнулъ на люминаторъ, въ который былъ виденъ фокъ:—Сидитъ, будь онъ проклятъ!

За обѣдомъ много пили. Солнце закатилось, и была уже ночь, разгорался лунный свѣтъ вокругъ каютъ-компаніи, освѣщенной электричествомъ. Шелъ оживленный разговоръ—какъ всегда толковали объ окладахъ, о начальствѣ, кляли свою службу, тѣшили себя мечтами найти береговую. Но каютъ-компаніи вѣялъ бризъ. Но онъ былъ слишкомъ теплъ, тѣло изнемогало отъ пота. Даже свѣтъ электричества казался знойнымъ.

— На два румба справа встрѣча,—доложилъ вѣстовой съ порога.

Встрѣчи—наша единственная радость, и всѣ встали, пошли на палубу. Давно ждемъ „Меркурія“—не онъ ли? Но нѣтъ: слишкомъ низко и далеко другъ отъ друга висѣли за темной зыбкой равниной, уходящей къ востоку, къ Аравіи, два да-

лекихъ топовыхъ огня... И, швыряя окурки, красными полосками мелькавшіе за бортомъ, глядя на фокъ, на гладкій стволъ его, прорѣзавшій звѣздное небо, и на безсонную птицу, висящую на штангѣ, мы разбрелись по палубѣ...

Ночь, опять ночь. Идешь — бризъ мягко дуетъ въ спину, тѣло подъ легкой одеждой наслаждается имъ. Изъ трубы клубится темный валъ дыма, луна, какъ зеркало, мелькаетъ въ немъ, по палубѣ бѣжитъ, волнуется широкая тѣнь его, подъ ногами хруститъ угольная пыль. Обдаетъ тепломъ, запахомъ разогрѣтаго машиннаго масла и стали, дальше—опять ласковымъ вѣтромъ и чѣмъ-то раздражающимъ, приторнымъ: это густо, пряно, какъ все въ тропикахъ, пахнетъ изъ трюмовъ копра, кокосовые очески; этотъ запахъ вѣчно будетъ томить, напоминать пахучія гавани, теплую зеленоватую воду, первобытные челноки голыхъ шоколадныхъ людей, густыя чащи высокихъ тонкихъ пальмъ, склоненныхъ съ береговъ, благовонныя кумирни въ вѣчно-цвѣтущихъ лѣсахъ... Волна за волной несется мимо борта, обгоняя тебя. Минуешь двери освѣщенныхъ каютъ за машиной,—фельдшеръ и поваръ сидятъ возлѣ нихъ и вторятъ другъ другу на звенящихъ мандолинахъ, — проходишь на корму и останавливаешься у штурвала, надъ кипящей водой...

Однообразно шумитъ она, выбиваемая винтомъ изъ-подъ кормы, вырывается изъ-подъ нея тугими клубами, снѣжнымъ фосфоромъ, и убѣгаетъ въ океанъ блѣдно-бѣлѣющей прямой дорогой. Равнина моря къ востоку тяжела, темно-лилова, въ небосклонѣ надъ нею—бѣлыя звѣзды широко и низко раскинутой Большой Медвѣдицы, родной съ дѣтства. Слѣва, подъ луною—безконечная сіяющая гладь, осыпанная несмѣтными серебряными иглами. Какъ высока эта теплая, тропическая луна, какъ легки и свѣтлы горизонты! Драгоцѣнными самоцвѣтами играютъ надъ горизонтомъ юго-западнымъ, особенно легкимъ и свѣтлымъ, Канопусъ и Сиріусъ. Ниже, въ прозрачномъ и пустомъ небосклонѣ, стоятъ четыре алмаза слегка склоненнаго Южнаго Креста, каждую ночь выходящаго изъ нѣдръ тѣхъ невѣдомыхъ южныхъ водъ, которымъ нѣтъ предѣла до самаго полюса...

Вотъ съ бака раздается два короткихъ удара въ колоколъ—восьмичасовая склянка. Въ нихъ—поэзія старой морской жизни, безграничныхъ водныхъ пространствъ, ночи за тысячи миль отъ земли. Они быстро тонутъ въ великой тишинѣ моря и неба, послѣ нихъ воцаряется еще болѣе глубокое молчаніе, вода шумитъ еще однообразнѣе, въ сердцѣ остается непонятная грусть...

Вотъ опять среди темной равнины къ востоку — медленно идущіе огни встрѣчнаго парохода. Мелькаетъ и гаснетъ, мелькаетъ, мелькаетъ и гаснетъ огонекъ на его спардэкѣ: беззвучно, этими слабыми и бѣдными знаками, которыми даетъ вѣсть крохотная человѣческая жизнь другой такой же, окруженной морями, пустынями, безвѣстностью, смертью, ведемъ мы нашу морскую бесѣду, — съ тревогой и надеждой спрашиваемъ о той точкѣ земного шара, которая намъ, скитающимся по всему свѣту, единственно дорога и нужна...

На вахтѣ третій помощникъ, онъ и сигнализируетъ. Человѣкъ онъ недалекій, тропики умѣетъ сравнивать только съ баней, всѣхъ цвѣтныхъ называетъ эѳіопами, на стѣнахъ его каюты—копеечные японскіе вѣера, открытки, подчасникъ турецкой туфелькой, на столѣ—карточка жалкой и некрасивой мѣщанки... Но да сохранитъ Богъ-Ревнитель и его счастье!

Капри II. 1913.

СМЕРТЬ.

Во имя Бога милостиваго, милосердаго.

Вотъ разсказъ о смерти пророка, — миръ ему! — дабы утвердились сомнѣвающіеся въ необходимости покориться Вожатому.

„Мы не видѣли и не видимъ Его“, — говорятъ они. Но солнце не виновато, что глазамъ летучей мыши не дано зрѣнія. Сердце человѣка ищетъ вѣры и защиты. Кто же прибѣгаетъ къ защитѣ совы? Лучше мечтать о сѣни феникса, хотя бы феникса и не существовалъ въ мірѣ. Сѣнь же Творца существуетъ отъ вѣка.

Черноухъ слѣдуетъ за львомъ: левъ знаетъ, гдѣ добыча, а черноухъ питается остатками его трапезы. Такъ шли евреи за пророкомъ изъ Египта. По милости Божіей, онъ совершилъ подвигъ.

Онъ испыталъ сладость сна, пробужденія и ласки въ дѣтствѣ. Царская дочь качала его на своихъ темныхъ и круглыхъ рукахъ, гладкихъ, какъ змѣя, но теплыхъ, какъ плодъ на солнцѣ. Она радостно и пристально смотрѣла на него черными глазами, сіявшими надъ нимъ, и порывисто цѣловала, прижимая къ холоднымъ грудямъ; она притворно душила его, какъ дѣлаютъ это всѣ дѣвушки. Вспоминая подобное, не одинъ восклицаетъ въ сердцѣ: „Зачѣмъ не юношей былъ я тогда!“ Но всему свое время.

Фараонъ далъ ему перстень власти и одежды царедворца. Когда утренняя свѣжесть смѣняется тепломъ солнца, когда на базарѣ поливаютъ укропъ, чтобы привлечь обоняніе покупателя, когда пахнетъ кизякомъ изъ трубъ и туманомъ съ большой рѣки, по которой медленно, въ пару, идутъ высокіе бѣлые паруса, а рѣдкобородый буйволъ, сизый и шершавый, какъ свинья, тупо глядитъ на пихъ, поднимаясь изъ при-

брежнаго ила,—пророкъ, чувствуя силы и бодрость, ѣхалъ въ колесницѣ надзирать за полевыми работами и могъ по головѣ стегать бичомъ лѣнивыхъ, кричать на нихъ до красноты лица, чтобы сладко, въ сознаніи исполненнаго долга, отдохнуть потомъ въ легкой тѣни пальмъ, на сухой плотинѣ между каналами.

Возмужавъ, онъ провелъ десять лѣтъ въ супружествѣ. Онъ спалъ съ женщиной богатой и дородной, онъ наслаждался ею ночью, а днемъ—своими распоряженіями и заботами, питьемъ и пищей, легкостью тѣла, любившаго и сухой жаръ внутри двора, на горячихъ каменныхъ плитахъ, и прохладное вѣяніе вѣтра по дому, приходившаго съ рѣки и отъ цвѣтущихъ садовъ острова. Онъ гордился дѣтьми, домомъ своимъ и почетомъ людей. И былъ счастливъ, какъ многіе. Но незримая рука натягивала лукъ его жизни; она пробовала тетиву и древко, готовясь пускать стрѣлы истины. И еще десять лѣтъ провелъ онъ въ работѣ ума и сердца, въ молчаливомъ постиженіи мудрости Египта, ибо стѣнѣ предшествуетъ основаніе, а рѣчи—мысль. И сказалъ о жрецахъ: „Глупцы! Рабамъ, страдающимъ отъ зноя, простительно воздѣвать руки къ солнцу и призывать его, какъ Бога. Но солнце—не Богъ. Бога никто не можетъ видѣть. Онъ непостижимъ. Его можно только чувствовать. Онъ одинъ. У Него нѣтъ дѣтей“. И тогда фараономъ овладѣла ярость, какъ дикимъ осломъ, гуромъ. „Кто смѣетъ жить и вѣрить безъ моего соизволенія? — воскликнулъ онъ. — У него нѣтъ драгоцѣнныхъ колецъ на пальцахъ, нѣтъ ожерелья на шеѣ. Онъ мой рабъ. Вотъ я воздвигну гоненіе на него и на весь народъ его. Я блесну, какъ молнія, я оглушу, какъ громъ“. Пророкъ же напрягъ силы, какъ человѣкъ, стоящій передъ крутымъ подъемомъ въ гору, и пошелъ своимъ путемъ безъ страха и увѣренно.

Мускусъ растираютъ, алоэ кладутъ на огонь, чтобы дали они запахъ. Водолазъ не сорвалъ бы ни единой жемчужной раковины, если бы боялся задерживать дыханіе, бросаясь въ море. И когда настало время поднять самый тяжкій камень для зданія, вскинуть его на колѣно, перехватить покрѣпче и нести, пророкъ вскинулъ его до боли въ паху. И сорокъ лѣтъ несъ въ пустынѣ, напряженный, изнемогающій и радостный сознаніемъ, что творитъ волю Бога, а не фараона. И, донеся куда нужно, куда указано Строителемъ, кинулъ камень ладно и плотно, и выпрямился, и отеръ потъ съ лица—рукой дрожащей, ослабѣвшей и ноющей до самаго плеча.

И настало время умереть ему.

Онъ позналъ истиннаго Бога. Онъ убѣдился, что безумно изображать Его въ видѣ идоловъ изъ камня, глины и металла. Богъ возложилъ на него подвигъ освобожденія еврейскаго народа отъ рабства и соблазна идолопоклонства: и онъ порвалъ шелковыя сѣти міра, возсталъ и одолѣлъ въ борьбѣ. Богъ послалъ ему испытаніе: сорокъ лѣтъ быть вождемъ строптивыхъ и слабыхъ, предводительствовать и поучать въ голодной и знойной пустынѣ. И сорокъ лѣтъ былъ онъ властенъ, какъ царь, неутомимъ, какъ поденщикъ, обремененный дѣтьми, нищъ, какъ пастухъ, крѣпокъ и высокъ, какъ борецъ, силенъ и рыжъ, какъ левъ. Его тѣло, лишь по чресламъ препоясанное звѣриной шкурой, стало черным отъ солнца и вѣтра, а ступни грубы и мозолисты, какъ у верблюда. Въ старости онъ сталъ страшенъ для людей, и никто изъ нихъ не думалъ, что онъ смертенъ. Но часъ его приблизился.

Вы, слушающіе! Въ Книгѣ написано: „Всѣ зачаты въ лонѣ истины,—это родители дѣлаютъ изъ дѣтей евреевъ, христіанъ, огнепоклонниковъ". Мудрый же, какъ слѣпой: онъ ощупываетъ каждый камень на пути, выбирая путь правый, онъ поднимаетъ лицо кверху, тянется къ единому источнику свѣта и тепла. Онъ думаетъ о жизни и о смерти, умеряя страхъ свой передъ нею. И было немало тѣхъ, что̀ приняли чашу неизбѣжнаго спокойно; были и тѣ, что̀ говорили: она сладостна такъ же, какъ чаша жизни. Только глупецъ тянется къ чашѣ смерти при жизни. Видъ его противенъ. Но и тотъ глупецъ, кто не думаетъ о неизбѣжномъ, кто забываетъ, что у всѣхъ смертныхъ долженъ быть единый Возлюбленный, обладающій благостью и требующій покорности. Вы, слушающіе! Слушайте внимательно, какъ всегда долженъ слушать человѣкъ человѣка, и, слушая, думайте. Ибо мы говоримъ, мѣшая чужія хорошія слова со своими порядочными, о томъ, что̀ не чуждо ни единому изъ насъ, а цѣль наша — утѣшеніе.

Въ Книгѣ написано: „Мы къ человѣку ближе, чѣмъ его сонная артерія". Богъ милосердъ. Онъ знаетъ, что̀ хорошо и что̀ дурно для насъ. Онъ сотворилъ насъ смертными, мы же думаемъ противиться смерти. Напрасный трудъ! Слышали ли вы, чего стоило Искандеру Двурогому достигнуть Страны Мрака? Все же не ему удалось испить воды вѣчной жизни, о которой ему говорили: она въ Странѣ Мрака. Ангелъ вѣтровъ не заботится о томъ, что отъ крыл его погаснетъ свѣтильникъ бѣдной вдовы. Гонецъ смерти не внемлетъ ни мольбѣ пастуха ни воплю владыки. Погоди: земля выѣстъ мозгъ изъ

нашихъ череповъ, полныхъ замысловъ. Смерть не монголъ, и ты не Атабекъ-Абубекръ: отъ нея не откупишься золотомъ. Ищите же утѣшенія.

Пророкъ воспротивился волѣ Бога въ пустынѣ; и за ослушаніе былъ наказанъ тяжко: Богъ запретилъ ему войти въ землю обѣтованную. Пророкъ возмутился духомъ, когда вспомнилъ, что онъ смертенъ, и что смерть уже близка къ нему, ибо онъ былъ старъ. Онъ сказалъ: „Я вступлю въ единоборство съ нею“. Въ полдень, проходя по еврейскому стану въ горахъ Моава, онъ не увидѣлъ на бѣлыхъ камняхъ возлѣ себя своей тѣни. И затрепеталъ отъ страха, и помутилось въ головѣ его, какъ у человѣка, сраженнаго лихорадкой. Тогда пошелъ онъ къ шатру своему той поступью, какой идетъ раненый звѣрь на противника. И препоясался мечомъ и приказалъ подать пищи. И ѣлъ много и жадно, до пресыщенія. И почувствовалъ боли и тошноту, какъ бы отъ яда, какъ бы отъ плода съ адскаго древа Заккума, и позеленѣлъ въ лицѣ, покрылся потомъ, какъ рождающая женщина, и легъ на землю, крича дико: „Вотъ я умираю, обнажите мечи и встаньте на защиту мою!“. Такъ кричалъ онъ первый день. На второй боли усилились, и онъ сталъ молить, злобствуя и стеная: „Позовите врача ко мнѣ!“. Когда же врачъ обнаружилъ свое безсиліе, и насталъ третій день, пророкъ сказалъ тихо: „О, пожалѣйте меня! Смерть непобѣдима!“. И ослабѣлъ и впалъ въ сонъ, и спалъ весь день, и боли отступили отъ него. И, очнувшись, увидалъ, что уже ночь, и онъ одинъ, и опять ощутилъ сладость жизни и печаль разлуки. Тогда вошли къ нему два темныхъ ангела, чтобы утѣшить и приготовить его.

Одинъ сѣлъ въ возглавіи, другой — въ ногахъ пророка. „Говори!“—сказали они. Но онъ молчалъ и не отвѣтилъ имъ, думая. Онъ глядѣлъ въ ночь, за приподнятую полу шатра, въ страхѣ чувствуя ихъ присутствіе, ибо еще не вошла во всѣ жилы его истина. И было такъ тихо въ шатрѣ и въ пустынѣ, что всѣ трое слышали шорохъ горячаго вѣтра, пробѣгавшаго въ темнотѣ мимо. Звѣзды же горѣли сумрачно, какъ во всѣ жаркія ночи.

„Богъ милосердъ къ Своимъ созданіямъ“,—сказалъ ангелъ, сидящій въ головахъ пророка.

„Но вотъ человѣкъ страдающій: онъ умиралъ и умираетъ“,—сказалъ ангелъ, сидящій въ ногахъ его.

Они хотѣли испытать пророка, но онъ понялъ это. И отвѣтилъ, думая:

„Это была не смерть, а болѣзнь, наказаніе. Не лучше ли

такъ думать? Ибо испытавшій смерть не можетъ говорить о ней. Мы не знаемъ ея".

„Солнце—источникъ жизни",—сказалъ ангелъ, сидящій въ возглавіи.

„Но оно же и смертельно, какъ рогатая гадюка",—сказалъ ангелъ, сидящій напротивъ.

Они хотѣли испытать его, но онъ понялъ это. И отвѣтилъ, думая:

„Мы не знаемъ цѣли Бога. А Онъ благъ, и цѣль Его — благая. Не лучше ли такъ думать? Каждое мгновеніе свое долженъ человѣкъ посвящать жизни, помня о смерти лишь затѣмъ, дабы взвѣшивать дѣла свои на вѣсахъ ея и безъ страха встрѣтить часъ неизбѣжный. Какъ бы зналъ торгующій, что онъ честенъ съ покупателемъ, что онъ даетъ ему должное, если бы не было вѣсовъ? Какъ бы провелъ свой день человѣкъ, если бы сердца его не покидало возмущеніе, что зайдетъ въ свой часъ солнце,—если бы овладѣло имъ желаніе не допустить этого? Былъ бы онъ безуменъ и безплоденъ".

„Сонъ мертвыхъ сладокъ", — сказалъ ангелъ, сидящій въ возглавіи пророка.

„Но вотъ умеръ въ станѣ еврейскомъ человѣкъ счастливый, молодой, любимый,—сказалъ ангелъ, сидящій въ ногахъ его.—Ты послушай: вотъ шорохъ горячаго вѣтра, пробѣгающаго въ темнотѣ мимо, звѣзды горятъ сумрачно, и гіены плачутъ и скулятъ отъ злого счастья, торопливо разрывая могилу, принюхиваясь къ зловонію и предвкушая пожираніе внутренностей. Скорбь же близкихъ умершаго страшнѣй самой могилы".

Они хотѣли испытать пророка и ранили сердце его. Но, думая, онъ сказалъ имъ:

„Я вспоминаю каждое мгновеніе моей жизни: сладкаго дѣтства, радостной молодости, трудового мужества—и оплакиваю ихъ. Вы говорите о могилѣ, — и руки мои холодѣютъ отъ страха. Прошу васъ: не утѣшайте меня, ибо утѣшеніе лишаетъ мужества. Прошу васъ: не напоминайте мнѣ о тѣлѣ, ибо оно сгніетъ. Не лучше ли иначе думать? И стоянку, долину, защищенную отъ вѣтровъ, гдѣ провелъ человѣкъ хотя бы одинъ день, покидаетъ онъ съ сожалѣніемъ; но онъ долженъ итти, если итти необходимо. Говоря со страхомъ о могилѣ, не говоримъ ли мы словами древнихъ, знавшихъ тѣло и не знавшихъ Бога и безсмертія душъ? Страшно величіе дѣлъ Божіихъ. Не принимаемъ ли мы этотъ страхъ за страхъ смерти? Чаще говорите себѣ: часъ ея не такъ страшенъ,

какъ мы думаемъ. Иначе не могъ бы существовать ни міръ ни человѣкъ“

„Онъ мудръ“,—сказалъ ангелъ, сидящій въ возглавіи.

„Онъ былъ строптивъ и дерзокъ,—сказалъ ангелъ, сидящій напротивъ.—Онъ мечталъ бороться съ Богомъ и вотъ снова будетъ наказанъ: ни единый смертный не укажетъ могилы его въ горахъ Моава. И тѣмъ уменьшится слава его“.

Они хотѣли испытать пророка, но онъ понялъ ихъ и отвѣтилъ имъ твердо:

„Благостна слава достойныхъ славы для не славныхъ: она возвышаетъ и укрѣпляетъ ихъ духъ. Но должно быть уменьшено то, что̀ заслужило уменьшенія. Ибо и самого̀ славнаго радуетъ только истинная мѣра славы“.

Тогда ангелы, пораженные мудростью пророка, воскликнули, вставая съ мѣстъ:

„Воистину самъ Богъ утѣшитъ тебя! Мы же поклоняемся тебѣ“.

Они были темны и стояли въ темномъ шатрѣ. Но глаза ихъ сіяли, и пророкъ видѣлъ звѣздное сіяніе ихъ глазъ. Они отошли въ ночь, какъ тѣни, чуть склонясь при выходѣ изъ шатра. Пророкъ же остался одинъ среди ночи и пустыни, лежа на землѣ. И когда взошло солнце изъ-за каменистыхъ горъ, и стало свѣтло и жарко въ шатрѣ, чувствуя великую жажду отдыха въ прохладѣ, пророкъ оставилъ свое ложе и пошелъ въ долину среди горъ, ища тѣни. Но и въ долинѣ уже не было ея. Въ нѣдрахъ же одной горы была пещера. И вотъ два невольника острыми кирками осѣкаютъ входъ въ пещеру. Камни у входа были бѣлы, какъ снѣгъ горный, и горячи отъ солнца. И черные волосы мѣдноликихъ невольниковъ и повязки вокругъ чреслъ ихъ были мокры отъ пота. Но два свѣжихъ плода, два яблока лежало на камнѣ возлѣ пещеры, а въ пещерѣ были мракъ и прохлада. И сказали работавшіе, опуская кирки:

„Привѣтствуемъ тебя, господинъ и вождь, во имя Бога милостиваго, милосердаго. Вотъ мы кончили свой трудъ“.

И пророкъ спросилъ ихъ:

„Кто вы и что̀ вы дѣлали?“

Они же отвѣтили ему:

„Мы готовили для царя кладохранительницу. Войди, взгляни и отдохни отъ пути и зноя. Уста свои освѣжи плодами и скажи намъ: какой слаще и спѣлѣе изъ нихъ?“

И, войдя въ пещеру, пророкъ сѣлъ на каменное ложе у стѣны ея и почувствовалъ тѣнь и прохладу. И, откусивъ перваго плода, сказалъ:

„Воистину это сама жизнь: я пью ключевую воду, я обоняю благоуханіе полевыхъ цвѣтовъ и чувствую вкусъ осинаго меда. Я бодръ и силенъ“.

И, откусивъ второго, воскликнулъ:

„Воистину это ни съ чѣмъ несравнимо: я пью вина райскія, запечатанныя печатью изъ мускуса, смѣшанныя съ водой Таснима, источника, утоляющаго жажду тѣхъ, что̀ приближаются къ Вѣчному. Я обоняю ароматъ Аль-Джинната, Сада небеснаго, и чувствую вкусъ меда изъ цвѣтовъ его: въ этомъ медѣ нѣтъ горечи. И вотъ сонъ блаженный туманитъ мнѣ голову. Не будите меня, невольники, доколѣ не исполнится мой срокъ“.

И невольники,—это были ангелы, невольники Божіи,—стали тихо продолжать затихающую рѣчь его:

„Доколѣ,—сказалъ первый, читая суру о Великой Вѣсти:—доколѣ солнце не будетъ согнуто, не падутъ съ неба звѣзды, не сдвинутся съ мѣста горы, не будутъ покинуты верблюдицы, не соберутся въ стаи дикіе звѣри, не закипятъ моря...“

„Я Синъ,—сказалъ второй, читая суру Отходную.—Слава царствующему надо всѣмъ міромъ! Вы всѣ возвратитесь къ Нему...“

И, слушая ихъ шопотъ, но не слыша ихъ словъ, пророкъ возлегъ на ложе и опочилъ сномъ смерти, не вѣдая того. И ангелы закрыли входъ въ могильную пещеру и отошли къ Господину, посылавшему ихъ. И приложился пророкъ къ народу своему, насыщенный днями и не замѣтивъ конца своихъ дней. Никто, даже и донынѣ, не созерцалъ его могилы въ горахъ Моава. Но мудрость его запечатлѣна въ памяти всѣхъ народовъ и записана на небесахъ въ книгѣ вѣчной—Гилльюнъ.

Шейхъ Саади,—да будетъ благословенно его имя!—шейхъ Саади,—много его жемчужинъ нанизали мы рядомъ со своими на нитку хорошаго слога!—разсказалъ намъ о человѣкѣ, испытавшемъ сладость приближенія къ Возлюбленному. Человѣкъ этотъ былъ погруженъ въ созерцаніе; когда же очнулся онъ, спросили его съ ласковой усмѣшкой: „Гдѣ же цвѣты изъ сада мечты твоей?“ И человѣкъ отвѣтилъ: „Я хотѣлъ набрать для друзей моихъ цѣлую полу розъ; но, когда я приблизился къ розовому кусту, такъ опьянилъ меня ароматъ его, что я выпустилъ ее изъ рукъ“.

Кто можетъ, тотъ свяжетъ разсказъ поэта съ нашимъ.

Миръ и радость всѣмъ живущимъ!

Капри. XII. 1911.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

МУШКЕТЪ.

Видѣлъ сонъ Мушкетъ:
Видѣлъ онъ азовскія подолья,
На бурьянѣ, на татаркахъ — алый цвѣтъ,
А въ бурьянѣ—ржавыхъ копій колья.

Чортъ повилъ въ жгуты,
Засушилъ въ крови казачьи чубы.
Эхъ, Мушкетъ! А что же дѣлалъ ты?
Видишь ли оскаленные зубы?

Твой крестовый братъ
Въ Цареградѣ былъ посаженъ на-колъ.
Братъ зоветъ Мушкета въ Цареградъ —
И Мушкетъ проснулся и заплакалъ.

Всталъ, жену убилъ,
Сонныхъ зарубилъ своихъ малютокъ,
И пошелъ въ туретчину, и былъ
Въ Цареградѣ черезъ сорокъ сутокъ.

И турецкій ханъ
Отрубилъ ему башку сѣдую,
И швырнули ту башку въ лиманъ,
И плыла она, качаясь, въ даль морскую.

И глядѣла въ высь, —
Къ Господу глаза ея глядѣли.
И Господь отвѣтилъ: „Не журись,
Не тужи, Мушкетъ, — тебя отпѣли“.

4. IX. 1913.

ГРОБНИЦА.

Глубокая гробница изъ порфира.
Клоки парчи и два крутыхъ ребра.
Въ костяхъ руки—желѣзная сѣкира,
На черепѣ—вѣнецъ изъ серебра.

Надвинутъ онъ на черныя глазницы,
Сквозитъ на лбу, блестящемъ и пустомъ.
И тонко, сладко пахнетъ изъ гробницы
Истлѣвшимъ кипарисовымъ крестомъ.

10. VIII. 1912.

СТЕПЬ.

Синій воронъ отъ падали
Алый клювъ поднималъ и глядѣлъ.
А другіе косились и прядали,
А кустарникъ шумѣлъ, шелестѣлъ.

Синій воронъ пьетъ глазки до донушка,
Собираетъ по косточкамъ дань...
Сторона ли моя, ты сторонушка,
Вѣковая моя глухомань!

21. IX. 1913.

НЕВѢСТКА.

Свекровь-госпожа въ терему до полдёнъ заспалась:
Спи, рòдная, спи, я одна, молода, убралась!
Серьгу и кольцо я въ бору колдуну отдала,
Питье на меду да на сладкомъ корню развела.

И черенъ и смоленъ зеленый за теремомъ боръ.
Сынокъ твой воротится, сыщетъ подъ лавкой топоръ:
„Сынокъ, не буди меня: клонитъ старуху ко сну.
Сруби мнѣ два дерева—ель да рудую сосну“.
Инъ, ель на постель, а сосну?—„А ее на кровать:
На бархатѣ смольномъ въ гробу золотомъ почивать,
На хвоѣ примятой княгиню положите вы,
Съ болотною мятой округъ восковой головы“...

Ужъ какъ же я буду за церковью выть, голосить!
Ужъ какъ же я выйду на-ранѣ покосы косить!
Въ кораллъ, въ костенику я косы свои уберу,
Шальною и дикой завьюсь, замотаюсь въ бору!

20. VIII. 1913.

БѢЛЫЙ ОЛЕНЬ.

Ѣдетъ стрѣлокъ въ зеленые луга,
Въ тѣхъ ли лугахъ осока да куга,
Въ тѣхъ ли лугахъ все чемёръ да цвѣты,
Вешней водою низы налиты.
Бѣлый Олень, Золотые Рога!
Ты не топчи заливные луга.

Прянулъ Олень, увидавши стрѣлка,
Конь богатырскій шатнулся слегка.
Плеткой стрѣлокъ по Оленю стебнулъ,
Крѣпкой рукой самострѣлъ натянулъ.
Да опустилась на гриву рука:
Бѣлый Олень, погубилъ ты стрѣлка!

— Ты не стебай, не стрѣляй, молодецъ,
Примешь ты скоро завѣтный вѣнецъ.
Въ нѣкое время сгожусь я тебѣ,
Съ луга къ веселой приду я избѣ:
Тутъ и забавамъ стрѣлецкимъ конецъ —
Будешь ты дома сидѣть, молодецъ.

Стану, Олень, на дворѣ я съ утра,
Златомъ роговъ освѣчу полдвора,
Сладкимъ виномъ поѣзжанъ напою,
Всѣхъ особливѣй невѣсту твою:
Чтобъ не мочила слезами лица,
Чтобъ не боялась кольца и вѣнца.

1. VIII. 1912.

АЛИСАФІЯ.

На песокъ у моря синяго
Золотая верба клонится.

Алисафія за братьями
По песку морскому гонится.

— Что жъ вы, братья, меня кинули?
Гдѣ же это въ свѣтѣ видано?

— Покорись, сестра: ты батюшкой
За морского Змѣя выдана.

— Воротитесь, братья милые!
Хоть еще разъ попрощаемся!

— Не гонись, сестра: мы къ мачехѣ
Поспѣшаемъ, ворочаемся.

Золотая верба по-вѣтру
Во всѣ стороны клонилася.

На сырой песокъ у берега
Алисафія садилася.

Вотъ и солнце опускается
Въ огневую зыбь поморія.

Вотъ и видитъ Алисафія:
Бѣлый конь несетъ Егорія.

Онъ съ коня слѣзаетъ весело,
Отдаетъ ей поводъ съ плеткою:

— Дай уснуть мнѣ, Алисафія,
Подъ твоей защитой кроткою.

Легъ и спитъ, и дрогнетъ съ холоду
Алисафія покорная.

Тяжелѣетъ солнце рдяное,
Стала зыбь къ закату черная.

Закипѣла она пѣною,
Зашумѣла, закурчавилась:

— Встань, проснись, Егорій-батюшка!
Шуму на морѣ прибавилось.

Поднялась волна и на берегъ
Шибко мчитъ глаза змѣиные:

— Ой, проснись,—не медли, суженый,
Ни минуты ни единыя!

Онъ не слышитъ, спитъ, покоится.
И заплакала, закрылася

Алисафія — и тяжкая
По щекѣ слеза скатилася,

И упала на Егорія,
На лицо его, какъ олово,

И вскочилъ Егорій на ноги,
И срубилъ онъ Змѣю голову.

Золотая верба, звѣздами
Отягченная, склоняется.

Съ нареченнымъ Алисафія
Въ Божью церковь собирается.

2. VIII. 1912.

ПѢСНЯ.

Два голоса—матери и сына.

— Ночь мутна и не мѣсячна,
А дорога глуха...

— Трсвераго знахарю
Я отнесъ пѣтуха.

— Лѣсъ, дремучій, разбойничій,
Теменъ съ давнихъ временъ...

— Ножъ булатный за пазухой
Горячо наточенъ!

— Рѣки быстры и холодны,
Перевозчики спятъ...

— За рѣкой вѣтеръ высушитъ
Мой нехитрый нарядъ!

— А когда же мнѣ, дитятко,
Ко двору тебя ждать?

— Ужъ давай мы какъ слѣдуетъ
Попрощаемся, мать!

VII. 1912.

КОНЬ СВЯТОГОРА.

Въ чистомъ полѣ, у камня Алàтыря,
Будитъ конь Святогора-богàтыря.
Грудью палъ на колчанъ Святогоръ.
Воронъ по полю плаваетъ, каркая.
Свѣтъ-заря помутилася жаркая.
Мѣсяцъ всталъ на полночный дозоръ.

Ой, не спитъ Святогоръ,—притворяется!
Конь легонько копытомъ касается
До плеча въ золоченой рѣзьбѣ:
„Я ль не сытый пшеницею яровой?
Я ль не крытый попоною жаровой?
Мнѣ ль Ивана посить на себѣ?“

Въ чистомъ полѣ, у камня Алàтыря,
Свѣтитъ мѣсяцъ по шлему богàтыря:
Принялъ Божію смерть Святогоръ.
Конь вздыхаетъ, реветъ по-звѣриному.
Онъ служилъ господину единому!
А Иванъ распахнулъ бѣлъ-шатеръ:

Онъ ползетъ по росѣ, подкрадается,
Онъ татариномъ дикимъ гоняется,
Онъ за гриву хватаетъ коня.
Ночь за ночью идетъ, воронъ каркаетъ,
Вѣтромъ конь вкругъ Алатыря шаркаетъ,
Стременами пустыми звеня.
Анакапри. 8. III. 1913.

МАЧЕХА.

У меня, сироты, была мачеха злая.
Въ избу пустую ночью пришла я:

Въ темные лѣсы гнала меня мати
Жито сырое молоть, просѣвати.

Много смолода я—куры не пѣли,
Слышу—дверные крюки заскрипѣли,

Глянула—вижу желѣзные роги,
Черную Мати, косматыя ноги.

Брала меня Мати за правую руку,
Вела меня Мати къ вѣнцу да на муку,

За темные лѣсы, за синіе боры,
За быстрыя рѣки, за бѣлыя горы.

Ой, да я лѣсы прошла со свѣчами,
Въ плынь я плыла по рѣкамъ со слезами,

Въ трубы по бѣлымъ горамъ я трубила:
Слушайте, люди, кого я любила!
20. VIII. 1913.

ПРАЩУРЫ.

Голоса съ берега и съ корабля.

„Лицомъ къ туманной зыби хороните
На берегу песчаномъ мертвецовъ...“

— Плывемъ въ туманъ. Надъ мачтою, въ зенитѣ—
Туманный ликъ... Чей это слабый зовъ?

„Мы дышимъ ночью, моремъ и туманомъ,
Намъ хорошо въ его сыромъ пару...“

— А! На холмѣ, пустынномъ и песчаномъ,
Полночный вихрь проносится въ бору!

„Мы ль не любили зыбь и наши юмы?
Мы ль не крѣпили въ бурю паруса?“

— Въ туманъ холодный, медленный, угрюмый,
Скрывается песчаная коса.

24. VII. 1912.

СВѢТЛЯКЪ.

Лѣса, пески, сухой и теплый воздухъ,
Напѣвъ сверчковъ, таинственно-простой.
Надъ головою—небо въ блѣдныхъ звѣздахъ,
Подъ хвоей—сумракъ, мягкій и густой.

Вотъ и она, забытая, глухая,
Часовенка въ бору: издалека
Мерцаетъ въ ней, всю ночь не потухая,
Зеленая лампадка свѣтляка.

Когда-то озаряла намъ дорогу
Другая въ этой сумрачной глуши...
Но чья святѣй?—Равно угоденъ Богу
Свѣтъ и во тьмѣ немеркнущей души.

Подъ Себежемъ. 24. VIII. 1912.

ДѢДУШКА.

Дѣдушка ѣстъ грушу на лежанкѣ,
Деснами кусаетъ спѣлый плодъ.
Поднялъ плечъ костлявые останки
И втянулъ въ нихъ черепъ, какъ уродъ.

Глазки—что коринки, со звѣриной
Пустотой и грустью. Все забылъ.
Ужъ запасся гробовой холстиной,
Но къ ѣдѣ—какой-то лютый пылъ.

Чуетъ: отовсюду обступила,
Смотритъ на лежанку, на кровать
Ждущая, томительная Сила...
И спѣшитъ, спѣшитъ онъ—дожевать.

19. VIII. 1913.

НОЧНАЯ ЗМѢЯ.

Глаза козюли, медленно ползущей
Въ своей норѣ ночною сонной пущей,
Горятъ, какъ угли. Сумрачная мгла

Стоитъ въ кустахъ,—и вотъ она зажгла
Два ночника, что̀ зажигать дано ей
Лишь девять разъ, и подъ колючей хвоей
Влачитъ свой жгутъ такъ тихо, что сова,
Плывя за ней, слѣдитъ едва-едва
Шуршанье мховъ... А ночь темна въ іюлѣ,
А врагъ вездѣ—и страшенъ онъ козюлѣ
Въ ночномъ бору, гдѣ смолкъ обычный шумъ:
Она сосредоточила весь умъ,
Всю силу зла въ своемъ горящемъ взглядѣ,
И даже ихъ, ежей, идущихъ сзади,
Пугаетъ ядъ, когда она въ пути
Замедлитъ, чтобъ преграду обойти,
Головку приподыметъ, водитъ жаломъ
Надъ мухоморомъ, сморщеннымъ и алымъ,
Глядитъ на пни, торчащіе изъ ямъ,
И свѣтитъ полусоннымъ муравьямъ.

28. VII. 1912.

ВЕЛИКІЙ ЛОСЬ.

Ночь зимняя мутна и холодна.
Какъ мертвая, стоитъ ея луна.
Изъ радужнаго блѣднаго кольца
Глядитъ она на лыжи у крыльца,
На тѣнь мою, на молчаливый домъ
И на кустарникъ въ инеѣ густомъ.
Еще блеститъ оконное стекло,
Но волчьей мглой поля заволокло:
На сѣверѣ огни полночныхъ звѣздъ
Горятъ изъ мглы, какъ изъ пушистыхъ гнѣздъ.

Съ собакою самъ-другъ я при лунѣ.
Заиндивѣлъ тяжелый мѣхъ на мнѣ,
Глаза прозрачнымъ льдомъ окружены,
И вся душа—во власти тишины,
Предъ жуткимъ богомъ сѣверныхъ ночей,
У тайны тайнъ, истока всѣхъ ключей.
Снѣгъ межъ кустовъ, туманно-голубой,
Осыпанъ жесткой сѣрою крупой.
Таинственнымъ дыханіемъ гонимъ,
Туманъ плыветъ,—и я мѣшаюсь съ нимъ.

И меркнетъ тѣнь, и двинулась луна,
Въ свой блѣдный свѣтъ, какъ въ дымъ, погружена,

И кажется, вотъ-вотъ и я пойму
Незримое—идущее въ дыму
Отъ тѣхъ земель, отъ тѣхъ предвѣчныхъ странъ,
Гдѣ гробовой чернѣетъ океанъ,
Гдѣ, наступивъ на ледяную Ось,
Превыше звѣздъ возсталъ Великій Лось—
И отражаютъ блѣдные снѣга
Стоцвѣтные горящіе рога.

25. VII. 1912

НА БОЛЬШОЙ ДОРОГѢ.

Какъ дымъ пожара, туча шла.
Молчала старая дорога.
Такая тишина была,
Что въ ней былъ слышенъ голосъ Бога,
Великій, жуткій для земли
И внятный не земному слуху,
А только внемлющему духу.
Жгло солнце. Блеклыя, въ пыли,
Сѣрѣли травы. Степь роняла
Беззвучно зерна—рожь текла
Какъ бы крупинками стекла
Въ суглинокъ жаркій. Тонко, вяло,
Сѣдыя крылья распустивъ,
Птенцы грачей во ржи кричали,
Но въ духотѣ песчаныхъ нивъ
Терялся крикъ. И вырастали
На югѣ тучи. И листва
Ветлы, склоненной къ ихъ подножью,
Вся серебристой млѣла дрожью—
Въ грядущемъ страхѣ Божества.

10. VIII. 1912.

РИТМЪ

Часы, шипя, двѣнадцать разъ пробили
Въ сосѣдней залѣ, темной и пустой,—
Мгновенія, бѣгущія чредой
Къ безвѣстности, къ забвенію, къ могилѣ,

На краткій срокъ свой бѣгъ остановили
И вновь узоръ чеканятъ золотой:
Заворожентъ ритмической мечтой,
Вновь отдаюсь меня стремящей силѣ.

Раскрывъ глаза, гляжу на яркій свѣтъ —
И слышу сердца ровное біенье,
И этихъ строкъ размѣренное пѣнье,
И мыслимую музыку планетъ.

Все—ритмъ и бѣгъ. Безцѣльное стремленье!
Но страшенъ мигъ, когда стремленья нѣтъ.

9. VIII. 1912.

ЧИБИСЫ.

Заплакали чибисы, тонко и ярко
Весенняя свѣтится синь,
Обвяла дорога, гдѣ солнце—тамъ жарко,
Сѣрѣетъ и сохнетъ полынь.

На сѣрыхъ поляхъ—голубыя озера,
На пашняхъ—лиловая грязь.
И чибисы плачутъ—отъ свѣта, простора,
Отъ счастія—плакать, смѣясь.

13. IV. 1906.

КУПАЛЬЩИЦА.

Смугла, ланиты поблѣднѣли,
И потемнѣлъ лучистый взглядъ.
На молодомъ холодномъ тѣлѣ
Струится шелковый нарядъ.

Заливъ опаловою гладью
Въ дали сіяющей разлитъ.
И легкій вѣтеръ смольной прядью
Ея волосъ чуть шевелитъ.

И млѣетъ зеленно-голубое
Подобье горъ—далекій Крымъ.
И горяча тропа на зноѣ
По виноградникамъ сухимъ.

1906.

ХОЛОДНАЯ ВЕСНА.

Среди кривыхъ стволовъ, среди вѣтвей корявыхъ
Ползетъ молочный дымъ: окуриваютъ садъ
Всѣ яблони въ цвѣту—и вотъ, въ зеленыхъ травахъ,
Огни, какъ языки, краснѣютъ и дрожатъ.

Безцвѣтный западъ чистъ—жди къ полночи мороза.
И соловьи всю ночь поютъ изъ теплыхъ гнѣздъ
Въ дурманѣ голубомъ дымящаго навоза,
Въ серебряной пыли туманно-яркихъ звѣздъ.
2. VIII. 1912.

ЛѢТНЯЯ НОЧЬ.

— „Дай мнѣ звѣзду,—твердитъ ребенокъ сонный:—
Дай, мамочка...“—Она, обнявъ его,
Сидитъ съ нимъ на балконѣ, на ступенькахъ,
Ведущихъ въ садъ. А садъ, степной, глухой,
Идетъ, темнѣя, въ сумракъ лѣтней ночи,
По скату къ балкѣ. Въ небѣ, на востокѣ
Краснѣетъ одинокая звѣзда.

„Дай, мамочка...“ Она съ улыбкой нѣжной
Беретъ худое личико:—„Что, милый?“
— „Вонъ ту звѣзду...“—„А для чего? Играть?“
— „Какая же ты глупая! Конечно!“

Лепечутъ листья сада. Тонкимъ свистомъ
Сурки въ степи скликаются. Ребенокъ
Спитъ на колѣняхъ матери. И мать,
Обнявъ его, вздохнувъ счастливымъ вздохомъ,
Глядитъ большими грустными глазами
На тихую далекую звѣзду...

Прекрасна ты, душа людская! Небу,
Бездонному, спокойному, ночному,
Мерцанью звѣздъ подобна ты порой!
VIII. 1912.

НОЯБРЬСКАЯ НОЧЬ.

Туманъ прозрачный по полямъ
Идетъ навстрѣчу мнѣ,
Луны касаясь по краямъ,
Мелькая въ вышинѣ.
Въ поляхъ не мало бороздъ, ямъ,
Невидныхъ при лунѣ.

Что тамъ? Не рѣчки ль полоса?
Нѣтъ, это зелень.
Блеститъ холодная роса

На гривѣ у коня—
И дышатъ ладаномъ лѣса,
Раскрытые до пня.

Сбивался я и молодымъ,
Какъ сбился я теперь,
Да не пугалъ ни лунный дымъ
Ни часъ ночной, ни звѣрь.
Мнѣ ль привыкать къ полямъ пустымъ?
Къ тоскѣ разлукъ, потерь?

Но, видно, надо: не привыкъ.
Да и не тѣ года:
Глазамъ мѣшаетъ то башлыкъ,
То темная вода...
— А, можетъ, слезы? Ты, старикъ,
Брось лучше повода!

8. VIII. 1912.

ХУДОЖНИКЪ.

Хрустя по сѣрой галькѣ, онъ прошелъ
Покатый садъ, взглянулъ по водоемамъ,
Сѣлъ на скамью... За новымъ бѣлымъ домомъ
Хребетъ Яйлы и близокъ и тяжелъ.

Томясь отъ зноя, грифельный журавль
Стоитъ въ кустѣ. Опущена косица,
Нога—какъ трость... Онъ говоритъ: „Что̀ птица?
Недурно бы на Волгу, въ Ярославль!“

Онъ, улыбаясь, думаетъ о томъ,
Какъ будутъ выносить его—какъ сизы
На жаркомъ солнцѣ траурныя ризы,
Какъ желтъ огонь, какъ бѣлъ на синемъ домъ.

„Съ крыльца съ кадиломъ сходитъ толстый попъ,
Выводитъ хоръ... Журавль, пугаясь хора,
Защелкаетъ, взовьется отъ забора—
И ну плясать и стукать клювомъ въ гробъ!“

Въ груди першитъ. Съ шоссе несется пыль,
Горячая, особенно сухая.
Онъ снялъ пенснэ и думаетъ, перхая:
„Да-съ, водевиль... Все прочее есть гиль“.

1908.

ОТЧАЯНІЕ.

...И новаго порфирой облекли
И назвали владыкою Ирана.
Ножъ отняли у прежняго тирана,
Но съ робостью, съ поклономъ до земли.

Въ Испаніи—ревъ варварскаго стана,
Тамъ съ грязью мозгъ копытами толкли...
Кровоточитъ зіяющая рана
Въ боку Христа.—Ей, Господи, внемли!

Я плакалъ въ злобѣ; плакалъ отъ позора,
Отъ скорби—и надежды; я года
Молчалъ въ тоскѣ безсилья и стыда.
Но я такъ жадно вѣрилъ: скоро, скоро!

Теперь лишь стоны слышны. Въ эти дни
Звучитъ лишь стонъ... Лама савахѳани?
1908.

МОГИЛЬНАЯ ПЛИТА.

Опять знакомый домъ...
Огаревъ.

Могильная плита, желѣзная доска,
Въ густой травѣ врастающая въ землю—
И мнѣ ея печаль понятна и близка,
И я роднымъ преданьямъ внемлю.
И я „люблю людей, которыхъ больше нѣтъ“,
Любовью всепрощающей, сыновней.
Послѣдній ихъ побѣгъ, я не забылъ ихъ слѣдъ
Подъ старой, обветшалою часовней.
Я молодымъ себя, въ своемъ простомъ быту,
На бѣдномъ ихъ погостѣ вспоминаю.
Послѣдній ихъ побѣгъ, подъ эту же плиту
Приду я лечь—и тихо лягу—съ краю.
6. IX. 1913.

НОЧНЫЯ ОБЛАКА.

Океанъ подъ ясною луной,
Теплой и высокой, блѣднолицей,
Льется гладкой, медленной волной,
Озаряясь жаркою зарницей.

Всходятъ горы облачныхъ громадъ:
Гавріилъ, кадя небеснымъ Силамъ,
Въ темномъ оиміамѣ царскихъ вратъ
Блещетъ огнедышащимъ кадиломъ.

Индійскій океанъ. II. 1911.

ДАЛЬНЯЯ ГРОЗА.

Мелькаютъ дали, черныя, слѣпыя,
Мелькаетъ океана мертвый ликъ:
Богъ разверзаетъ бездны голубыя,
Но лишь на краткій мигъ.

„Да будетъ свѣтъ!“ Но свѣтъ угасъ—и сонный,
Тяжелый гулъ растетъ вослѣдъ за нимъ:
Богъ, въ довременный хаосъ погруженный,
Мракъ потрясаетъ ропотомъ своимъ.

Индійскій океанъ. II. 1911.

НА КАМНЯХЪ.

Теплой ночью, горною тропинкой,
Я иду въ оливковомъ лѣсу.
Вижу въ небѣ бѣлый, ясный мѣсяцъ
И домой сырую сѣть несу.

Свѣтъ и тѣнь по мнѣ проходятъ сѣтью.
Рѣдкій лѣсъ похожъ на сѣрый садъ.
За Коринѳомъ, надъ горой высокой
Двѣ звѣзды полночныя лежатъ.

На камняхъ живемъ мы; ясный мѣсяцъ—
Противъ бѣлой мазанки моей.
И всю ночь хрустальными ручьями
Звонъ цикадъ журчитъ среди камней.

4. IX. 1913.

МАТРОСЪ.

Ночью въ морѣ крѣпко спать хотѣлось.
Измотало зыбью нашу барку,
На носу—угодника Николу,
На кормѣ—малиновый фонарикъ.

А пришли къ Патрасу—разсвѣтаетъ,
Море заштилѣло, зеленѣетъ,
На востокѣ, свѣтломъ, апельсинномъ,
Розовѣютъ снѣговыя горы.

У кого есть деньги, тотъ въ кофейнѣ,
Пьетъ мастику или чай съ лимономъ—
Э, успѣю выспаться! Скорѣе
Дай мнѣ сыру и вина покрѣпче!

Сладко ослабѣю, сытый, пьяный,
Забурлю кальяномъ, а хозяинъ
Будетъ усмѣхаться—и отъ смѣха
Носъ его короткій станетъ клювомъ.

Анакапри. 8. III. 1913.

МОНАСТЫРЬ ВЪ СИЦИЛИИ.

Монастыри въ предгоріяхъ глухихъ,
Наслѣдіе разбойниковъ морскихъ,
Обители забытыя, пустыя—
Моя душа жила когда-то въ нихъ:
Люблю, люблю васъ, келіи простыя,
Дворы въ стѣнахъ тяжелыхъ и нагихъ,
Валы и рвы, отъ плѣсени сѣдые,
Подъ башнями кустарники густые
И глыбы скользкихъ пепельныхъ камней,
Загромоздившихъ скаты побережій,
Гдѣ сквозь маслины кажется синѣй
Вода у скалъ, гдѣ крѣпко треплетъ свѣжій,
Соленый вѣтеръ листьями маслинъ
И на вѣтру благоухаетъ тминъ!

3. VIII. 1912.

ПОСЛѢ ОБѢДА.

Сквозь рѣдкій садъ шумитъ въ туманѣ море—
И тянетъ влажнымъ холодомъ въ окно.
Сирена на туманномъ косогорѣ
Мычитъ и мрачно и темно.

Лишь гимназистка съ толстыми косами
Одна не спитъ,—одна живетъ инымъ,
Хватая жадно синими глазами
Страницу за страницей „Лымъ“.

6. IX. 1913.

ПОТОМКИ ПРОРОКА.

Не мало царствъ, не мало странъ на свѣтѣ:
Мы любимъ тростниковые ковры,
Мы ходимъ не въ кофейни, а въ мечети—
На солнечные тихіе дворы.

Мы не купцы съ базара. Мы не рады,
Когда вступаетъ пыльный караванъ
Въ святой Дамаскъ, въ его сады, ограды:
Намъ не нужны подачки англичанъ.

Мы терпимъ ихъ. Но ни одежды бѣлой,
Ни бѣлыхъ шлемовъ видѣть не хотимъ.
Написано: чужому зла не дѣлай,
Но и очей не подымай предъ нимъ.

Скажи привѣтъ, но помни: ты—въ зеленомъ.
Когда придутъ, гляди на кипарисъ,
Гляди въ лазурь. Не будь хамелеономъ,
Что̀ по стѣнѣ мелькаетъ вверхъ и внизъ.

VIII. 1912.

ВЪ СКУТАРИ.

Шипитъ и не встаетъ верблюдъ,
Ревутъ, урчатъ бока скотины.
— Ударь ногой. Уже поютъ
Въ разсвѣтѣ аломъ муэззины.

Стамбулъ жемчужно-сѣръ вдали,
Отъ дыма сизо на Босфорѣ,
Въ дыму выходятъ корабли
Въ сѣдое Мраморное море.

Дымъ смѣшанъ съ холодомъ воды,
Онъ пахнетъ медомъ и ванилью,
И вами, бѣлые сады,
И кизякомъ, и росной пылью.

Выноситъ красный самоваръ
Грекъ изъ кофейни подъ каштаномъ,
Барановъ гонятъ на базаръ,
Проснулись нищіе за ханомъ...

Пора итти, глядѣть весь день
На зной и блескъ, и все къ востоку,
Гдѣ только птицъ косая тѣнь
Бѣжитъ по выжженному дроку.

VIII. 1912.

УГОЛЬ.

Моголъ Тимуръ принесъ малюткѣ-сыну
Огнемъ горящій уголь и рубинъ.
Онъ мудрый былъ: не къ камню, не къ рубину
Въ восторгѣ дѣтскомъ кинулся Имин.

Моголъ сказалъ: „Кричи и знай, что плѣнка
Уже легла на меркнущій огонь“.
Но Богъ мудрѣй: Богъ пожалѣлъ ребенка—
Онъ самъ подулъ на дѣтскую ладонь.

VIII. 1912.

СУДНЫЙ ДЕНЬ.

Въ щитъ золотой, висящій у Престола,
Копьемъ ударитъ ангелъ Израфилъ—
И саранчой вдоль сумрачнаго дола
Мы потечемъ изъ треснувшихъ могилъ.

Щитъ загудетъ—и Ты возстанешь, Боже,
И тѣнь Твоя падетъ на судный долъ:
И будетъ твердь подобна красной кожѣ,
Повергнутой кожевникомъ въ разсолъ.

8. VIII. 1912.

ЗАВѢТЪ САДИ.

Будь щедрымъ, какъ пальма. А если не можешь, то будь
Стволомъ кипариса, прямымъ и простымъ—благороднымъ.

Трапезондъ. VI. 1913.

МАТЬ.

На пути изъ Назарета
Встрѣтилъ я Святую Дѣву.
Каменистая синѣла
Самарія вкругъ меня,
Каменистая долина
Съ юга шла—и по долинѣ
Сѣменилъ ушастый осликъ
Межъ колосьевъ ячменя.

Тотъ, кто гналъ его, былъ въ пыльномъ
И заплатанномъ кунбазѣ,
Старъ, съ блестящими глазами,
Сизо-черенъ и курчавъ.
Онъ, босой и легконогій,
За хвостомъ его поджатымъ
Гнался съ палкою, виляя
Отъ колючекъ сорныхъ травъ.

А на немъ, на этомъ дробномъ,
Убѣгавшемъ мелкой рысью
Сѣромъ осликѣ, сидѣла
Мать съ ребенкомъ на рукахъ:
Какъ спокойно поднялися
Аравійскія рѣсницы
Надъ глубокимъ теплымъ мракомъ,
Что сіялъ въ ея очахъ!

Лѣтъ пятнадцать... Ожерелье
Изъ серебряныхъ монетокъ...
На вискахъ татуировка...
Легкій кубовый покровъ,
Ниспадающій на плечи...
Загорѣлая, босая...
Ты ли это, Матерь Бога
И Владычица міровъ?

Поклонялся я, Марія,
Красотѣ Твоей небесной
Въ странахъ франковъ, въ ихъ капеллахъ,
Полныхъ золота, огней,
Въ полумракѣ величавомъ
Древнихъ рыцарскихъ соборовъ,
Въ полумглѣ стоцвѣтныхъ оконъ
Сакристій и алтарей.

Тамъ, подъ плитами, почіютъ
Короли, святые, папы, —
Имена ихъ полустерты
И въ забвеніи дѣла.
Тамъ Твой Сынъ, главой поникшій,
Темный ликомъ, въ мукахъ крестныхъ.
Ты же — въ юности нетлѣнной:
Ты, и скорбная, свѣтла.

Золотой вѣнецъ и ризы
Бѣлоснѣжныя — я всюду
Ихъ встрѣчалъ съ восторгомъ тайнымъ:
При дорогахъ, на поляхъ,
Надъ бурунами морскими,
Въ шумѣ волнъ и крикахъ чаекъ,
Въ темныхъ каменныхъ пещерахъ
И на старыхъ корабляхъ.

Корабли во мракѣ, въ буряхъ
Лишь Тобой одной хранимы.
Ты — Звѣзда морей: со скрипомъ
Зарываясь въ пѣнѣ ихъ
И огни свои качая,
Мачты стойко держатъ парусъ,
Ибо кормчему незримо
Свѣтитъ свѣтъ очей Твоихъ.

Надъ безумiемъ буруновъ
Въ ясный день, въ дыму прибоя
Ты цвѣтешь цвѣтами радугъ.
Ночью, въ черныхъ пастяхъ горъ,
Озаренная лампадой,
Ты, какъ лилiя, бѣлѣешь,
Благодатно и смиренно
Преклонивъ на четки взоръ.

И къ стопамъ Твоимъ пречистымъ,
На алтарь Твой въ бѣдной нишѣ
При дорогахъ межъ садами,
Всякъ свой даръ приносимъ мы:
Сирота-служанка — ленту,
Обрученная — свой перстень,
Мать — свои святыя слезы,
Запоньяръ — свои псалмы.

Человѣчество не помнитъ,
Какъ творитъ оно легенды,
Какъ имъ спѣта Пѣсня Пѣсней —
Отчего возведена
На престолы горней славы,
Красоты неизреченной
Позабытая, простая
Галилейская жена.

Человѣчество, вѣнчая
Властью божеской тирановъ
Обагряя руки кровью
Въ жаждѣ злата и раба,
И само еще не знаетъ,
Что оно иного жаждетъ,
Что еще разъ къ Назарету
Приведетъ его судьба.

Содрогался я отъ счастья
У святыхъ его преддверій:
О, Марія, сладко сердцу
Вспоминать и понимать,
Что, блуждая, всѣ мы ищемъ
Преклониться предъ любовью,
Галилейской нищетою
И сладчайшимъ словомъ: Мать.

Это Мать послала Сына:
— Дай имъ миръ и радость въ міръ.
Встань, иди. Скажи, какъ нѣжно
Я люблю свое дитя,
Какъ усталъ, какъ добръ Іосифъ,
Какъ онъ ноющей, дрожащей
Отираетъ потъ рукою,
Улыбаясь и шутя

— Разскажи о Назаретѣ,
О простомъ и бѣдномъ бытѣ,
О колодцѣ, гдѣ я мыла
Твой заплатанный хитонъ,
И о томъ, что, если будешь
Ты хотя владыкой міра
Багряницы и виссона
Будетъ мнѣ дороже онъ.

31. VII. 1912.

ЗАВѢСА.

Такъ говоритъ Господь: „Когда, Мой рабъ любимый,
Читаешь ты Коранъ среди враговъ Моихъ,
Я раздѣляю васъ завѣсою незримой,
Зане смѣшенъ врагамъ Мой сладкозвучный стихъ“.

И сокровенныхъ чувствъ, и думъ, и пѣсенъ много
Отъ васъ я утаилъ: никто моихъ путей,
Никто моей души не знаетъ, кромѣ Бога.
Онъ Самъ насъ раздѣлилъ завѣсою Своей.

8. VIII. 1912.

ЗОВЪ.

Какъ старымъ морякамъ, живущимъ на покоѣ,
Все снится по ночамъ пространство голубое
И сѣти зыбкихъ вантъ,—какъ вѣрятъ моряки,
Что ихъ моря зовутъ въ часы ночной тоски,
Такъ кличутъ и меня мои воспоминанья:
На новые пути, на новыя скитанья
Велятъ они вставать—въ тѣ страны, въ тѣ моря,
Гдѣ только бы тогда я кинулъ якоря,
Когда бъ завѣтную увидѣлъ Атлантиду:
Въ родныя гавани вовѣки я не вниду,
Но знаю, что и мнѣ, въ предсмертныхъ снахъ моихъ,
Все будетъ сниться сѣть канатовъ смоляныхъ
Надъ бездной голубой, надъ зыбью океана:
Да чутко встану я на голосъ Капитана!

8. VIII. 1912.

РАЗСКАЗЫ 1913—1915 г.

ЧАША ЖИЗНИ.

I.

Тридцать лѣтъ тому назадъ, когда уѣздный городъ Стрѣлецкъ былъ еще проще и просторнѣй, семинаристъ Киръ Іорданскій, сынъ псаломщика, влюбился, пріѣхавъ на каникулы, въ Саню Діесперову, дочь заштатнаго священника, за которой отъ-нечего-дѣлать ухаживалъ консисторскій служащій Селиховъ, пользовавшійся отпускомъ. Саня была особенно беззаботна и безъ причины счастлива въ то лѣто, каждый вечеръ ходила гулять въ городской садъ или кладбищенскую рощу, носила цвѣтистый мордовскій костюмъ, большимъ бантомъ красной шелковой ленты завязывала конецъ толстой русой косы и, чувствуя себя красивой, окруженной вниманіемъ, все напѣвала и откидывала голову назадъ. Изъ всѣхъ ея поклонниковъ нравился ей одинъ Іорданскій. Но его-то одного и боялась она. Онъ пугалъ ее своей молчаливой любовью, огнемъ черныхъ глазъ и синими волосами, она вспыхивала, встрѣчаясь съ нимъ взглядами, и притворялась надменной, не видящей его. Съ Селиховымъ ей было легче. Селиховъ былъ губернскій франтъ, онъ держался всѣхъ любезнѣе, смѣшилъ ея подругъ, былъ остроуменъ, находчивъ и заносчиво, играя тросточкой, поглядывалъ на Іорданскаго, даромъ что малъ былъ ростомъ. Да и заштатному священнику казался онъ пріятнымъ и дѣльнымъ молодымъ человѣкомъ, не то что Іорданскій, дюжій и нищій семинаръ. И однажды, въ іюльскій вечеръ, когда въ городѣ всѣ катались, всѣ гуляли, и въ золотистой пыли, поднятой стадомъ, садилось въ концѣ Долгой улицы солнце, когда шла Саня въ кладбищенскую рощу подъ руку съ Селиховымъ, а сзади, среди подругъ Сани, шагалъ сумрачный Іорданскій и, покачиваясь, гудѣлъ великанъ Горизонтовъ, тожс семинаристъ, Селиховъ небрежно глянулъ на

пихъ черезъ плечо и, наклоняясь къ ея лицу, нѣжно прижимая ея руку, вполголоса сказалъ:

— Я желалъ бы воспользоваться этой ручкой навѣки, Александра Васильевна.

II.

Тридцать лѣтъ, избѣгая встрѣчаться, почти никогда не видя другъ друга, не забывали другъ о другѣ Іорданскій и Селиховъ. Всѣ свои силы употребили они на состязаніе въ достиженіи извѣстности, достатка и почета. Давнымъ-давно жили они оба въ Стрѣлецкѣ и, состязаясь, многаго достигли. Іорданскій сталъ протоіереемъ и весь уѣздъ дивилъ своимъ умомъ, строгостью и ученостью. А Селиховъ разбогатѣлъ и прославился безпощаднымъ ростовщичествомъ. Іорданскій купилъ домъ на Песчаной улицѣ. Не отсталъ отъ него и Селиховъ: на зло ему купилъ домъ вдвое больше и какъ разъ рядомъ съ нимъ. Встрѣчаясь, они не кланялись, дѣлали видъ, что даже не помнятъ другъ друга; но жили въ непрестанной думѣ другъ о другѣ, во взаимномъ презрѣніи. Презирали они, не замѣчали и женъ своихъ. Іорданскій на десятомъ году супружества равнодушно лишился своей некрасивой жены. А Селиховъ почти никогда не разговаривалъ съ Александрой Васильевной. Вскорѣ послѣ свадьбы онъ засталъ ее однажды заплаканной: въ мордовскомъ костюмѣ, съ косой, заплетенной по-дѣвичьи, она стояла въ спальнѣ передъ своимъ комодомъ, передъ раскрытой вѣнчальной шкатулкой, гдѣ лежали фотографическія карточки,—между ними и карточка Іорданскаго,—пудрила свое распухшее лицо и покусывала губы, чувствуя приступъ новыхъ слезъ. Онъ зналъ, что это были слезы по молодости, по тому счастливому лѣту, что̀ однажды выпадаетъ въ жизни каждой дѣвушки, что не въ Іорданскомъ тутъ дѣло. Но простить ей этихъ слезъ не могъ. И всю жизнь ревновалъ ее къ о. Киру, самолюбивый, какъ всѣ маленькіе ростомъ. А тотъ всю жизнь чувствовалъ къ ней тяжелую, холодную злобу.

И шли дни за днями, годы за годами, и осталась у Александры Васильевны одна дума, одна мечта—о домѣ.

III.

Она была уже слаба, полна и склонна къ слезамъ, къ грусти. Состарился и Селиховъ. Но о своей посмертной волѣ онъ упрямо молчалъ. Аккуратный, спокойный и безкровный, въ коричневой парочкѣ безъ единой пушинки, чуть горбясь и заложивъ холодные пальцы своихъ дрожащихъ рукъ въ не-

модные, прямые карманы панталонъ, онъ похаживалъ по своимъ чистымъ пустымъ комнатамъ, среди мебели въ чехлахъ, да насмѣшливо что-то обдумывалъ. Жизнь прошла, прошла и злоба на глупость людскую,—осталось одно презрѣніе. Онъ дѣлался все суше и меньше, вынималъ золотое пенснэ все небрежнѣе и прикладывалъ его къ переносицѣ при осмотрѣ вещей, приносимыхъ въ закладъ, все мимолетнѣе: всему цѣну зналъ онъ теперь! Домъ купилъ онъ у помѣщика, старый, съ деревянными колоннами, съ садомъ. Домъ попался ему удивительный. На дворѣ въ морозномъ пару краснѣло солнце—въ домѣ было тепло. На дворѣ палилъ лѣтній зной—въ домѣ было прохладно и смѣшивался съ прохладой мирный запахъ нафталина. Лѣтомъ часовъ съ десяти до трехъ пекло какъ разъ ту сторону, на которой стоялъ домъ; но спасали зимнія рамы—онѣ никогда не вынимались. Весь домъ дрожалъ и гудѣлъ, звеня люстрой и лампами, когда вскачь неслись съ вокзала и на вокзалъ извозчики. Они тучей поднимали рыжую пыль, которая покрывала всѣ крыши, всѣ стѣны и окна на Песчаной улицѣ. Но Селиховъ на улицу никогда не выходилъ. Бродя по комнатамъ, онъ обдумывалъ и все измѣнялъ завѣщаніе. Александра же Васильевна сидѣла въ своей спальнѣ окнами во дворъ и вязала чулокъ. Она думала о прошломъ, о будущемъ, порою привычно, не бросая работы, плакала. Подъ мѣрный стукъ часовъ мужъ мѣрно ходилъ изъ комнаты въ комнату, равнодушно поджидая закладчиковъ, то слезливыхъ, то не въ мѣру развязныхъ, и съ загадочной усмѣшкой поглядывалъ въ кабинетъ, на желѣзный несгораемый шкапъ, окованный стальною рѣшеткою, съ большими желѣзными пишками на скрѣпахъ, похожими на большіе глаза. Но порою наступала полная тишина: онъ останавливалъ часы, садился за громадное старинное бюро — и слышался въ домѣ только неторопливый и прилежный скрипъ гусинаго пера... Но что̀ писалъ Селиховъ? Что̀ готовилъ онъ ей подъ старость?

Она знала только, что ему ничего не стоило обречь ее на нищету, на позоръ передъ цѣлымъ городомъ, лишить ее не только денегъ, вещей, но и этого дома, своего угла. Онъ вѣдь не замѣчалъ, не видѣлъ ее. Онъ сперва на „ты“, а потомъ и совсѣмъ запретилъ ей разговаривать съ нимъ. При гостяхъ онъ былъ иной: со всѣми любезенъ, шутливъ, мѣтокъ на слово, милъ и сдержанъ даже въ карточныхъ спорахъ. Но гости—два-три человѣка и все одни и тѣ же: помощникъ исправника, податной инспекторъ и нотаріусъ Вишневскій—бывали не больше двухъ-трехъ разъ въ году.

IV.

О. Киръ пилъ. Вѣчный хмель свой онъ оправдывалъ своимъ умомъ и тѣмъ, что живетъ онъ въ Стрѣлецкѣ, въ этомъ полустепномъ городишкѣ, гдѣ только возлѣ неуклюжаго собора и базарной площади бѣлѣютъ каменные дома хлѣботорговцевъ, а по окраинамъ—просторъ, безлюдье и нищета.

Высокій, дородный, онъ похожъ былъ на боярина; долго былъ силенъ и красивъ. Въ женской прогимназіи, гдѣ онъ преподавалъ, въ него влюблялись самыя восторженныя дѣвушки, тѣ, полныя, волоокія, до времени развившіяся, у которыхъ бываютъ такіе чудесные пепельные волосы, такой нѣжный цвѣтъ лица и такой горячій румянецъ застѣнчивости: не могли онѣ спокойно видѣть его черныхъ соколиныхъ глазъ, его синихъ кудрей, свободно лежавшихъ по плечамъ, осыпаннымъ перхотью, по коричневому подряснику, сладко пропахнувшему ладаномъ и табачнымъ дымомъ. Портили его только легкія опухоли возлѣ носа и зубы, коричневые отъ неумѣреннаго куренія.

Всегда и всѣмъ, не дѣлая никакихъ исключеній, онъ говорилъ „ты“: вѣдь были же пастыри, говорившіе такъ вельможамъ и князьямъ, даже царю самому. Они поучали, наставляли ихъ сурово, порою обрывали ихъ:

— Благослови, пастухъ,—сказалъ какъ-то одинъ вельможа одному такому пастырю.

— Благословляю, во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, самую глупую овцу стада моего,—отвѣтствовалъ пастырь.

Съ купцами о. Киръ былъ грубъ, съ начальниками скоръ и находчивъ на рѣзкое слово, съ вольнодумцами кратокъ и безпощадно логиченъ. Въ Стрѣлецкѣ рѣдко попадали въ руки адресатовъ цвѣтныя открытки. Но о. Киръ исправно получалъ даже самыя красивыя, съ видами Кавказа и Крыма—отъ племянника, молодого, но уже виднаго чиновника при губернаторѣ: о. Киръ пригрозилъ почтмейстеру лишеніемъ мѣста за пропажу хотя бы одного письма къ нему. И весь городъ говорилъ объ этомъ съ восхищеніемъ. Весь городъ восторгался о. Киромъ, какъ человѣкомъ необыкновеннаго ума и рѣдкой учености. За великую честь считали принять и угостить его. Но приглашенія о. Киръ принималъ разборчиво, въ свой же домъ никого не пускалъ.

Домъ его, длинный и невысокій, по кирпичу бѣленый мѣломъ, былъ далеко виденъ по широкой улицѣ. Нигдѣ не росло ни единаго деревца—развѣ какая-нибудь кривая яблонька на мѣщанскомъ пустырѣ. Но за желѣзной крышей протоіерей-

ского дома пыльно и блѣдно зеленѣли верхушки молодыхъ тополей. Вездѣ входомъ служили калитки. У о. Кира былъ подъѣздъ, къ которому, впрочемъ, никто не подъѣзжалъ, а на двери блестѣла мѣдная дощечка: „Киръ Іорданскій“.

Вѣчно заперты были ворота о. Кира, подворотня заложена тяжелой тесиной. Отворялись эти ворота только тогда, когда пріѣзжалъ водовозъ, старичокъ въ кумачной рубахѣ. Только онъ одинъ могъ свободно вывѣдывать о домашней жизни о. Кира у плечистой стряпухи въ сапогахъ, когда она подставляла подъ бочку ушатъ, а онъ пускалъ въ него толстую струю воды. Только къ водовозу былъ снисходителенъ о. Киръ. Онъ шутилъ надъ нимъ, шутками отвѣчалъ ему и водовозъ: это былъ удивительный человѣкъ—онъ никого не боялся, ни о чемъ не тужилъ, доволенъ былъ рѣшительно всѣмъ.

— Желудь!—громко и строго кричалъ о. Киръ, выходя на крыльцо.

— Аюшки?—беззаботно отзывался старичокъ, подъѣхавшій на бочкѣ къ воротамъ и съ трудомъ, согнувшись въ три погибели, поднимавшій тесину.

— Опять не полную привезъ?

— Опять.

— Смотри: околочу!

— И то не плохо! Дураковъ и въ алтарѣ бьютъ...

Но однажды, узнавъ, что Желудь привезъ бочку воды и Селихову, о. Киръ и Желудя лишилъ своего благоволенія, навсегда прогналъ его со двора долой.

V.

Зимой на Песчаной улицѣ было много снѣгу, было сѣро и пустынно, весной—солнечно, весело, особенно при взглядѣ на бѣлую стѣну протоіерейскаго дома, на чистыя стекла, на сѣро-зеленыя верхушки тополей въ голубомъ небѣ. Лѣтомъ было очень жарко. Отъ пыли небо и солнце тускло серебрились. Въ полдень вскачь неслись извозчики, поспѣшая къ вокзалу, стоявшему за городомъ, подъ горой. Въ часъ они медленно тянулись назадъ и везли пріѣзжихъ, чаще всего купцовъ съ ковровыми сумками, которыя и теперь еще называются сакъ-де-войяжами, а не то распространителей граммофоновъ, молодыхъ бритыхъ евреевъ въ англійскихъ картузахъ, съ англійскими трубочками въ зубахъ. Встрѣчаясь съ о. Киромъ, кажется, одни эти евреи глядѣли безъ страха, хотя онъ не терпѣлъ ихъ, особенно ихъ языка: онъ однажды, на вокзалѣ, запретилъ евреямъ разговаривать на своемъ языкѣ, сказавъ:

— Здѣсь вамъ не синагога.

Дородный и строгій, проходилъ онъ по Песчаной улицѣ, въ коричневомъ подрясникѣ, въ палевой соломенной шляпѣ, поглаживая кончиками пальцевъ наперсный крестъ,—и всѣ боялись его. Подъ заборомъ сапожника когда-то по цѣлымъ днямъ играли въ лодыжки мѣщанскіе подростки; тамъ, бывало, стучали въ заборъ свинчатки и раздавались крики: „Плоца! Жогъ! Ника!“. Подростки эти были лодыри дерзкіе. Но отъ протоіерея они ушли играть подальше—къ хибаркамъ на спускѣ къ вокзалу. Бѣгали ватагой мальчишки—запускали въ небо змѣя, постоянно цѣплявшагося за струны телеграфныхъ столбовъ и оставлявшаго на нихъ свой мочальный хвостъ. Но, завидя о. Кира, они разсыпались, куда попало. Пробиралась по тѣневой сторонѣ, по ухабистому тротуару, мимо воротъ и окошечекъ съ цвѣтами, какая-нибудь старуха, настолько переломленная, склоненная къ землѣ, что было удивительно, какъ можетъ итти этотъ прямой уголъ. Но совсѣмъ не изъ-за тѣни, жидкой и короткой, пробиралась она тамъ, а лишь бы не попасть на глаза о. Киру: онъ не любилъ старухъ, этихъ страстныхъ поклонницъ юродиваго Яши, обитавшаго въ старой часовнѣ надъ склономъ въ кладбищенской рощѣ, онъ ненавидѣлъ человѣческое безобразіе. Загорѣлый мѣщанинъ, потѣвшій въ черномъ картузѣ и толстой чуйкѣ, шелъ по срединѣ улицы какъ будто вольно, заложивъ руки назадъ: что жъ ему, онъ вѣдь не здѣшній, онъ шелъ съ вокзала. Но поплевывалъ онъ мысленно, увидавъ о. Кира, а порою съ рѣшимостью отчаянія вдругъ обнажалъ голову и быстро направлялся къ нему. Въ лѣвой рукѣ о. Кира была высокая палка съ серебрянымъ набалдачникомъ. Правой, пріостановясь, онъ благословлялъ—широко и властно. А благословивъ, совалъ къ губамъ, покорно искавшимъ ее.

— Откуда?—громко спрашивалъ онъ.

— Липецкій,—бормоталъ мѣщанинъ.

— Надѣнь картузъ. Какъ у васъ нынче сады?

— Цвѣли дивно, ваше преподобіе, но вѣтеръ, Господь съ нимъ... Всю завязь обилъ.

— Садоводы, а безтолочь. Не знаете своего дѣла. Ну, ступай съ Богомъ...

Не терпѣлъ отецъ Киръ и бродягъ, безпаспортныхъ, пришлыхъ людей. Песчаная улица была не избалована зрѣлищами. Однажды, когда появился на ней сербъ съ бубномъ и обезьяной, несмѣтное количество народа высыпало за калитки. У серба было сизое рябое лицо, синеватые бѣлки дикихъ глазъ, серебряная серьга въ ухѣ, пестрый платочекъ на тонкой шеѣ, рваное

пальто съ чужого плеча и женскіе башмаки на худыхъ ногахъ, тѣ ужасные башмаки, что̀ даже въ Стрѣлецкѣ валяются на пустыряхъ. Стуча въ бубенъ, онъ тоскливо-страстно пѣлъ то, что̀ поютъ всѣ они спокон вѣку,—о родинѣ. Онъ, думая о ней, далекой, знойной, разсказывалъ Стрѣлецку, что есть гдѣ-то сѣрыя каменистыя горы, козы и оливы,

Синее море, бѣлый пароходъ...

А спутница его, обезьяна, была довольно велика и страшна: старикъ и вмѣстѣ съ тѣмъ младенецъ, звѣрь съ человѣческими печальными глазами, глубоко запавшими подъ вогнутымъ лобикомъ, подъ высоко поднятыми облѣзлыми бровями. Только до половины покрывала ее шерсть, густая, остистая, похожая па енотовую накидку. А ниже все было голо, и потому носила обезьяна ситцевые въ розовыхъ полоскахъ подштаники, изъ которыхъ смѣшно торчали маленькія черныя ножки и тугой голый хвостъ. Она, тоже думая что-то свое, чуждое Стрѣлецку, привычно скакала, подкидывала задъ подъ пѣсни, подъ удары въ бубенъ, а сама все хватала съ тротуара камешки, пристально, морщась, разглядывала ихъ, быстро нюхала и отшвыривала прочь.

Лохматый сапожникъ, прибѣжавшій позднѣе всѣхъ, крикнулъ, что надо бить и обезьяну и серба, что этотъ сербъ— непремѣнно воръ. Всѣ подхватили его слова, зашумѣли. Но показался вдали о. Киръ. И улица мгновенно опустѣла: всѣ скрылись по калиткамъ. Онъ же, приблизясь къ сербу, запретилъ ему ходить по улицамъ Стрѣлецка. Онъ строго и кратко приказалъ ему уйти вонъ изъ города, постараться добиться до родины, исправиться и заняться честнымъ трудомъ.

VI.

Александрѣ Васильевнѣ порою казалось, что была въ ея жизни большая любовь: что схоронила она ее въ своей душѣ, что судьба обошла ее и заставила быть покорной другому, нелюбимому, велѣла итти разными дорогами съ любимымъ и искать отрады лишь въ покорности. Но, можетъ, не о. Кира любила она, а только свою дѣвичью косу, свой мордовскій нарядъ, свою недолгую беззаботность въ то, далекое лѣто? Нѣчѣмъ было питаться ея любви къ о. Киру! О. Киръ служилъ въ соборѣ; но она никогда не бывала тамъ, ходила въ Никольскую церковь,—Селиховъ запретилъ ходить въ соборъ. Не будь о. Киръ священникомъ, могла бы она мечтать о тайной грѣховной связи съ нимъ; но Богу предстоялъ онъ, тайны рожденія, брака, причастія и смерти были въ его ру-

кахъ. И страшныя слова слышала однажды Александра Васильевна: уже больной, мрачный, во хмелю, встрѣтился о. Киръ съ Селиховымъ возлѣ его дома и сказалъ, грозя посохомъ:

— Селиховъ! Помни часъ, его же не минуетъ ни единое дыханіе: это я,—слышишь ли, Селиховъ?—я, облеченный въ трауръ, въ оный день воздамъ тебѣ послѣднее земное цѣлованіе, окружу тебя кадильнымъ дымомъ и осыплю лицо твое могильной перстью.

— Кто знаетъ, отецъ Киръ,—отвѣтилъ ему Селиховъ съ усмѣшкой.—Кто знаетъ, не придется ли *мнѣ* стоять у возглавія вашего? Не забывайте, что вы пьяница, отецъ Киръ.

Тѣмъ и кончился ихъ первый и послѣдній споръ. Но каково было Александрѣ Васильевнѣ—быть между ними, всю жизнь состязавшимися о первенствѣ, уступающими другъ другу только къ могилѣ дорогу! Одна мечта, одна дума осталась у нея—о домѣ.

Имѣть домъ, свой, собственный, гдѣ бы то ни было, хотя бы въ слободѣ, на буераках, и какой угодно,—это было завѣтнѣйшее желаніе каждаго чиновника, каждаго мѣщанина, каждаго сапожника въ Стрѣлецкѣ. И всѣ имѣли дома, и всѣ переводили ихъ на женъ: чуть не весь Стрѣлецкъ принадлежалъ женщинамъ. Одна Александра Васильевна лила слезы безплодно.

Всѣ сосѣдки говорили: „мой домъ“, „у меня въ домѣ“. Одна она дѣлала видъ, что не нуждается домомъ. А сколько разъ, придя отъ обѣдни, усталая, съ потомъ въ складкахъ горла, начинала она стучать въ полъ зонтикомъ и, рыдая, требовать, чтобы отдали хоть приданое ея! Сколько разъ говорила она, что вѣдь выгонятъ ее вонъ изъ дому родные Селихова, только умри онъ!

— Не безпокойся,—отвѣчалъ ей Селиховъ.—Ты раньше меня умрешь. Не забывай, что у тебя грудная жаба.

Онъ становился все страннѣе. Онъ иногда по часамъ смотрѣлся въ зеркало, удивленно, испуганно исказивъ брови; дня по два не притрогивался ни къ одному кушанію ни за обѣдомъ ни за ужиномъ, говоря, что все пахнетъ тѣломъ. Онъ купилъ граммофонъ—и никогда не заводилъ его. Но однажды, когда Александра Васильевна воротилась отъ всенощной раньше времени, не достоявъ, по слабости, службы, и вошла въ домъ съ чернаго хода, услыхала она крикливые плясовые звуки. А заглянувъ въ залу, обомлѣла отъ страха: Селиховъ, легкій, старенькій, одинъ во всемъ полутемномъ домѣ, дико вскидывалъ ноги передъ трубой граммофона, весело и хрипло кричавшей: „Ай, ай, караулъ, батюшки мои, разбой!..“

Только одна яблоня въ саду, возлѣ бесѣдки, знала, какъ много пролито слезъ старыми глазами Александры Васильевны, какъ тряслась болѣвшая отъ слезъ голова, какъ прикладывались къ темени мокрыя полотенца! А надъ калиткой селиховскаго дома все не мѣнялась надпись: „Сей домъ принадлежитъ Петру Семеновичу Селихову. Свободенъ отъ постоя".

VII.

Однимъ изъ тѣхъ, что когда-то, томясь любовью, ходили за Александрой Васильевной въ городской садъ, былъ и Горизонтовъ. Теперь, почти тридцать лѣтъ проживъ въ губернскомъ городѣ, выслуживъ пенсію, возвратился и онъ въ Стрѣлецкъ, а возвратясь, сталъ извѣстенъ Стрѣлецку не менѣе, чѣмъ о. Киръ и Селиховъ.

Горизонтовъ кончилъ семинарію, кончилъ академію. Въ молодости онъ обладалъ сверхъестественной памятью, необыкновенными способностями и прилежаніемъ. Голосъ у него былъ такой, что, напѣвая свое любимое: „Et tonat, et sonat, et pluvium coelum dat..."—онъ потрясалъ, какъ говорится, стекла. Великъ ростомъ и широкъ въ кости онъ былъ настолько, что на улицахъ въ изумленіи останавливались при встрѣчѣ съ нимъ прохожіе. Далеко могъ бы пойти этотъ человѣкъ! Но избралъ онъ путь скромный—учительство, а пройдя его, воротился на родину и сталъ сказкой города: поражалъ городъ своей внѣшностью, своимъ аппетитомъ, своимъ желѣзнымъ постоянствомъ въ привычкахъ, своимъ нечеловѣческимъ спокойствіемъ и—своей философіей.

Онъ ходилъ въ крылаткѣ, въ широкополой шляпѣ, въ широконосыхъ кожаныхъ, или, вѣрнѣе, чугунныхъ калошахъ, съ костылемъ въ одной рукѣ и громаднымъ парусиновымъ зонтомъ въ другой. Къ старости онъ еще болѣе раздался въ кости, сталъ еще болѣе великъ, сутулъ, неуклюжъ — и былъ прозванъ въ Стрѣлецкѣ Мандриллой. Вся купальня дивилась на него, когда въ первый разъ появился онъ въ ней. Медленно вошелъ онъ, подъ зонтомъ, въ калошахъ, насупивъ свои сѣрыя брови и слегка согнувшись, какъ бы нажуживая свои и безъ того страшныя плечи, свои руки, подобныя дубовымъ корнямъ. Старомодно со всѣми раскланявшись, внушительно-серьезный и спокойный, онъ сталъ раздѣваться—и всѣ ахали, видя, какъ обнажается его сизо-сѣрое тѣло, его чудовищныя ступни, безобразно искривленные, лежащіе другъ на другѣ пальцы и ногти ихъ, похожіе на раковины. А онъ хоть бы глазомъ моргнулъ—не спѣша раздѣлся, не спѣша окунулся ровно пятнадцать разъ... Съ

тѣхъ поръ его видѣли въ купальнѣ каждый день. Каждый день вплоть до Покрова купался онъ. Уже дулъ осенній вѣтеръ въ щели пустой купальни, тучи висѣли за рѣчкой надъ полями, оловянная рябь шла по водѣ; а Горизонтовъ купался. Бѣлѣлъ снѣгъ по берегамъ, по блѣдной синевѣ тучъ тянулись на югъ послѣдніе гуси; но, какъ только било на соборѣ часъ, съ косогора, тяжело опираясь на костыль, спускался къ рѣчкѣ сутулый гигантъ въ сѣрой крылаткѣ.

Ѣлъ онъ за десятерыхъ. Квартирныя хозяйки изъ себя выходили, отказывали ему. Но вѣдь онъ предупреждалъ! Твердо отчеканивая слоги, уговаривался онъ:

— Супъ, борщъ, лапшу прошу подавать мнѣ не въ тарелочкахъ: предпочитаю въ мисочкахъ. Живность—штучно, а не кусочками. Жаркое обязательно съ картофелемъ, съ овощами. Кашу гречневую, равно какъ и пшенную — чугунчиками...

— Мандрилла, мандрилла!—орали мальчишки, стаями гоняясь за нимъ по Стрѣлецку. Но онъ даже не удостаивалъ ихъ взглядомъ, онъ шелъ такъ же мѣрно, какъ изо дня въ день входилъ, бывало, въ буйный классъ, чтобы начать своей неизмѣнной фразой:

— Итакъ, повторимъ сначала предыдущее. Вспомнимъ, что̀ именно предпринялъ Цезарь, узнавъ отъ лазутчиковъ о грозящей ему опасности со стороны непріятеля...

А философія его заключалась въ томъ, что всѣ силы каждаго человѣка должны быть направлены исключительно на продленіе жизни, для чего и потребно: полное воздержаніе отъ сношеній съ женщинами, существами суетными, злыми, низкими по интеллекту, полное спокойствіе во всѣхъ жизненныхъ обстоятельствахъ, самое точное выполненіе своихъ разумныхъ, продуманныхъ привычекъ и строжайшій уходъ за своимъ тѣломъ—прежде всего въ смыслѣ питанія его и освѣженія водою.

— Nullus enim locus sine genio est!—насмѣшливо сказалъ однажды больной и сумрачный о. Киръ, встрѣтясь съ нимъ на улицѣ.—Давно слышу я, Горизонтовъ, о причудахъ твоихъ. Отвѣть мнѣ: юродъ ты или мудрецъ? Зачѣмъ живешь ты на свѣтѣ, уподобляясь тѣмъ, которые жили во времена зоологическія, на первыхъ ступеняхъ развитія?

Горизонтовъ, держа надъ головою зонтъ и опираясь на костыль, долго думалъ, глядя въ землю и насупя свои ежомъ торчащія, сѣрыя брови.

— Но скажите и вы мнѣ, отецъ Киръ,—отвѣтилъ онъ наконецъ:—зачѣмъ *вы* живете?

— Я тебя не о цѣли жизни спрашиваю,—сказалъ о. Киръ.—Я тебя спрашиваю о ея образѣ.

— Но вѣдь образъ соотвѣтствуетъ цѣли?

— Ага! Цѣли! Ну, допустимъ. Въ чемъ же заключается твоя цѣль?

— Въ долголѣтіи и наслажденіи имъ.

— Но наслаждаешься ли ты?

— По мѣрѣ силъ и возможностей. Крѣпко и заботливо держу въ своихъ рукахъ драгоцѣнную чашу жизни.

— Чашу жизни?—строго перебилъ о. Киръ и широко повелъ рукой по воздуху.—Жизни здѣсь? На этой улицѣ? Я не могу спокойно говорить съ тобой! Ты достоинъ своей позорной клички!

— Въ землѣ не распознаешь костей человѣка отъ костей животнаго,—отвѣтилъ Горизонтовъ и медленно двинулся по улицѣ, опираясь на костыль.

VIII.

И вотъ смолкли наконецъ шаги въ пустыхъ комнатахъ селиховскаго дома. На тридцать первомъ году замужества Александры Васильевны, великопостнымъ вечеромъ, вытащили изъ толпы, наполнявшей Никольскую церковь, бѣлаго, какъ мѣлъ, старичка, хорошо и чисто одѣтаго, въ крахмальной рубашкѣ съ отложнымъ тугимъ воротомъ, въ дорогой шубѣ, въ дорогихъ золотыхъ часахъ. Черезъ два дня его уже отпѣвали.

Была пятница, базарный день, началась весна,—мука была извозчикамъ нырять на колесахъ по ухабамъ грязныхъ улицъ, мукà мужикамъ тащиться на розвальняхъ по базару, по мокрому навозу! Трудно было и Александрѣ Васильевнѣ итти за гробомъ до собора: ее подъ руки вели дальніе родственники Селихова,—лысый остроглазый человѣчекъ въ николаевской шинели, у котораго вѣтеръ все заворачивалъ ленту крашеныхъ волосъ, вкось отъ затылка положенную на лысину, и его жена, женщина въ траурѣ, высокая и сильная, никогда не терявшая присутствія духа. Воздухъ былъ сырой, острый. И Александра Васильевна была пьяна и отъ воздуха и отъ слезъ. Поставили у дверей парчевую, желтую съ бѣлымъ крестомъ крышку гроба, внесли покойника въ зимній придѣлъ, теплый, низкій, старинный, со многими сводами... Какими радостными рыданіями гремѣлъ подъ ними громогласный хоръ! Какъ зловѣще возносилъ руку толстоплечій дьяконъ, возглашая о упокоеніи новопреставленнаго! Какъ смиренно, подъ рыданія хора, поклонялся усопшему обступившій его траурный синклитъ іереевъ въ скуфьяхъ и камилавкахъ,

и какъ тяжело, сотрясая полъ своею тяжестью, ходилъ вокругъ гроба и кадилъ на блестящій носъ, на рисовое лицо пьяный и торжественно-мрачный, исполнявшій свое предсказаніе о. Киръ! Но, Боже, что̀ сталось и съ нимъ за послѣдній годъ! Уже не страшны были его возгласы, его кажденіе и поклоны, которыми провожалъ онъ изъ этого бреннаго міра того, съ кѣмъ столкнула его судьба на порогѣ жизни. Страшенъ былъ самъ онъ, его ноги, раздутыя водянкой, его животъ, выпиравшій подъ ризой, его отекшее, почернѣвшее лицо, остеклѣвшіе глаза, посѣдѣвшіе, ставшіе прямыми и маслянными волосы, трясущіяся руки... Все нѣжнѣе и страстнѣе взглядывала на покойника,—какъ бы не видя о. Кира,—изнемогавшая отъ слезъ Александра Васильевна, и все суровѣе отводилъ отъ нея глаза о. Киръ. А когда ударила по сердцамъ скорбно ликующая пѣснь о жизни вѣчной, идѣ же нѣсть печали и воздыханія, Александра Васильевна вскрикнула и потеряла сознаніе.

Ее понесли на паперть, на воздухъ. И Горизонтовъ, стоявшій у входа, среди нищихъ старухъ, вѣжливо посторонился—и опять загудѣлъ, подтягивая хору и оглядывая низкіе своды, расписанные крестами и шестикрылыми серафимами.

IX.

Въ большихъ ветхихъ сѣняхъ съ тремя ступеньками и тремя выгорѣвшими на солнцѣ окнами перестала дергаться ржавая проволока, пересталъ длинькать подъ руками закладчиковъ разбитый звонокъ. Теперь свободно могла ходить Александра Васильевна по большимъ пустымъ комнатамъ среди мебели въ чехлахъ, столиковъ, комодовъ съ инкрустаціей. Теперь все это было ея: и комнаты, и мебель, и драгоцѣнныя вещи на желѣзныхъ красныхъ полочкахъ въ глазастомъ несгораемомъ шкапу, и дворъ, и корова въ сараѣ, и садъ, и завалившійся заборъ сада: въ двадцать первый разъ въ здравомъ умѣ и твердой памяти переписанное завѣщаніе сдѣлало ее полной хозяйкой всего этого, къ великому ея удивленію и даже растерянности. Всѣ въ городѣ говорили, что вотъ можетъ она пожить наконецъ въ свое полное удовольствіе. А она была сбита съ толку, жизнь для нея стала прѣсна, какъ та просфора, которую съ усталымъ лицомъ ѣла она за чаемъ, воротясь отъ обѣдни...

На Святой, на Ѳоминой по цѣлымъ днямъ трезвонили колокола надъ городомъ—и казалось, что стоитъ этотъ трезвонъ въ честь ея новой жизни, ея первой радостной весны.

А вкуса къ жизни уже не было! Она обходила комнаты, и порой жалостная улыбка довольства морщила ей губы. Но дрожала голова, дрожали руки—что̀ ей было дѣлать съ этими комнатами? Приходила кухарка. Александра Васильевна была ласкова съ ней — и не знала, что̀ заказать на обѣдъ, на ужинъ. Почти каждый день она бывала въ Никольской церкви—и всегда ужасно утомлялась. Была она полна при низкомъ ростѣ, съ жидкими пепельно-сѣдыми волосами и грустнымъ взглядомъ безцвѣтныхъ, слизистыхъ глазъ. Дома она носила темное старушечье платье, старушечьи туфли. Къ обѣднѣ собиралась долго и выходила съ зонтикомъ, въ крохотной шляпѣ на макушкѣ, въ черномъ бурнусѣ со стеклярусомъ. Все слеза набѣгала на ея лѣвый глазъ, и все подтирала она ее за обѣдней батистовымъ платочкомъ, устало глядя на иконы надъ царскими вратами. Ноги ныли, въ церкви было жарко, душно, многолюдно. Горячо пылали свѣчи, горячо лился солнечный свѣтъ на толпу изъ купола. Страшно заносилъ руку дьяконъ, поднимая толстыя плечи и готовясь оглушить многолѣтіемъ царствующему дому и святѣйшему правительствующему синоду. Но какое дѣло было ей до синода? Съ тоской чувствовала она, что не о чемъ стало ей молиться. Только о царствѣ небесномъ развѣ? Да, но какія права были у нея на него? Что̀ она такое сдѣлала? За что было награждать ее?

Однажды въ апрѣльскій день она пошла въ кладбищенскую рощу—хотѣла просто погулять, развлечься, вспомнить прежнее, молодое время, а сказала кухаркѣ, что хочетъ посмотрѣть могилу мужа. Было тепло, легко, все радовало—и воздухъ, и небо, и бѣлыя облака, и весенній просторъ. Но сколько разъ останавливалась она на зеленомъ выгонѣ, поднимаясь на отлогій изволокъ къ рощѣ и смотря на городъ, на его крыши и колокольни, на овраги, на сѣро-зеленый дымокъ одѣвающихся ложинъ и мѣщанскія избушки по оврагамъ! А въ рощѣ, еще голой, зазеленѣвшей только снизу, было еще очень сыро, въ проходахъ между могильными памятниками стояла жидкая грязь. Хорошо, пріятно, молодо, но все-таки черезчуръ буйно шумѣли грачи, въ несмѣтномъ количествѣ наполнявшіе вершины старыхъ деревьевъ. Нужно было проходить мимо розовой часовни надъ склепомъ купца Ершова, гдѣ сидѣлъ Яша, а онъ могъ высунуться изъ окошечка и крикнуть что-нибудь иносказательное, зловѣщее... И, спотыкаясь, горбясь, придерживая спереди подолъ, Александра Васильевна спѣшила, спѣшила мелкими шажками пройти дальше—и сама не замѣтила, какъ пришла къ могилѣ мужа!

Вовсе не желала она того, шла за другимъ, а пришла. И, усталая, опустилась на ближній могильный камень, тупо глядя на еще неоправленную могилу Селихова — длинную бурую кучу суглинка, похожую на простую муравьиную кучу... Все сложилось не такъ, какъ мечталось, не было ни думъ ни воспоминаній. Было только чувство пріятной усталости и весенней нѣжности къ кому-то—не то къ себѣ, не то къ о. Киру, не то къ Селихову... Да, да, и къ нему!

А когда она возвращалась домой, думая только одно: дай Богъ встрѣтить извозчика! —Яша таки-подстерегъ ее. Изъ часовни выходили и крестились бабы и мѣщане, нѣкоторые со слезами. И вдругъ выскочилъ на порогъ самъ Яша. Онъ былъ небольшой, тощій,—ему было уже лѣтъ восемьдесятъ,—въ длинномъ халатикѣ, подпоясанномъ веревкой, въ алой бархатной шапочкѣ, надѣтой набекрень. Усы, бородку онъ выстригалъ—они торчали у него колючими сѣрыми пучками возлѣ глубоко запавшихъ пепельныхъ губокъ. Глазки у него были хитрые-прехитрые. Поглядѣвъ на Александру Васильевну, онъ сдѣлалъ изъ руки щитокъ надъ глазами и быстро засѣменилъ къ ней.

— Радуйся, Аѳродита розоперстая!—закричалъ онъ старчески-дѣтскимъ голосомъ.

И, подбѣжавъ, поплевалъ и сунулъ ей въ руку,—какъ бы украдкой и надѣясь обрадовать,—четыре щепочки, связанныя лычкомъ.

Александра Васильевна разсердилась, что онъ испугалъ ее, и, оттолкнувъ его руку, почти побѣжала отъ него. А потомъ долго думала: что̀ значатъ эта Аѳродита и эти четыре щепочки? И почему онѣ связаны?

Часто въ эти апрѣльскіе дни она горевала, что Богъ лишилъ ее дѣтей, думала, какъ бы, если бы у нея былъ мальчикъ, назвала она его; не разъ переглядывала портреты въ вѣнчальной шкатулкѣ. Странно было видѣть дѣвушку въ мордовскомъ костюмѣ, съ невиннымъ, дѣтски-милымъ взглядомъ, кокетливо облокотившуюся на какую-то, будто бы крестьянскую изгородь, и крѣпкаго, плечистаго семинариста, съ густой шевелюрой надъ большимъ лбомъ, съ такими мрачными и все-таки лучистыми глазами, съ такимъ упрямымъ, даже злымъ выраженіемъ стиснутыхъ скулъ и такимъ нѣжнымъ очеркомъ пухлыхъ губъ! Былъ и портретъ Селихова. Онъ снимался съ какими-то молодыми чиновниками. Они кружкомъ, въ дѣланно-непринужденныхъ позахъ расположились на креслахъ, а онъ,—тоже молоденькій, щеголеватый,—зачѣмъ-то сѣлъ у ихъ ногъ на полу.

Разъ она встрѣтила возлѣ городского сада Горизонтова и слабо окликнула его. Тотъ вѣжливо раскланялся, но не отвѣтилъ. Она долго съ робостью и удивленіемъ смотрѣла ему вслѣдъ.

X.

На сороковой день никольскій причтъ служилъ панихиду въ селиховскомъ домѣ. Повисъ въ комнатахъ густой запахъ ладана, и велѣла Александра Васильевна, боясь, что у нея разболится голова отъ этого запаха, подать самоваръ подъ свою любимую яблоню въ саду. Былъ майскій день, зеленѣлъ садъ, кипѣлъ расчищенный самоваръ, бѣлѣла скатерть, блестѣла посуда, бодро велъ житейскую бесѣду веселый, съ большими поздрями, никольскій священникъ, здоровый мужчина съ широкой тугой поясницей, въ широкомъ, вышитомъ розанами поясѣ по серебристому подряснику. Отвѣчая ему, слабо улыбалась и наливала чай Александра Васильевна. Но передвигалась жидкая тѣнь яблони, пекло горячее солнце темя Александры Васильевны,—и вдругъ отнялись ея руки, ноги, поплыла красная муть передъ глазами... Когда, распахнувъ всѣ двери, внесли ее въ гостиную и положили на диванъ, она все ползла съ него, цѣплялась пухлой рукой за золотую бахрому тяжелой старинной скатерти и, захлебываясь, стонала, силясь что-то выговорить. Но отваливалась челюсть, языкъ не ворочался, въ безсмысленныхъ, безцвѣтныхъ глазахъ стояли свѣтлыя слезинки...

Однако напрасно качали надъ ней головами—ударъ былъ легкій. Видно, была еще какая-то капля меда въ чашѣ ея жизни, какъ сказалъ бы Горизонтовъ. Еще жаждало старое сердце этой капли,—и Александра Васильевна стала поправляться. Сладко утѣшаясь возврату жизни, лежа въ постели, она застѣнчиво разсказывала кухаркѣ, что подъ сороковой день всю свѣтлую майскую ночь кричала она,— чувствовала, что кричитъ, и никакъ не могла очнуться, подавленная страннымъ сномъ: вошли будто въ ея спальню два молодыхъ монаха, стали раздѣвать ее, а она отбивалась, противилась—и такъ радостно, страшно и стыдно ей было, какъ никогда въ жизни не было. Монахи одолѣли, раздѣли ее догола, положили на полъ, и она уже не могла двинуться и все только кричала—отъ стыда, страха и радости... И когда разсказывала Александра Васильевна, не выходила изъ ея души нѣжность къ о. Киру. Казалось ей, что съ восторгомъ отдала бы она эту снова обрѣтенную жизнь за одинъ только взглядъ на него, больного, одинокаго, за одно только свиданіе съ

нимъ—послѣднее... Нѣтъ, не возгласы его, не каждeніе, не поклоны усопшему врагу страшны были тогда, въ соборѣ! Страшно было глядѣть на нихъ на обоихъ, страшно было вспоминать ту радость, тотъ страхъ, ту любовь, что̀ когда-то горячей краской заливали дѣвичье лицо, чувствовать, какъ доходитъ до сердца эта далекая, еще не истлѣвшая любовь—и въ одно сливаетъ и того, кого любила она, и того, съ кѣмъ, нелюбимымъ,—а все-таки когда-то носившимъ ея зонтикъ и накидку!—прожила она всю жизнь, кто такъ нѣжно сказалъ ей когда-то, прижимая къ сердцу ея руку:

— Я желалъ бы воспользоваться этой ручкой навѣки, Александра Васильевна.

XI.

Цѣлый мѣсяцъ она жила затаенной мечтой увидать о. Кира десятаго іюня: десятаго долженъ былъ пріѣхать въ Стрѣлецкъ одинъ очень важный человѣкъ, которому готовили торжественную встрѣчу, для котораго на перекресткахъ сооружали и бѣлили мѣломъ тріумфальныя арки, чтобы потомъ увить ихъ гирляндами зелени. Съ рыжей худой модисткой Александра Васильевна сходила въ магазинъ „Общая польза“ и набрала шерстяной коричневой матеріи на новое платье. Разъ, когда примѣряли это платье, донеслось въ открытыя окна глухое громыханіе бубна, заунывное пѣніе, потомъ шумъ, крики. И модистка, и Александра Васильевна, въ кофтѣ съ однимъ рукавомъ, выскочили на крыльцо: по улицѣ бѣжалъ народъ, а возлѣ калитки о. Кира шумѣла толпа, и лохматый сапожникъ билъ бубномъ по головѣ кричавшаго серба, опять появившагося въ Стрѣлецкѣ... И Александра Васильевна горько заплакала: Боже мой, какъ, значитъ, ослабѣлъ о. Киръ!

А десятаго была страшная жара. Въ новомъ платьѣ, въ бурнусѣ, въ разноцвѣтныхъ перстняхъ на пальцахъ, Александра Васильевна поѣхала на извозчикѣ къ вокзалу. На этомъ же извозчикѣ и привезъ ее обратно городовой—мертвую: ее задавили, замяли въ толпѣ.

На панихидахъ никто не плакалъ, кромѣ модистки, очень мало знавшей покойную. Опять пріѣхалъ остроглазый господинъ, въ домѣ всѣмъ распоряжалась его властная жена. Они привезли съ собой дѣтей—большеротую бойкую дѣвочку и кадета, всё затѣвавшихъ возню и бѣготню по дому. Покойница, подъ коленкоромъ, лежала на столѣ въ залѣ, и ея никто не боялся. Завѣсили зеркала въ знакъ печали. Строго, точно вразумляя неразумную, читала псалтырь рясофорная монахиня, родственница Александры Васильевны, нарочно

пріѣхавшая изъ монастыря, изъ уѣзда,—толстая свѣжая старуха въ очкахъ, съ большимъ бѣлымъ лицомъ, точно обрѣзаннымъ чёрнымъ головнымъ уборомъ. Но ни печали ни строгости въ домѣ не было. Не унимались дѣти, беззаботно залетали мухи и шмели въ открытыя окна гостиной, за которыми сіялъ горячій день, въ которыя лился радостный свѣтъ.

Послѣ похоронъ домъ пустовалъ. Всю мебель вынесли изъ него и увезли на вокзалъ ломовые. Старухи закидали мокрымъ осиновымъ листомъ и вымыли полы, растворили всѣ двери, и вѣтеръ ходилъ по голымъ комнатамъ, которыя стали казаться темнѣе и меньше. Прилѣпили бѣлые билетики на тонкія старыя стекла—и нашелся постоялецъ, прожившійся дворянинъ Хитрово, пьяница съ висячими усами, въ котелкѣ и засаленной визиткѣ съ круглыми полами. Перебираясь на новую квартиру, онъ ѣхалъ на извозчикѣ и держалъ за ошейникъ черно-атласнаго гордона. Ломовой везъ два стула, кухонный столъ и огромный красный шкапъ—больше мебели у Хитрово не было. Занялъ дворянинъ только одну комнату и окна завѣсилъ газетами. Противъ солнца газетные листы скоро выгорѣли, порыжѣли.

XII.

Былъ іюньскій вечеръ, накрапывалъ дождь. Шелъ поѣздъ по Стрѣлецкой желѣзной дорогѣ. Въ сѣромъ темнѣющемъ вагонѣ второго класса сидѣли разные господа и говорили—нѣкоторые о томъ, кто куда ѣдетъ, нѣкоторые о непорядкахъ на русскихъ желѣзныхъ дорогахъ и вообще о Россіи, о ея богатствахъ и некультурности. Вагонъ грохоталъ и раскачивался, а жерло вагоннаго вентилятора прерывисто гудѣло, и слышно было, какъ стрекочетъ въ немъ мелкій предвечерній дождь.

Открылась впереди широкая пустая низменность, заливные луга, извилистая рѣчка, а за рѣчкой, на скатѣ полей—Стрѣлецкъ, желѣзныя и тесовыя крыши его низкихъ домовъ, колокольни, темная кладбищенская роща... По мосту поѣздъ пошелъ тише—мостъ весь визжалъ, пылъ и скрипѣлъ. Рѣчка была мутная, мелкая, городъ былъ запыленъ, казался очень бѣднымъ. Ярко заблестѣли сквозь мелкій дождь ранніе огни на станціи...

Постоявъ пятнадцать минутъ, снова тронулись. Кондукторъ зажигалъ одна объ одну короткія свѣчи. Онѣ пылали ярко, но, попадая въ тусклые фонари, сразу меркли. Перезнакомившіеся пассажиры курили, располагались на ночь и ожи-

вленно бесѣдовали. Но вотъ отворилась дверь—и съ большимъ сакомъ въ одной рукѣ, съ парусиновымъ зонтомъ въ другой, вошелъ въ вагонъ Горизонтовъ, такой большой и неуклюжій, что многіе смолкли и уставились на него. Старомодно всѣмъ раскланявшись, онъ сѣлъ въ уголокъ на маленькій диванчикъ возлѣ двери.

Больше всѣхъ говорилъ, стоя у поднятой спинки дивана и отстегивая подъ жилетомъ подтяжки, пухлый господинъ въ очкахъ, человѣкъ, какъ можно было понять изъ его словъ, московскій, извѣстный Москвѣ и придерживающійся въ вопросахъ общественныхъ мнѣній крайнихъ. Онъ выпилъ на вокзалѣ въ Стрѣлецкѣ. Измятое его лицо было красно и возбужденно. Строго блестѣли его очки, энергично падали въ разныя стороны рога сальныхъ волосъ, энергично и рѣзко лилась рѣчь. Внимательно и удивленно оглядѣвъ новаго пассажира, онъ долго притворялся, что не думаетъ о немъ, и наконецъ, не вытерпѣвъ, спросилъ:

— А вы далеко изволите ѣхать?

— А въ Москву,—не спѣша отвѣтилъ Горизонтовъ, держа свои желѣзныя руки на зонтѣ, поставленномъ между колѣнъ.

Господинъ въ очкахъ подумалъ, оглядывая его.

— А жить, вѣроятно, изволите въ томъ городкѣ, который мы только-что проѣхали?

— Да, я изъ Стрѣлецка.

— И въ Москву, конечно, по дѣламъ?

— По дѣламъ, — сказалъ Горизонтовъ. — Веду переговоры съ анатомическимъ театромъ московскаго Императорскаго университета. Московскій Императорскій университетъ, получивъ отъ меня фотографическую карточку во весь ростъ и предложеніе купить послѣ смерти моей мой костякъ, отвѣтилъ мнѣ принципіальнымъ согласіемъ.

— Какъ? — съ изумленіемъ воскликнулъ господинъ въ очкахъ.—Вы продаете собственный скелетъ?

— А почему бы и нѣтъ?—сказалъ Горизонтовъ.—Разъ эта сдѣлка увеличиваетъ мое благосостояніе и не наноситъ мнѣ никакого ущерба...

— Но позвольте!—перебилъ господинъ въ очкахъ.—И вамъ не странно... да скажу даже—не жутко совершать подобную сдѣлку?

— Ничуть, — отвѣтилъ Горизонтовъ.—Надѣюсь, что московскому Императорскому университету придется еще не скоро воспользоваться своимъ пріобрѣтеніемъ. Надѣюсь, судя по тому запасу силъ, который есть во мнѣ, прожить никакъ не менѣе девяноста пяти лѣтъ.

Въ окнѣ, куда поглядывалъ онъ, отвѣчая, уже отражалась свѣча, горѣвшая въ вагонномъ фонарѣ, и, отражаясь, какъ бы висѣла въ воздухѣ за окномъ. Проходили мимо косогоры въ зеленыхъ хлѣбахъ, низко висѣло надъ ними облачное небо. Гудѣло жерло вентилятора, говорили и смѣялись въ вагонѣ... А тамъ, въ Стрѣлецкѣ, на его темнѣющихъ улицахъ, было пусто и тихо. На лавочкѣ возлѣ хибарки сапожника сидѣлъ квартировавшій у него Желудь, гнутый старичокъ въ кумачной рубашкѣ, и напѣвалъ что-то беззаботное. Лежалъ въ своемъ темномъ домѣ уже давно невстающій съ постели, сѣдовласый, распухшій, съ заплывшими мрачными глазами о. Киръ. Двоянинъ Хитрово былъ трезвъ и осторожно ходилъ за своимъ гордономъ, съ ружьемъ на перевѣсъ, по мокрымъ овсамъ возлѣ кладбищенской рощи, выпугивая перепеловъ и наугадъ стрѣляя въ сумеречный воздухъ, въ мелкій дождь. Вѣчнымъ сномъ спали въ кладбищенской рощѣ Александра Васильевна и Селиховъ—рядомъ были бугры ихъ могилъ. А Яша работалъ въ своей часовнѣ надъ склепомъ купца Ершова. Отпустивъ посѣтителей, весь день плакавшихъ передъ нимъ и цѣловавшихъ его руки, онъ зажегъ восковой огарокъ и освѣтилъ свой засаленный халатикъ, свою ермолку и заросшее сѣдой щетинкой личико, съ колючими, хитрыми-прехитрыми глазками. Онъ работалъ пристально: стоялъ онъ возлѣ стѣны, плевалъ на нее и затиралъ апельсинами, дарами своихъ поклонницъ.

2. IX. 1913.

ГРАММАТИКА ЛЮБВИ.

Нѣкто Ивлевъ ѣхалъ однажды въ началѣ іюня въ дальній край своего уѣзда.

Тарантасъ съ кривымъ пыльнымъ верхомъ далъ ему шуринъ, въ имѣніи котораго онъ проводилъ лѣто. Тройку лошадей, мелкихъ, но справныхъ, съ густыми сбитыми гривами, нанялъ онъ на деревнѣ, у богатаго мужика. Правилъ ими сынъ этого мужика, малый лѣтъ восемнадцати, тупой, хозяйственный. Онъ все о чемъ-то недовольно думалъ, былъ какъ будто чѣмъ-то обиженъ, не понималъ шутокъ. И, убѣдившись, что съ нимъ не разговоришься, Ивлевъ отдался той спокойной и безцѣльной наблюдательности, которая такъ идетъ къ ладу копытъ и громыханію бубенчиковъ.

Ѣхать сначала было очень пріятно: теплый, тусклый день, хорошо накатанная дорога, въ поляхъ множество цвѣтовъ и жаворонковъ; съ хлѣбовъ, съ невысокихъ сизыхъ ржей, простиравшихся насколько глазъ хватитъ, дулъ сладкій вѣтерокъ—несъ по ихъ косякамъ цвѣточную пыль, мѣстами дымилъ ею, и вдали отъ нея было даже туманно. Малый, въ новомъ картузѣ и неуклюжемъ люстриновомъ пиджакѣ, сидѣлъ прямо; то, что лошади всецѣло ввѣрены ему и что онъ наряженъ, дѣлало его особенно серьезнымъ. А лошади какъ-то шлялп и не спѣша бѣжали, валекъ пристяжки порою скребъ по колесу, порою натягивался, и все время мелькала подъ нимъ бѣлой сталью стертая подкова.

— Къ графу будемъ заѣзжать?—спросилъ малый, не оборачиваясь, когда впереди показалась деревня, замыкавшая горизонтъ своими лозинами и садомъ.

— А зачѣмъ?—сказалъ Ивлевъ

Малый, помолчавъ и сбивъ кнутомъ прилипшаго къ лошади крупнаго овода, сумрачно отвѣтилъ:

— Да чай пить...

— Не чай у тебя въ головѣ!—сказалъ Ивлевъ.—Все лошадей жалѣешь.

— Лошадь ѣзды не боится, она корму боится,—отвѣтилъ малый положительно.

Ивлевъ поглядѣлъ кругомъ: погода поскучнѣла, со всѣхъ сторонъ натянуло линючихъ тучъ, и уже накрапывало—эти скромные деньки всегда оканчиваются окладными дождями. Но спорить не хотѣлось. Старикъ въ очкахъ, пахавшій возлѣ деревни, сказалъ, что дома одна молодая графиня, но все-таки заѣхали. Малый натянулъ на плечи армякъ и, довольный тѣмъ, что лошади отдыхаютъ, спокойно мокъ подъ дождемъ на козлахъ тарантаса, остановившагося среди грязнаго двора, возлѣ каменнаго корыта, вросшаго въ землю, истыканную копытами скота. Онъ оглядывалъ свои сапоги, поправлялъ кнутовищемъ шлею на коренникѣ; а Ивлевъ сидѣлъ въ темнѣющей отъ дождя гостиной, болталъ съ графиней и ждалъ чаю: уже пахло горящей лучиной, густо плылъ мимо открытыхъ оконъ зеленый дымъ самовара, который босая дѣвка набивала на крыльцѣ пуками ярко пылающихъ щепокъ, обливая ихъ керосиномъ. Графиня была въ широкомъ розовомъ капотѣ, съ открытой напудренной грудью; она курила, глубоко затягиваясь, часто поправляла волосы, до плечей обнажая свои тугія и круглыя руки; затягиваясь и смѣясь, она все сводила разговоръ на любовь, и между прочимъ разсказывала про своего близкаго сосѣда, помѣщика Хвощинскаго, который, какъ зналъ Ивлевъ еще съ дѣтства, всю жизнь былъ помѣшанъ на любви къ своей горничной Лушкѣ, умершей въ ранней молодости. — „Ахъ, эта легендарная Лушка!—замѣтилъ Ивлевъ шутливо, слегка конфузясь своего признанія. — Оттого, что этотъ чудакъ обоготворилъ ее, всю жизнь посвятилъ сумасшедшимъ мечтамъ о ней, я въ молодости былъ почти влюбленъ въ нее, воображалъ, думая о ней, Богъ знаетъ что̀, хотя она, говорятъ, совсѣмъ нехороша была собой“. — „Да? — сказала графиня, не слушая. — Онъ вѣдь, знаете, умеръ нынѣшней зимой. И Писаревъ, единственный, кого онъ иногда допускалъ къ себѣ по старой дружбѣ, утверждаетъ, что во всемъ остальномъ онъ нисколько не былъ помѣшанъ, и я вполнѣ вѣрю этому—просто онъ былъ не теперешнимъ чета...“ Наконецъ босая дѣвка съ необыкновенной осторожностью подала на старомъ серебряномъ подносѣ стаканъ крѣпкаго сиваго чая изъ прудовки и корзиночку съ печеньемъ, засиженнымъ мухами.

Когда поѣхали дальше, дождь разошелся уже по-настоящему. Пришлось поднять верхъ, закрыться калянымъ, ссохшимся фартукомъ, сидѣть согнувшись. Но громыхали глухарями лошади, по ихъ темнымъ и блестящимъ ляжкамъ бѣжали струйки, подъ колесами сочно шуршали травы какого-то рубежа среди хлѣбовъ, гдѣ малый поѣхалъ въ надеждѣ сократить путь, подъ верхъ набирался теплый ржаной духъ, мѣшавшійся съ запахомъ стараго тарантаса,—ѣхать было все-таки отлично.—„Такъ вотъ оно что̀, Хвощинскій умеръ,—думалъ Ивлевъ.—Надо непремѣнно заѣхать, хоть взглянуть на это опустѣвшее святилище таинственной Лушки... Но что̀ въ самомъ дѣлѣ былъ за человѣкъ этотъ Хвощинскій? Сумасшедшій или просто какая-то ошеломленная, вся на одномъ сосредоточенная душа?“ По разсказамъ стариковъ-помѣщиковъ, сверстниковъ Хвощинскаго, онъ когда-то слылъ въ уѣздѣ за рѣдкаго умницу. И вдругъ свалилась на него эта любовь, эта Лушка, потомъ неожиданная смерть ея,—и все пошло прахомъ: онъ затворился въ домѣ, въ той комнатѣ, гдѣ жила и умерла Лушка, и больше двадцати лѣтъ просидѣлъ на ея кровати—не только никуда не выѣзжалъ, а даже у себя въ усадьбѣ не показывался никому, насквозь просидѣлъ матрасъ на Лушкиной кровати и Лушкиному вліянію приписывалъ буквально все, что̀ совершалось въ мірѣ: гроза заходитъ—это Лушка насылаетъ грозу, объявлена война—значитъ, такъ Лушка рѣшила, неурожай случился—не угодили мужики Лушкѣ...

— Ты на Хвощинское, что ли, ѣдешь?—крикнулъ Ивлевъ, высовываясь подъ дождь.

— На Хвощинское,—невнятно отозвался сквозь шумъ дождя малый, съ обвисшаго картуза котораго уже текла вода.—На этотъ, на писаревъ верхъ...

Такого пути Ивлевъ не зналъ. Мѣста становились все бѣднѣе и глуше. Кончился рубежъ, лошади пошли шагомъ и спустили покосившійся тарантасъ размытой колдобиной подъ горку, въ какіе-то еще некошенные луга, зеленые скаты которыхъ грустно выдѣлялись на низкихъ тучахъ. Потомъ дорога, то пропадая, то возобновляясь, стала переходить съ одного бока на другой по днищамъ овраговъ, по буеракамъ въ ольховыхъ кустарникахъ и верболозахъ... Была чья-то маленькая пасѣка, нѣсколько колодокъ, стоявшихъ на скатѣ въ высокой травѣ, краснѣющей земляникой... Объѣхали какую-то старую плотину, потонувшую въ крапивѣ, и давно высохшій прудъ—глубокую яругу, заросшую бурьянами выше человѣческаго роста... Пара черныхъ куличковъ съ плачемъ

метнулась изъ нихъ въ дождливое небо. А на плотинѣ, среди крапивы, мелкими блѣдно-розовыми цвѣточками цвѣлъ большой старый кустъ, то милое деревцо, которое зовутъ „божьимъ деревомъ“,—и вдругъ Ивлевъ вспомнилъ мѣста, вспомнилъ, что не разъ ѣздилъ тутъ въ молодости верхомъ, съ ружьемъ за плечами...

— Говорятъ, она тутъ утопилась-то,—неожиданно сказалъ малый и даже обернулся слегка.

— Ты про любовницу Хвощинскаго, что ли?—спросилъ Ивлевъ.—Это неправда, она и не думала топиться.

— Нѣтъ, утопилась,—сказалъ малый.—Ну только думается, онъ скорѣй всего отъ бѣдности отъ своей сшелъ съ ума, а не отъ ней...

И, помолчавъ, прибавилъ:

— А намъ наконецъ опять надо заѣзжать... въ это, въ Хвощино-то.

— Сдѣлай милость, — сказалъ Ивлевъ. — Только почему „наконецъ“?

— Лошади уморились, вотъ почему, — отвѣтилъ малый грубо, пошевеливая вожжами надъ тройкой, взбиравшейся на бугоръ.

На бугрѣ, куда вела оловянная отъ дождевой воды дорога, на мѣстѣ сведеннаго лѣса, среди мокрой, гніющей щепы и листвы, среди шпей и молодой осиновой поросли, горько и свѣжо пахнущей, одиноко стояла изба. Ни души не было кругомъ,—только овсянки, сидя подъ дождемъ на высокихъ цвѣтахъ, звенѣли на весь рѣдкій лѣсъ, поднимавшійся за избою,—но, когда тройка, шлепая по грязи, поровнялась съ ея порогомъ, откуда-то вырвалась цѣлая орава громадныхъ собакъ, черныхъ, шоколадныхъ, дымчатыхъ, и съ яростнымъ лаемъ закипѣла вокругъ лошадей, взвиваясь къ самымъ ихъ мордамъ, налету перевертываясь и прядая даже подъ верхъ тарантаса. Въ то же время и столь же неожиданно небо надъ тарантасомъ раскололось отъ оглушительнаго удара грома, ни разу не гремѣвшаго за весь день, а малый съ остервенѣніемъ кинулся драть собакъ кнутомъ—и лошади вскачь понесли среди замелькавшихъ передъ глазами осиновыхъ стволовъ...

За лѣсомъ уже видно было Хвощинское. Собаки отстали и сразу смолкли, дѣловито побѣжали назадъ, лѣсъ разступился, и впереди опять открылись поля. Вечерѣло, и тучи не то расходились, не то заходили теперь съ трехъ сторонъ: слѣва—почти черная, съ голубыми просвѣтами, справа—сѣдая, грохочущая непрерывнымъ громомъ, а съ запада, изъ-за хво-

щинской усадьбы, изъ-за косогоровъ надъ рѣчной долиной,— мутно-синяя, въ пыльныхъ полосахъ дождя, сквозь которыя розовѣли горы дальнихъ облаковъ. Но надъ тарантасомъ дождь рѣдѣлъ, и, приподнявшись, Ивлевъ, весь закиданный грязью, съ удовольствіемъ завалилъ назадъ отяжелѣвшій верхъ и свободно вздохнулъ пахучей сыростью поля.

Онъ глядѣлъ на приближающуюся усадьбу, видѣлъ наконецъ то, о чемъ слышалъ такъ много, но попрежнему казалось, что жила и умерла Лушка не двадцать лѣтъ тому назадъ, а чуть ли не во времена незапамятныя. По долинѣ терялся въ кругѣ слѣдъ мелкой рѣчки, и надъ ней летала бѣлая рыбалка. Дальше, на полугорѣ, лежали ряды сѣна, потемнѣвшіе отъ дождя, а среди нихъ, далеко другъ отъ друга, раскидывались старые серебристые тополи. Домъ, довольно большой, когда-то бѣленый, съ блестящей мокрой крышей, стоялъ на совершенно голомъ мѣстѣ. Не было кругомъ ни сада ни построекъ—только два кирпичныхъ столба на мѣстѣ воротъ да лопухи по канавамъ. Когда лошади вбродъ перешли рѣчку и поднялись на гору, какая-то женщина въ лѣтнемъ мужскомъ пальто съ обвисшими карманами гнала по лопухамъ индюшекъ. Фасадъ дома былъ необыкновенно скученъ: оконъ въ немъ было мало, и всѣ они были невелики, сидѣли въ толстыхъ стѣнахъ. Зато огромны были мрачныя крыльца. Съ одного изъ нихъ удивленно глядѣлъ на подъѣзжающихъ молодой человѣкъ въ сѣрой гимназической блузѣ, подпоясанной широкимъ ремнемъ, черный, съ красивыми глазами и очень миловидный, хотя лицо его было блѣдно и отъ веснушекъ пестро, какъ птичье яйцо.

Нужно было чѣмъ-нибудь объяснить свой заѣздъ. Поднявшись на крыльцо и назвавъ себя, Ивлевъ сказалъ, что хочетъ посмотрѣть и можетъ-быть, купить библіотеку, которая, какъ говорила графиня, осталась отъ покойнаго. И молодой человѣкъ, густо покраснѣвъ и одергивая сзади свою блузу, тотчасъ повелъ его въ домъ. — „Такъ вотъ это и есть сынъ знаменитой Лушки!“—подумалъ Ивлевъ, окидывая глазами все, что̀ было на пути, и часто оглядываясь и говоря что̀ попало, лишь бы лишній разъ взглянуть на хозяина, который казался слишкомъ моложавъ для своихъ лѣтъ. Тотъ отвѣчалъ поспѣшно, но односложно, путался, видимо, и отъ застѣнчивости и отъ жадности: что онъ страшно обрадовался возможности продать книги и вообразилъ, что сбудетъ ихъ недешево, сказалось въ первыхъ же его словахъ, въ той неловкой торопливости, съ которой онъ заявилъ, что такихъ книгъ, какъ у него, ни за какія деньги нельзя достать.

Черезъ полутемныя сѣни, гдѣ была настлана красная отъ сырости солома, онъ ввелъ Ивлева въ большую переднюю.

— Тутъ вотъ и жилъ вашъ батюшка?—спросилъ Ивлевъ, входя и снимая шляпу.

— Да, да, тутъ,—поспѣшилъ отвѣтить молодой человѣкъ.— То-есть, конечно, не тутъ, не совсѣмъ тутъ... они вѣдь больше всего въ спальнѣ сидѣли... Но, конечно, и тутъ бывали... по почамъ, то-есть...

— Да, я знаю, онъ вѣдь уже давно былъ боленъ,—сказалъ Ивлевъ.

Молодой человѣкъ вспыхнулъ.

— То-есть чѣмъ боленъ?—спросилъ онъ, и въ голосѣ его послышались болѣе мужественныя ноты.—Нѣтъ, это не правда, это все сплетни, они умственно нисколько не были больны... Они только читали по цѣлымъ днямъ и никуда не выходили, вотъ и все... Да нѣтъ, вы, пожалуйста, не снимайте шляпу, тутъ очень холодно, мы вѣдь не живемъ въ этой половинѣ...

Правда, въ домѣ было гораздо холоднѣе, чѣмъ на воздухѣ. Въ непривѣтливой передней, оклеенной газетами, на подоконникѣ печальнаго отъ тучъ окна стояла лубяная перепелиная клѣтка. По полу самъ собою прыгалъ сѣрый мѣшочекъ. Наклонившись, молодой человѣкъ поймалъ его и положилъ на лавку, и Ивлевъ понялъ, что въ мѣшочкѣ сидитъ перепелъ. Затѣмъ вошли въ залъ. Эта комната, окнами на западъ и на сѣверъ, занимала чуть не половину всего дома. Въ одно окно, на золотѣ расчищающейся за тучами зари, видна была столѣтняя, вся черная плакучая береза, въ остальныя—высокій засыхающій акатникъ. Передній уголъ весь былъ занятъ божницей безъ стеколъ, уставленной и увѣшанной образами; среди нихъ выдѣлялся и величиной и древностью образъ въ серебряной ризѣ, и на немъ, желтѣя воскомъ, какъ мертвымъ тѣломъ, лежали вѣнчальныя свѣчи въ блѣдно-зеленыхъ бантахъ.

— Простите, пожалуйста,—началъ-было Ивлевъ, превозмогая стыдъ:—развѣ вашъ батюшка...

— Нѣтъ, это такъ,—пробормоталъ молодой человѣкъ, мгновенно понявъ его.—Они такъ ее любили, что... уже послѣ ея смерти купили эти свѣчи... и даже обручальное кольцо всегда носили...

Мебель въ залѣ была собрана какая попало и все топорная. Зато въ простѣнкахъ стояли прекрасныя горки, полныя съ верху до низу фарфоровыми вещицами, хрусталемъ, чайной посудой и бокалами въ золотыхъ ободкахъ. А полъ весь былъ усѣянъ колѣлыми пчелами, которыя щелкали подъ ногами.

Пчелами усыпана была и гостиная, совершенно пустая. Пройдя ее и еще какую-то сумрачную комнату съ лежанкой, съ черными масляными картинами на синихъ стѣнахъ, молодой человѣкъ остановился возлѣ низенькой двойной двери и вынулъ изъ кармана брюкъ большой ключъ. Съ трудомъ повернувъ его въ ржавой замочной скважинѣ, онъ распахнулъ двери, что-то пробормоталъ, — и Ивлевъ увидѣлъ почти каморку, въ два окна; у одной стѣны ея стояла желѣзная голая койка, у другой — два книжныхъ шкапчика изъ корельской березы.

— Это и есть библіотека?—спросилъ Ивлевъ, подходя къ одному изъ нихъ.

И молодой человѣкъ, поспѣшивъ отвѣтить утвердительно, помогъ ему растворить шкапчикъ и жадно сталъ слѣдить за его руками.

Престранныя книги составляли эту библіотеку! Раскрывалъ Ивлевъ толстые переплеты, отворачивалъ шершавую сѣрую страницу и читалъ: „Заклятое урочище“... „Утренняя звѣзда и ночные демоны“... „Размышленія о таинствахъ мірозданія“... „Чудесное путешествіе въ волшебный край“... „Новѣйшій сонникъ“... А руки все-таки слегка дрожали. Такъ вотъ чѣмъ питалась та одинокая душа, что̀ навсегда затворилась отъ міра въ этой каморкѣ и еще такъ недавно ушла изъ нея!.. Но, можетъ-быть, она, эта душа, и впрямь не совсѣмъ была безумна? „Есть бытіе,—вспомнилъ Ивлевъ стихи Баратынскаго,—есть бытіе, но именемъ какимъ его назвать? Ни сонъ оно, ни бдѣніе: — *межъ нихъ оно*, и въ человѣкѣ имъ съ безумiемъ граничитъ разумѣнье...“ Расчистило на западѣ, золото глядѣло оттуда изъ-за красивыхъ лиловатыхъ облаковъ и странно озаряло этотъ бѣдный пріютъ любви, любви непонятной, въ какое-то экстатическое житіе превратившей цѣлую человѣческую жизнь, которой, можетъ, надлежало быть самой обыденной жизнью, не случись какой-то загадочной въ своемъ обаяніи Лушки...

Взявъ изъ-подъ койки скамеечку, Ивлевъ сѣлъ передъ шкапомъ и вынулъ папиросы, незамѣтно оглядывая и запоминая комнату.

— Вы курите? — спросилъ онъ молодого человѣка, стоявшаго надъ нимъ.

Тотъ опять покраснѣлъ.

— Курю,—пробормоталъ онъ и попытался улыбнуться: — То-есть не то что курю, скорѣе балуюсь... А впрочемъ, позвольте, очень благодаренъ вамъ...

И, неловко взявъ папиросу, закурилъ дрожащими руками,

отошелъ къ подоконнику и наполовину сѣлъ на него, загораживая желтый свѣтъ зари.

— А это что?—спросилъ Ивлевъ, наклоняясь къ средней полкѣ, на которой лежала только одна очень маленькая книжечка, похожая на молитвенникъ, и стояла шкатулка, углы которой были обдѣланы въ серебро, стертое и побѣлѣвшее отъ времени.

— Это такъ... ожерелье покойной матушки,—запнувшись, но стараясь говорить небрежно, отвѣтилъ молодой человѣкъ.

— Можно взглянуть?

— Пожалуйста... хотя оно вѣдь очень простое... вамъ не можетъ быть интересно...

И, открывъ шкатулку, Ивлевъ увидѣлъ заношенный шнурокъ, а на немъ—снизку дѣйствительно очень дешевенькихъ голубыхъ шариковъ, похожихъ на каменные. И такое волненіе овладѣло имъ при взглядѣ на эти шарики, нѣкогда лежавшіе на шеѣ той, которой суждено было быть столь любимой и чей смутный образъ уже не могъ не быть прекраснымъ, что зарябило въ глазахъ отъ сердцебіенія... Насмотрѣвшись, Ивлевъ осторожно поставилъ шкатулку на мѣсто; потомъ взялся за книжечку. Это была крохотная, прелестно изданная почти сто лѣтъ тому назадъ „Грамматика любви, или искусство любить и быть взаимно любимымъ“.

— Эту книжку я, къ сожалѣнію, не могу продать,—съ трудомъ проговорилъ молодой человѣкъ.—Она очень дорогая... они даже подъ подушку ее себѣ клали...

— Но, можетъ-быть, вы позволите хоть посмотрѣть ее?—сказалъ Ивлевъ.

— Пожалуйста,—прошепталъ молодой человѣкъ

И, превозмогая неловкость, смутно томясь его пристальнымъ взглядомъ, Ивлевъ сталъ медленно перелистывать „Грамматику любви“. Она вся дѣлилась на маленькія главы: „о красотѣ, о сердцѣ, объ умѣ, объ обращеніи, о знакахъ любовныхъ, о нападеніи и защищеніи, о размолвкѣ и примиреніи, о любви платонической“... Каждая глава состояла изъ коротенькихъ, изящныхъ, порою очень тонкихъ сентенцій, и нѣкоторыя изъ нихъ были деликатно отмѣчены перомъ, красными чернилами.—„Любовь не есть простая эпизода въ нашей жизни,—читалъ Ивлевъ.—Разумъ нашъ противорѣчитъ сердцу и не убѣждаетъ онаго.—Женщины никогда не бываютъ такъ сильны, какъ когда онѣ вооружаются слабостью.—Женщину мы обожаемъ за то, что она владычествуетъ надъ нашей мечтой идеальной.—Тщеславіе выбираетъ, истинная любовь не выбираетъ.—Женщина прекрасная должна занимать вторую ступень; первая при-

надлежитъ женщинѣ милой. Сія-то дѣлается владычицей нашего сердца: прежде нежели мы отдадимъ о ней отчетъ сами себѣ, сердце наше дѣлается невольникомъ любви навѣки“... Затѣмъ шло „изъясненіе языка цвѣтовъ“, и опять кое-что было отмѣчено, и опять съ выборомъ, отвѣчавшимъ душѣ покойнаго: „Дикой макъ—печаль.—Верескледъ—твоя прелесть запечатлѣна въ моемъ сердцѣ.—Могильница—сладостныя воспоминанія.—Печальный гераній—меланхолія.—Полынь—вѣчная горесть“... А на чистой страничкѣ въ самомъ концѣ было мелко, бисерно написано тѣми же красными чернилами восьмистишіе. Молодой человѣкъ вытянулъ шею, заглядывая въ „Грамматику любви“, и, краснѣя, сказалъ съ дѣланной усмѣшкой:

— Это они сами сочинили... Даже разъ призвали меня и прочли...

Черезъ полчаса Ивлевъ съ облегченіемъ простился съ нимъ. Изъ всѣхъ книгъ онъ за очень дорогую цѣну купилъ только эту книжечку. Мутно-золотая заря блекла въ облакахъ за полями, желто отсвѣчивала въ лужахъ, мокро и зелено было въ поляхъ. Малый не спѣшилъ, но Ивлевъ не понукалъ его. Малый разсказывалъ, что та женщина, которая давеча гнала по лопухамъ индюшекъ,—жена березовскаго дьякона, что молодой Хвощинскій уже давно живетъ съ нею, что у него уже есть дѣти. Ивлевъ не слушалъ. Онъ все думалъ о Лушкѣ, о ея ожерельѣ, которое оставило въ немъ чувство сложное, похожее на то, какое испыталъ онъ когда-то въ одномъ итальянскомъ городкѣ при взглядѣ на реликвіи одной святой.—„Вошла она навсегда въ мою жизнь!“—подумалъ онъ. И, вынувъ изъ кармана „Грамматику любви“, медленно перечиталъ при свѣтѣ зари стихи, написанные на ея послѣдней страницѣ:

Обречены съ тобой мы оба
На грусть въ семъ мірѣ лжи и зла!
Моя любовь была до гроба,
Она со мною умерла.

Но ей сердца любившихъ скажутъ:
„Въ преданьяхъ сладостныхъ живи!“
И правнукамъ своимъ покажутъ
Сію Грамматику Любви.

Москва. 18. II. 1915.

БРАТЬЯ.

Взгляни на братьевъ, избивающихъ другъ друга. Я хочу говорить о печали.

Сутта Нипата.

Дорога изъ Коломбо вдоль океана идетъ въ густыхъ кокосовыхъ лѣсахъ. Справа, въ ихъ тѣнистой глубинѣ, испещренной солнечнымъ свѣтомъ, подъ высокимъ навѣсомъ перистыхъ метелокъ-верхушекъ, разбросаны сингалезскія хижины, полускрытыя блѣдно-зелеными лопастями банановъ, похожихъ на гигантскую кукурузу, такія низенькія по сравненію съ окружающимъ ихъ тропическимъ лѣсомъ. Слѣва, среди высокихъ и тонкихъ, въ разныя стороны и причудливо изогнутыхъ темнокольчатыхъ стволовъ, стелются глубокіе шелковистые пески, блещетъ золотое, жаркое зеркало водной глади и стоятъ на ней, какъ бы мѣшаются со стволами грубые паруса первобытныхъ пирогъ, утлыхъ сигарообразныхъ дубковъ. На пескахъ, въ райской наготѣ, валяются кофейныя тѣла черноволосыхъ подростковъ. Много этихъ тѣлъ плещется со смѣхомъ, крикомъ и въ теплой прозрачной водѣ каменистаго прибрежья... Казалось бы, зачѣмъ имъ, этимъ лѣснымъ людямъ, прямымъ наслѣдникамъ земли прародителей, какъ и теперь еще называютъ Цейлонъ, зачѣмъ имъ города, центы, рупіи? Развѣ не все даютъ имъ лѣсъ, океанъ, солнце? Однако, входя въ лѣта, одни изъ нихъ торгуютъ, другіе работаютъ на рисовыхъ и чайныхъ плантаціяхъ, третьи — на сѣверѣ острова— ловятъ вмѣстѣ съ неграми жемчугъ, опускаясь на дно океана и поднимаясь оттуда съ кровавыми глазами, четвертые замѣняютъ лошадей,—возятъ европейцевъ по городамъ и окрестностямъ ихъ, по темно-краснымъ тропинкамъ, осѣненнымъ громадными сводами лѣсной зелени, по тому „кабуку“, изъ котораго и былъ созданъ Адамъ: лошади плохо переносятъ

цейлонскій зной,—даже австралійскія,—всякій богатый резидентъ, который держитъ лошадь, отправляетъ ее на лѣто въ горы, въ Кэнди, въ Нурилью.

На лѣвую руку рикши, между плечомъ и локтемъ, англичане, нынѣшніе хозяева острова, надѣваютъ бляху съ номеромъ. Есть простые номера, есть особенные. Старику-сингалезу, рикшѣ, жившему въ одной изъ лѣсныхъ хижинъ подъ Коломбо, достался особенный, седьмой номеръ. „Зачѣмъ,—сказалъ бы Возвышенный:—зачѣмъ, монахи, захотѣлъ этотъ старый человѣкъ умножить свои земныя горести?“—„Затѣмъ,—отвѣтили бы монахи:—затѣмъ, Возвышенный, захотѣлъ этотъ старый человѣкъ умножить свои земныя горести, что былъ онъ движимъ земной любовью, тѣмъ, что отъ вѣка призываетъ всѣ существа къ существованію“. Онъ имѣлъ жену, сына и много маленькихъ дѣтей, не боясь того, что „кто имѣетъ ихъ, тотъ имѣетъ и заботу о нихъ“. Онъ былъ почти черенъ, очень худъ и невзраченъ, похожъ и на подростка и на женщину; посѣрѣли его длинные волосы, въ пучокъ собранные на затылкѣ и смазанные кокосовымъ масломъ, сморщилась кожа по всему тѣлу, или, лучше сказать, по костямъ; на бѣгу потъ ручьями лилъ съ его носа, подбородка и тряпки, повязанной вокругъ жидкаго таза, узкая грудь дышала со свистомъ и хрипомъ; но, подкрѣпляя себя дурманомъ бетеля, нажевывая и сплевывая кровавую пѣну, пачкая усы и губы, бѣгалъ онъ быстро, и бѣлые, катавшіеся въ его черной лакированной колясочкѣ по знойному городу, по темно-краснымъ, мягкимъ отъ солнца и пахнущимъ цвѣточнымъ перегноемъ и нефтью мостовымъ, были довольны.

Движимый любовью, онъ не для себя, а для семьи, для сына хотѣлъ счастья, того, что̀ не суждено было, не далось ему самому. По-англійски онъ зналъ плохо, названія мѣстъ, куда надо было бѣжать, разбиралъ не сразу—и часто бѣжалъ наугадъ. Колясочка рикши очень мала; она съ откиднымъ верхомъ, колеса ея тонки и высоки, оглобли не толще хорошей трости. И вотъ влѣзаетъ въ нее большой бѣлоглазый человѣкъ, весь въ бѣломъ, въ бѣломъ шлемѣ, въ грубой, но дорогой обуви, усаживается плотно, кладетъ ногу на ногу и сдержанно-повелительно, въ горло себѣ, каркаетъ. Подхвативъ оглобли, старикъ припадаетъ къ землѣ и стрѣлой летитъ впередъ, едва касается земли легкими ступнями. Человѣкъ въ шлемѣ, держа палку въ конопатыхъ рукахъ, задумался о дѣлахъ, заглядѣлся — и вдругъ выкатываетъ глаза: да онъ мчится совсѣмъ не туда, куда надо! Грозно раздается его горловой окрикъ,—и ужасъ мелькаетъ въ коринкахъ на мгно-

веніе обернувшагося старика. А, значитъ, надо еще шибче!— думаетъ онъ — и еще туже влегаетъ въ оглобли... Короче сказать, не мало палокъ влетѣло ему въ спину, въ черныя лопаточки, вѣчно сдвинутыя въ чаяніи удара. Но не мало и лишнихъ центовъ сорвалъ онъ съ англичанъ: осадивъ себя на всемъ бѣгу у подъѣзда какого-нибудь отеля или конторы и бросивъ оглобли, онъ такъ жалостно морщился, такъ поспѣшно выкидывалъ впередъ длинныя тонкія руки, сложивъ ковшикомъ мокрыя обезьяньи ладони, что нельзя было не прибавить.

Разъ прибѣжалъ онъ домой совсѣмъ не въ урочное время: въ самый жаръ полдня, когда золотыми стрѣлами снуютъ въ лѣсахъ тѣ лимонныя птички, что̀ называются солнечными, когда такъ весело и рѣзко вскрикиваютъ зеленые попугаи, срываясь съ деревьевъ и радугой сверкая въ пестротѣ лѣсовъ, въ ихъ тѣни и лаковомъ блескѣ, когда такъ сладко и тяжело пахнутъ въ оградахъ старыхъ буддійскихъ вихаръ, крытыхъ черепицей, сливочные цвѣты безлиственнаго жертвеннаго дерева, похожіе на маленькія туберозы, такими яркими самоцвѣтами переливаются толстогорлые хамелеоны, мелькая и по гладкимъ, и по кольчатымъ, какъ хоботъ слона, стволамъ деревьевъ, такъ много рѣетъ и замираетъ на солнцѣ огромныхъ пышныхъ бабочекъ и агатовымъ зерномъ кишатъ, текутъ горячіе бурые холмики муравьевъ. Все въ лѣсахъ пѣло и славило бога жизни-смерти Мару, бога „жажды существованія“, все гонялось другъ за другомъ, радовалось краткой радостью, истребляя другъ друга, а старый рикша, уже ничего не жаждавшій, кромѣ прекращенія своихъ мученій, легъ въ душномъ сумракѣ своей мазанки, подъ ея пересохшей лиственной крышей, шуршащей красными змѣйками, и къ вечеру умеръ — отъ ледяныхъ судорогъ и водяного поноса. Жизнь его угасла вмѣстѣ съ солнцемъ, закатившимся за сиреневой гладью великихъ водныхъ пространствъ, уходящихъ къ западу, въ пурпуръ, пепелъ и золото великолѣпнѣйшихъ въ мірѣ облаковъ, — и настала ночь, въ которую въ лѣсахъ подъ Коломбо остался отъ рикши только маленькій скорченный трупъ, потерявшій свой номеръ, свое имя, какъ теряетъ свое названіе рѣка Келани, достигнувъ океана. Солнце, заходя, переходитъ въ вѣтеръ; а во что переходитъ умершій?.. Ночь быстро гасила сказочно-нѣжныя, розовыя и зеленыя краски минутныхъ сумерекъ, летучія лисицы безшумно проносились подъ вѣтвями, ища ночлега, и черной жаркой тьмой наполнялись лѣса, загораясь миріадами свѣтящихся мухъ и таинственно, знойно звеня цикадами и цвѣтами, въ которыхъ жи-

вутъ мелкія древесныя лягушки. Въ далекой лѣсной кумирнѣ, передъ лампадкой, чуть мерцавшей на черномъ жертвенникѣ, облитомъ кокосовымъ масломъ и усыпанномъ рисомъ и увядшими цвѣточными лепестками, на правомъ боку, кротко подложивъ ручку подъ голову, покоился Возвышенный, гигантъ изъ сандальнаго дерева, съ широкимъ позолоченнымъ лицомъ и длинными косыми глазами изъ сапфира, съ улыбкой мирной грусти на тонкихъ губахъ. На спинѣ лежалъ въ темной хижинѣ рикша, и смертная мука искажала его жалкія черты, ибо не дошелъ до него голосъ Возвышеннаго, призывавшій къ отреченію отъ земной любви, ибо за могилой ждала его новая скорбная жизнь, слѣдъ неправой прежней. Зубастая старуха, сидѣвшая у порога хижины, у костра подъ котелкомъ, плакала въ эту ночь, скорбь свою питая все той же неразумной любовью и жалостью. Возвышенный уподобилъ бы ея чувства мѣдной серьгѣ въ ея правомъ ухѣ, имѣвшей видъ боченка: серьга была велика и тяжела, она такъ оттянула разрѣзъ мочки, что образовалась порядочная дыра. Рѣзко бѣлѣла ея короткая кофточка изъ бумажной матеріи, надѣтая прямо на голое кофейное тѣло. Голыя дѣти, какъ чертенята, играли, визжали, гонялись другъ за другомъ возлѣ. А сынъ, легконогій юноша, стоялъ въ полутьмѣ за огнемъ. Онъ вечеромъ видѣлъ свою невѣсту, круглоликую тринадцатилѣтнюю дѣвочку изъ сосѣдняго селенья. Онъ испугался и удивился, услыхавъ о смерти отца, — онъ думалъ, что это будетъ еще не скоро. Но, вѣрно, былъ онъ слишкомъ взволнованъ другою любовью, которая сильнѣе любви къ отцамъ. „Не забывай,— сказалъ Возвышенный:—не забывай, юноша, жаждущій возжечь жизнь отъ жизни, какъ возжигается огонь отъ огня, что всѣ страданія этого міра, гдѣ каждый либо убійца, либо убиваемый, всѣ скорби и жалобы его—отъ любви“. Но уже безъ остатка, „какъ скорпіонъ въ свое гнѣздо“, вошла любовь въ юношу. Онъ стоялъ и смотрѣлъ на огонь. Какъ у всѣхъ дикихъ, ноги его были не въ мѣру тонки. Но и Шива позавидовалъ бы красотѣ его торса цвѣта темной корицы. Блестѣли при огнѣ его черно-синіе конскіе волосы, гладко натянутые и собранные на макушкѣ, блестѣли глаза изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ, и блескъ ихъ былъ подобенъ блеску кокса противъ горна.

На другой день сосѣди отнесли мертваго старичка въ глубину лѣса, положили въ яму, головой на западъ, къ океану, торопливо, но стараясь не шумѣть, забросали землей, листьями и торопливо пошли омываться. Старичокъ отбѣгался; съ его тонкой, посѣрѣвшей и сморщившейся руки сняли мѣдную

бляху—и, любуясь ею, раздувая тонкія ноздри, юноша надѣлъ ее на свою, круглую и теплую. Сперва онъ только гонялся за опытными рикшами, прислушиваясь, куда посылаютъ ихъ сѣдоки, запоминалъ названія улицъ и англійскія слова; потомъ и самъ сталъ возить, самъ сталъ зарабатывать, готовясь къ своей семьѣ, къ своей любви, „желаніе которой есть желаніе сыновей, равно какъ желаніе сыновей есть желаніе имущества, а желаніе имущества—желаніе благополучія“. Но однажды, прибѣжавъ домой, онъ наткнулся на другую страшную вѣсть: невѣста его исчезла — пошла на Невольничій Островъ, въ лавку, и не вернулась. Отецъ невѣсты, хорошо знавшій Коломбо, часто ходившій туда, дня три разыскивалъ ее и, должно-быть, что-нибудь узналъ, потому что вернулся успокоенный. Онъ вздыхалъ и опускалъ глаза, выражая покорность судьбѣ; но это былъ большой притворщикъ, старикъ лукавый, какъ всѣ, у кого есть достатокъ, кто торгуетъ въ городѣ. Онъ былъ полонъ, съ женскими грудями, съ матовой сѣдиной, зачесанной и украшенной дорогимъ черепаховымъ гребнемъ; ходилъ онъ босикомъ, но подъ зонтомъ, бедра обертывалъ кускомъ хорошей пестрой матеріи; кофта на немъ была пикейная. Отъ него нельзя было добиться правды, а женщины, дѣвушки всѣ слабы, какъ всѣ рѣки извилисты, и молодой рикша понималъ это. Въ столбнякѣ просидѣвъ двое сутокъ дома, не притрогиваясь къ пищѣ, только жуя бетель, онъ наконецъ очнулся и опять убѣжалъ въ Коломбо. О невѣстѣ онъ, казалось, совсѣмъ забылъ. Онъ бѣгалъ, жадно копилъ деньги—и нельзя было понять, во что больше онъ влюбленъ: въ свою бѣготню или въ тѣ серебряные кружочки, что̀ собиралъ за нее. Одинъ русскій морякъ снялся съ нимъ въ фотографіи и подарилъ ему карточку. Долго послѣ того молодой рикша радостно дивился на свое изображеніе: онъ стоялъ въ оглоблях, повернувъ лицо къ воображаемымъ зрителямъ, и всякій сразу могъ узнать его,—вышла даже бляха на рукѣ. Благополучно, съ виду даже счастливо проработалъ онъ такъ съ полгода.

И вотъ сидѣлъ онъ какъ-то утромъ, вмѣстѣ съ другими рикшами, подъ многоствольнымъ баніаномъ на той длинной улицѣ, что̀ идетъ отъ Невольничьяго Острова къ Парку Викторіи. Горячее солнце только-что показалось изъ-за деревьевъ со стороны Мараданы. Но высоко разросся баніанъ, и уже не было тѣни у его корней, осыпанныхъ сожженной листвой. Колясочки накалялись отъ зноя, тонкія оглобли ихъ лежали на темно-красной разогрѣтой землѣ, пахнущей и нефтью, и такъ, какъ пахнетъ теплый отъ размола кофе. Съ этимъ за-

пахомъ мѣшались густые сладкіе запахи вѣчно-цвѣтущихъ окрестныхъ садовъ, камфары, мускуса и того, что̀ ѣли рикши; а ѣли они бананы, маленькіе, теплые, нѣжно-розовые, въ золотистой кожѣ, ѣли тѣ оранжевые плоды, мясо которыхъ похоже на дѣтское тѣло съ привкусомъ терпентина, и болтали, сидя на землѣ, до подбородка поднявъ острыми углами колѣни, положивъ на нихъ руки, а на руки—свои женскія головы. Вдругъ вдалекѣ, возлѣ бѣлыхъ оградъ бунгалоу, испещренныхъ свѣтотѣнью, показался человѣкъ въ бѣломъ. Онъ шелъ по срединѣ улицы той упрямой и твердой походкой, которой ходятъ только европейцы. И, молніей вскочивъ съ земли, вперегонки кинулась къ нему вся стая этихъ голыхъ длинноногихъ людей. Они налетѣли на него со всѣхъ сторонъ, и онъ грозно крикнулъ, взмахнувъ тростью. Робкіе и обидчивые, они со всего разбѣга осадили себя вокругъ него. Онъ взглянулъ на нихъ,—и седьмой номеръ съ его смоляными конскими волосами показался ему сильнѣе прочихъ. На седьмой номеръ и палъ его выборъ.

Онъ былъ не высокъ и крѣпокъ, въ золотыхъ очкахъ, съ черными сросшимися бровями, въ черныхъ короткихъ усахъ, съ оливковымъ цвѣтомъ лица, на которомъ тропическое солнце и болѣзнь печени уже оставили свой смуглый слѣдъ. Шлемъ на немъ былъ сѣрый, глаза какъ-то странно, будто ничего не видя, глядѣли изъ угольной тьмы бровей и рѣсницъ сквозь блестящія стекла. Онъ сѣлъ умѣло—сразу нашелъ въ колясочкѣ ту точку, при которой рикшѣ свободнѣе бѣжать, и, взглянувъ на татуированную кисть лѣвой руки, короткой и сильной, на маленькіе часики въ кожаной лункѣ, назвалъ Йоркъ-Стритъ. Деревянный голосъ его былъ твердъ и спокоенъ, но взглядъ страненъ. И рикша подхватилъ оглобли и понесся впередъ гораздо быстрѣе, чѣмъ требовалось, поминутно пощелкивая звонкомъ, прикрѣпленнымъ на концѣ оглобли, и тасуясь съ пѣшеходами, арбами и другими рикшами, бѣгущими взадъ и впередъ.

Былъ конецъ марта—самое знойное время. Не прошло и трехъ часовъ съ восхода солнца, а ужъ казалось, что близокъ полдень,—такъ жарко, свѣтло было всюду и такъ многолюдно возлѣ лавокъ въ концѣ улицы. Земля, сады, вся та высокая раскидистая растительность, что̀ зеленѣла и цвѣла надъ бунгалоу, надъ ихъ мѣловыми крышами и надъ старыми черными лавками, пресытили воздухъ теплomъ и благовоніемъ, а дождевыя деревья туго свернули свои листья-чашечки. Ряды лавокъ, вѣрнѣе, навѣсовъ, крытыхъ темной черепицей, увѣшанныхъ огромными связками банановъ, сушеной

рыбой, вяленой акулой, были полны покупателями и продавцами, одинаково похожими на темнокожихъ банщиковъ. Рикша, подавшись впередъ, мелькая длинными ногами, бѣжалъ быстро, и еще ни одной капли пота не было на его лоснящейся кокосовымъ масломъ спинѣ, на его округлыхъ плечахъ, среди которыхъ тонкій стволъ дѣвичьей шеи граціозно держалъ смоляную голову, накаляемую солнцемъ. Въ самомъ концѣ улицы онъ вдругъ остановился. Чуть повернувъ лицо, онъ быстро проговорилъ что-то по-своему. Англичанинъ, его сѣдокъ, увидалъ концы изогнутыхъ рѣсницъ, уловилъ слово „бетель“ и поднялъ брови. Какъ? Такой молодой, крѣпкій, пробѣжалъ какихъ-нибудь двѣсти шаговъ и уже бетель? Не отвѣтивъ, онъ ударилъ рикшу тростью по лопаткамъ. Но тотъ,—трусливый, какъ всѣ сингалезы, но порой и настойчивый,—только дернулъ плечомъ и стрѣлой полетѣлъ вкось по улицѣ, къ лавкамъ.

—Бетель! — повторилъ онъ, поворачивая къ англичанину гнѣвные глаза, и даже слабо взвизгнулъ, по-собачьи оскаливши.

Но англичанинъ уже забылъ о немъ. Онъ смотрѣлъ куда-то въ сторону и только махнулъ волосатой смуглой рукой, на которой блеснуло старое золотое кольцо. И черезъ минуту рикша выскочилъ изъ лавочки, держа на узкой ладони листъ перечнаго дерева, намазывая его известью и завертывая въ него кусочекъ арековаго плода, похожій на кусочекъ кремня. Не убивай, не воруй, не прелюбодѣйствуй, не лги и ничѣмъ не охмеляйся, заповѣдалъ Возвышенный. Да, но что̀ зналъ о Немъ рикша? Смутно звучало въ его сердцѣ то, что̀ было смутно воспринято несмѣтными сердцами его предковъ. Въ дождливое время года онъ ходилъ съ отцомъ къ священнымъ шалашамъ и тамъ, среди женщинъ и нищихъ, слушалъ жрецовъ, читавшихъ на древнемъ, всѣми забытомъ языкѣ, и ничего не понималъ, только подхватывалъ общее радостное восклицаніе при имени Возвышеннаго. Не разъ случалось, что молился при немъ отецъ на порогѣ кумирни: онъ преклонялся передъ лежачей деревянной статуей, бормоча ея заповѣди, поднимая соединенныя ладони ко лбу, а потомъ клалъ на жертвенникъ самую мелкую и старую изъ своихъ тяжко заработанныхъ монетъ. Но бормоталъ онъ равнодушно,—онъ вѣдь только боялся картинъ на стѣнахъ кумирни, изображеній муки грѣшниковъ; онъ преклонялся и передъ другими богами, передъ ужасными индусскими статуями, онъ и въ нихъ вѣрилъ, какъ вѣрилъ въ силу демоновъ, змѣй, звѣздъ, мрака...

Сунувъ бетель въ ротъ, рикша, въ чувствахъ своихъ рѣзко измѣнчивый, дружелюбно улыбнулся англичанину глазами, схватилъ оглобли и, оттолкнувшись лѣвой ногой, опять побѣжалъ. Солнце слѣпило, сверкало въ золотѣ и стеклахъ очковъ, когда англичанинъ поднималъ голову. Солнце жгло его руки и колѣни, земля горячо дышала, было даже видно, что надъ ней, какъ надъ жаровней, дрожитъ воздухъ,—но онъ сидѣлъ неподвижно, не дотронулся до верха колясочки. Двѣ дороги вели въ городъ, или, какъ называютъ его резиденты, въ Фортъ: одна вправо, мимо малайскаго капища, по дамбѣ между лагунами, другая влѣво, къ океану. Англичанину хотѣлось послѣдней. Но рикша обернулся на бѣгу, показывая свои окровавленныя губы, и сдѣлалъ видъ, что не понимаетъ, чего хотятъ отъ него. И англичанинъ опять уступилъ,—онъ разсѣянно смотрѣлъ вокругъ себя. То, что̀ тамъ горитъ, сказали люди этихъ странъ, есть смерть; лучами его впрягаются люди въ жизнь и, впрягаясь, умираютъ... Зеленая лагуна, блестящая, теплая, полная черепахъ и гнили, окаймленная вдали кокосовой рощей, лежала справа. По дамбѣ шли, ѣхали, бѣжали, щелкая звонками. Стали попадаться рикши въ фескахъ, бѣлыхъ кителяхъ и короткихъ бѣлыхъ панталонахъ. Европейцы, сидѣвшіе въ колясочкахъ, были блѣдны послѣ томительной ночи, высоко задирали свои бѣлые башмаки, положивъ колѣно на колѣно. Прокатила двуколка, запряженная сѣрымъ горбатымъ бычкомъ,—подъ ея навѣсомъ, въ легкой жаркой тѣни, сидѣлъ парсъ, желтолицый старикъ, похожій на евнуха, въ халатѣ и бархатномъ черепенникѣ, шитомъ золотомъ. Великанъ-афганецъ въ бѣлыхъ шароварахъ, въ мягкихъ сапогахъ съ загнутыми носками, въ бѣломъ казакинѣ и огромномъ розовомъ тюрбанѣ, неподвижно стоялъ надъ лагуной, глядя на черепахъ, въ теплую жидкую воду. Безъ конца тянулись влекомыя волами длинныя крытыя арбы. Подъ ихъ узкими соломенными сводами навалены были тюки товаровъ, а порою—цѣлая куча коричневыхъ тѣлъ, молодыхъ рабочихъ. Тощіе, сожженные зноемъ старики, съ красными отъ красной пыли ногами, шагали у колесъ, точно муміи старухъ. Шли каменщики, дюжіе черные томилы, похожіе на негровъ... И все голые, голые! А высокій, блестящеглазый рикша все трясъ и трясъ колясочку, маслянистая спина его покрылась крупнымъ потомъ; намокла и тряпка на бедрахъ... „Пагода“—разумѣя чайный домъ, сказалъ англичанинъ подъ тѣми патріархальными деревьями, что̀ растутъ при въѣздѣ въ Фортъ, подъ необъятными навѣсами ихъ зелени, свѣтлой отъ солнца, проникающаго ее.

Возлѣ стараго голландскаго зданія съ аркадами въ нижнемъ этажѣ остановились. Англичанинъ посмотрѣлъ на часы и ушелъ пить чай и курить сигару. А рикша сдѣлалъ полукругъ по широкой тѣнистой улицѣ, по красно-лиловой мостовой, усыпанной желтыми и алыми лепестками кетмій, и, бросивъ оглобли у древесныхъ корней, съ разбѣгу сѣлъ. Онъ поднялъ колѣни и положилъ на нихъ локти, жарко дыша банным благовоннымъ тепломъ полдня и безсмысленно поводя глазами за проходящими сингалезами и европейцами, вынулъ изъ-за передника тряпку, вытеръ ею окровавленныя бетелемъ губы, лицо, выпуклости на гладкой груди и, сложивъ ее бинтомъ, приложилъ ко лбу, повязалъ голову: это было совсѣмъ некрасиво, придавало ему видъ больного, но вѣдь многіе рикши дѣлаютъ такъ. Онъ сидѣлъ и, можетъ-быть, думалъ... „Тѣла наши, Господинъ, различны, но сердце, конечно, одно“,—сказалъ Ананда Возвышенному, и, значитъ, можно представить себѣ, что̀ долженъ думать или чувствовать юноша, выросшій въ райскихъ лѣсахъ подъ Коломбо и уже вкусившій самой сильной отравы—любви къ женщинѣ, уже вмѣшавшійся въ жизнь, быстро бѣгущую за радостями или убѣгающую отъ печалей, жизнь, которой „сопутствуютъ страсти, вожделѣнія, желаніе денегъ, имущества, благополучія“. Мара уже ранилъ его, но вѣдь Мара и залѣчиваетъ раны. Мара вырываетъ изъ рукъ человѣка то, что̀ схватилъ человѣкъ, но вѣдь Мара и разжигаетъ человѣка снова схватить отнятое, или другое что-нибудь, подобное отнятому... Напившись чаю, англичанинъ бродилъ по улицѣ, заходилъ въ магазины, разсматривалъ въ витринахъ драгоцѣнные камни, слоновъ и будды изъ эбенового дерева, всякія пестрыя ткани, золотыя въ черныхъ крапинахъ шкуры пантеръ. А рикша, что-то думая или только чувствуя, ярко переглядывался съ другими рикшами и ходилъ позади англичанина, возя за собой колясочку. Ровно въ полдень англичанинъ далъ ему рупію, чтобы онъ купилъ себѣ поѣсть, а самъ ушелъ въ контору большого европейскаго пароходства. Рикша купилъ дешевыхъ папиросъ, сталъ курить, сильно затягиваясь, глядя на папиросу, какъ дѣлаютъ это женщины, и выкурилъ подърядъ цѣлыхъ пять штукъ. Сладко одурманенный, сидѣлъ онъ въ сквозной тѣни противъ трехъэтажнаго дома, гдѣ была контора, и вдругъ, поднявъ глаза, увидѣлъ, что на балконѣ подъ бѣлой маркизой появился его сѣдокъ и еще человѣкъ пять европейцевъ. Всѣ они смотрѣли въ бинокли на гавань,—и вотъ за крышами пристани показались одна за другой и медленно поплыли три высокія, тонкія мачты, слегка откло-

ненныя назадъ. Съ балкона замахали платками, а изъ-за крышъ мрачно, могуче и величаво, отзываясь по рейду и въ городѣ, заревѣла труба: пароходъ изъ далекой Европы, котораго ожидалъ сѣдокъ рикши номеръ седьмой, прибылъ. Съ англійской точностью вопелъ онъ послѣ двадцатидневнаго плаванія въ Коломбо,—и то, чего совсѣмъ не ожидалъ рикша, еще полный надеждъ и желаній, этотъ роковой для него обѣдъ въ домѣ на лагунѣ, у агента пароходства, былъ рѣшенъ.

Но до обѣда, до вечера оставалось еще много времени. И опять вышелъ на улицу этотъ ничего не видящій человѣкъ въ очкахъ. Онъ простился съ тѣми двумя, что̀ вышли съ нимъ и направились къ бѣлой статуѣ Викторіи, къ крытой пристани, и опять побрелъ по улицѣ рикша—на этотъ разъ къ отелю, гдѣ въ эту пору, въ полутемной залѣ, знойную духоту которой развѣвали, мѣшали съ запахомъ кушаній вертѣвшіяся подъ потолкомъ весла, ѣло и пило много богатыхъ резидентовъ и туристовъ. Не велика была бы бѣда, если бы опоздалъ пароходъ. Ничего не стоило англичанину отпустить уже соскучившагося рикшу номеръ седьмой и, когда потребуется, взять другого, — ихъ вѣдь на каждомъ шагу десятки, — или же слѣдовало рикшѣ самому подняться, уйти отъ англичанина, благо онъ уже далъ ему рупію, и сыскать, для разнообразія, новаго сѣдока. Но пароходъ прибылъ во̀-время, англичанинъ былъ разсѣянъ, заплатить двѣ-три лишнихъ рупіи онъ считалъ пустякомъ, о рикшѣ онъ не думалъ; а рикша и не смѣлъ и не желалъ уйти отъ него, онъ уже не могъ не дѣлать того, что̀ началъ, „какъ не можетъ ударившій по барабану удержать рокотъ барабана“. И опять, какъ собака, сѣлъ онъ на мостовую, на лепестки кетмій. Сквозная тѣнь соединяющихся свѣтло-зелеными вершинами деревьевъ осѣняла улицу, и шли мимо него въ этой тѣни женоподобные сингалезы, навязывая европейцамъ цвѣтныя открытки, черепаховые гребни, драгоцѣнные камни,— одинъ даже таскалъ за собой на шнуркѣ и продавалъ звѣрька въ шубкѣ изъ длинныхъ колючекъ, — и все бѣжали, бѣжали по богатой европейской улицѣ эти полудикіе люди, рикши... Вдали, среди открытой площади, горѣла бѣлизной большая мраморная женщина, гордая, съ двойнымъ подбородкомъ, въ порфирѣ и коронѣ, возсѣдавшая на высокомъ мраморномъ пьедесталѣ. И оттуда толпой шли только-что прибывшіе изъ Европы. На подъѣздъ отеля выскакивали сизые и черные слуги, кланялись, выхватывали изъ рукъ у нихъ трости, мелкія вещи, и поклонами, сдержанными и граціозными, встрѣ-

чалъ ихъ на порогѣ человѣкъ, блестѣвшій напомаженнымъ проборомъ, глазами, зубами, запонками, крахмальнымъ бѣльемъ, пикейнымъ смокингомъ, пикейными панталонами и бѣлой обувью. „Люди постоянно идутъ на пиршества, на прогулки, на забавы, — сказалъ Возвышенный, нѣкогда посѣтившій этотъ райскій пріютъ первыхъ людей, познавшихъ желанія.—Видъ, звуки, вкусъ, запахи опьяняютъ ихъ,—сказалъ Онъ,—желаніе обвиваетъ ихъ, какъ ползучее растеніе, зеленое, красивое и смертоносное, обвиваетъ дерево Шала“... Слѣды усталости, истомы отъ зноя, морской качки и болѣзней были на сѣрыхъ лицахъ, шедшихъ къ отелю. У всѣхъ видъ былъ полумертвый, всѣ говорили, не двигая губами, но всѣ шли, осматривались и одинъ за другимъ скрывались въ сумракѣ вестибюля, чтобы разойтись по своимъ комнатамъ, вымыться, ободриться, а потомъ, до красноты лица опьянивъ себя ѣдой, питьемъ, сигарами и кофе, покатить на рикшахъ по Форту на берегъ океана, въ Сады Корицы, къ индусскимъ храмамъ и буддійскимъ вихарамъ. У каждаго, у каждаго въ душѣ было то, что̀ заставляетъ человѣка жить и желать сладкаго обмана жизни! А рикшѣ, рожденному на землѣ первыхъ людей, развѣ не вдвойнѣ былъ сладокъ этотъ обманъ? Мимо него шли взадъ и впередъ джентльмены и лэди, пожилыя, некрасивыя, такія же длиннозубыя, какъ его черная мать, сидѣвшая въ далекой лѣсной хижинѣ, но порою проходили и дѣвушки, миловидныя, въ бѣлыхъ нарядахъ, въ небольшихъ шлемахъ, опутанныхъ легкими вуалями, и, возбуждая въ немъ вожделѣніе, пристально глядѣли на его поднятыя великолѣпныя рѣсницы, на тряпку вокругъ его смоляной головы и на окровавленный ротъ. А развѣ она, та, что̀ пропала въ этомъ городѣ, была хуже ихъ? Тепло тропическаго солнца взрастило ее. Отъ бѣлой, въ голубыхъ цвѣточкахъ, короткой кофты и такой же юбки, надѣтыхъ на голое, чуть полное, но крѣпкое, небольшое тѣло, она казалась черньe. У нея была круглая головка, выпуклый лобикъ, круглые сіяющіе глаза, въ которыхъ дѣтская робость уже смѣшивалась съ радостнымъ любопытствомъ къ жизни, съ затаенной женственностью, нѣжной и страстной; было коралловое ожерелье на круглой шеѣ, маленькія руки и ноги въ серебряныхъ браслетахъ... Вскочивъ съ мѣста, рикша побѣжалъ въ одинъ изъ ближнихъ переулковъ, гдѣ въ старомъ одноэтажномъ домѣ подъ черепицей, съ толстыми деревянными колоннами, былъ простонародный баръ. Тамъ онъ положилъ на прилавокъ двадцать пять центовъ и за это вытянулъ цѣлый стаканъ виски. Смѣшавъ

этотъ огонь съ бетелемъ, онъ обезпечилъ себя блаженнымъ возбужденіемъ почти до самаго вечера, до той поры, когда лѣса подъ Коломбо, наполняясь черной жаркой тьмой, таинственно зазвенятъ журчаніемъ и стономъ несмѣтныхъ цикадъ и древесныхъ лягушекъ, а чащи бамбука затрепещутъ міріадами огненныхъ искръ.

Пьянъ былъ и англичанинъ, выйдя съ сигарой изъ отеля,— глаза его были сонны, порозовѣвшее лицо стало какъ будто полнѣе. Поглядывая на часы и что-то думая, видимо, не зная, какъ убить время, онъ въ нерѣшительности постоялъ возлѣ отеля, потомъ приказалъ везти себя сперва на почту, гдѣ опустилъ въ ящикъ три открытки, а отъ почты — къ саду Гордона, куда даже не зашелъ,—только посмотрѣлъ въ ворота на монументъ и на аллеи, — а отъ сада Гордона — куда глаза глядятъ: къ Черному Городу, къ рынку въ Черномъ Городѣ, къ рѣкѣ Келани... И пошелъ, пошелъ мотать его пьяный и съ головы до ногъ мокрый рикша, возбужденный и бетелемъ, и водкой, и надеждой получить цѣлую кучу центовъ, и еще какими-нибудь волнующими и душу и тѣло мечтами, никогда не оставляющими человѣка. Въ самый истомный часъ послѣполуденнаго тепла и свѣта, когда, посидѣвъ двѣ минуты на скамьѣ подъ деревомъ, оставляешь на ней темный кругъ пота, онъ, въ угоду англичанину, не знавшему, какъ дотянуть до обѣда, пробѣжалъ весь Черный Городъ, старый, многолюдный, пряно-пахучій, — и много видѣлъ полусонный англичанинъ голыхъ цвѣтныхъ тѣлъ и разноцвѣтныхъ тканей на бедрахъ, много парсовъ, индусовъ, желтолицыхъ малайцевъ, вопючихъ китайскихъ лавокъ, черепичныхъ и тростниковыхъ крышъ, храмовъ, мечетей и капищъ, праздныхъ матросовъ изъ Европы и буддійскихъ монаховъ—бритыхъ, худыхъ, съ безумными глазами, въ канареечныхъ тогахъ, съ обнаженнымъ правымъ плечомъ и опахалами изъ листвы священной пальмы. Рикша и его сѣдокъ неслись среди этой тѣсноты и грязи древняго Востока быстро, быстро, точно спасались отъ кого-то,—вплоть до самой рѣки Келани, узкой, густой и глубокой, перегрѣтой солнцемъ, полуприкрытой непролазными зелеными зарослями, низко склонившимися съ ея береговъ, любимой крокодилами, все дальше уходящими въ глубь дѣвственныхъ лѣсовъ отъ баржъ съ соломенными сводами, нагруженныхъ тюками чая, рисомъ, корицей, еще не обработанными драгоцѣнными камнями и, особенно медлительно плывущихъ въ золотомъ, густомъ блескѣ предвечерняго солнца... Потомъ англичанинъ приказалъ вернуться въ Фортъ, уже опустѣвшій, закрывшій всѣ свои кон-

торы, агентства и банки, побрился въ цирульнѣ и непріятно помолодѣлъ, покупалъ сигары, заходилъ въ аптеку... Рикша, весь въ поту, похудѣвшій, смотрѣлъ на него уже непріязненно, глазами собаки, чувствующей приступы бѣшенства... Въ шестомъ часу, пробѣжавъ мимо маяка въ концѣ Квинсъ-Стритъ, пробѣжавъ тихіе и чистые военные кварталы, онъ выскочилъ на берегъ океана, вольно глянувшаго ему въ глаза своимъ просторомъ и зелено-золотистымъ глянцемъ отъ низкаго солнца, и побѣжалъ по плацу Голь-Фэсъ, къ Невольничьему Острову.

„Изъ жажды рождается желаніе радости,—сказалъ Возвышенный, — изъ радости рождается скорбь, изъ радости и скорби возникаетъ страхъ“. И вотъ уже появились въ глазахъ рикши и скорбь, и страхъ, и злоба. Онъ ошалѣлъ отъ бѣга, не разъ тоскливо оборачивался на своего мучителя, трудно дышалъ, отмѣривая длинными ногами широкую укатанную дорогу по плацу. Плацъ этотъ огромный, пустой и печальный на закатѣ. Кончивъ дѣла, англичане гуляютъ здѣсь передъ обѣдомъ, катаются или катаютъ своихъ женъ, любовницъ и дѣтей на лошадяхъ, въ дорогихъ экипажахъ, играютъ въ теннисъ, футболъ и любуются океаномъ и пышной красотой тропическаго, чуждаго имъ заката. Рикша бѣжалъ, дико глядя на встрѣчныхъ и на тѣхъ жилистыхъ, рыжихъ людей въ бѣлыхъ короткихъ панталонахъ и пестрыхъ фуфайкахъ, что̀ носились по плацу по своей доброй волѣ, взапуски летѣли другъ за другомъ, подпрыгивали за взвивающимися боллами и гулко били въ нихъ грубыми носками тяжелыхъ башмаковъ. Солнце опускалось, небо надъ закатомъ зеленѣло, легкое пушистое облако, таявшее въ его глубинѣ, стало совсѣмъ розовое... „Карлтонъ-Отель!“ — мертво сказалъ англичанинъ, все время печально и сонно глядѣвшій на западъ, на океанъ, на мягко шумящую зыбь его, разсыпавшуюся геліотроповой пѣной по прибрежнымъ валунамъ. Рикша на бѣгу оскалялся, ему уже хотѣлось грызть этого человѣка, загнавшаго его; но не бѣжать нельзя было: англичанинъ, не мѣняя выраженія сонно-печальнаго лица, все чаще тыкалъ рикшу концомъ трости, да уже и перешло блаженное возбужденіе рикши въ какое-то другое,—въ напряженную покорность, въ столбнякъ безостановочнаго бѣга. Всѣ отели въ Фортѣ были полны, англичанинъ жилъ въ простомъ, за Невольничьимъ Островомъ, — и тутъ еще разъ пробѣжалъ рикша мимо баніана, подъ который сѣлъ онъ нынче утромъ въ жаждѣ заработка отъ этихъ безпощадныхъ и загадочныхъ бѣлыхъ людей, въ упрямой надеждѣ на счастье. Пошли зна-

комые сплошные сады, каменныя ограды и голландскія крыши бунгалоу, низкихъ, приземистыхъ по сравненію съ деревьями, раскидывающимися надъ ними... Вскочивъ во дворъ одного такого бунгалоу, рикша съ полчаса отдыхалъ возлѣ широкой террасы, пока англичанинъ переодѣвался къ обѣду. Сердце у него колотилось, какъ у отравленнаго, губы побѣлѣли, черты темно-коричневаго лица обострились, прекрасные глаза еще больше почернѣли и расширились, тряпка на головѣ такъ намокла, что онъ сорвалъ ее и далеко отшвырнулъ прочь. Запахъ его разгоряченнаго тѣла сталъ непріятенъ — это былъ запахъ теплаго чая, смѣшаннаго съ кокосовымъ масломъ и еще съ чѣмъ-то, спиртуознымъ, какъ если взять и растереть въ рукахъ кучку муравьевъ.

Солнце межъ тѣмъ уже закатилось. Отдышавшись, рикша зашелъ въ кусты возлѣ террасы, снялъ съ бедеръ мокрый передникъ, выжалъ его и, снова повязавшись, вернулся къ террасѣ. Пожилая дѣвушка полулежала подъ ея навѣсомъ въ качалкѣ, читая при послѣднемъ свѣтѣ дня молитвенникъ. Увидя ее съ улицы, во дворъ безшумно вошелъ нѣмой индусъ изъ Мадуры, высокій черный старикъ съ сѣдыми кудрями на груди и на животѣ, худой, какъ скелетъ, въ нищенскомъ тюрбанѣ, въ длинномъ передникѣ изъ ткани, бывшей когда-то красной, въ желтыхъ поперечныхъ полоскахъ. На рукѣ у старика была закрытая корзина изъ пальмоваго лыка. Подойдя къ террасѣ, онъ подобострастно поклонился, приложивъ руку ко лбу, и присѣлъ на землю, поднимая крышку корзины. Не глядя на него, лежавшая въ качалкѣ махнула рукой. Но онъ уже вынималъ изъ-за пояса тростниковую дудку. И тутъ рикша вдругъ вскочилъ на ноги и въ непонятной ярости громко крикнулъ на него. Вскочилъ и старикъ, захлопнулъ корзину и, оборачиваясь, побѣжалъ къ воротамъ. Но у рикши еще долго были круглые глаза,— совсѣмъ какъ у той, страшной, которую онъ представилъ себѣ—медленно, тугимъ жгутомъ выползающую изъ корзины и съ шипѣніемъ раздувающую свое голубымъ отблескомъ мерцающее горло. Межъ тѣмъ быстро падала темнота — уже въ темнотѣ вышелъ на террасу размытый, въ бѣломъ смокингѣ англичанинъ. И рикша покорно кинулся къ оглоблямъ. Бодро крикнулъ англичанинъ названіе того мѣста, куда надо бѣжать,—и, можетъ-быть, жутко отдалось его приказаніе въ сердцѣ рикши. Была уже ночь, особенно жаркая, какъ всегда передъ наступленіемъ дождей, еще болѣе пахучая, чѣмъ день. Еще гуще сталъ теплый и приторный ароматъ мускуса, смѣшанный съ запахомъ теплой земли, тучной отъ цвѣточнаго

перегноя. Такъ было черно среди садовъ, гдѣ бѣжалъ рикша, что только по тяжелому дыханію и по скудному фонарику на оглоблѣ можно было понять, что несется впереди встрѣчный. Потомъ слабо замерцала подъ черными навѣсами деревьевъ гнилая лагуна, а тамъ и красные огни, длинно отражавшіеся въ ней. Большой двухъэтажный домъ, въ которомъ жилъ агентъ, насквозь свѣтился въ этой тропической чернотѣ прорѣзами оконъ. Во дворѣ было темно. Много рикшъ, сливавшихся съ темнотой своими тѣлами и слабо бѣлѣвшихъ передниками, набѣжало въ этотъ дворъ съ гостями. А большой, открытый на лагуну балконъ сіялъ свѣчами въ стеклянныхъ колпакахъ, осыпанныхъ несмѣтной мошкарой, блестѣлъ скатертью длиннаго стола, установленнаго посудой, бутылками и вазами со льдомъ, и бѣлѣлъ смокингами сидѣвшихъ, которые ѣли, пили и немолчно, хотя и сдержанно бормотали себѣ въ горло, межъ тѣмъ какъ босоногіе полные слуги, похожіе на нянекъ, шуршали голыми подошвами, прислуживая имъ, а громадная китайская цыновка, ребромъ привѣшенная надъ ними къ потолку, все махалась и махалась, приводимая въ движеніе малайцами, сидѣвшими за стѣной, не доходящей до потолка, и все вѣяла, вѣяла вѣтромъ на обѣдающихъ, на ихъ холодные, мокрые лбы. Рикша померъ седьмой подлетѣлъ къ балкону. Сидѣвшіе за столомъ привѣтствовали вновь прибывшаго гостя радостнымъ ропотомъ. Гость выскочилъ изъ колясочки и вбѣжалъ на балконъ. А рикша понесся вокругъ дома, чтобы опять попасть къ воротамъ, во дворъ, къ другимъ рикшамъ, и, обѣгая домъ, вдругъ такъ шарахнулся назадъ, точно его ударили въ лицо палкой: стоя возлѣ открытаго и освѣщеннаго окна второго этажа, — въ японскомъ халатикѣ краснаго шелка, въ тройномъ ожерельѣ изъ рубиновъ, въ золотыхъ широкихъ браслетахъ на обнаженныхъ рукахъ,—на него глядѣла круглыми сіяющими глазами его невѣста, та самая дѣвочка-женщина, съ которой онъ уже уговорился полгода тому назадъ обмѣняться шариками изъ риса! Его, внизу, въ темнотѣ, она не могла видѣть. Но онъ сразу узналъ ее—и, отшатнувшись, застылъ на мѣстѣ.

Онъ не упалъ, сердце его не разорвалось, оно было слишкомъ молодо и сильно. Постоявъ съ минуту, онъ присѣлъ на землю, подъ вѣковой смоковницей, вся вершина которой, какъ райское дерево, горѣла и трепетала розсыпью огненно-зеленыхъ искръ. Онъ долго смотрѣлъ на черную круглую головку, на красный шелкъ, свободно обнимавшій маленькое тѣло, и на поднятыя, поправлявшія прическу руки той, что стояла въ рамѣ окна. Онъ сидѣлъ на корточкахъ до тѣхъ поръ, пока

она не повернулась и не прошла въ глубину комнаты. А когда она скрылась, онъ мгновенно вскочилъ на ноги, поймалъ на землѣ оглобли и, птицей пролетѣвъ черезъ дворъ за ворота, опять, опять пустился бѣжать — на этотъ разъ уже твердо зная, куда и зачѣмъ онъ бѣжитъ, и самъ управляя своей сразу освободившейся волей.

— Проснись, проснись!—кричали въ немъ тысячи беззвучныхъ голосовъ его печальныхъ, стократъ истлѣвшихъ въ этой райской землѣ предковъ.—Стряхни съ себя обольщенія Мары, сонъ этой краткой жизни! Тебѣ ли спать, отравленному ядомъ, пронзенному стрѣлой? Стократно страдаетъ имѣющій стократно милое, всѣ скорби, всѣ жалобы—отъ любви, отъ привязанностей сердца—убей же ихъ! Недолгій срокъ пребудешь ты въ покоѣ отдыха, снова и снова, въ тысячѣ воплощеній, исторгнетъ тебя твоя эдемская земля, пріютъ первыхъ людей, познавшихъ желаніе, но онъ, этотъ краткій отдыхъ, все же настанетъ для тебя, слишкомъ рано выбѣжавшаго на дорогу жизни, страстно погнавшагося за счастьемъ и раненаго самой острой стрѣлой — жаждой любви и новыхъ зачатій для этого древняго міра, гдѣ отъ вѣка побѣдитель крѣпкой пятой стоитъ на горлѣ побѣжденнаго!

Показались подъ черными навѣсами сросшихся вершинами деревьевъ огни въ открытыхъ лавочкахъ Невольничьяго Острова. Рикша жадно съѣлъ въ одной изъ нихъ чашечку теплаго вареная риса, пересыщеннаго перцемъ, и кинулся дальше. Онъ зналъ, гдѣ живетъ старикъ изъ Мадуры, часъ тому назадъ приходившій во дворъ отеля: онъ жилъ вмѣстѣ съ своимъ племянникомъ, при его большой фруктовой лавкѣ, въ низкомъ домѣ съ толстыми деревянными колоннами. Племянникъ, въ грязномъ европейскомъ костюмѣ изъ полотна, съ громаднымъ колтуномъ черной вьющейся шерсти на головѣ, похожій скорѣе на австралійца, чѣмъ на индуса, перетаскивалъ корзины съ плодами въ глубину лавки, морщась отъ дыма папиросы, прилѣпленной къ его нижней губѣ. Онъ не обратилъ вниманія на бѣшеный видъ мокраго, горячаго рикши. И рикша молча вскочилъ подъ навѣсъ среди столбовъ, взялъ налѣво и ногой толкнулъ дверку, за которой надѣялся найти нѣмого старика. Въ потной рукѣ рикша крѣпко держалъ завѣтный золотой, который онъ еще на бѣгу досталъ изъ-за передника, изъ кожанаго гамана, привѣшеннаго къ поясу. И золотой быстро сдѣлалъ свое дѣло: назадъ рикша выскочилъ съ большой коробкой отъ сигаръ, перевязанной шнуркомъ. Онъ заплатилъ за нее большую цѣну, зато она была не пустая: то, что̀ въ ней лежало, билось, извивалось, стукало въ крышку тугими кольцами и шуршало.

Зачѣмъ онъ захватилъ съ собой колясочку? А онъ такизахватилъ ее—и ровнымъ, сильнымъ махомъ полетѣлъ на берегъ океана, на плацъ Голь-Фэса. Плацъ былъ пустъ, далеко темнѣлъ въ звѣздномъ свѣтѣ. За нимъ были разсыпаны рѣдкіе огоньки Форта, и въ небѣ медленно вращалась мутно-зеркальная вышка маяка, кидавшая дымныя полосы бѣлаго свѣта только въ сторону рейда. Слабый прохладный вѣтеръ потянулъ на рикшу съ океана, ровный, сонный шумъ котораго былъ чуть слышенъ. Добѣжавъ до прибрежья, до средины дороги, рикша въ послѣдній разъ бросилъ тонкія оглобли, въ которыя рано, но не надолго впрягла его жизнь, и сѣлъ уже не на землю, а на скамью, сѣлъ смѣло, какъ резидентъ. Онъ, отдавая индусу цѣлый фунтъ, требовалъ самую маленькую и самую сильную, самую смертоносную. И она была,—помимо того, что сказочно-красива, вся въ черныхъ кольцахъ съ зелеными каемками, съ темно-голубой круглой головкой, съ изумрудной полосой на затылкѣ и траурнымъ хвостомъ,—она была, при всей своей малости, необыкновенно сильна и злобна, а теперь, послѣ того, какъ ее помотали въ деревянной пахучей коробкѣ, особенно. Она судорожно, какъ стальная, пружинила, извивалась, шуршала и стукала въ крышку. И онъ быстро развязалъ, распуталъ шнурокъ... Впрочемъ, кто знаетъ, какъ именно сдѣлалъ онъ это? Твердыми или дрожащими руками? Быстро, рѣшительно, или нѣтъ? А послѣ того долго ли колебался? Долго ли смотрѣлъ на темный шумящій океанъ, на слабый звѣздный свѣтъ, на Южный Крестъ, Ворона, Канопусъ? Оскалился ли по-собачьи на городъ резидентовъ, или на богатый отель, свѣтившій вдали своимъ подъѣздомъ? Вѣрно, онъ сразу раскрылъ коробку и твердо положилъ лѣвую руку на тѣ ледяныя, какъ мертвое тѣло, пружины, что взвивались въ коробкѣ: укушенъ онъ былъ въ самую ладонь цѣлыхъ три раза.

А укусъ тотъ нестерпимо жгучъ,—онъ подобенъ удару электрическаго тока и съ головы до ногъ пронзаетъ все тѣло человѣка несказанной болью, такой мукой, что послѣ него даже обезьяны жалобно вскрикиваютъ и разражаются рыданіями, дѣтскими, страстными, отчаянно-молящими. Рикша, вѣрно, не вскрикнулъ и не зарыдалъ: онъ слишкомъ хорошо зналъ, на что идетъ. Но нѣтъ сомнѣнія, что, ощутивъ этотъ огненный ударъ, онъ колесомъ перевернулся на скамьѣ, и коробка полетѣла отъ него въ сторону. А затѣмъ тотчасъ же распахнулась подъ нимъ бездонная тьма, и все понеслось передъ его глазами куда-то вкось, вверхъ: и океанъ, и звѣзды, и огни отеля. Шумъ океана хлынулъ ему въ голову—и сразу

оборвался: глубокій обморокъ бываетъ всегда послѣ этого удара. Но вслѣдъ за обморокомъ человѣкъ всегда быстро приходитъ въ себя, какъ будто только за тѣмъ, чтобы его тяжко, съ кровью стошнило — и опять повергло въ небытіе. Ихъ, этихъ обмираній, бываетъ нѣсколько, и каждое изъ нихъ, ломая человѣка, перехватывая ему дыханіе, частями уноситъ человѣческую жизнь, человѣческія способности и чувства: мысль, память, зрѣніе, слухъ, боль, горе, радость, ненависть— и то послѣднее, всеобъемлющее, что̀ называется любовью, жаждой вмѣстить въ свое сердце весь зримый и незримый міръ и вновь отдать его кому-то.

Дней черезъ десять, въ темныя жаркія сумерки передъ грозой, къ большому русскому пароходу, готовому отплыть въ Суэцъ, двѣ пары гребцовъ гнали въ гавани Коломбо шлюпку, въ которой полулежалъ сѣдокъ рикши номеръ седьмой. Пароходъ уже гудѣлъ отъ грохота якорной цѣпи, когда, выскочивъ возлѣ громадной желѣзной стѣны пароходнаго бока, взбѣжалъ онъ по длинному трапу на палубу. Капитанъ сперва наотрѣзъ отказался принять его: пароходъ грузовой, заявилъ онъ, агентъ уже уѣхалъ, — это невозможно. „Но я чрезвычайно, чрезвычайно прошу васъ!“ — возразилъ англичанинъ. Капитанъ съ удивленіемъ взглянулъ на него: на видъ крѣпокъ, энергиченъ, но на лицѣ налетъ нездороваго загара, а глаза за блестящими очками стоячіе, какъ будто ничего не видящіе и безпокойные. „Подождите до послѣзавтра,—сказалъ капитанъ: — послѣзавтра будетъ нѣмецкій почтовый пароходъ“. — „Да, но провести еще двѣ ночи въ Коломбо мнѣ очень трудно,—отвѣтилъ англичанинъ.—Этотъ климатъ изнуряетъ меня, я нервно боленъ. Кромѣ того, нѣмецкій пароходъ, какъ это всегда бываетъ, будетъ биткомъ набитъ, а мнѣ хочется одиночества. Я измученъ этими цейлонскими ночами, безсонницей и всѣмъ тѣмъ, что̀ чувствуетъ всякій нервный человѣкъ передъ заходящими грозами. А взгляните на эту тьму, на тучи, заступившія всѣ горизонты: ночь опять будетъ ужасная, періодъ дождей собственно уже начался“... И, пожавъ плечами, подумавъ, капитанъ уступилъ. И черезъ минуту тонкіе, какъ ужи, сингалезы уже тащили по трапу сундукъ въ черной лакированной кожѣ, весь испещренный разноцвѣтными этикетами отелей и помѣченный красными иниціалами.

Свободная докторская каюта, которую предложили англичанину, была очень тѣсна и душна. Но англичанинъ нашелъ ее прекрасной. На скорую руку разложивши въ ней вещи,

онъ вышелъ черезъ столовую на верхнюю палубу. Все быстро тонуло въ темнотѣ. Пароходъ уже снялся и поворачивалъ къ открытому морю. Справа какъ бы плыли на него другіе пароходы, огни на мачтахъ, огни Форта. Слѣва, изъ-подъ высокаго борта, зыбко неслась къ низменному берегу, къ складамъ угля и къ черной гущѣ тонкоствольныхъ кокосовыхъ лѣсовъ за складами гладь темной воды, еще отражавшей тьму и печаль тучъ, и своимъ зыбкимъ стремленіемъ кружила голову. Все мѣняя направленіе, все туже дулъ откуда-то влажный, тошнотворно-благовонный, мягкій вѣтеръ. Внезапно молчаливыя тучи распахнулись такой бездной блѣдно-голубого свѣта, что въ самой глубинѣ лѣсовъ мелькнули озаренные имъ стволы пальмъ, банановъ и сингалезскія хижины подъ ними. Англичанинъ испуганно моргнулъ, оглянулся на плывущій уже слѣва отъ него блѣдный молъ съ краснымъ огонькомъ на концѣ, на свинцовую даль океана за моломъ — и быстро пошелъ назадъ, въ каюту.

Старикъ-лакей, человѣкъ злой отъ усталости, безъ нужды подозрительный и наблюдательный, нѣсколько разъ заглядывалъ передъ обѣдомъ за ея занавѣску. Англичанинъ сидѣлъ въ складномъ холщевомъ креслѣ, держа на колѣняхъ толстую тетрадь въ кожаномъ переплетѣ, писалъ въ ней золотымъ перомъ, и выраженіе его лица, когда онъ поднималъ его, блестя очками, было и тупо и вмѣстѣ съ тѣмъ удивленно. Потомъ, спрятавъ перо, онъ задумался, какъ бы слушая шумъ и шорохъ волнъ, тяжело несущихся за стѣной каюты. Лакей прошелъ мимо, мотая громко звенящимъ колокольчикомъ. Англичанинъ всталъ и долго раздѣлся. Съ ногъ до головы обтершись губкой, насыщенной водой съ одеколономъ, онъ выбрился, подровнялъ короткіе толстые усы, тщательно причесалъ щетками свои черные прямые волосы на косой рядъ, надѣлъ свѣжее бѣлье, смокингъ и пошелъ къ обѣду съ обычнымъ своимъ рѣшительнымъ, солдатскимъ видомъ.

Моряки, уже давно сидѣвшіе за столомъ и бранившіе его за опозданіе, встрѣтили его преувеличенно любезно, другъ передъ другомъ щеголяя знаніемъ англійскаго языка. Онъ отвѣтилъ имъ сдержанной, но не меньшей любезностью и поспѣшилъ сказать, что ему очень нравится русскій столъ, что онъ былъ въ Россіи, въ Сибири... что онъ вообще много путешествовалъ и всегда прекрасно переносилъ путешествія, чего однако нельзя сказать о его послѣднемъ пребываніи въ Индіи, на Явѣ и на Цейлонѣ: тутъ онъ захворалъ печенью, разстроилъ себѣ нервы, дошелъ даже до странностей — вотъ въ родѣ той, которую онъ проявилъ часъ тому назадъ, такъ

неожиданно явившись на пароходъ... За кофе онъ угощалъ моряковъ коньякомъ и ликерами, принесъ коробку толстыхъ египетскихъ папиросъ и поставилъ ее на столъ открытой, для общаго пользованія. Капитанъ, еще молодой человѣкъ съ умными и твердыми глазами, во всемъ старающійся быть европейцемъ, завелъ рѣчь о колоніальныхъ задачахъ Европы, о японцахъ, о будущемъ Дальняго Востока. Внимательно слушая, англичанинъ возражалъ, соглашался. Говорилъ онъ складно и не просто, а такъ, точно читалъ хорошо написанную статью. И порою внезапно смолкалъ, еще внимательнѣе прислушиваясь къ шороху волнъ за открытыми дверями. Отъ грозы ушли. Давно потонула въ черномъ бархатѣ долго переливавшая алмазами цѣпь огней Коломбо. Теперь пароходъ былъ въ безграничной тьмѣ, въ пустотѣ океана и почи. Столовая помѣщалась на палубѣ, подъ капитанскимъ мостикомъ. И тьма рѣзко чернѣла въ открытыхъ дверяхъ и окнахъ, она какъ бы стояла и глядѣла въ ярко освѣщенную столовую. Влажно дуло изъ этой тьмы — влажнымъ, свободнымъ дыханіемъ чего-то отъ вѣка свободнаго — и свѣжесть, доходя до сидящихъ за столомъ, давала имъ чувствовать запахъ табачнаго дыма, горячаго кофе и ликеровъ. Но порою свѣтъ электричества вдругъ падалъ—и двери, окна мелькали блѣдно-синими квадратами: беззвучно и несказанно-широко распахивалась вокругъ парохода голубая бездна безднъ, блистала текучая зыбь водныхъ пространствъ, угольной чернотой заливало горизонты — и оттуда, какъ тяжкій ропотъ самого Творца, еще погруженнаго въ довременный хаосъ, доходилъ глухой, мрачный и торжественный, все до основанія потрясающій гулъ грома. И тогда англичанинъ какъ бы каменѣлъ на минуту.

— Въ сущности, это страшно!—сказалъ онъ своимъ мертвымъ, но твердымъ голосомъ послѣ одного особенно ослѣпительнаго сполоха. И, вставъ съ мѣста, подошелъ къ двери, зіявшей темнотой. — Очень страшно, — сказалъ онъ, какъ бы разговаривая самъ съ собой.—И страшнѣе всего то, что мы не думаемъ, не чувствуемъ и не можемъ, разучились чувствовать, какъ это страшно.

— Что именно?—спросилъ капитанъ.

— А вотъ хотя бы то,—отвѣтилъ англичанинъ,—что подъ нами бездонная глубина, а вокругъ та зыбкая хлябь, о которой такъ ужасно говоритъ Библія... О,—строго сказалъ онъ, вглядываясь въ темноту: — и вблизи и вдали, всюду загораются борозды зеленой огненной пѣны, и чернота вокругъ этой пѣны черно-лиловая, цвѣта воронова крыла... Это очень жутко—быть капитаномъ?—серьезно спросилъ онъ.

— Нѣтъ, почему же, — отвѣтилъ капитанъ съ притворной небрежностью.—Дѣло скучное, отвѣтственное, но въ сущности несложное... Все зависитъ отъ привычки...

— Скажите лучше — отъ нашей притупленности, — сказалъ англичанинъ. — Стоять вонъ тамъ, на вашемъ мостикѣ, по бокамъ котораго мутно глядятъ сквозь толстое стекло два этихъ большихъ глаза, зеленый и красный, и итти куда-то въ тьму ночи и воды, простирающейся на тысячи миль вокругъ,—это безумiе! Но, впрочемъ, не лучше, — прибавилъ онъ, опять заглядывая въ двери:—не лучше и лежать внизу, въ каютѣ, за тончайшей перегородкой которой, возлѣ самой твоей головы, бьетъ и переливается эта бездонная хлябь... Да, да, разумъ нашъ такъ же слабъ, какъ разумъ крота, или, пожалуй, еще слабѣй, потому что у крота, у звѣря, у дикаря хоть инстинктъ сохранился, а у насъ, у европейцевъ, онъ выродился, вырождается!

— Однако кроты не плаваютъ по всему земному шару,— усмѣхаясь, отвѣтилъ капитанъ.—Кроты не пользуются паромъ, электричествомъ, безпроволочнымъ телеграфомъ... Вотъ хотите—я буду сейчасъ говорить съ Аденомъ? А вѣдь до него десять дней ходу.

— И это страшно,—сказалъ англичанинъ и строго взглянулъ сквозь очки на засмѣявшагося механика. — Да, и это очень страшно. А мы, въ сущности, ничего не боимся. Мы даже смерти и то не боимся по-настоящему: ни жизни, ни тайнъ, ни безднъ, насъ окружающихъ, ни смерти — ни своей собственной ни чужой! Я полковникъ англiйской армiи, участникъ бурской войны, я, приказывая стрѣлять изъ пушекъ, убивалъ людей сотнями — и вотъ не только не страдаю, не схожу съ ума, что я убiйца, но даже не думаю о нихъ никогда.

— А звѣри, дикари—думаютъ?—спросилъ капитанъ.

— Дикари вѣрятъ, что такъ надо, а мы нѣтъ, — сказалъ англичанинъ и замолчалъ, пошелъ ходить по столовой, стараясь тверже ступать своими бальными ботинками.

Сполохи отдаленной грозы, уже розовые, мелькавшiе по звѣздамъ, слабѣли. Вѣтеръ дулъ въ окна и двери сильнѣе и прохладнѣе, черная тьма за дверями пумѣла тяжелѣе. Большая раковина, пепельница, ползала по столу. Чувствовалось подъ непрiятно слабѣющими ногами, какъ снизу что-то нарастаетъ, приподнимаетъ, потомъ валитъ на бокъ, разступается—и полъ все глубже уходитъ изъ-подъ ногъ. Моряки, допивъ кофе, накурившись, сдерживая зѣвоту и поглядывая на своего страннаго пассажира, посидѣли, помолчали еще

нѣсколько минутъ, потомъ, желая ему покойной ночи, стали браться за фуражки. Остался одинъ капитанъ. Онъ курилъ и водилъ за англичаниномъ глазами. Англичанинъ, съ сигарой, качаясь, ходилъ отъ двери къ двери, раздражая своей черноты, очками и серьезностью, соединенной съ разсѣянностью, старика-лакея, убиравшаго со стола.

— Да, да, — сказалъ онъ: — намъ страшно только то, что мы разучились чувствовать страхъ! Бога, религіи въ Европѣ давно уже нѣтъ, мы, при всей своей дѣловитости и жадности, какъ ледъ холодны и къ жизни и къ смерти: если и боимся ея, то разсудкомъ или же только остатками животнаго инстинкта. Иногда мы даже стараемся внушить себѣ эту боязнь, увеличить ее — и все же не воспринимаемъ, не чувствуемъ въ должной мѣрѣ того непонятнаго и ужаснаго, чѣмъ полна человѣческая жизнь... вотъ, какъ не чувствую и я того, что̀ самъ же назвалъ страшнымъ, — сказалъ онъ, показывая на открытую дверь, за которой шумѣла черная темнота, уже высоко поднимавшая съ носа и валившая скрипящій переборками пароходъ то на одинъ, то на другой бокъ.

— Это на васъ Цейлонъ такъ подѣйствовалъ,—машинально замѣтилъ капитанъ.

— О, несомнѣнно, несомнѣнно!—согласился англичанинъ.— Мы всѣ,—коммерсанты, техники, военные, политики, колонизаторы,—мы всѣ, спасаясь отъ собственной притупленности и пустоты, бродимъ по всему міру,—вѣдь вы согласитесь, что число путешествующихъ европейцевъ растетъ со сказочной быстротой, что уже весь земной шаръ пестритъ плакатами и расписаніями,—и силимся восхищаться то горами и озерами Швейцаріи, то нищетой Италіи, ея картинами и обломками статуй или колоннъ, то бродимъ по скользкимъ камнямъ, упѣлѣвшимъ отъ какихъ-то амфитеатровъ въ Сициліи, то глядимъ съ притворнымъ восторгомъ на желтыя груды Акрополя въ Греціи, то присутствуемъ, какъ при балаганномъ зрѣлищѣ, при раздачѣ священнаго огня въ Іерусалимѣ, платимъ бѣшеныя деньги за то, чтобы терпѣть мученія отъ проводниковъ и блохъ въ могильникахъ и глиняныхъ капищахъ Египта, плывемъ въ Индію, въ Китай, въ Японію — и вотъ только здѣсь, на землѣ древнѣйшаго человѣчества, въ этомъ потерянномъ нами эдемѣ, который мы называемъ нашими колоніями и жадно ограбляемъ, среди грязи, чумы, холеры, лихорадокъ и цвѣтныхъ людей, обращенныхъ нами въ скотовъ, только здѣсь чувствуемъ въ слабой мѣрѣ жизнь, смерть, божество. Здѣсь, оставшись равнодушнымъ ко всѣмъ этимъ Озирисамъ, Зевсамъ, Аполлонамъ, къ Христу, къ Магомету,

я не разъ чувствовалъ, что могъ бы поклониться развѣ только имъ, этимъ страшнымъ богамъ нашей прародины,—сторукому Брамѣ, Шивѣ, Дьяволу, Буддѣ, слово котораго раздавалось поистинѣ какъ глаголъ самого Маѳусаила, вбивающаго гвозди въ гробовую крышку міра... Да, только благодаря Востоку и болѣзнямъ, полученнымъ мной на Востокѣ, благодаря тому, что въ Африкѣ я сотнями убивалъ людей, въ Индіи, ограбляемой Англіей, а значитъ, отчасти и мною, видѣлъ тысячи умирающихъ съ голоду, въ Японіи покупалъ дѣвочекъ въ мѣсячныя жены, въ Китаѣ билъ палкой по головамъ беззащитныхъ обезьяноподобныхъ стариковъ, на Явѣ и на Цейлонѣ до предсмертнаго храпа загонялъ рикшъ, въ Анарадхапурѣ получилъ въ свое время жесточайшую лихорадку, а на Малабарскомъ берегу болѣзнь печени,—только благодаря всему этому я еще кое-что чувствую и думаю. Тѣ страны, тѣхъ несмѣтныхъ людей, что̀ еще живутъ, или младенчески-непосредственной жизнью, всѣмъ существомъ своимъ ощущая и бытіе, и смерть, и божественное величіе вселенной, или уже прошли долгій и трудный путь, историческій, религіозный и философскій, и устали на этомъ пути, мы, люди новаго желѣзнаго вѣка, стремимся поработить, подѣлить между собою, и называемъ это нашими колоніальными задачами. И когда этотъ дѣлежъ придетъ къ концу, когда въ мірѣ опять воцарится власть какого-нибудь новаго Тира, Сидона, новаго Рима, англійскаго или нѣмецкаго, повторится, непремѣнно повторится и то, что̀ предрекли Сидону, возомнившему себя, по слову Библіи, Богомъ, іудейскіе пророки, Риму—Апокалипсисъ, а Индіи, арійскимъ племенамъ, поработившимъ ее — Будда, говорившій: „О, вы, князья, властвующіе, богатые сокровищами, обращающіе другъ противъ друга жадкость свою, ненасытно потворствующіе своимъ похотямъ!..“ Я еще не буддистъ, но Будда, какъ всѣ великіе религіозные учители, понялъ, что̀ значитъ жизнь Личности, этой преходящей формы, намарупы, какъ онъ называлъ ее, въ этомъ „мірѣ бываніи“, въ этой вселенной, который мы не постигаемъ,—и ужаснулся священнымъ ужасомъ. Мы же возносимъ нашу Личность превыше небесъ, мы хотимъ сосредоточить въ ней весь міръ, что̀ бы тамъ ни говорили о грядущемъ всемірномъ братствѣ и равенствѣ,—и вотъ только въ океанѣ, подъ новыми и чужды̀ми намъ звѣздами, среди величія тропическихъ грозъ, или въ Индіи, на Цейлонѣ, гдѣ исторія такъ безмѣрна, гдѣ порою видишь подлинную первобытную жизнь, а въ черныя знойныя ночи, въ горячечномъ мракѣ, чувствуешь, какъ таетъ, растворяется человѣкъ въ этой черноты̀, въ звукахъ, запахахъ, въ

томъ страшномъ Все-Единомъ, только тамъ понимаемъ въ слабой мѣрѣ, что̀ значитъ эта наша жалкая Личность... Знаете ли вы, — сказалъ онъ, останавливаясь и блестя очками на капитана,—буддійскую легенду?

— Какую? — спросилъ капитанъ, уже тайкомъ зѣвнувшій и посмотрѣвшій на часы.

— А вотъ какую: воронъ кинулся за слономъ, бѣжавшимъ съ лѣсистой горы къ океану; все сокрушая на пути, ломая заросли, слонъ обрушился въ волны — и воронъ, томимый „желаніемъ“, палъ за нимъ и, выждавъ, пока онъ захлебнулся и вынырнулъ изъ волнъ, опустился на его ушастую тушу; туша плыла, разлагалась, а воронъ жадно клевалъ ее; когда же очнулся, то увидалъ, что отнесло его на этой тушѣ далеко, далеко, туда, откуда даже на крыльяхъ чайки нѣтъ возврата— и закричалъ жалкимъ голосомъ, тѣмъ, котораго такъ чутко ждетъ Смерть и на который такъ быстро является она... Ужасная легенда!

— Да, это очень значительно, — сказалъ капитанъ равнодушно.

Англичанинъ замолчалъ и опять пошелъ отъ двери къ двери. Изъ шумящей темноты слабо донеслись отрывистые и, какъ всегда въ океанѣ, печальные звуки второй склянки. Капитанъ, посидѣвъ изъ приличія еще минутъ пять, поднялся, пожалъ руку англичанину и пошелъ въ свою большую покойную каюту. Англичанинъ, что-то думая, продолжалъ ходить. Лакей, протомившись въ буфетѣ еще съ полчаса, вошелъ и съ сердитымъ лицомъ сталъ тушить электричество, оставилъ только одинъ рожокъ. Англичанинъ, когда лакей скрылся, подошелъ къ стѣнѣ, потушилъ и этотъ рожокъ. Сразу палъ мракъ, шумъ волнъ сразу сталъ какъ будто слышнѣе, и сразу раскрылись въ окнахъ звѣздное небо, мачты, реи. Пароходъ скрипѣлъ и лѣзъ съ одной водяной горы на другую. Онъ размахивался все шире, подымаясь и опускаясь,—и въ снастяхъ широко носились, взлетая то въ бездну кверху, то въ бездну книзу, Канопусъ, Воронъ, Южный Крестъ, по которымъ еще мелькали розовые сполохи.

Капри. II. 1914.

ПРИ ДОРОГѢ.

I.

Устинъ, отецъ Парашки, жилъ при большой Новосильской дорогѣ.

Мѣсто, что̀ онъ выбралъ себѣ, отойдя отъ господъ, было безлюдное. Ржи морями разливались по волнистымъ полямъ вокругъ его степного двора. Во ржахъ за дворомъ стояли два безпріютныхъ дубка, шли неглубокіе овраги, густо заставшіе къ лѣту бѣлыми цвѣтами. Во ржахъ за большой дорогой терялся далекій дубовый лѣсокъ; въ той сторонѣ было и село—однодворческое старинное село Баево, да волнистыя поля скрывали его. До воли было много проѣзжихъ по большой дорогѣ. Потомъ ихъ слѣды, колеи, изрѣзавшія всю дорогу, затянулись, заглохли, закудрявились рѣдкой мелкой муравой.

Устинъ давно вдовѣлъ,—говорили, что онъ убилъ жену изъ ревности,—жилъ не по-мужицки: не землей, а тѣмъ, что давалъ деньги въ ростъ; сѣялъ онъ только для домашняго обихода, вокругъ дубковъ и надъ оврагами, на помѣстной землѣ, и даже скотины путной не держалъ: хороши у него были однѣ лошади. Въ избѣ хозяйничала сперва его любовница, вдова-однодворка, потомъ какая-то нищенка, потомъ старшая дочь, Евгенія. Но Евгенію, чуждую и немилую ему, онъ рано выдалъ и замѣстилъ работникомъ, пожилымъ придурковатымъ мужикомъ, Володей. А самъ часто отлучался изъ дому—и росла босоногая, молчаливая Парашка одиноко.

Однажды, — ей шелъ тогда четырнадцатый годъ, это было какъ разъ въ то лѣто, когда Евгенія переселилась въ Баево,—гнали по большой дорогѣ порядочный гуртъ овецъ: часто такъ дѣлаютъ—покупаетъ купецъ сто, двѣсти головъ на одной ярмаркѣ и перегоняетъ ихъ на другую, нанимая для того босяковъ, а для надзора за босяками посылая приказчика.

Дотлѣвала лѣтняя заря далеко позади хутора. Поджидая отца изъ города, Парашка сидѣла на порогѣ избы, глядѣла на вечернія поблекшія поля, на голый просторъ дороги. Овцы густой грязно-сѣрой отарой медленно двигались мимо съ тѣмъ неопредѣленнымъ шумомъ, что̀ производятъ и движеніе и дыханіе ихъ, съ запахомъ своего руна и корма — степныхъ травъ и полыни. А за ними шли собаки съ высунутыми красными языками, запекшимися и запыленными за-день, оборванный высокій малый рядомъ съ оборваннымъ старикомъ, и верхомъ ѣхалъ на бѣломъ горбоносомъ киргизѣ, съ кутузкой въ рукѣ, въ картузѣ на затылокъ, молодой мѣщанинъ.

— Здравствуй, красавица, — сказалъ старикъ, отдѣляясь отъ гурта. — Помоги намъ, прохожимъ, попроси у отца сѣрничка...

Она долго не отвѣчала, разглядывая его. Онъ былъ безъ шапки, клоки ея были надѣты на его скользкій костыль. Онъ положилъ на него крупныя блестящія руки, удерживая ихъ дрожь, и съ трудомъ дышалъ. Въ лохмотьяхъ рыжаго пальто, надѣтаго на голое тѣло и подпоясаннаго обрывкомъ, въ подштаникахъ и сбитыхъ опоркахъ, зелено-сѣдой и кудлатый, мертвенно-блѣдный и съ запухшими глазами, онъ имѣлъ видъ яростный, но въ хрипломъ его голосѣ была доброта, усталость. Видна была сѣрая шерсть на его груди, видно было, какъ трепещетъ подъ грудью сердце...

— Отца дому нѣтути,—отвѣтила Парашка, наглядѣвшись.

— Такъ я и зналъ, такъ я и зналъ,—сказалъ старикъ.— Все катается, а ты одна растешь... „Вечо̀ръ наша перепелушка,—сказалъ онъ, глядя на землю:—вечо̀ръ наша рябая всее ноченьку прокликала, всее темную протрюкала...“ Какъ же намъ быть-то, красавица?

Подошелъ малый, мелкой бойкой рысью подъѣхалъ верховой, по-степному поджимая ноги въ стременахъ подъ брюхо своего толстогрудаго киргиза, уморенпаго, но все горячившагося, задиравшаго назадъ большую голову на короткой шеѣ. Они поглядѣли на старика насмѣшливо, — знали его манеру разговаривать,—на Парашку внимательно. Малый былъ очень длиненъ и тонокъ, съ покатыми плечами, съ круглымъ кошачьимъ лицомъ, въ сѣромъ арестантскомъ картузѣ. А верховой—сухощавъ, но широкъ, очень смуглъ и съ блестящими глазами.

— Я ея отца знаю,—сказалъ онъ, глядя съ сѣдла на Парашку, на ея маленькія ноги, загорѣлыя плечи и грязную сорочку.—Богатый плутъ... Ступай въ печуркѣ, либо за образа̀ми поищи,—прибавилъ онъ строго.

Парашка, не сводя глазъ съ киргиза, короткаго, плотнаго и легкаго, все мотавшаго тяжелой головой и грызшаго желтыми зубами слюнявыя удила, вскочила съ порога, сбѣгала въ избу и вернулась съ коробочкомъ спичекъ. А мѣщанинъ тѣмъ временемъ слѣзъ со стараго, сухого и замасленнаго казацкаго сѣдла, расправлял короткія ноги. Малый отошелъ, пристально смотрѣлъ куда-то въ поле. Взявъ спички, молча пошелъ прочь и мѣщанинъ, повелъ киргиза къ остановившемуся съ опущенными головами гурту. Но Парашка навсегда запомнила его пропыленный пиджакъ, лоснящіеся штаны, заправленные въ сапоги съ узкими носами и широкими голенищами, грязный воротъ вышитой рубахи и то, что все лицо его было, точно порохомъ, усѣяно синеватыми точками угрей, что на смуглыхъ скулахъ его вились рѣдкіе, жесткіе волосы, такіе же рѣдкіе, жесткіе и смоляные, какъ и надъ углами рта. Онъ взглянулъ на нее, уходя, и поразилъ ее красотою своихъ твердыхъ глазъ. А старикъ, вѣрно, замѣтившій это, опять сказалъ ей на прощанье странныя слова:

— Ну, вотъ мы и жители... Прощай, спасибо тебѣ, красавица. Помомни, что сказалъ тебѣ страшный старый босякъ: этотъ воръ-мѣщанинъ можетъ погубить тебя. Ты на такихъ-то не заглядывайся...

А потомъ на парàхъ за дорогой, тамъ, гдѣ заночевалъ гуртъ, долго пылалъ въ темнѣющей синевѣ вечера желтый жаркій костеръ. Ночь шла—отца все не было. Сидя на порогѣ, Парашка слушала, какъ Володя доитъ на варкѣ, за сѣнцами, корову, и не спускала глазъ съ костра. „Вечоръ наша перепелушка...“—вспомнила она слова старика—и, чувствуя сладкую тоску ихъ, видѣла темную-темную ночь и робкую, одинокую перепелку, трюкающую въ темномъ, неоглядномъ разливѣ хлѣбовъ... Все краснѣй горѣлъ костеръ—и онъ, этотъ черноглазый мѣщанинъ, который могъ погубить ее, и его горячій желтозубый киргизъ были тамъ, еще близко... Наконецъ ровный, успокаивающій звукъ отцовской телѣжки донесся до ея слуха. Она вскочила въ темную избу и легла, притворяясь спящей. Отецъ подъѣхалъ къ порогу, крикнулъ Володѣ; вошелъ и сталъ что-то вѣшать на стѣну. Зашумѣли сонныя мухи въ рѣшетахъ и ситахъ возлѣ печки.

— Батюшка!—негромко позвала Парашка.

— Аюшки?—отозвался отецъ вполголоса.

— Это какой босякъ бываетъ?

— А разуйся хоть ты такая-то, вотъ тебѣ и будетъ босякъ.

— Да онъ не босой. Онъ въ полсапожкахъ.

— Ну, знать, пропился догола. А гдѣ ты могла видѣть его?

Парашка разсказала о прохожихъ, умолчавъ о послѣднихъ словахъ старика.

— Знать, бальмашевскій гуртъ гонятъ, — сказалъ онъ, не слушая толковъ и перевѣшивая наборную узду съ одного колка на другой.—То-то, я гляжу, костеръ горитъ...

— А отчего у него лошадь въ крови?

— У кого это?

— У приказчика. Вся грудь въ струпахъ.

— А это оттого, что онъ киргицъ называется, — сказалъ отецъ. — Эти лошади, дочка, злыя, горячія живутъ, хоть и старыми попадаютъ къ намъ. Вотъ и сѣкутся, сами себѣ кровь бросаютъ... И тавро, небось, есть?

Парашка подумала.

— А какая она?

— А въ родѣ печати... какъ печать выжжена на ляжкѣ, чтобъ видать было, что это не простая лошадь, а изъ тавра, изъ косяка киргицкаго... Ну, спи, спи, коли поужинала, — прибавилъ онъ.—А я въ холодную пойду, тамъ закушу...

И, отворивъ окно, ушелъ въ другую половину. Въ окно было видно лѣтнее ночное небо въ блѣдныхъ звѣздахъ, чуть тянуло свѣжестью, смѣшанной съ запахомъ гари потухавшаго костра... И, волнуясь отъ этого запаха, что-то какъ будто напоминающаго, слушая отца, горячо, но негромко говорившаго подъ окномъ съ Володей, Парашка заснула въ чувствѣ того жуткаго и манящаго, что̀ есть въ неизвѣстныхъ прохожихъ и проѣзжихъ людяхъ, очарованная смутной думой о томъ, какъ погубитъ, какъ увезетъ ее куда-то въ даль молодой мѣщанинъ.

II.

Съ тѣхъ поръ прошло два года; пошелъ третій. Парашка измѣнялась. Мало-по-малу она заняла свое мѣсто въ хозяйствѣ, стала таскать, надрывая свой дѣвичій животъ, горшки и чугуны изъ печки, доить коровъ, обшивать отца... Но нравъ ея мѣнялся мало. Одно лѣто на нее напала страсть къ селу. Она стала наряжаться, гостить у сестры, бывать съ дѣвками въ хороводахъ, пѣть и плясать съ ними, притворясь бойкой. Потомъ бросила, опять почувствовала себя чужой селу, дѣвкамъ, Евгеніи. Евгенія тоже навѣщала ее,—она ходила солдаткой, дѣтей не имѣла, вдоваго своего свекра не боялась. Но были обѣ онѣ молчаливы, да и слишкомъ разны во всемъ. Миловидную, на видъ спокойную Парашку никто бы и не назвалъ сестрой Евгеніи: та была крѣпка, плечиста, глядѣла изъ-подъ сдвинутыхъ бровей, сжавъ губы; странно было ви-

дѣть ея скуластое, короткое, рѣшительное лицо рядомъ съ нѣжнымъ овaломъ нерѣшительнаго дѣвичьяго лица.

Близокъ былъ Парашкѣ лишь отецъ. Ея любовь къ нему росла съ каждымъ годомъ. Но не проста, не спокойна была эта любовь.

Она любила отца застѣнчиво, той обостренной любовью, которой часто любятъ дочери вдовыхъ отцовъ. Замѣнять ему мать, хозяйку, заботиться о немъ, таскать для него горшки изъ печи было для нея радостью и гордостью. Но порою эта радость отравлялась болью—вспоминалась однодворка, хозяйничавшая когда-то въ отцовской избѣ... Въ томъ страшномъ и мало-понятномъ, что̀ случилось между отцомъ и матерью, о чемъ еще въ дѣтствѣ несвязнымъ шопотомъ, съ чужихъ словъ, разсказывала Евгенія, Парашка была на сторонѣ отца. Но порою находило сомнѣніе: да такъ ли, правъ ли онъ былъ? — и тогда казалось, что не было на свѣтѣ человѣка лучше и красивѣе матери. Отца Парашка мало видѣла, а понимала и того меньше, постоянно чувствуя и робость и неловкость въ разговорѣ съ нимъ. Да и у всѣхъ онъ слылъ не легкимъ, не простымъ человѣкомъ. Чистотою и правильностью чертъ, тонкимъ станомъ, бронзовой бородкой и зоркостью зеленыхъ глазъ онъ напоминалъ старикамъ-дворовымъ объѣздчика-черкеса, жившаго когда-то у господъ его. Но и крестьянскаго не мало было въ его осторожныхъ манерахъ, въ неуклюжихъ сапогахъ, въ густыхъ кудряхъ, разобранныхъ на прямой рядъ, въ воротѣ суровой рубахи и сермяжной поддевкѣ. Онъ уменъ и привѣтливъ былъ, даже добръ, но всѣ его побаивались: уже очень разсудителенъ. Приходили къ нему изъ селъ, изъ деревень за помощью. Онъ никому не отказывалъ. Онъ внимательно выслушивалъ, кивалъ головою, все приподнимая со лба свои бронзовые завитки. Въ глаза поглядывалъ не строго, но пытливо, поддакивалъ, никогда не перебивая, вполголоса. Лихву назначалъ скромную. Но вѣдь лихвой и жилъ онъ, а такіе люди всегда страшны немного.

Вырастая, Парашка худѣла. Въ лицѣ ея появлялось то неуловимое сходство съ отцомъ, которое такъ нѣжно проявляется у дочерей, любимыхъ отцами и на первый взглядъ какъ будто и не схожихъ съ ними. Многое одинаково затаивали, сдерживали они въ себѣ, многое одинаково воспринимали: какъ, напримѣръ, волновалъ ихъ обоихъ видъ цыганскаго табора, идущаго осенью по большой дорогѣ на низы, къ югу!

— А я, мальчишкой, разъ было-убѣгъ за цыганами,— сказалъ однажды Устинъ, усмѣхаясь.

— Да что̀ жъ? Одумался?—спросила Парашка.

— Одумался. Безъ этого нельзя, дочка,—сказалъ Устинъ уже безъ улыбки.—Сгоряча дѣлать не годится...

— Чего дѣлать не годится?

— Да ничего,—отвѣтилъ онъ не сразу — и поглядѣлъ въ сторону.—А то кровь въ глаза кидается, бѣду творитъ...

Она поняла его, оробѣла и смолкла.

Но не только таинственностью отца, его прошлаго, его разъѣздовъ и заботъ, о которыхъ онъ никогда ни съ кѣмъ не говорилъ, окружена была она. Осенью, зимою она много спала. Лѣтомъ могла не спать хоть три ночи подъ рядъ. Любимымъ мѣстомъ ея былъ порогъ: по часамъ стояла она на немъ, чуть осѣвъ на одну ногу, чуть склонивъ къ плечу голову и держась сзади за отстающую отъ спины кофточку обѣими руками. Далеко куда-то, въ счастливую страну, направлялись всѣ тѣ, что̀ порою проѣзжали, проходили мимо. Смѣло и внимательно глядя впередъ, разметавъ по плечамъ свои чубарые отъ солнца волосы, гдѣ̀ мочальные, а гдѣ̀ темные, въ скуфьѣ, въ подрясникѣ, широко шагалъ стороной бродяга, отставлял на ходу свой высокій посохъ: она провожала его долгимъ взглядомъ, хоть и боялась бродягъ, боялась, когда они сворачивали къ хутору за подаяніемъ. Ровной рысцой, часто спотыкаясь и перхая, бѣжала посединѣ дороги захудалая помѣщичья тройка: звукъ дребезжащихъ рессоръ, дорожный видъ запыленнаго тарантаса пробуждали въ ней тоску, какія-то желанія. Гнали овецъ — она жадно всматривалась въ провожатыхъ, вспоминая бѣду, предсказанную ей... Морями разливались по полямъ сѣро-мраморныя ржи. Тѣнь ложилась отъ избы. Впереди, за дорогой, блестѣвшей мелкой муравой, густая рожь клонилась въ яркомъ вечернемъ свѣтѣ, лоснилась противъ солнца, уходившаго за избу. Розоватые клубы юго-восточныхъ облаковъ, нѣжныхъ, чуть замѣтныхъ, сливались выше горизонта съ ясной матовой лазурью небосклона... Въ эту сторону, томимая зовомъ степной дали, она смотрѣла чаще всего.

А любовь—это слово она узнала и почувствовала рано и тоже не просто. Еще въ дѣтствѣ поразило оно ее. Однажды, въ жаркій лѣтній полдень, сидѣла на камняхъ возлѣ Устинова амбара мѣщанка изъ Баева, пьяница и бобылка. Она шла на ярмарку—продавать свою больную, костлявую лошадь, которая съ повисшими поводами стояла передъ нею. Она разложила возлѣ себя спички, жестянку съ махоркой, курила, положивъ нога на ногу въ расчищенныхъ стоптанныхъ башмакахъ, и улыбалась, глядя на Парашку, возившуюся въ

пыли возлѣ нея. „Что̀ жъ, отецъ не прогналъ еще *любовницу-то?*“—сиплымъ таинственнымъ шопотомъ спросила она. И Парашка навсегда запомнила это особенное слово и наитіемъ угадала его сокровенный смыслъ. Съ тѣхъ поръ, всякій разъ, когда случалось ей не во̀-время забѣжать въ избу и увидѣть на колѣняхъ у отца однодворку, сладкимъ страхомъ и стыдомъ обжигало ее. А потомъ отъ сестры, отъ сельскихъ дѣвокъ стала она заучаться пѣснямъ. Во всѣхъ пѣсняхъ говорилось о томъ же, объ одномъ — о любви. И она пѣвала ихъ, но мысленно — такъ трогали онѣ ее, особенно одна, старинная: „Уснулъ, успулъ мой любезный у дѣвушки на рукѣ, на кисейномъ рукавѣ...“. Всѣ подруги готовились только къ одному—къ замужеству, къ жизни, къ близости съ мужемъ. Рано стало волновать, страшить и ее предчувствіе этой близости. Сестра просто говорила: „Батюшка распутный, онъ опять съ кѣмъ-то живетъ. Сто рублей отдамъ, а дознаюсь!“. А Парашка и сама бы не взяла ста рублей за то, чтобы дознаться о любовницѣ отца, хотя думала о ней дни и ночи. Сестра, когда угнали ея мужа въ солдаты, вскорѣ пришла однажды на хуторъ. „Батюшка дома?“—глухо крикнула она, подойдя къ замерзшему окну. Потомъ вошла, сѣла на лавку, стала ѣсть хлѣбъ и все говорила, что она на минутку, все поглядывала на входившаго и выходившаго Володю, высокаго худого мужика. Онъ, роясь на лавкѣ въ веревкахъ и вожжахъ, картаво бормоталъ: „Сто жъ не раздѣваешься?“ А сестра медленно мотала головой, закутанной въ пеньковый платокъ: „Я на минутку...“. Была она въ промерзлыхъ лаптяхъ, въ красной юбкѣ грубой шерсти, въ сермяжной корсеткѣ, туго застегнутой на полной груди, и крѣпко пахло отъ нея, крѣпкой, здоровой бабы, избянымъ дымомъ и ржанымъ хлѣбомъ, который она не спѣша жевала. „Охъ, что̀ жъ это я сижу-то!“—говорила она. И вдругъ поднялась и рѣшительно вышла, но не домой, а на варокъ, къ Володѣ. Парашка кинулась къ двери и замерла, прильнувъ къ ней ухомъ. Бѣжали минуты за минутами, все гуще сѣялъ кто-то ночную муть въ избѣ, и ни звука не слышно было за дверью. Но Парашка, казалось, все видѣла, все слышала...

III.

Замѣнивъ отцу мать и хозяйку, она стала чувствовать себя взрослой и порою заводила съ нимъ страшныя бесѣды.

Разъ зимнимъ вечеромъ онъ перебиралъ возлѣ лампочки, коптившей на столѣ, какія-то истертыя бумажки, вынимая ихъ изъ-за пазухи, изъ кармана поддевки. Онъ напряженно

соображалъ что-то, шевеля губами, и писалъ огрызкомъ карандаша, ложась грудью на столъ, отодвигая рукавъ и долго ерзая по бумажкѣ передъ тѣмъ, какъ вывести цифру. Она, сидя возлѣ печки, пряла: сучила, доила питку лѣвой рукой, а правую отставляла—ловко пускала до самаго пола волчокъ веретена. Въ пестренькомъ ситцевомъ платьѣ, съ раскрытой головой, съ опущенными рѣсницами, она была хороша: она сама чуяла это по тѣмъ странпымъ и ласковымъ взглядамъ, что̀ порою, отрываясь отъ работы, кидалъ на нее отецъ. Она сидѣла на скамьѣ легко и спокойно, чуть раздвинувъ округлыя колѣни, съ мягкой силой нажимая носкомъ лѣвой ноги на приступку прялки и жужжа колесомъ.

— Батюшка,—сказала она вдругъ:—ты всегда былъ такой красивый?

— А что̀?—спросилъ онъ, по своему обыкновенію, вполголоса.—Всегда.. А что̀?

— Чего жъ тебя мать не любила?

— А кто тебѣ это сказалъ?

— Да ужъ я знаю,—отвѣтила она загадочно.

Онъ помолчалъ, сталъ прятать бумажки за пазуху и застегивать крючки поддевки, мотнулъ головою, откидывая со лба завитки волосъ.

— Ты того, дочка, не слухала бы,—сказалъ онъ негромко.

— Ты, говорятъ, убилъ ее... За что? За любовника?

— И этого не надобно знать тебѣ, — сказалъ онъ еще тише, но просто.—Вотъ вѣдь я ни о чемъ не пытаю тебя.

Она подумала.

— Да меня что̀ жъ пытать? Я вся наружи...

— Толкуй!—сказалъ онъ.—Ты вся въ нее.

Она покраснѣла.

— Анъ въ тебя... Я тебя въ свѣтѣ ни на кого не промѣняю!

— Промѣняешь, дочка...

Она вспомнила мѣщанина, провожавшаго овецъ, лѣтній вечеръ, который казался теперь такимъ далекимъ и прелестнымъ, стараго, желтозубаго, но горячаго киргиза, его сильную грудь въ рубцахъ засохшей крови... А онъ, какъ бы читая книгу, твердо заговорилъ:

— Рано тебя никому не чаю отдать. Для тебя, дочка, для тебя одной съ утра до вечера бьюсь. Буду ждать, высматривать человѣка хорошаго, красиваго...

— У тебя жъ есть любовница, — прошептала она.

— Все пустое, все пустое,—отвѣтилъ онъ горячо, но голоса не повышая. — Все тебѣ это постороннее. Съ отцомъ стыдно объ этомъ балакать...

Она заплакала. Онъ подошелъ, обнялъ ея голову, поцѣловалъ въ волосы. Сквозь тонкую кожу его проступилъ румянецъ, зеленые глаза горѣли ярко и нѣжно. Она успѣла взглянуть въ пихъ, когда онъ, обернувшись, пошелъ вонъ изъ избы, и заплакала отъ какой то непонятной радости и еще болѣе непонятнаго горя. Ахъ, да кто жъ могъ быть красивѣе и лучше его!

Она худѣла. Но округлялись ея руки, ноги, приподнялись маленькія груди, глянцевитѣе и гуще стали волосы. Купаясь, она стала стыдиться своей наготы... Шестнадцатая весна! Скоро, скоро станетъ она невѣстой, будутъ пріѣзжать сваты къ отцу, узакопится ея право любить и выбирать... хотя, конечно, никогда, ни за кого въ свѣтѣ не выйдетъ она. Сестра сдѣлалась откровеннѣе съ нею, — это льстило ея самолюбію. Сестра открывала ей тайны любви, она ждала мужа и говорила, что никакъ не дождется его. Хотѣлось и Парашкѣ поговорить о себѣ, о своихъ думахъ, о своей истомѣ. Хотѣлось намекнуть, что и про Володю она знаетъ... Провожая сестру, она долго стояла на порогѣ. Пѣли пѣтухи—она слушала ихъ, закрывая глаза. Дремалъ сумеречный мартовскій туманъ надъ сѣрыми снѣгами полей — ей казалось, что уже слышно въ туманѣ волнующее каркапье первыхъ грачей. Убѣгала въ туманъ, пропадала въ немъ зимняя навозная дорога—и влекла къ себѣ, тянула въ даль. Капали капели, куры стояли подъ ними, тоже дремали—и вдругъ начинали тревожиться, кудахтать сквозь дрему. Съ веселой, притворной яростью игралъ, взвивался на цѣпи подъ амбарами жарко дышавшій песъ... Рѣзко вздрогнувъ, она вбѣгала въ избу.

Но въ теплой избѣ только Володя дѣлилъ ея одиночество. Володя, живший уже пятый годъ, былъ страшенъ и противенъ ей—съ того самаго вечера, когда Евгенія вышла къ нему. Но вѣдь она такъ часто оставалась наединѣ съ нимъ... Она знала, что никогда не рѣшится онъ тронуть ее, — отецъ убилъ бы его,—но вѣдь думала же она объ этомъ... И сладость тайныхъ думъ ея даже увеличивалась страхомъ и отвращеніемъ къ Володѣ. Онъ наружно былъ даже недуренъ,— пожилой, но стройный, легкій, какъ малый въ двадцать лѣтъ. Иногда она пыталась разговориться съ нимъ о чемъ-нибудь, не касающемся хозяйства, о селѣ, о дѣвкахъ, о ребятахъ. Онъ задумывался. Онъ бросалъ веревку, которую вилъ, сидя на копкѣ, вертѣлъ цыгарку. Сѣрое худое лицо его склонялось, прядь сѣрыхъ волосъ падала на узкій лобъ—онъ былъ красивъ. Но вотъ онъ открывалъ ротъ — и сразу превращался въ дурака. О чемъ бы она ни заводила рѣчь, онъ все сво-

дилъ на то, кто у кого живетъ въ работникахъ и, главное, сколько жалованья беретъ.

— Хоросую, хоросую заловань‍ю получаетъ, — бормоталъ онъ, и отъ бормотанья усы его дѣлались слюнявыми.

А когда дулъ южный весенній вѣтеръ, съѣдая таявшіе снѣга, и она дѣлалась красивѣе, тревожнѣе, онъ видѣлъ и чувствовалъ это. Онъ входилъ въ избу, какъ будто по дѣлу, вѣшалъ или снималъ оброть съ деревяннаго гвоздя въ стѣнѣ, нарочно мѣшкалъ, начиналъ шутками: „Гдѣ-й-то тутъ оброть покрѣпче, пора тебя обротать, къ бычку весть...“ Она странно и звонко смѣялась. Онъ проходилъ мимо, внимательно посматривая на нее. Она встрѣчала его глаза широко раскрытыми, ждущими глазами. Казалось—еще минута, и она будетъ въ его полной власти. Но, какъ только онъ протягивалъ руки, брови ея рѣзко вздрагивали, лицо искажалось и вспыхивало. Она вскакивала и съ той внезапной грубостью, которой такъ часто ошеломляютъ мужчинъ дѣвушки, звонко вскрикивала, хватаясь за что попало:

— Тронь только, всю морду расшибу! Батюшкѣ скажу, только на порогъ ступитъ! Духу твоего тутъ не останется, побирушка чортъ!

IV.

Пришла весна. Сѣрый снѣгъ съѣдали вѣтры и туманы, пѣгими стали мокрыя поля. Кончилась Страстная недѣля; настала Великая Суббота. Въ пасмурный вечеръ Парашка поѣхала съ отцомъ въ село, къ церкви, уже на телѣгѣ. Непріютно гудѣли голыя лозинки на окраинахъ села, изъ-за нихъ, въ невѣрномъ вечернемъ сумракѣ, глядѣли сине-бѣлесыя тучи, грозя дождемъ и снѣгомъ, дѣлая горизонты зловѣщими. Но въ ледяномъ вѣтрѣ, что̀ дулъ изъ-подъ тучъ, была весна, свѣжесть. Лицо Парашки горѣло и отъ вѣтра, и отъ румянъ, и отъ волненья, — отъ того, что она искупалась, надѣла все чистое, нарядилась и сѣла въ новую телѣгу рядомъ съ красивымъ, богатымъ отцомъ, который правилъ дорогой сытой лошадью.

На широкой улицѣ было грязно, лежалъ горбами ледъ. Вечеръ въ селѣ, на улицѣ, вдоль которой уже горѣли огни по избамъ, уютнымъ, по бѣднымъ и чужимъ, казался еще нелюдимѣе. Но и въ этихъ раннихъ огняхъ, и въ хлопьяхъ снѣга, которые внезапно погналъ вѣтеръ вдоль улицы, странно убѣляя ея грязь, ея темныя крыши,—во всемъ былъ весенній праздникъ. Жмурясь отъ снѣга, Парашка и Устинъ отвернулись, нагнули головы. Изрѣдка Парашка взглядывала испод-

лобья—и сердце ея заходилось отъ непонятной радости при видѣ милаго отцовскаго лица, его тонкой кожи, помолодѣвшей отъ вѣтра, блестящей бороды въ крупныхъ снѣжинкахъ и мокрыхъ рѣсницъ... И вдругъ кто-то громко крикнулъ надъ ними:

— Ай ослѣпъ? Держи правѣе!

И, раскрывъ глаза, Парашка увидѣла высокую лошадь и телѣгу съ передкомъ, а въ телѣгѣ—поднявшаго воротъ чуйки и тоже отвернувшагося отъ вѣтра и снѣга мѣщанина. Онъ взглянулъ на нее—и она мгновенно признала его.

— Чего кричишь? — отвѣтилъ ему Устинъ веселымъ крикомъ.—Завтра праздникъ большой!

— Виноватъ, Устинъ Прокофичъ,—отозвался мѣщанинъ.—Ничего не видать...

И телѣги разъѣхались.

Долго помолчавъ, Парашка спокойно спросила:

— Ай ты его знаешь?

— Кто жъ его, плута, не знаетъ! — отвѣтилъ Устинъ.— Онъ у Бальмашева на хуторѣ жилъ, теперь свое дѣло затѣваетъ, кружится, какъ воръ, хочетъ въ селѣ лавку открывать...

Парашка оправила платье, запахнула лицо шалью, задержала дыханіе... Сердце ея колотилось, лицо стало серьезно. Эту неожиданную встрѣчу она приняла какъ должное, даже не удивилась ей: удивилась только легкости, съ которой неожиданно переломилась ея судьба.

А на Святой мѣщанинъ пріѣхалъ въ гости къ Устину. За три года онъ ничуть не измѣнился, только безпокойнѣе стали его горячіе глаза. И одежда на немъ была все та же, только чистъ былъ воротъ рубашки. Она узнала, что зовутъ его Никаноромъ, изъ его разговоровъ съ отцомъ поняла, что онъ еще гадаетъ: не уѣхать ли „на низы“, въ Ростовъ, гдѣ кто-то нанимаетъ его. Онъ пилъ съ Устиномъ чай и водку. Устинъ хмелѣлъ; но онъ не мѣнялся, хотя пилъ больше Устина, и много говорилъ. Она не вникала въ то, что онъ говоритъ, слышала только звукъ его четкаго голоса. Не поднимая глазъ, она, набѣленная, нарумяненная, сидѣла въ углу и грызла подсолнухи, какъ бы не замѣчая гостя. Не замѣчалъ, или дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ, и онъ ее. Прощаясь, онъ протянулъ ей руку. Она не привыкла касаться чужихъ рукъ, подала ему свою неловко — и поблѣднѣла: и польстило ей это рукопожатіе, и обожгло стыдомъ, точно это было начало тайнаго сближенія ихъ.

Послѣ этого онъ долго не показывался. Она по цѣлымъ

днямъ стояла на порогѣ и нетерпѣливо, съ настойчивостью и требовательностью подростка, ждала его. Ей казалось, что онъ обязанъ, долженъ теперь пріѣзжать и продолжать то, что̀ началъ, хотя и понимала, что онъ ничего не начиналъ. „Какъ только онъ пріѣдетъ,— думала она,— повернусь и уйду, покажу, что не нуждаюсь имъ...“ Но прошелъ почти мѣсяцъ, завернули майскіе холода съ дождями — его все не было. Наканунѣ Николы она почему-то особенно ждала его, такъ томилась желаніемъ видѣть его, что, казалось, не можетъ не исполниться ея желаніе. Спать она легла рано и плакала такъ зло и горько, что смоклась вся подушка, но такъ беззвучно, что отецъ, спавшій въ двухъ шагахъ отъ нея, и не подозрѣвалъ о ея слезахъ. Онъ только слышалъ, что она перевертывалась, и порою спрашивалъ страннымъ и тревожнымъ голосомъ, что̀ это она не спитъ.

Утромъ отецъ уѣхалъ куда-то. Она увидѣла стекла, залитыя дождемъ, и почувствовала, что уже ничего не ждетъ, ничего не хочетъ, что просто ей пріятно вставать, прибирать избу, топить печь, заниматься обыденными дѣлами. Къ вечеру она нарядилась, воткнула два сухихъ василька въ косу, обвитую вокругъ головы, и вздумала поставить самоваръ.

Дождь пересталъ. Все было мокро — и зеленая дорога и зеленые хлѣба̀, за которыми влажно-синими стѣнами стояли тучи, на все бросая тѣнь свою. Самоваръ кипѣлъ, краснѣлъ рѣшеткой въ темныхъ сѣняхъ. Она вышла изъ избы съ закопченнымъ чайникомъ въ рукѣ, напѣвая: „страшно итить къ суду Божьему, золотой вѣнецъ примать...“, и стала ждать, пока самоваръ раскипится еще больше. Со двора перешагнулъ порогъ Володя, свѣжо пахнущій дождемъ и затхло-мокрымъ армякомъ. Но только-что хотѣлъ онъ подойти къ ней, почуявъ, что сейчасъ она податлива, какъ возлѣ рамы двери показалась голова высокой лошади и чей-то бодрый голосъ остановилъ ее. Володя твердо прошелъ дальше, отворилъ дверку на варокъ и скрылся, а она замерла, не поднимая глазъ.

— Здорово!— смѣло сказалъ мѣщанинъ, появляясь на порогѣ.—Ловко попалъ, прямо подъ чай...

И, засмѣявшись, снялъ картузъ и отряхнулъ его. Черная поддевка лоснилась отъ дождя. Смуглое лицо, точно посыпанное порохомъ, было мокро.

Она не отвѣтила и вспыхнула: онъ говорилъ теперь совсѣмъ не тѣмъ тономъ, что̀ при отцѣ. Помолчалъ и онъ,— слышно было, какъ спросонья заворковали въ темномъ углу подъ крышей голуби,—потомъ подошелъ къ ней и, глядя на самоваръ, спросилъ:

— Отца нѣту?

— Нѣту,—отвѣтила она тихо, склоняя голову, на которой спѣли два цвѣточныхъ вѣнчика.

— Жалко,—сказалъ онъ и похлопалъ кнутомъ по своимъ широкимъ голенищамъ.—Такъ ты одна и спасаешься?

— Такъ и спасаюсь, — отвѣтила она, слабо улыбнувшись.

— Ну, да ничего, въ другой разъ заѣду,—сказалъ онъ.—Благо, придирка есть... Я прямо самъ не свой, какъ соскучился по тебѣ,—добавилъ онъ.

Она промолчала.

— Не вѣришь?—сказалъ онъ, осторожно обнимая ее.—А я правду говорю. Я въ тебя влюбился еще въ тотъ разъ, когда гуртъ гналъ. А увидалъ тебя въ селѣ, ослѣпъ отъ радости, чуть въ буераки не заѣхалъ. Я прямо почувствовалъ: быть роману промежду насъ, а не то мнѣ прямо пропадать!

— Я эти побаски слыхала,—съ трудомъ отвѣтила она.—Пусти,—безстрастно сказала она, локтемъ отводя его руку.

Но онъ не пустилъ, онъ зналъ, что еще не слыхала она этихъ побасокъ. Онъ крѣпче обнялъ ее и заговорилъ уже съ искренней горячностью:

— Дай Богъ мнѣ безъ покаянья помереть, если брешу! Не видать мнѣ отца-матери...

Она молчала. Ей казалось, что она вотъ-вотъ упадетъ. Онъ воровски оглянулся, нагнулъ голову, нашелъ ея губы и откинулъ ея лицо назадъ. И у него и у нея перехватило дыханіе отъ этого насильственнаго и долгаго поцѣлуя. Потомъ онъ съ притворнымъ отчаяніемъ махнулъ рукой и пошелъ къ порогу.

— Ну, теперь шабашъ мнѣ!—сказалъ онъ, садясь въ телѣгу.—Потерялъ я свой спокой навѣки...

И шибко погналъ высокую лошадь по ярко-зеленой травѣ, на тучу, тѣнь которой уже мѣшалась съ сумерками.

Скоро онъ скрылся за переваломъ, и стало такъ тихо, что какъ будто въ двухъ шагахъ раздавался бой перепеловъ, перекликавшихся въ самыхъ дальнихъ хлѣбахъ, за чуть синѣвшимъ лѣскомъ.

V.

Онъ заѣзжалъ еще раза два, но все не во-время: Устинъ былъ дома. И она притворялась, что не замѣчаетъ его, пока онъ дѣловито болталъ съ Устиномъ. Отъ напраснаго желанія увидѣть его хоть на минуту глазъ на глазъ она ходила какъ пьяная.

Вернулся солдатъ, мужъ Евгеніи. Съ женой, съ отцомъ и

съ мачехой онъ пріѣхалъ Петровками въ гости къ Устину на толстой, низкой соловой лошади, въ новой телѣгѣ, крытой новыми войлоками и по колесамъ облитой свѣжимъ коричневымъ дегтемъ. Отецъ солдата, коротконогій мужикъ въ черной бородѣ съ сѣдиной возлѣ рта, странно-веселый человѣкъ, не стыдясь женатаго сына, женился въ третій разъ, на хромой бабѣ съ дерзкими глазами и острыми дѣвичьими грудями. И всѣмъ было неловко за него, да и самъ онъ былъ веселъ и разговорчивъ, вѣрно, отъ неловкости. Отъ неловкости неумѣренно пили за обѣдомъ. Ѣли тоже неумѣренно, угощая другъ друга съ излишней настойчивостью, говорили безъ толку, чаще всего загадками, намеками и пословицами. Парашка весь обѣдъ боялась, что вотъ-вотъ разразится ссора. Всѣ быстро захмелѣли, кромѣ Евгеніи, которая только блѣднѣла отъ водки и грубо, властно вырывала стаканы у своего пьянаго солдата, притворявшагося злобнымъ и серьезнымъ. Съ губъ Устина не сходила ядовитая усмѣшка, когда онъ вполголоса, но твердо, перебивая все объяснявшагося ему въ любви солдатова отца, говорилъ ему пословицы и загадки, намекая на безстыдство троеженцевъ. Хромая была дерзка и криклива, она тоже такъ и сыпала пословицами, обрѣзая Устина. Володя пытался перевести безпорядочный и тревожный разговоръ на свое любимое, на бесѣду о работникахъ, о жалованіи. Его никто не слушалъ. Онъ непріятно раскраснѣлся, сталъ со слезами кричать пѣсни. Устинъ молча взялъ его за плечи, подвелъ къ двери и вытолкнулъ вонъ. Онъ ушелъ на варокъ и, свалившись въ сани, заснулъ мертвымъ сномъ. У Парашки, измученной ожиданіемъ ссоры, какъ отъ угара замирало сердце.

Послѣ обѣда пили чай и водку передъ избою, въ тѣни, на зеленой травѣ. Потерявъ во хмелю всякій стыдъ, отецъ солдата, шатаясь, принесъ изъ своей телѣги гармонію, сталъ совать ее въ руки солдату, требуя, чтобы онъ игралъ плясовую. Солдатъ, съ помутившимися глазами, въ разстегнутомъ мундирѣ, сидѣлъ на скамьѣ возлѣ стола и раскачивался, каждую минуту готовый упасть. Онъ долго не понималъ, чего требуетъ отецъ. Наконецъ понялъ и бѣшено, отрывисто задергалъ „кабы курочка бычка родила“... Троеженецъ подсунулъ руки подъ черный армякъ за спину, присѣлъ, раскорячился, забилъ сапогами въ землю. Ударивъ въ ладоши, сдѣлала передъ нимъ выходку хромая и затрясла козьими грудями. Лицо Евгеніи окаменѣло отъ сонной злобы. Устинъ облокотился на столъ, запустивъ тонкіе пальцы въ свои бронзовые завитки, стиснувъ зубы. Въ углахъ его губъ такъ и

застыла ядовитая усмѣшка. Сумрачнымъ весельемъ играли его глаза.

— Дочка! Поди сюда!—крикнулъ онъ строго, не въ ладъ со словами сдвигая брови.—Поди, поцѣлуй меня!

— Ты пьяный,—отвѣтила Парашка.—Глаза бъ мои на тебя не глядѣли!

Губы ея задрожали. Она повернулась и ушла за избу. За избой слѣпило низко опустившееся солнце. Блеснувъ крыльями, съ дубковъ слетѣли, пали въ рожь, въ неглубокіе лужки, заросшіе цвѣтами, двѣ горлинки... Какъ тихо было тутъ послѣ гама пьяныхъ! Просторъ хлѣбныхъ полей былъ къ закату неоглядный, золотой, счастливый... Парашка сѣла на межу и дала полную волю слезамъ.

Наплакавшись, она рѣшила вернуться къ избѣ и, съ помощью сестры, прекратить это безобразіе—растащить пьяныхъ, убрать водку, самоваръ. Была уже ночь—свѣтлая, странная. Высоко на небѣ громоздились огромныя матовыя облака—небо казалось больше и величественнѣе, больше и зеркальнѣе казалась и высокая луна,, сіявшая среди нихъ. По широкой дорогѣ, по хлѣбамъ пятнами проходили тѣни. Грядка телѣги, стоявшей передъ избою, и солома въ ней серебрились. Въ телѣгѣ лежалъ отецъ солдата—боролся и ссорился съ пьяной женой. У стола валялась опрокинутая скамейка. Самоваръ блестѣлъ мѣднымъ бокомъ, тускло блестѣла лужа на столѣ: кто-то выдернулъ кранъ изъ самовара. Подъ навѣсомъ амбара, какъ будто радуясь то сіявшей, то таявшей лунѣ, игралъ, взвивался и давился на цѣпи жарко дышавшій песъ. Парашка заглянула въ избу. Солдатъ сидѣлъ за столомъ, близко придвинувъ къ себѣ лампочку, облокотясь на обѣ руки и положивъ въ нихъ ошалѣвшую голову. Онъ что-то бормоталъ. Мухи сонно и угрюмо шумѣли въ рѣшётахъ и ситахъ, развѣшанныхъ на стѣнѣ возлѣ печи. А солдатъ что-то кому-то разсказывалъ, хвастался, что онъ, въ силу своего значенія, „присвоитъ“ къ какому-то барину какого-то Якова Ивановича. И некстати прибавлялъ:

— Теперь шабашъ, теперь Россія пикуда... А раньше у насъ золото какъ рыбья шелуха валялась!

Но гдѣ отецъ, Евгенія? Парашка повернулась, вышла въ сѣнцы, на порогъ. Высокая теплая луна ярко сіяла среди матовыхъ облачныхъ громадъ. Противъ порога стоялъ, держа въ одной рукѣ поводъ, въ другой кнутъ, мѣщанинъ, сзади него—его высокая лошадь подъ сѣдломъ. Лицо его отъ луннаго свѣта мѣняло выраженіе.

— Отецъ твой совсѣмъ готовъ, на девятомъ обручѣ,—съ

усмѣшкой сказалъ онъ онѣмѣвшей отъ страха Парашкѣ.— Сейчасъ встрѣтилъ во ржахъ: пьянъ хоть выжми, буровитъ— „въ село иду“, а Евгенія его назадъ тащитъ...

Парашка молчала. Онъ бросилъ поводъ, взялъ ея ледяную руку въ свою, горячую и крѣпкую, втянулъ ее въ темныя сѣнцы. Она вошла, упираясь. Онъ прижалъ ее, тупо глядѣвшую черезъ его плечо на дымно-зеленую полосу луннаго свѣта, падавшую сквозь дыру крыши въ темноту, пригнулъ къ холодной каменной стѣнѣ и сталъ цѣловать ея лицо, приговаривая:

— Погоди, за ради Бога погоди... „Энтихъ нѣту уже день, что̀ летѣли стрѣлой, что̀ любовью насъ жгли, что̀ палили огнемъ“... Я памяти по тебѣ лишился! Увезу тебя въ Ростовъ, повѣнчаюсь тамъ съ тобой, вдаримся мы въ степя̀, на Кавказъ,—на однихъ лошадяхъ тысячи наживемъ... Лучше всякой модистки будешь наряжена!

Она вспомнила его такимъ, какимъ увидала впервые,— среди овецъ и собакъ, на старомъ, таврскомъ киргизѣ,— обняла его за шею одной рукой, вся задрожала отъ счастья и нѣжности, спрятала лицо на его груди. Потомъ рѣшительно, порывисто обняла его обѣими руками, притворяясь страстной. И онъ понялъ ее. Ей стало больно, гадко, захотѣлось дико закричать... Но она подавила въ себѣ этотъ крикъ отъ стыда, что онъ сочтетъ ее дѣвчонкой, что обнаружится, что она хотѣла только поиграть въ любовницу.

VI.

Придя въ себя, она долго сидѣла въ этомъ темномъ углу на соломѣ. Мѣщанинъ пытался цѣловать ее, что-то торопливо говорилъ. Она оттолкнула его, замотала головой, показывая, что не слушаетъ. Онъ воровски выглянулъ изъ сѣнецъ, быстро сказалъ, что пріѣдетъ завтра ночью, что она должна выйти къ нему подъ дубки за избой, что у него есть большое дѣло къ ней... „Приду, приду“,—отвѣтила она. „Смотри же, не обмани“,—сказалъ онъ неестественно, понявъ, что она не придетъ. Слышно было, какъ звякнулъ онъ стременемъ, поднимаясь на сѣдло, какъ затопталась на мѣстѣ и тронула лошадь... Она то глядѣла на полосу луннаго свѣта, то опускала глаза.

Когда мѣщанинъ, обернувшись, сказалъ ей: „смотри же, не обмани“,—она вдругъ увидала въ окошечкѣ, пробитомъ въ дверкѣ на варокъ, шапку и лицо Володи. Это было такъ страшно, какъ если бы сама смерть заглянула въ сѣнцы. „Да теперь все равно!“—подумала она. Володя скрылся. Сердце ея билось такъ сильно, что трудно было дышать.

Высоко поднимая и опуская грудь, она прижимала къ нему руки. Но все это не мѣшало ясности мысли. А мысль была проста: она пропала! и такъ страшно, неожиданно, какъ бываетъ это только во снѣ!

Нѣсколько дней послѣ праздника Устинъ хмурился: стыдно, дюже напился. А она изнемогала отъ слабости, разбитости во всемъ тѣлѣ и желанія лежать съ утра до вечера. Но нужно было ходить, быть бодрой и покойной, даже шутить за обѣдомъ съ отцомъ и съ Володей. Думала же она съ утра до вечера все одно и то же.

Устинъ уѣзжалъ и пріѣзжалъ. Казалось, что, посиди онъ дома, никуда не спѣши, не волнуй ее своими отъѣздами и пріѣздами, она бы пришла въ себя и выдумала бы какой-нибудь исходъ, какое-нибудь подобіе спасенія. Было страшно, что онъ, посидѣвъ дома и приглядѣвшись къ ней, все пойметь; но и хотѣлось, остро хотѣлось порою, чтобы онъ понялъ: тогда бы само собой какъ-нибудь развязалось все это. Казалось, что будь дождливо, сумрачно, было бы легче. Но настали дни свѣтлые, знойные и безконечно-долгіе; близилась рабочая пора, стали поспѣвать, желтѣть моря отяжелѣвшихъ и подсохшихъ хлѣбовъ,—и некуда было скрыться отъ свѣта и зноя. Послѣ того нечаяннаго праздника, что̀ нарушилъ будни на хуторѣ, хуторъ сталъ какъ будто еще молчаливѣе. И напряженная тишина стояла вокругъ него въ желтыхъ и свѣтлыхъ поляхъ.

Она по цѣлымъ днямъ сидѣла на лавкѣ возлѣ стола въ жаркой и пустой избѣ, глядя на несмѣтныхъ мухъ и мельчайшихъ новыхъ мушекъ на горячихъ мутныхъ стеклахъ. Володя ничего не дѣлалъ, но, какъ всегда, имѣлъ озабоченный видъ, отыскивалъ какія-то пустяковыя занятія и рѣдко входилъ въ избу. А входя, былъ простъ, какъ будто ничего не случилось, только прекратилъ любовныя попытки. Что̀ это значило? Вѣрно, онъ ждалъ какой-то удобной минуты и надѣялся, что теперь уже не дастъ промаху. И Парашка горько усмѣхалась: вотъ дуракъ! Взялъ бы лучше да разсказалъ отцу все, что̀ видѣлъ!

Однажды въ полдень, когда въ мягкомъ свѣтоносномъ блескѣ млѣли въ высокомъ млѣющемъ небѣ, надъ хлѣбами и нагрѣтой пыльной дорогой, чуть видныя сіяющія облака, возлѣ амбара остановилась пара лошадей. Въ телѣжкѣ сидѣла полная барыня, которая, какъ знала Парашка, много была должна Устину. Видъ у нея былъ усталый, озабоченный, на сѣромъ лицѣ и на крыльяхъ носа—пыль. Она, задумчиво говоря все одно и то же, выражая сожалѣніе, что не застала

Устина, томительно-долго не уѣзжала. Кучеръ исподлобья глядѣлъ на пристяжную, которая зубомъ чесала свою отставленную ногу, барыня—не то въ землю, не то себѣ въ переносицу. Потомъ, прищурившись, стала разсматривать похудѣвшее лицо Парашки, ея позеленѣвшіе прозрачные глаза.

— Ты здорова?—спросила она вдругъ подозрительно.

Парашка твердо и просто отвѣтила, что здорова; но, когда барыня уѣхала, съ часъ смотрѣлась въ зеркало, сидя на лавкѣ возлѣ окна, поражалась своимъ сходствомъ съ отцомъ и замирала отъ страха. Она очень измѣнилась, это ребенокъ могъ замѣтить,—какъ же не замѣчалъ отецъ? Но вотъ-вотъ и онъ замѣтитъ: сразу пойметь все, что случилось,—и что тогда?

Думая, она охватила всю свою недолгую жизнь. Оказалось, что она даже и не подозрѣвала прежде, въ какомъ навожденіи жила она, какъ много думала все объ одномъ и томъ же, сколько смутныхъ, плѣнительныхъ картинъ какихъ-то дальнихъ, счастливыхъ городовъ, степей и дорогъ дали ей думы, какъ нѣжно любила она кого-то... Сдѣлавъ свое страшное дѣло, Никаноръ убилъ и ее и себя. Онъ, этотъ коротконогій воръ, вдругъ сталъ живымъ, настоящимъ—и ненавистнымъ ей. Не могла любить и никогда не любила она его! Теперь безъ стыда, отвращенія и отчаянія нельзя было вспомнить объ этомъ человѣкѣ. Сбылось предсказаніе страшнаго босяка! Она чувствовала себя какъ бы зараженной какой-то постыдной, неизлѣчимой болѣзнью и навѣки отдѣленной отъ отца бездоннымъ проваломъ.

Но, думая, тихо плача, снимая съ головы платокъ и разглаживая его, она, незамѣтно для самой себя, давала волю сердцу—и мысли ея туманились. Она вспоминала, какъ любила, ждала кого-то,—и любовь эта возвращалась, и она не могла найти себѣ мѣста отъ тоски по прошлому, отъ жалости къ себѣ, отъ нѣжности къ тому, кого она, казалось, такъ долго любила. Она думала объ отцѣ, которому говорила когда-то: „я вся наружи передъ тобою“, и готова была закричать, вскочить въ холодную половину, гдѣ онъ жилъ, ночевалъ, отдыхалъ послѣ обѣда, и кинуться ему подъ ноги, чтобы онъ истопталъ, убилъ ее сапогами, лишь бы утолилась ея мука о невозвратномъ, прежнемъ времени. „Для тебя, дочка, для тебя одной“—вспоминала она нѣжныя слова его и плакала, изнемогая отъ сладострастія горя и слезъ.

Но вотъ разъ вечеромъ Устинъ съ Володей поѣхали въ село, повезли отбивать косы. Вечеръ былъ ясный, покойный, равнины спѣлыхъ ржей за блестящей въ вечернемъ свѣтѣ муравой по большой дорогѣ розово желтѣли; черныя стрѣль-

чатыя касатки, мелькая розовыми грудками, проносились мимо открытаго окна, у котораго сидѣла Парашка. Вдругъ на опушкѣ хлѣбовъ, во ржи за дорогой, выросла короткая фигура Никанора: онъ, видно, давно сидѣлъ въ хлѣбахъ, прятался и вдругъ всталъ, выпрямился. Она въ ужасѣ отшатнулась отъ окна. А онъ быстро пересѣкъ сухія колеи и вошелъ въ избу.

— Здравствуй,—сказалъ онъ негромко, останавливаясь у порога.—Никого нѣту?

— Никого,—отвѣтила Парашка, чуть шевельнувъ поблѣднѣвшими губами.

— Дѣло есть. Пойдемъ за избу, подъ дубки.

Онъ говорилъ, какъ мужъ, какъ близкій, какъ власть имѣющій, какъ человѣкъ, съ которымъ у нея уже есть нерушимая связь и тайна. Она поняла и то, что не за однимъ дѣломъ зоветъ онъ ее. И вдругъ сладко и жутко захолонуло сердце отъ властной простоты его приказанія, отъ предчувствія, что сейчасъ опять будетъ то, что̀ показалось ей первый разъ такимъ ужаснымъ. Сладкое головокруженіе вызвало даже сознаніе преступности, какой-то противоестественности того, что̀ сейчасъ будетъ, и той покорности, съ которой она, какъ настоящая любовница, должна встать и итти за нимъ. И она молча встала, пошла—и отдалась ему уже съ исподдѣльной страстью.

Потомъ онъ твердо, кратко, оглядываясь, сказалъ ей, зачѣмъ онъ пришолъ: она должна помочь ему свести съ отцовскаго двора двухъ кобылъ и бѣжать съ нимъ въ Ростовъ. Она не удивилась и спокойно отвѣтила, не поднимая глазъ:

— Хорошо.

Солнце опускалось за усатыми колосьями, среди которыхъ они сидѣли на межѣ, и осыпало остинки колосьевъ золотистой пылью. Отъ большой дороги, съ юго-востока, чуть тянуло мягкимъ вѣтромъ, особымъ вѣтромъ близкаго іюля, рабочей поры, когда такъ ровна и матова сухая синева неба, и мягко жужжали сухія жесткія подкрылія опускающихся на колосья и качающихся на нихъ рыжихъ хлѣбныхъ жучковъ.

Не вѣря ни одному слову Никанора, Парашка, ослабѣвшая послѣ страстнаго потрясенія, затихшая, съ опущенными глазами, опять мечтала о какой-то счастливой, далекой странѣ—о той, гдѣ юго-восточный небосклонъ, съ дѣтства манившій ее непонятной прелестью своихъ красокъ, своей загадочной далью...

VII.

Никаноръ сказалъ такъ: ровно черезъ недѣлю Устинъ уѣдетъ въ ночь на Тихвинскую ярмарку, возьметъ и Володю съ собой, а вернется только позднимъ вечеромъ; все это онъ, Никаноръ, доподлинно знаетъ, такъ какъ обѣщалъ Устину тоже быть на ярмаркѣ и помочь ему продать жеребца. Значитъ, въ обѣды, когда ни души не будетъ въ поляхъ, можно спокойно вывести кобылъ со двора, привязать ихъ къ телѣгѣ и гнать что̀ есть духу по проселкамъ, особенно глухимъ предъ рабочей порой, въ сторону Лебедяни. Ночуютъ они въ такихъ артебахъ, въ такихъ заповѣдныхъ логахъ среди хлѣбовъ, куда ни одинъ чортъ не заглянетъ. Чѣмъ свѣтъ — дальше. А въ Лебедяни есть вѣрный, золотой человѣкъ: ему-то они и сбудутъ кобылъ за три, за четыре сотни, и составится тогда у нихъ больше пятисотъ рублей, на которые они и до Ростова добьются, и дѣло начнутъ, давно уже обдуманное.

— А какое?—спросила Парашка.

Никаноръ съ усмѣшкой сдвинулъ ей платокъ на лицо.

— Ну, ты по этой части еще тупорыла,—сказалъ онъ.

Парашка поправила платокъ.

— Лучше бы ночью,—сказала она серьезно.

— Да что̀ ты!—насмѣшливо сказалъ Никаноръ, дѣлая папиросу изъ газетной бумаги.

И вздохнулъ:

— Никакъ, дѣвка, не выходитъ. Ужъ слушай мое готовое.

— А скорѣй нельзя?—спросила Парашка, разглядывая свои маленькія бѣлыя ноги.

— Скоро дѣлаютъ, слѣпыхъ рожаютъ.

Она помолчала, и въ сердцѣ у нея опять задрожала злоба противъ него. Ждать цѣлую недѣлю! Какъ онъ не чуетъ ея мýки! Ахъ, да не лучше ли взять да повѣситься вотъ на этомъ дубкѣ?—подумала она безъ словъ и стала крѣпко кусать губы, удерживать дрожь мускуловъ на лицѣ, но не выдержала и заплакала.

— О чемъ ты?—спросилъ удивленный Никаноръ.

Она не отвѣтила и заплакала пуще.

— Тебѣ говорю, ай нѣтъ?—грубо крикнулъ Никаноръ.

— Отстань!—крикнула она въ отвѣтъ съ такой ненавистью и бѣшенствомъ, что Никаноръ даже отодвинулся отъ нея.

— Ну, будя, будя,—сказалъ онъ смущенно.—Давай лучше объ дѣлу-то поговоримъ...

И она опять стихла, опять отупѣла.

Цѣлую недѣлю, до самой Тихвинской. Устинъ, какъ на-

рочно, сидѣлъ дома. Приходила Евгенія — жаловаться на своего солдата, оказавшагося послѣ службы совсѣмъ дуракомъ и пьяницей, и на свою хромую свекровь, злую и распутную, помыкавшую свекромъ. Но Парашка не смутилась даже Евгеніи. Она уже ничего не думала, ничего не чувствовала—тупость, овладѣвшая ею, давала ей безстыдное спокойствіе. Она даже загадочно и пристально поглядывала на Володю, какъ бы говоря: „Ты молчи о томъ, что̀ знаешь,—будетъ и тебѣ кое-что“... И онъ, казалось, понималъ ее, онъ молчалъ. Злоба и отвращеніе къ Никанору не проходили, но воспоминаніе о томъ, что̀ было въ послѣдній разъ подъ дубками, сладостно отнимало руки, ноги, при мысли о бѣгствѣ,—въ которое она все-таки плохо вѣрила, чувствуя невозможность разлуки съ отцомъ,—кололо въ сердце. Спала она эту недѣлю очень много—и днемъ и ночью. Просыпаясь, вскакивала, пораженная мыслью о томъ, что̀ вотъ-вотъ предстоитъ ей.

Наконецъ пришла послѣдняя ночь.

Эта ночь была точь въ точь такая же, какъ та, когда пылалъ костеръ за большой дорогой. Такъ же, какъ тогда, лежала она въ темной избѣ, видѣла въ окно ночное небо въ блѣдныхъ звѣздахъ... И такъ же, какъ тогда, что-то горячо говорилъ подъ окномъ отецъ... Ново было только то, что теперь Парашка чувствовала себя женщиной,—о, какъ страшно было это чувство!—что какъ ледъ холодны были руки и ноги у нея, что дрожало мелкой дрожью сердце, чужое ей, а пустая, какая-то просторная голова напрасно пыталась поймать и задержать хоть единую мысль. Внезапно привставъ, она вынула лѣвую грудь и сквозь сумракъ долго силилась разсмотрѣть ее: не потемнѣла ли она? Вдругъ дверь избы безшумно распахнулась.

— Дочка! Спишь?—негромко спросилъ отецъ, останавливаясь у порога.

— Нѣтъ...—съ трудомъ пробормотала она, поспѣшно пряча грудь.

Но онъ не замѣтилъ страннаго звука ея голоса—и двинулся къ нарамъ, на которыхъ она лежала. Найдя ее въ темнотѣ, онъ сѣлъ возлѣ нея и положилъ на ея полуобнаженное плечо руку. Рука его дрожала.

— Дочка, что̀ съ тобою? — тихо и таинственно сказалъ онъ, наклоняясь къ ея лицу, — и она почувствовала его бороду, тепло его пріятнаго дыханія и пріятный, хлѣбный запахъ водки.—Ты не таись,—еще тише сказалъ онъ, обнимая ее и царапая плечо сермягой поддевки.—Дѣло твое молодое, горячее...

Сердце ея затрепетало. „Батюшка!—со слезами хотѣла крикнуть она—и однимъ крикомъ этимъ выразить всю свою муку и безпомощность.—Батюшка,—хотѣла она сказать,—онъ погубилъ, опоганилъ меня, я не его, я не знаю, кого люблю, а тебя въ свѣтѣ ни на кого не промѣняю...“ Но онъ еще ближе прижался къ ней и вдругъ зашепталъ совсѣмъ на иной ладъ, заискивающе, слащаво, путаясь:

— А гостинчика, обновочки хочется? Я въ городъ, на ярманку ѣду сейчасъ — что̀ тебѣ купить? А? Говори-ка скорѣй, не бойся...

И дрожащей рукой скользнулъ по ея спинѣ. И, пораженная, она такъ рванулась изъ-подъ него, что онъ чуть не упалъ съ лавки. Вскочивъ на ноги, она забилась въ уголъ, протянула впередъ руки, а онъ отступилъ и забормоталъ:

— Что̀ ты? Что̀ ты? Да ты что̀ подумала-то?

— Уйди, — едва слышно выговорила она, чувствуя свои оледянѣвшія губы. И въ радостномъ изумленіи, въ свѣтломъ восторгѣ изступленія, отчаянія, подумала:

„А-а! Такъ вотъ оно что̀!“

Онъ постоялъ и вышелъ. Она слышала его неестественно-звонкій голосъ на дворѣ, слышала скрипъ телѣги, окрики на привязаннаго къ ней и шарахавшагося жеребца, слышала, какъ они съ Володей сѣли и тронулись... Съ кошачьей зоркостью глядя въ темноту избы, ставшую какъ будто прозрачной, и на блѣдныя звѣзды небосклона, виднаго въ открытое окно, она долго стояла на нарахъ въ глубокой тишинѣ степной ночи, обступившей ее со всѣхъ сторонъ. Потомъ осторожно легла и сразу заснула...

А день насталъ глухой, палящій, ослѣпительный, хотя блестящіе горизонты были отъ зноя мутны и бѣлесы. Она очнулась чуть не передъ обѣдами. Солнце било въ тусклыя, засиженныя мухами окна, наполняло избу жаромъ и свѣтомъ. Заспанная, не умываясь, съ тупой и тяжелой головой, она босикомъ выскочила на порогъ, подъ солнце, стоявшее уже очень высоко, и сухой жаръ такъ и облилъ ее всю. Море спѣлыхъ хлѣбовъ какъ будто сдвинулось, тѣснѣе обступило и дворъ и дорогу, тускло блестѣвшую глубокой пылью. И этотъ песочный цвѣтъ хлѣбовъ, низко склонившихъ тяжелые колосья и застывшихъ въ тишинѣ, въ густомъ горячемъ воздухѣ, давалъ впечатлѣніе отчаянной духоты.

Она растерянно оглянулась и попыталась вспомнить: что̀ это она должна сдѣлать сейчасъ? Вчера ночью, послѣ ухода отца, показалось, что все сразу стало яснымъ, понятнымъ и рѣшеннымъ. А теперь она никакъ не могла вспомнить, что̀

именно и какъ было рѣшено. То, что за нею сейчасъ пріѣдутъ, и что надо будетъ послѣ этого поскорѣе уѣзжать, скрываться, она твердо помнила. Но какъ же это она не простилась съ отцомъ, не сказала ему того, что̀ придумала ночью и что̀ надо сказать? Правда, послѣ вчерашняго, съ отцомъ можно было и не прощаться и ничего не говорить, но какъ же она не подумала, что̀ взять съ собою, ничего не собрала, не умылась, не обулась? Безпорядочно и тупо думая, она стояла на зноѣ съ открытой головой, держала руки подъ мышками, чувствовала жаръ на своихъ открытыхъ плечахъ, касалась босой ногой горячаго камня у порога. Бѣлый песъ съ высунутымъ языкомъ лежалъ въ короткой тѣни подъ амбарами. Она со страхомъ глядѣла то на него, то на хлѣба, на проселокъ...

И вдругъ во ржахъ, на тускло-серебристомъ небосклонѣ, появилась дуга и высокая худая лошадь. Никаноръ сидѣлъ на грядкѣ телѣги, сдвинувъ на затылокъ бѣлый картузъ, и усердно дергалъ вожжи. Рысью, поднимая пыль, перерѣзалъ онъ большакъ и, гремя, подкатилъ къ самому порогу. Глаза у него были расширены, черное отъ загара лицо все въ поту, видъ странный, какъ будто удивленный.

— Что̀ же ты?—быстрымъ шопотомъ спросилъ онъ, соскакивая съ телѣги и не замѣчая, что Парашка разута и почти раздѣта.—Все готово? Уѣхали?

Она, не отвѣчая, дико глянула на него, спрыгнула съ порога, блеснувъ голыми ногами, и направилась прямо къ воротамъ, на варокъ. Навалившись на нихъ плечомъ и чувствуя, что и ворота горячи отъ солнца, она со скрипомъ распахнула обѣ половинки. По глубокому пересохшему навозу она пошла къ темному деннику, гдѣ стояли кобылы. Никаноръ въѣхалъ за ней, сдѣлалъ кругъ, бормоча: — „да что̀ жъ ты не одѣлась-то?“—и повернулъ лошадь къ воротамъ. На двери денника висѣлъ большой замо̀къ. Парашка обернулась.

— Ключа у меня нѣту,—сказала она, глядя на Никанора большими, стоячими, прозрачно-зелеными глазами.

Никаноръ оглянулся, увидалъ голышъ, на которомъ точили топоры, схватилъ его въ обѣ руки и съ павѣсу стукнулъ по замку. Замокъ отвалился вмѣстѣ съ петлей — и Парашка, не давъ ему упасть, подхватила и крѣпко зажала его въ своей маленькой загорѣлой рукѣ. Еще больше сдвинувъ на затылокъ свой бѣлый картузъ, мокрый отъ пота, Никаноръ, съ тяжевой оборотью въ рукѣ, вошелъ въ денникъ и склонилъ голову къ плечу, вглядываясь въ сумракъ гдѣ, от-

шатнувшись, изогнулась и прижалась къ стѣнѣ гнѣдая кобыла, красавица съ лиловыми глазами. Парашка, сдѣлавъ большой шагъ, неумѣло, но изо всей силы ударила его въ високъ замкомъ. Онъ коротко споткнулся и упалъ, ткнулся головой въ навозъ. Парашка подскакнула, какъ стрѣла метнулась вонъ изъ денника и понеслась къ воротамъ. Лошадь Никанора, стоявшая у воротъ, всхрапнула—и вмѣстѣ съ нею вылетѣла на дорогу. Пыля и гремя телѣгой, она подхватила въ одну сторону, къ городу, въ бѣлесую блестящую даль за переваломъ, а Парашка—въ другую, черезъ дорогу, ко ржамъ. На бѣгу обернувшись, она вдругъ остановилась: изъ воротъ выскочилъ, безъ картуза, весь облитый по лицу и по рубашкѣ алой кровью, Никаноръ и, почти падая, ударился догонять свою обезумѣвшую лошадь. Парашка взвизгнула и нырнула въ душную гущу колосьевъ.

Многіе, что̀ ѣхали въ этотъ день по проселкамъ, видѣли ее, быстро бѣжавшую цѣликомъ, безъ дорогъ, по хлѣбамъ. Порою она присѣдала, выглядывала—и опять бѣжала, мелькая среди желтыхъ колосьевъ бѣлой сорочкой и раскрытой головой.

Поймали ее далеко за городомъ, только черезъ пять дней. И, отбиваясь, она проявила страшную силу, искусала трехъ мужиковъ, крутившихъ ей руки новой вожжевкой.

Анакапри. III. 1913.

СВЯТЫЕ.

Домъ былъ полонъ гостей,—гости бывали въ Мордвесѣ часто и гостили подолгу,—свѣтлая морозная ночь сверкала звѣздами за мелкими стеклами старинныхъ оконъ. Къ кафельнымъ печкамъ подойти было нельзя,—такъ накалили ихъ. По всѣмъ комнатамъ горѣли праздничныя лампы, въ самой дальней, диванной, даже люстра, мягко игравшая хрусталемъ, смугло-золотистымъ отъ времени. Въ гостиной сдавали на трехъ зеленыхъ столахъ, за высокими канделябрами, въ блескѣ свѣчей. Въ залѣ столъ былъ уставленъ закусками, посудой и разноцвѣтными графинами: гости то и дѣло со смѣхомъ выходили изъ гостиной, наливали рюмки, чокались и, потыкавъ вилками, возвращались къ картамъ. Въ буфетной кипѣлъ ведерный самоваръ: старикъ-буфетчикъ волновался, ссорился съ Агаѳьей Петровной, шипѣлъ и замахивался серебряной ложкой на Устю, накладывая граненыя вазы вареньемъ, наливалъ стаканы чернымъ чаемъ и посылалъ подносы въ гостиную. Вся лакейская была завалена хорошо пахнувшими шубами, шапками и лисьими поддевками... А тамъ, въ дядиныхъ комнатахъ, сидѣлъ Арсеничъ.

Дѣти заходили и въ лакейскую и въ буфетную, стояли возлѣ играющихъ въ гостиной; отъ-нечего-дѣлать таскали со стола въ залѣ кружочки колбасы, смотрѣли въ нижнія стекла: видно было глубокое небо въ рѣдкихъ острыхъ звѣздахъ, снѣгъ, солью сверкавшій подъ луною, длинная волнистая тѣнь дыма изъ поварской; а дальше, за бѣлыми лугами—высокіе косогоры, густо поросшіе темнымъ хвойнымъ лѣсомъ, сказочно посеребреннымъ сверху. Подражая гостямъ, дѣти говорили другъ другу „вы“.

— Мить, а Мить,—сказалъ застѣнчивый Вадя, наглядѣвшись въ окно:—а вы нынче пойдете къ Арсеничу?

— А вы?—спросилъ Митя, какъ всегда, очень строго.— Я непремѣнно пойду.

И, оглянувшись на гостиную, на буфетную,—ходить къ Арсеничу запрещалось, потому что у него было очень холодно,—дѣти медленно, какъ будто гуляя, перешли залъ и вдругъ быстро шмыгнули за небольшую дверку возлѣ печки въ углу—въ тѣ необитаемыя комнаты, гдѣ жилъ и умеръ дядя-охотникъ и гдѣ теперь гостилъ Арсеничъ, раза два-три въ годъ приходившій повидать своихъ господъ.

Домъ жилъ своей жизнью, веселой, праздничной, эти комнаты своей—бѣдной, всѣмъ чужой. Но Арсеничъ наслаждался своей близостью къ той, первой. Два-три раза въ годъ,—и всегда зимой, при гостяхъ,—барынѣ докладывали, что онъ стоитъ у крыльца. Она приказывала сказать ему, чтобы онъ шелъ въ дядины комнаты, и Агаѳья Петровна посылала ему самоваръ, колбасы, бѣлаго хлѣба, графинчикъ водки. Арсеничъ, сидя весь день одинъ-одинешенекъ, пилъ чай, курилъ, сладко плакалъ и поздно ночью,—непремѣнно вмѣстѣ съ господами,—укладывался, усталый и растроганный, на соломѣ возлѣ печки. Проживъ такъ съ недѣлю, насмотрѣвшись съ задняго крыльца, какъ разъѣзжаются гости, онъ искалъ случая увидать барыню и, накланявшись ей, нѣсколько разъ поймавъ ея руку для поцѣлуя, удалялся на деревню, на свою квартиру у мужика. Это и называлось—повидаться со своими старыми господами.

Дядиныхъ комнатъ было всего двѣ. Теперь въ первой комнатѣ было темно, только на полу лежали и наполняли темноту таинственнымъ свѣтомъ два бѣлыхъ частыхъ переплета; пахло тутъ сѣдлами дяди и крысами. Въ другой сумрачно, дрожащимъ пламенемъ полыхала на кухонномъ столѣ возлѣ остывшаго самовара толстая сальная свѣча въ черномъ жестяномъ подсвѣчникѣ и густыми волнами плавалъ дымъ: посылали Арсеничу и табаку, но слабаго, турецкаго, и Арсеничъ, чтобы накуриться, принужденъ былъ курить безъ передышки. Топили тутъ рѣдко, окно на четверть, съ верху до низу было запушено сѣрымъ инеемъ, и отъ него несло морозомъ. Большая черная картина висѣла въ углу вмѣсто образа: на рукахъ чуть видной Богоматери деревянно желтѣлъ нагой Іисусъ, снятый со креста, съ запекшейся раной подъ сердцемъ, съ откинутымъ назадъ мертвымъ ликомъ. Арсеничъ, взлохмаченный, какъ кипень сѣдой, красный и небритый, въ истертомъ дядиномъ пиджакѣ, сидѣлъ, подложивъ подъ себя одну ногу въ валенкѣ, на табуретѣ возлѣ стола. Онъ курилъ толстую вертушку и въ какой-то радостной задумчивости пла-

калъ горькими слезами, не стирая крупныхъ капель, катившихся по носу. Какъ всегда, дѣти, не спуская съ него любопытныхъ глазъ, подошли къ столу и стали пристально разглядывать сизыя отъ холода старческія руки, воротъ грязной ночной рубашки, тоже дядиной, и красное, измятое, въ колючемъ серебрѣ лицо. Арсеничъ, стыдливо отвернувшись, сталъ искать по карманамъ свой ужасный носовой платокъ.

— Вы опять свои дудки курите?—спросилъ Вадя, остановивъ большіе чистые глазки на этой ветошкѣ, давно и бережно хранимой.

— Опять, сударь,—покорнымъ шопотомъ, тихо и радостно улыбнувшись, отвѣтилъ Арсеничъ, вытирая слезы.

— И водку пили?—спросилъ Митя, какъ всегда, очень серьезно.

— Пилъ и ее, окаянную...

— Всю?

— Всю-съ,—прошепталъ Арсеничъ.—Только вы за ради Бога не сказывайте мамашѣ про мои слезы. Это я не отъ этого-съ. Сами изволите знать—не первый разъ...

— Я ни за что не скажу,—сказалъ Митя твердо.—А вы?—спросилъ онъ Вадю.—Вы вѣдь тоже не скажете?

Вадя, что-то думая, нѣжно покраснѣлъ, поспѣшно перекрестился и помоталъ головой. Изъ зала доносился смѣхъ, говоръ. Кто-то, на время освободившійся отъ картъ, игралъ на фортепьяно польку Анну. Слушать старинные звуки было и пріятно и грустно. Слушая и думая что-то, Вадя спросилъ:

— Вы бѣдные?

Арсеничъ вздохнулъ.

— Бѣдность не бѣда-съ, и въ богатствѣ, напримѣръ, пропадаютъ люди,—отвѣтилъ онъ.—Мнѣ ваша мамаша мѣщину выдаютъ и рубль серебромъ денегъ, а за квартеру я не Богъ вѣсть что̀ плачу, всего четвертакъ въ мѣсяцъ... Въ этомъ случаѣ я на Бога не жалуюсь.

— Вы теперь умрете скоро,—сказалъ Митя.

— Сущая правда ваша-съ. Полагаю, даже нонѣшней зимой.

— А охотникомъ вы были?

— Нѣтъ-съ, этого не привелъ Богъ. Я у вашего дѣдушки буфетчикомъ былъ.

— Вы о дѣдушкѣ плачете?

— Ну, что̀ жъ о нихъ плакать-съ!—сказалъ Арсеничъ.—Они, напримѣръ, еще въ сорокъ осьмомъ году скончались. Да и прожили по нашему времю не мало—восемьдесятъ

семь лѣтъ съ лишкомъ. Я нонче плакалъ по поводу блудницы и мученицы Елены, о судьбѣ ея несчастной...

Изъ-подъ постели Арсенича, изъ-подъ соломы, настланной на полу возлѣ печки, вынырнула мышь, метнулась-было къ столу и побѣжала въ темную комнату. Дѣти проводили ее заблестѣвшими глазами, потомъ, облокотившись на столъ, опять стали разсматривать глянцевитые рукава Арсенича, жилы на его сморщенной розовой шеѣ.

— Ее казнили?—спросилъ Вадя, вспоминая другихъ мучениць и мучениковъ, о которыхъ постоянно разсказывалъ Арсеничъ.

— Это ужъ какъ водится,—отвѣтилъ Арсеничъ.—Только не мечомъ, не пыткой, а еще хуже того...

— Вамъ ее жалко?

— Понятно-съ, жалко. Только я вѣдь больше не отъ жалости плачу, а, напримѣръ, отъ своего привязчиваго сердца... Что жъ казнь! Въ этомъ случаѣ не даромъ говорится: всякъ даръ къ дарителю сторицей ворочается... А тутъ даръ былъ не малый, награда же—безмѣрная. Это дѣло-съ, по старому преданію, такъ было,—сказалъ Арсеничъ, стараясь не глядѣть на дѣтей, отводя отъ нихъ глаза, опять покраснѣвшіе.—Жила-была, напримѣръ, самая что ни на есть отпѣтая блудница, по имени Елена, дѣвушка богатаго роду, отмѣнная красавица и бездушная кокетка...

— А гдѣ она жила?—спросили дѣти, перхая отъ дыма.—Въ лѣсу?

— Нѣтъ-съ, это ей потомъ Господь привелъ жить и пострадать за свою вѣрную любовь въ лѣсу, а сперва она проживала въ столичномъ городѣ, въ пирахъ, въ веселіи, по баламъ да маскерадамъ, т.-е., попросту сказать, блудъ творила за большія деньги. Была же она, напримѣръ, все-таки не настоящая госпожа и называлась промежъ господъ Адель, а брала, конечно, съ кого попало, и съ пьянаго и съ трезваго, даже, можетъ, не побрезгала бы приказнымъ твореніемъ, будь у того средства. Ѣздили къ ней первые князья и графы, дѣлали ей подарки изъ послѣдняго, многіе даже руки на себя наложили изъ-за ней... ну только она въ этомъ случаѣ и бровью не вела и была ко всѣмъ, напримѣръ, безчувственна, ни къ кому не питала привязчивости: была у нея вѣчная-безконечная тоска на душѣ. Такая-съ тоска, что и сказать невозможно!

— А вы у ней въ гостяхъ были?—спросилъ Вадя.

— Статочное ли дѣло-съ!—сказалъ Арсеничъ.—Я, сударь, холопъ простой, дворовый человѣкъ всего-навсего. Меня

оттуда господа палками выгнали бы; да и подѣломъ было бы!

— А дѣдушка?

— Дѣдушка—тѣ иное дѣло, но только они тогда, можетъ, и на свѣтъ не рожались еще. Это, сударь, въ старинныя времена было, и тому теперь никогда не бывать, теперь вѣкъ насталъ бездушный.. Ну, такъ вотъ я и докладываю вамъ: была эта Елена просто алчная блудница, и множество господъ пропали, напримѣръ, изъ-за ея красы, какъ червь капустный. Только всходитъ однажды въ ея уборныя комнаты, ужъ этакъ поздно вечеромъ, главный ея камердинеръ и докладываетъ, что желаетъ ее немедленно видѣть молодой и прелестный графъ изъ свиты самой государыни императрицы. Она сидитъ, напримѣръ, за своимъ туалетомъ въ одномъ капотѣ, чешетъ безподобнымъ черепаховымъ гребнемъ роскошныя волны кудрей и отвѣчаетъ, что, молъ, я бы весьма рада, да теперь слишкомъ поздно, я и такъ, говоритъ, изъ-за своей корысти день-денской какъ въ смолѣ киплю и, значитъ, принять его и осчастливить никакъ не могу, беру ванну съ духами, а потомъ спать ляжу, меня тоска съѣла, ненавижу всѣхъ, зрить не могу... Слуга удаляется, но только вскорости опять всходитъ и говоритъ, что, молъ, такъ и такъ... графъ проигралъ въ штосъ все свое состояніе и хочетъ на послѣднія свои средства...—Арсеничъ при этихъ словахъ съ трудомъ овладѣлъ голосомъ...—и хочетъ, говоритъ, на послѣднія свои средства провести ночь прекрасной любви... А будучи, напримѣръ, допущенъ къ ней, несказанно плѣнилъ ее своей младостью и томной грустью, и порѣшили они тутъ же умереть одной смертью въ одинъ часъ и даже мигъ. Да Господь-то, видно, не по-ихнему судилъ! Можетъ, на то вонъ Ея святая воля была,—сказалъ Арсеничъ, поднимая воспаленные глаза и указывая ими на Богоматерь.—Всякія тамъ богини никогда не могли по-нашему страдать и сердечность имѣть, онѣ только страсть свою питали, а вѣдь Она Сама за Свою любовь къ кресту пошла скорбѣть... Но только Спаситель Ей такъ сказалъ: „Не плачь, Моя мать, дѣва Марія, Моя мука—животъ вѣчный отнынѣ и во вѣки вѣковъ“...

И Арсеничъ, заплакавъ, на минуту смолкъ, по-дѣтски взявъ себя за свой жалкій рукавъ концами пальцевъ и прижимая его къ лицу, облитому слезами.

— Все?—тихо спросили дѣти, подождавъ продолженія.

— Нѣтъ-съ, не все еще,—со вздохомъ облегченія сказалъ Арсеничъ.—Они, докладываю вамъ, умереть рѣшились, и, конечно, молодой графъ тотчасъ же скончались, а ее этотъ

ядъ не могъ взять, ей вскорости полегчало, и осталась она еще почитай на цѣльный годъ жить на бѣломъ свѣтѣ, чтобы, напримѣръ, пострадать и награду получить за свою первую и послѣднюю любовь... Мужское дѣло, конечно, иное... мужчина можетъ, и любя свой предметъ, прельщаться на другихъ, а ужъ женщина нѣтъ, никогда себѣ этого не позволитъ, она, можетъ, оттого и грѣхъ дѣлаетъ, что не нашла себѣ достойнаго... Ну, вотъ такъ и тутъ. Она, конечно, даже въ лицѣ измѣнилась, исхудѣла, стала еще прекраснѣе прежняго и совсѣмъ отвратилась, напримѣръ, отъ бездушной свѣтской жизни, стала неглижировать своими обязанностями и ужъ ни за какія блага въ мірѣ не соглашалась предать свое тѣло любовной ласкѣ, полюбивши одного до гробовой доски. Тутъ, въ скоромъ ли, въ долгомъ ли времени, хозяйка оказалась ей недовольна, зачала ее всячески мальтретировать, она же безо всякаго отвѣту собрала въ ночное время всѣ, напримѣръ, свои браліанты, злато и сѐребро, всякіе тамъ самоцвѣтные камни и брошки, какіе ей надарили, завязала ихъ въ узелочекъ да и удалилась въ садъ, а изъ саду—въ чистое поле, въ дремучій лѣсъ, гдѣ, можетъ, только одни орлы скрыжутъ да рыси по дубамъ прядаютъ. Взяла она, значитъ, съ собой лишь этотъ узелокъ, да, напримѣръ, материно благословеніе, образъ Николая угодника въ серебряной-вызолоченной ризѣ, идетъ по межамъ куда глаза глядятъ и плачетъ горькими слезьми, не хуже меня такого-то—конечно, ужъ отъ радости, что вырвалась, значитъ, на волю, подъ голубыя небеса, и доходитъ до болѣшого стада. Пастухъ спрашиваетъ, кто она такая, а она безо всякаго страха подходитъ прямо къ нему, отдаетъ ему свой драгоцѣнный узелокъ, всякія свои рѣдкости, снимаетъ съ себя роскошные наряды и кринолины и проситъ его отдать ей свое нищее рубище. Тотъ, понятно, радъ-радехонекъ, скинулъ поскорѣй свой драный зипунъ и прикрываетъ, напримѣръ, ея почесть нагое тѣло. А она, низко ему поклонившись, идетъ бѣдной странницей дальше и приходитъ въ тихій монастырь, въ прекрасную женскую обитель въ этомъ дремучемъ лѣсу, проситъ старицъ принять ее простой послушницей и начинаетъ вмѣстѣ съ ними спасаться, грѣхи свои, напримѣръ, замаливать и изо всѣхъ силъ просить себѣ у Бога вѣчной-безконечной жизни.

— Гдѣ тля тлитъ,—добавилъ Вадя, вспоминая прежніе разсказы Арсенича.

— Нѣтъ, сударь, не тля,—сказалъ Арсеничъ,—а напротивъ того, радость безмѣрная. И вотъ, по волѣ Божьей, происходитъ такой нечаянный случай: оказался въ той обители

старецъ древній, живописецъ крѣпостной, пожелавшій къ монахинямъ на спокой удалиться. Писалъ онъ, напримѣръ, всякіе образа̀ для ихней церкви и начинаетъ, видя ея красоту и муку, всякій ея самый низкій трудъ, умолять ее дозволить списать съ нея образъ Царицы Небесной всѣхъ скорбящихъ радостей. Она падаетъ въ ноги ему, заклинаетъ Христомъ Богомъ не дѣлать того... „Я,—говоритъ,—великая грѣшница, я предана вѣчному унынію—смертному грѣху, я имѣю на душѣ страшную тайну“,—ну, словомъ, почесть признаётся, что я, молъ, и до сихъ поръ не могу разстаться съ любовью къ одному человѣку и еще не знаю, не ношу ли подъ сердцемъ младенца... да, наконецъ того, просто и одежда моя не дозволяетъ, я, молъ, въ черной бѣдной рясѣ, а снять ее не могу ни на одну минуту—такой обѣтъ Богу дала... Но только тотъ старецъ остается, напримѣръ, непреклоненъ: говоритъ, эта одежда разрѣшается, ты какъ мраморъ блѣдна и прекрасна, и черный цвѣтъ тебѣ какъ нельзя кстати... Жалуется, наконецъ, самой матери-игуменьѣ... А та возьми да и прикажи немедленно же снять этотъ портретъ съ нея. Старецъ, конечно, радуется несказанно, поспѣшно дѣлаетъ свое дѣло—остается только вѣнчикъ золотой округъ головы подрисовать и въ церковь несть... И ужъ хотѣли-было такъ и сдѣлать, какъ думали,—дописать и освятить этотъ образъ прелестный, чтобы въ церковь его, напримѣръ, поставить, какъ оказывается вдругъ страшное, несказанное дѣло: оказывается, эта дѣвица Елена... ну, просто сказать, тяжелая—и ужъ никакъ нельзя ей скрывать этого больше, сама природа не дозволяетъ... Боже мой,—воскликнулъ Арсеничъ, качая головой:—что̀ тутъ было дѣлать монахинямъ! Свѣтъ вездѣ бездушенъ, а вѣдь она плодъ любви понесла! Она никогда того положенія не знала, не могла, не любя, зачать дитя въ своей утробѣ, а тутъ полюбила какъ на грѣхъ, а ужъ разъ она стала не простая дѣвица, а мать беременная, какъ могла она блудъ въ этомъ случаѣ творить?

— Они ее убить велѣли?—спросилъ Митя.

— Нѣтъ-съ, хуже—опѣ ее, въ ночь-полно̀чь, въ лѣсъ выгнали,—сказалъ Арсеничъ.—И вотъ извольте подумать: что̀ она должна была прочувствовать въ этомъ случаѣ? Можетъ, одна Ѳекла-старица то̀ испытала въ сновидѣніи, въ хожденіи своей души по му̀камъ. А вѣдь, однако, одинъ платочекъ бѣлый, какой она подала нищему страннику и какой ангелъ на вѣсы, въ посрамленіе бѣсамъ, кинулъ, и то спасъ ее, всѣхъ ея грѣховъ тяжелѣе оказался!

— А зачѣмъ ее выгнали въ лѣсъ?—спросили дѣти.

— А куда же-съ?—отвѣтилъ Арсеничъ.—Конечно, въ лѣсъ дремучій, непроходимый...

— Гдѣ орлы скрыжутъ,—добавилъ Вадя.

— Истинно-съ, гдѣ орлы скрыжутъ и всякій звѣрь необузданный съѣсть можетъ,—повторилъ Арсеничъ съ горькимъ торжествомъ.—Гдѣ дивья темь лѣсная и одна скала-пещера могла служить сей пріютомъ! А она въ той пещерѣ принуждена была дитя родить, и пеленаетъ его, напримѣръ, чѣмъ можетъ, деретъ въ этомъ случаѣ свою послѣднюю рубашку на свивальнички, а тутъ, можетъ, всякія рыси голосятъ, глядятъ съ дубовъ зелеными глазами и летитъ, шумитъ сама птица-Игра,—Арсеничъ крѣпко сдѣлалъ ударенiе на первой буквѣ,—летитъ птица-Игра, вся бѣлая, съ черными крыльями, вьется, кричитъ, хочетъ его, напримѣръ, крыльями до смерти затрепать... И, конечно, не смогли они, беззащитный младенецъ съ матерью, стерпѣть такой муки, голоду-холоду, поруганія, и тутъ же и скончались, потому что у ней не только молока въ грудяхъ, а и хлѣба ни синь пороха не осталось для пропитанія... И что̀ же тутъ случилось, какое внезапное чудо! Звѣри, птицы, и тѣ возрыдали, возскорбѣли о ней, и такой вихорь поднялся по лѣсу, что въ самую ночь-полно̀чь проснулась вся обитель отъ такого шуму, а древній этотъ старецъ, живописецъ, вскочилъ, напримѣръ, со своего ложа, слышитъ въ этомъ страшномъ шумѣ чей-то голосъ, повелѣвающій ему поскорѣе въ лѣсъ итти,—и, какъ былъ, такъ и выбѣгаетъ вонъ, всѣхъ будитъ, зоветъ матерь-игуменью, зоветъ самую старую старицу-схимницу—и отправляются они, значитъ, въ трехъ лицахъ, съ огнями, съ фонарями, въ этотъ самый непроходимый лѣсъ. А тамъ, напримѣръ, только уже бездыханное тѣло лежитъ! Стоитъ чаща̀ дремучая—и лежитъ подъ ней, подъ сосной, которая певгъ называется, мать красы неописанной, вся какъ снѣгъ бѣлая, въ своей ризѣ черной, гробной, съ мертвымъ младенцемъ у безплодной груди—и горитъ округъ ея головы вѣнчикъ огненный, весь ликъ ея блѣдный и ризу озаряетъ: значитъ, тотъ самый, какой не насмѣлился старецъ-живописецъ на своей иконѣ подрисовать, узнавши о грѣхѣ Елены, про то, кто она такая въ міру была!.. Это ли-съ не чудо великое, это ли не указаніе?—воскликнулъ Арсеничъ восторженно и горько, глядя на дѣтей вопрошающими красными глазами, отъ которыхъ еще бѣлѣе казалась его взлохмаченная сѣдина.

— Ее въ монастырь принесли?—спросили дѣти.

— Понятно-съ, куда жъ больше. И, конечно, съ великими почестями отпѣли и схоронили, какъ мощи, въ самой церкви,

даже и съ младенцемъ вмѣстѣ, и къ ручкѣ ея со слезами прикладались... Вотъ тутъ-то, небось, и вспомнили, что̀ апостолы-то святые намъ наказывали: помните, молъ,—великое, несмѣтное множество грѣховъ прикрываетъ любовь!

Темная свѣча полыхала, какъ лучина. Арсеничъ смолкъ и долго молчалъ въ какой-то думѣ, глядя на свою руку и на ветошку, зажатую въ ней. Митя пристально и серьезно ковырялъ подсвѣчникъ, облитый застывшимъ саломъ. Вадя не сводилъ съ огня неподвижныхъ и уже дремотныхъ глазъ. Въ залѣ опять играли польку Анну, и кто-то, смѣясь, кричалъ: „Не пускать, не пускать!“. Вдругъ Вадя очнулся и спросилъ охрипшимъ голоскомъ:

— А вы будете святой?

Арсеничъ закачалъ головой.

— Ахъ, сударь, какой вы грѣхъ великій говорите! Да я, какъ песъ какой, округъ господъ весь вѣкъ свѣковалъ, дня одного страданія не зналъ! За что же награждать-то меня?

— А вы это все сами выдумали?

— Боже избави! Я все это по народу слышу да изъ книгъ сличаю-съ. Сижу и читаю на гулянкахъ,—у меня книги безподобныя, старинныя есть... Душа у меня, правда, не нонѣшняго вѣку... Мнѣ Господь не по заслугамъ великій даръ далъ. Этого дару старцы валаамскіе только при великой древности, да и то не всѣ, домогаются. Этотъ прелестный даръ слезный даръ называется. А ужъ какъ я стихи, напримѣръ, люблю, того и сказать даже невозможно!

И, глядя на дѣтей грустно-радостными глазами, Арсеничъ, на старинный ладъ, пѣвуче растягивая тѣ гласныя, на которыя по размѣру падало ударені̀е, продекламировалъ:

И въ послѣдній мой часъ я завѣтъ вамъ даю:
Посадите вы ель на могилу мою!

За окномъ, по сугробамъ, скрипѣли полозья саней, со скрипомъ шли къ крыльцу лошади, громыхая бубенчиками: кто-то, счастливый, уѣзжалъ въ свѣтлую морозную ночь, въ тѣ туманно-серебристые лѣса, что̀ сказочно темнѣли по косогорамъ за лугами Мордвеса. Въ залѣ вприпрыжку кружилась полька Анна—и Арсеничъ, закрывъ глаза, съ чуть замѣтной счастливой улыбкой, покачивалъ въ тактъ головою.

— Ахъ, но и свѣтская жизнь хороша-съ!—сказалъ онъ, вздыхая.—И кабы моя воля, прожилъ бы я на свѣтѣ тыщу лѣтъ.

— А зачѣмъ?

— А затѣмъ-съ, что все бы жилъ, смотрѣлъ, на Божій свѣтъ дивился... Очень я разстроился нонче, раздумавшись

объ этой Еленѣ, вѣчной печальницѣ, а потомъ вспомнилъ, напримѣръ, великомученика Вонифатія—и залился въ три рѣки отъ радости! Тоже простого званія человѣкъ былъ... рабъ крѣпостной, только и всего-съ... И ужъ совсѣмъ иного складу: отпѣтый бокутиръ, безпутная головушка, все ни по чемъ... Пишутъ его, напримѣръ, на образахъ русымъ... въ житіи такъ прямо и сказано: желтоволосъ былъ,—значитъ, весь, небось, въ веснушкахъ, ростомъ невеликъ, и глаза веселые, наигранные, не то что у этой Елены страдалицы. Былъ онъ въ городѣ Римѣ у госпожи своей Аглаиды стольникомъ, при столѣ, напримѣръ, прислуживалъ,—ну, и плѣнилъ ее... Въ житіи, конечно, ужъ очень бездушно сказано—молъ, не будучи замужней, жизнь свою протекала въ грѣхахъ, сдѣлалась преклонна своимъ похотямъ, проживала въ беззаконномъ сожительствѣ съ рабомъ своимъ Вонифатіемъ, а ежели судить въ этомъ случаѣ по человѣчеству, то, небось, такъ случалось: увидитъ его, глянетъ и усмѣхнется,—вотъ, молъ, счастливый, хорошій человѣкъ, а тамъ и полюбила и приблизила къ себѣ... Ну, живутъ они такимъ побытомъ годъ, живутъ другой, она за нимъ, небось, какъ за ребенкомъ заботится,—есть такія женщины ласковыя, прелестныя, богомольныя душой, хоть и въ грѣхѣ всегда, никому, напримѣръ, не умѣютъ отказать по своей добротѣ... Онъ день и ночь съ пріятелями, на гитарахъ тамъ на разныхъ играетъ и винцо пьетъ,—въ житіи такъ и сказано: былъ обуреваемъ страстями, погрязалъ въ грѣхахъ,—а она все дома, шьетъ, небось, мѣтитъ ему, нѣжно о немъ думаетъ, всѣ измѣны прощаетъ ему, въ родѣ матери... Только-съ время-то не ждетъ, проходятъ, напримѣръ, ея лѣта, стала она надъ своей судьбой задумываться, иной разъ, небось, и поплачетъ тишкомъ... И, какъ говорится, насмѣлилась разъ. Дорогой, говоритъ, мой возлюбленный, есть у меня мечта завѣтная: я для тебя всѣмъ пожертвовала, ни людей ни Бога, напримѣръ, не боялась, а живемъ мы все-таки не вѣнчанные, не признанные—надо намъ въ домъ часть мощей внести, просвѣтить нашъ домъ, очистить. Умоляю тебя—снаряди корабль, возьми злата, сѐребра, дорогихъ благовонныхъ плащаницъ всякихъ, чтобы, напримѣръ, эти честныя мощи увить, и плыви ты въ Киликійскую страну, въ городъ Тарсъ, тамъ много святыхъ страстотерпцевъ свои главы за Христа сложили... Ну, онъ, конечно, на это соглашается, снаряжаетъ корабль парусный, устилаетъ его, напримѣръ, всякими коврами и шелками шамаханскими и отплываетъ въ путь съ друзьями-пріятелями, съ винами, съ музыкой, со всякой дворовой прислугой...

— А дорогой буря поднялась?—спросили дѣти.

— Нѣтъ-съ, напротивъ того, всѣ они преблагополучно достигли тѣхъ странъ. Опустили тамъ всѣ свои якоря, паруса—и отправляется онъ въ этотъ городъ Тарсъ, въ гостиный домъ, чтобы, значитъ, отдохнуть, погулять, а съ утра и за дѣло взяться. Проходитъ, напримѣръ, градскія ворота, идетъ вверхъ по улицѣ, конечно, небось, безпечный, беззаботный, напѣваетъ свою арію и вдругъ слышитъ страшный шумъ... Спѣшитъ, понятно, поскорѣй туда и видитъ безчеловѣчное смертоубійство: сгрудился народъ на площади, кричитъ, махаетъ руками и требуетъ казни, а посередь площади сидитъ жестокій судья и мучаетъ лютѣйшими муками святыхъ христіанъ,—кого велитъ на-двое рубить, кому глаза выколоть, кому голову отвѣчь,—а передъ нимъ старецъ на колѣняхъ, преклонился подъ острый обоюдный мечъ и восклицаетъ въ свой послѣдній часъ: „Да славится имя Господне, Христово, пречистое!“. И какъ услыхалъ это Вонифатій, этотъ, напримѣръ, беззавѣтный бокутиръ, такъ и загорѣлся весь,—въ житіи такъ прямо и сказано: возвеселился духомъ за святое имя Господне,—кинулся въ самый народъ, выскочилъ напередъ всѣхъ да и подхвати, даже не подумавши, тотъ старцевъ крикъ: „Да прославится, молъ, имя Господнее!.. Что вы, молъ, дѣлаете, язычники бездушные, пропустите меня—хочу и я пострадать за Спасителя!“ Тутъ всѣ, понятно, къ нему—ужасаются за него, уговариваютъ—побойся, напримѣръ, за жизнь свою, одумайся, ты—чужеземный гость, какое тебѣ дѣло... А онъ—все свое: „Знать ничего не хочу, недостойны вы меня склонить, прельстить—проклинаю вашихъ мраморныхъ боговъ, сѣките мнѣ голову!“. Разорвалъ единымъ махомъ всѣ свои одежды разноцвѣтныя, палъ на колѣни середь площади, уронилъ свою головушку...

— И принялъ мечное сѣченіе—добавилъ Вадя тихо.

— Да-съ, и принялъ мечное сѣченіе, непаглядная моя дѣточка!—воскликнулъ Арсеничъ и, поймавъ его ручку, крѣпко прижался къ ней своими холодными губами, на которыя закапали горячія слезы.—Ну, да что!—прошепталъ онъ потомъ, отвертываясь и ловя по столу свой платокъ.—Никуда я сталъ, совсѣмъ никуда!

Утершись, онъ досталъ изъ кармана осьмушку табаку, сталъ, облегченно вздыхая, вертѣть толстую папиросу... Дѣти долго смотрѣли то на его сѣдую голову, то на большую дрожащую тѣнь ея на стѣнѣ, слушая нестройный, уже застольный говоръ и смѣхъ въ залѣ.

— Вамъ онъ больше нравится?—строго спросилъ Митя.

— Грѣшный человѣкъ,—прошепталъ Арсеничъ, поспѣшно наклонясь, чтобы языкомъ заклеить свою вертушку,—больше-съ!

Капри. 23. I. 1914.

ВЕСЕННІЙ ВЕЧЕРЪ.

На Ѳоминой недѣлѣ, въ ясный, чуть розовый вечеръ, въ ту прелестную пору, когда земля только-что вышла изъ-подъ снѣга, когда въ степныхъ лощинкахъ еще лежитъ подъ голыми дубками сѣрый затвердѣвшій снѣжокъ, ходилъ по одной елецкой деревнѣ, отъ двора къ двору, старикъ-нищій—конечно, безъ шапки, съ длинной холщевой кисой черезъ плечо.

Деревня эта большая, но молчаливая, полевая. Да и вечеръ такой выдался. Пусто было вдоль безконечно разлившагося глинистаго пруда, на ровномъ выгонѣ, гдѣ, въ тѣни отъ избъ и пунекъ, шелъ, держа въ рукѣ высокую орѣховую палку, этотъ лысый и еще черный старикъ, похожій на святителя. Выгонъ чисто, ярко зеленѣлъ, въ воздухѣ свѣжѣло, прудъ, выпукло-полный, зеркально-тѣлеснаго тона, слегка алѣлъ и красивъ былъ, хотя еще плавала въ немъ одна бутылочно-зеленая, въ рыжемъ навозѣ, льдина. Гдѣ-то на томъ боку, тепло и ласково освѣщенномъ въ упоръ низкимъ солнцемъ,—гдѣ-то, какъ казалось, очень далеко,—плакалъ ребенокъ, заблудившійся за какой-нибудь ригой или амбаромъ, и хорошо было слушать по зарѣ его жалобный однообразный плачъ... Но подавали плохо.

Тамъ, при въѣздѣ, возлѣ стараго богатаго двора съ вѣковыми дубами въ грачиныхъ гнѣздахъ за темно-красной кирпичной избой въ три связи, подала молодая сѣроглазая бабочка, да и то пустякъ. Стояла она у каменнаго порога среди подсыхающей весенней грязи, на тугой тропинкѣ, держала сидѣвшую у нея на рукахъ хорошенькую дѣвочку съ безсмысленными голубыми глазками, въ разнолоскутномъ чепчикѣ, и, прижимая ее къ себѣ, плясала, притопывала босыми ногами и повертывалась, раздувая ситцевую юбку.

— Вонъ старикъ, сейчасъ въ сумку отдамъ,—заговорила она сквозь зубы, впиваясь губами въ щечку дѣвочки:—

Ппайду плясать,
Альни полъ хруститъ...

И, перевернувшись, перемѣнила голосъ на звонкій, кому-то подражающій, кокетливый:

— Старикъ, старикъ, не надобно ли вамъ дѣвочку?

Дѣвочка не испугалась, она спокойно сусолила толстую баранку—и мать, шутя, на всѣ лады, стала уговаривать дѣвочку отдать ее подошедшему и улыбавшемуся нищему:

— Отдай, дѣточка, отдай, а то мы съ тобой во всемъ дворѣ одинѣ-одинешеньки, намъ и милостинку сотворить не изъ чего...

И дѣвочка тупо протянула короткую ручку, свой маленькій кулачокъ съ зажатой въ немъ слюнявой котелкой. И нищій, съ улыбкой качая головой на чужое счастье, взялъ и пошелъ, на ходу закусывая.

Онъ шелъ, держа палку наотлетъ, наготовѣ: то кубаремъ катится подъ ноги злая хрипучая шавка—и, докатившись, неожиданно смолкаетъ; то желтый пушистый кобель яростно деретъ, кидаетъ землю задними ногами, стоя возлѣ пуньки, и рычитъ, захлебываясь, съ огненными глазами... Подойдя къ избѣ, къ маленькому окошечку, нищій смиренно кланялся и легонько стучалъ батожкомъ въ раму. Но часто никто не отзывался на этотъ стукъ: еще досѣвали, допахивали многіе, были въ полѣ. И старая крестьянская душа даже втайнѣ радовалась: въ полѣ народъ... это время годъ кормитъ... не до нищихъ... А порой за стеклами, въ которыя постукивалъ нищій, склонялась сидѣвшая на лавкѣ съ грудным на рукахъ бѣлолицая баба. Въ окошечкѣ, маленькомъ, бѣдномъ, она казалась очень большою. Ничуть не стыдясь, что нищій видитъ ея мягкую пшеничную грудь, она махала крупной рукой въ серебряныхъ кольцахъ, а ребенокъ, не выпуская сладкаго соска изо рта, лежалъ, смотрѣлъ ей въ лицо темными ясными глазами, дралъ голыя каряки въ розовыхъ точкахъ отъ блохъ.—„Богъ дастъ, не прогнѣвайся!“—говорила баба спокойно. Что до старухъ, то каждая, болѣзненно морщась, непремѣнно высовывалась наружу и долго жаловалась, все твердила, что рада бъ радостью подать, да нечего... всѣ въ полѣ... а безъ спросу боязно, ее, старуху, и такъ заглодали. Нищій соглашался, говорилъ:—„Ну, прости за ради Бога“—и шелъ дальше.

Онъ сдѣлалъ за день верстъ тридцать и ничуть не уморился: только одеревянѣли, притупились, стали неладно ко-

вылять ноги. Длинный мѣшокъ его былъ до половины набитъ корками и кой-какимъ добришкомъ; а подъ спизками, подъ армякомъ въ большихъ заплатахъ, подъ овчинной курткой и заношенной рубахой, уже давно висѣла на крестѣ ладанка, гдѣ зашито было девяносто два рубля бумажками. И на душѣ у него было покойно. Конечно, старъ, худъ, вывѣтрился,—ротъ стянутый, пересохшій дочерна, носъ какъ кость, шея вся въ трещинахъ, клѣтчатая, точно пробковая,—но бодръ еще. Глаза, когда-то бывшіе черными, гноились и туманились легкими бѣльмами; да все-таки видѣли—и полноводный прудъ, и розовый свѣтъ на избахъ въ томъ боку, и даже чистое блѣдное небо. Воздухъ свѣжѣлъ, слышнѣе, но какъ будто еще дальше замиралъ дѣтскій плачъ, пахло холодѣющей травой... Два голубя дружно пронеслись надъ крышами, пали на глинистомъ бережку и, подымая головки, стали пить... Давеча на большой дорогѣ, въ одинокомъ дворѣ, расщедрились бабы: подали большой кусокъ коленкора и хорошіе, совсѣмъ еще хоть куда штаны: справилъ себѣ ихній малый, да придавило его въ ямѣ, въ пищулѣ, гдѣ мужики глину копали. Теперь нищій шелъ и думалъ: не то сбыть ихъ, не то самому надѣть, а свои, ужъ очень непарадные, въ полѣ подъ межу кинуть?

Кончивъ деревню, онъ повернулъ въ короткій переулочекъ, на выѣздъ въ степь. И въ глаза ему глянуло лучистое, погожее апрѣльское солнце, опускавшееся далеко за равниной, за сѣрыми парами и яровыми взметами. На самомъ выѣздѣ, на поворотѣ укатанной блестящей дороги въ ту дальнюю тынную деревушку, гдѣ думалъ заночевать нищій, стояла небольшая новая изба, плотно крытая вприческу лимоннаго цвѣта старновкой. Ото всѣхъ отдѣлясь, поселились тутъ съ годъ тому назадъ,—еще щепа валялась кое-гдѣ,—мужъ съ женой, люди хозяйственные и пріятные, тайкомъ торговавшіе водкой. Нищій и пошелъ прямо къ этой избѣ: штаны можно было продать хозяину ея; да любилъ онъ и просто заходить въ нее, любилъ за то, что живетъ она какой-то своей, особенной жизнью, тихой и прочной, стоитъ на выѣздѣ и глядитъ чистыми окошечками на закатъ солнца, при которомъ допѣваютъ въ холодѣющемъ воздухѣ свои вечернія пѣсни жаворонки. Подъ глухой стѣной, выходящей въ переулокъ, была тѣнь. А съ лица было весело. Прошлой осенью хозяинъ посадилъ подъ окошечками три куста акаціи. Теперь они принялись и уже опушились желтоватой зеленью, нѣжной, какъ на вербѣ. Обойдя ихъ, нищій вошелъ черезъ сѣни въ горницу.

Сперва, послѣ солнца, онъ ничего не видѣлъ, хотя солнце

и сюда глядѣло, освѣщая голубой прозрачный дымъ, плававшій надъ столомъ, подъ висячей жестяной лампочкой. Выгадывая время для глазъ, онъ долго кланялся, крестился на новую фольговую икону въ углу. Потомъ сложилъ мѣшокъ и палку возлѣ двери на полъ и различилъ крупнаго мужика, въ лаптяхъ и оборванномъ полушубкѣ, сидѣвшаго спиной къ двери, на скамейкѣ за столомъ, а на лавкѣ—нарядную хозяйку.

— Благодать вамъ Господня,—негромко сказалъ онъ ей, еще разъ кланяясь.—Съ прошедчимъ праздникомъ.

Хотѣлъ-было спѣть „Христосъ воскресе“, да почувствовалъ, что будетъ некстати, и подумалъ:

— А хозяина-то, знать, дома нѣту... Жалко.

Хозяйка была хороша собой, съ ладнымъ станомъ, съ бѣлыми руками, точно и не баба простая. Одѣта она была, какъ всегда, по-праздничному: перловое ожерелье, миткалевая сорочка съ тонкими вздутыми рукавами, краснымъ и синимъ расшитая занавѣска, шерстяная кубовая юбка въ кирпичную клѣтку и грубые, но крѣпко и по ногѣ сшитые полсапожки со стальными подковками. Склонивъ аккуратную голову, чистое лицо, она вышивала рубаху мужу. Когда нищій поздоровался, она подняла на него твердые, безъ блеску глаза, пристально посмотрѣла и привѣтливо кивнула. Потомъ, легонько вздохнувъ, отложила работу, ловко воткнувъ въ нее иголку, прошла, постукивая по деревянному полу полсапожками и виляя задомъ, къ печкѣ, вынула изъ шкапчика косушку водки и толстую чашку въ синихъ разводахъ.

— А притомился, однако...—негромко, какъ бы про себя сказалъ нищій—и въ извиненіе за водку, и слегка смущаясь молчаніемъ не повернувшагося къ нему мужика.

Мягко ступая лаптями, скромно обойдя его, онъ сѣлъ на другую лавку, на уголъ стола, напротивъ. А хозяйка поставила передъ нимъ косушку, чашку и вернулась къ работѣ. Тогда тяжело поднялъ голову этотъ здоровый оборванный степнякъ,—передъ нимъ зеленѣлъ цѣлый полштофъ,—и, прищурившись, уставился на своего скромнаго собутыльника. Можетъ, онъ и притворялся малость; но все же лицо его воспалено было, глаза пьяны, налиты мутнымъ блескомъ хмеля, пересмягшія губы полураскрыты, точно въ жару: видно, ужъ не первый день пилъ онъ. И нищій слегка подтянулся и осторожно сталъ наливать свою чашку. Что жъ, молъ, всякій свое пьетъ... тутъ шинокъ, и мы другъ дружкѣ не мѣшаемъ. Онъ приподнялъ голову, и туманно-черные глаза его цвѣта спѣлаго терна, весь его вывѣтренный и загрубѣвшій въ степи обликъ ничего не выражали.

— Гдѣ таскался?—грубо и шало спросилъ мужикъ.—Воровать пришелъ, благо народъ въ полѣ?

— Зачѣмъ воровать?—ровно и скромно отозвался нищій.—У меня шесть человѣкъ дѣтей было, свой домъ, хозяйство...

— Слѣпой, слѣпой, а, небось, сколько натаскалъ перьевъ, прутьевъ у свою яругу!

— Зачѣмъ? Я въ черной работѣ на шахтахъ харцызскихъ десять лѣтъ работалъ...

— Энто не работа. Энто...

— Ты лишняго не говори,—не возвышая голоса, не поднимая рѣсницъ, сказала хозяйка и перекусила нитку.—Я похабнаго не слушаю. Отъ мужа еще не слыхала.

— Ну, молчи, не буду... барыня!—сказалъ мужикъ.—Извините... Я тебѣ вспрашиваю,—сказалъ онъ, нахмуриваясь, нищему:—какія такія шахты, когда земля не сѣяна, не скорожена?

— Да вѣдь, конечно... у кого она есть, къ примѣру...

— Погоди, я тебѣ умнѣй!—сказалъ мужикъ, хлопнувъ ладонью по столу.—Отвѣчай на вопросъ: въ солдатахъ служилъ?

— Ундеръ-церъ-десятаго гренадерскаго малороссійскаго генералъ-фитьмаршала графа Румянцева-Задунайскаго полка... Какъ же такъ не служилъ?

— Молчи, не вякай лишняго! Въ какомъ году взяли?

— Семьдесятъ шестомъ году, въ ноябрѣ мѣсяцѣ.

— Ничѣмъ не былъ провиненъ?

— Никакъ нѣтъ.

— Начальство ублажалъ?

— Не могъ того не дѣлать. Присягу прималъ.

— А это что за шрамъ на шеѣ? Понялъ, ай нѣтъ, куда я вижу?.. Это я его испытываю,—сказалъ мужикъ, угрюмо двигая бровями, но мѣняя властный тонъ на болѣе простой и обращая къ хозяйкѣ свое шальное лицо, золотисто освѣщенное сквозь табачный дымъ закатомъ.—Я его насквозь вижу... Я бѣденъ, бѣденъ, а не одного такого-то оброталъ! Не лаптемъ тоже щи хлебаю!

И опять нахмурился, взглянувъ на нищаго:

— Передъ святымъ крестомъ-евангеліемъ преклонялся?

— Такъ точно,—отвѣтилъ нищій, успѣвшій выпить, вытереться рукавомъ, сѣсть опять прямо и придать своему лицу и туманнымъ глазамъ безстрастное выраженіе.

Мужикъ мутно оглядѣлъ его:

— Встань передо мной!

— Не шуми. Тебѣ сказано, ай нѣтъ?—спокойно вмѣшалась хозяйка.

— Постой ты за ради Бога,—отмахнулся мужикъ и повторилъ:—Встань передо мной!

— Да что-й-то вы, ей-Богу...—забормоталъ-было нищій.

— Встань, тебѣ говорятъ!—крикнулъ мужикъ.—Я тебѣ вопросъ сдѣлаю.

Нищій поднялся и переступилъ съ ноги на ногу.

— Руки по швамъ! Такъ. Пачпортъ есть?

— Да ай вы урядникъ, что ли...

— Молчи, не смѣй такъ балакать со мной! Я умнѣй тебѣ! Я самъ тянулся. Показывай сію минуту!

Покорно, поспѣшно отстегнувъ крючки армяка, потомъ овчинной куртки, нищій долго рылся за пазухой. Наконецъ вытащилъ завернутую въ красный ветхій платочекъ бумагу.

— Подай сюда,—отрывисто сказалъ мужикъ.

И, развернувъ платочекъ, нищій подалъ ему истертую сѣрую книжечку съ большой сургучной печатью. Мужикъ неловко раскрылъ ее корявыми пальцами и, дѣлая видъ, что читаетъ, далеко отставилъ отъ себя, откинулся и долго смотрѣлъ сквозь дымъ и краснѣющій свѣтъ зари.

— Такъ. Вижу. Все въ аккуратѣ. Бери назадъ,—съ трудомъ сказалъ онъ спекшимися губами.—Я бѣденъ, бѣденъ, я, можетъ, другую весну не пашу, не сѣю... меня люди зарѣзали, я у него, у собаки, въ ногахъ валялся... а мнѣ, можетъ, цѣны нѣту... А что наворовалъ, сказывай, а то убью сейчасъ!—крикнулъ онъ свирѣпо.—Я все знаю, все пріѣзошелъ... самъ въ смолѣ кипѣлъ... Жизнь намъ Господь даетъ, а отымаетъ ее всякая гадина... Давай сюда мѣшокъ и болѣ никакихъ!

Хозяйка только головой качнула и отклонилась отъ вышивки, разглядывая ее. Нищій пошелъ къ двери, подалъ мужику и мѣшокъ. Мужикъ взялъ, положилъ возлѣ себя на скамейку и, приминая его, сказалъ:

— Правильно. Теперь садись, давай побалакаемъ. Я всѣ эти дѣла разберу. Я свою ревизію сдѣлаю, не бойся!

И замолчалъ, уставившись въ столъ.

— Вясна...—пробормоталъ онъ:—Ахъ, да разпесчастная субботушка, нельзя въ полѣ работать... Дѣлай!—крикнулъ онъ кому-то, стараясь щелкнуть пальцами:

Пошла барыня плясать,
Голубые пальцы...

И опять замолчалъ. Хозяйка заглаживала наперсткомъ вышивку.

— Я корову пойду доить,—сказала она, поднимаясь съ

мѣста.—Огня безъ меня не вздувайте, а то еще пожару спьяну надѣлаете.

Мужикъ очнулся.

— Господи!—воскликнулъ онъ обиженно.—Хозяюшка! Да неужто мы... Объ мужу небось скучились?

— Это не твоя печаль,—сказала хозяйка.—Онъ въ городѣ, по дѣлу. Но кабакамъ не таскается.

— Потаскается!—сказалъ мужикъ.—Что жъ мнѣ, ай подъ дорогу теперь выходить? Вамъ, чертямъ, богатымъ, хорошо...

Хозяйка, захвативъ подойникъ, вышла. Въ избѣ темнѣло, было тихо, и розовый свѣтъ разливался въ темнотѣ, мягкой, весенней. Мужикъ, облокотясь на столъ, дремалъ, насасывая потухшую цыгарку. Нищій сидѣлъ смирно, неслышно, прислонясь къ темному простѣнку, и лица его почти не было видно.

— Пиво пьешь?—спросилъ мужикъ.

— Пью,—послышался изъ сумрака негромкій отвѣтъ.

Мужикъ помолчалъ.

— Бродяги мы съ тобой,—сказалъ онъ хмуро и задумчиво.—Сволота несчастная... побирушки... Мнѣ съ тобой скушно!

— Это правильно...

— А пиво я люблю,—опять помолчавъ, громко сказалъ мужикъ.—Не держитъ, стерва! А то бы я и пива выпилъ... и закусилъ бы... у меня языкъ намокъ, ѣсть хочется... Закусилъ бы и выпилъ... да... А эта, хозяйка, хороша лицомъ! Мнѣ бы такую-то на пристяжку, я бы... Ну, ничего, сиди, сиди... Я слѣпыхъ уважаю. Придетъ престольный праздникъ, я ихъ, слѣпыхъ-то, бывало, человѣкъ двадцать за столъ посажу, у насъ дворъ былъ—поискать такого-то! Они мнѣ и стихъ споютъ и покланяются... Стихи можешь пѣть? Про Алексѣя Божьи человѣки? Я этотъ стихъ долюбаю. Бери чашку,—своей угощу...

Взявъ изъ рукъ нищаго чашку, онъ поднялъ ее на слабый свѣтъ зари и налилъ до половины. Нищій всталъ, низко поклонился, вытянулъ чашку до дна и опять сѣлъ. Мужикъ потащилъ къ себѣ на колѣни его мѣшокъ и, развязывая, забормоталъ:

— Я тебя сразу понялъ... У меня, братъ, денегъ хватитъ, я тебѣ не ровня... Я ихъ хладнокровно проживаю... пропиваю... Въ годъ по лошади пропиваю, по хорошему барану прокуриваю... Лга! Накололся на мужичка, понялъ теперь, кто я такой? А мнѣ тебѣ жалко... Я понимаю! Васъ, такихъ-то, тыщи весеннее время идутъ... Грязь, чичеръ, ни пути ни дороги, а ты иди, кланяйся... да еще не то дадутъ, не то

нѣтъ... Братъ! Разя я не понимаю?—спросилъ мужикъ горько, и глаза его налились слезами.

— Нѣтъ, вешнее время ничего, хорошо,—тихо сказалъ нищій.—Идешь полемъ, большакомъ... одинъ, какъ есть... Опять же солнушко, тепло... Правда, большія тысячи насъ такихъ-то идутъ. Полъ-Россіи идетъ.

— Я двѣ лошади пропилъ,—сказалъ мужикъ, выгребая изъ мѣшка корки, вытаскивая жилетку, коленкоръ, штаны и лапоть.—Я всѣ твои хрунки, лохмотья несчастные разберу... Стой! Брюки! Это я у тебя, съ деньгами справлюсь, обязательно куплю... Сколько?

Нищій подумалъ.

— Да я бы за два отдалъ...

— Троякъ дамъ!—сказалъ мужикъ, поднимаясь, подсовывая подъ себя штаны и садясь на пихъ.—Мои! А лапоть гдѣ другой? Совсѣмъ новый,—значитъ, обязательно укралъ... Ну, да ужъ лучше воровать, чѣмъ такъ-то, не хуже меня, сердце себѣ терзать вешнее время, съ голоду околѣвать, сѣнцы послѣднія раскрывать, когда послѣдній пастухъ, и тотъ при дѣлу... Я лошадь пропилъ, а она, скотина-то, дороже человѣка стоитъ... Ай я не пахарь, не косецъ?.. А теперь пой стихъ, а то убью сейчасъ!—крикнулъ онъ.—Мнѣ съ тобой скушно!

Дрожащимъ, скромнымъ, но привычнымъ голосомъ нищій запѣлъ изъ темноты:

Жили-были братья родные,
Богомъ-Христомъ братья сводные...

— Ахъ, да и сводная!—высоко и жалостно подхватилъ мужикъ, надрываясь.

Нищій ровнымъ церковнымъ напѣвомъ продолжалъ:

Одинъ бѣденъ-скуденъ,
У гною-проказѣ...

— А другой бога-атый!—не въ ладъ, заглушая его, со слезами въ голосѣ подхватилъ мужикъ.—Сердитый!—крикнулъ онъ, срываясь.—Мине горе съѣло, у всѣхъ людей праздникъ, у всѣхъ людей сѣвы, а я грызу землю, она, родимая, другую весну у меня пустуя... Подай сюда чашку, а то убью сейчасъ! Открой мнѣ окошко!

И опять нищій покорно подалъ чашку. Потомъ сталъ отворять окно. Новое, оно забухло и долго не подавалось. Наконецъ подалось, распахнулось. Свѣжо, хорошо запахло полемъ. Поле было уже совсѣмъ темно, мутно-розовая заря потухала, чуть рѣяла надъ мягкой тьмой его, тихаго, счастли-

ваго, оплодотвореннаго. Слышно было, какъ допѣвали свои самыя послѣднія пѣсни полусонные жаворонки.

— Пой, Лазарь, пой, рòдный мой братецъ!—сказалъ мужикъ нѣжно, протягивая нищему полную чашку.—Оба мы съ тобой... Только что̀ ты передо мной? Бродяга! А я рабочій человѣкъ, всѣхъ страдающихъ поилецъ-кормилецъ...

Онъ тяжело, срыву сѣлъ и опять полѣзъ въ мѣшокъ.

— А это что̀ у тебя такое?—спросилъ онъ, разглядывая колюнкоръ, чуть порозовѣвшій отъ едва уловимаго свѣта зари.

— Такъ... бабы подали,—сказалъ нищій тихо, чувствуя, что отъ хмеля все плыветъ подъ нимъ, что пора уходить, и что надо какъ-нибудь вытянуть изъ-подъ мужика штаны.

— Какъ та̀къ? Брешешь! — крикнулъ мужикъ, ударяя кулакомъ по столу.—Это саванъ—вижу! Это гробный саванъ!—со слезами крикнулъ онъ и помолчалъ, какъ будто слушая затихающія пѣсни жаворонковъ. Потомъ отпихнулъ отъ себя мѣшокъ и, замотавъ лохматой головой, заплакалъ:—Возгордился я на Бога!—горько сказалъ онъ, плача.

И, натуживаясь, ладно, сильно запѣлъ:

Зародила-сохранила меня мать,
Непростительнаго!
Усѣ муки прійзашелъ,
Всѣ печали прійзашелъ,
Нигдѣ счастья не призрѣлъ!
Говорила мине мать,
Приговаривала:
Кабы знала-вѣдала,
Такой чады никогда
Не стерпѣла бы..

— Дупа моя грѣшница, веретенница! — дико закричалъ онъ, плача, и вдругъ съ жуткимъ хохотомъ захлопалъ въ ладоши:—Нищій человѣкъ, отдай мнѣ свои деньги! Я тебѣ насквозь знаю, я тебѣ насквозь чую—отдай! Знаю, что есть! Не можетъ того быть, чтобы не было,—отдай за ради самого Господа-Бога!

И, пятаясь, поднялся, и у нищаго, тоже поднявшагося, отнялись ноги отъ страха, заныло въ лядкахъ. Заплаканное лицо мужика, чуть видное въ сумракѣ, было безумно.

— Отдай!—повторилъ онъ сразу охрипшимъ голосомъ.—За ради Царицы Небесной—отдай! Вижу, вижу—за грудь, за пельки ухватился,—значитъ, есть,—у васъ у всѣхъ есть! Отдай—тебѣ все равно ни къ чему, ты въ гробу одной ногой, а я навѣкъ человѣкомъ стану! Отдай добромъ,—братъ, рòдный, не доводи до грѣха!

— Никакъ нѣтъ,—тихо и безстрастно сказалъ нищій.

— Какъ?

— Никакъ нѣтъ. Двѣнадцать лѣтъ собиралъ. Не рѣшусь.

— Не отдашь?—сипло спросилъ мужикъ.

— Нѣтъ...—едва слышно, но непоколебимо сказалъ нищій.

Мужикъ долго молчалъ. Въ темнотѣ было слышно, какъ у обоихъ стучатъ сердца.

— Хорошо,—съ безумной покорностью проговорилъ мужикъ.—Я тебѣ убью. Пойду, найду камень и убью.

И, шатаясь, пошелъ къ порогу.

Нищій, прямо стоя въ темнотѣ, широко и медленно перекрестился. А мужикъ, быкомъ склонивъ голову, уже ходилъ подъ окнами.

Потомъ послышался хрустъ,—видно, онъ выдиралъ камень изъ фундамента.

И черезъ минуту дверь снова хлопнула—и нищій вытянулся еще болѣе.

— Остатній разъ тебѣ говорю...—пробормоталъ мужикъ спаленными губами, подходя къ нему съ большимъ бѣлымъ камнемъ въ рукахъ.—Братъ...

Нищій молчалъ. Лица его не было видно. Размахнувшись лѣвой рукой и поймавъ нищаго за шею, мужикъ крѣпко ударилъ его въ откачнувшееся лицо холоднымъ камнемъ. Нищій рванулся назадъ и, падая, задѣвая лаптемъ столъ, стукнулся затылкомъ объ лавку, потомъ объ полъ. И, навалившись на него, мужикъ сталъ яростно, сдавивъ въ груди дыханіе, перебивать ему камнемъ горло.

Черезъ десять минутъ онъ былъ уже далеко въ темномъ ровномъ полѣ. Было звѣздно, свѣжо, металлически пахло землей. Совсѣмъ трезвый, онъ шелъ такъ быстро и такъ легко, что, казалось, можно было еще сто верстъ пройти. Ладанку, сорванную съ креста нищаго, онъ крѣпко держалъ въ кулакѣ. Потомъ далеко отшвырнулъ въ темные взметы. Глаза его стояли по-совиному, зубы были стиснуты, какъ клещи. Раскрытую голову,—шапку онъ не нашелъ въ темнотѣ, хотя искалъ долго,—обливало холодомъ. Она была какъ каменная.

Капри. 31. I. 1914.

СВЯТОЧНЫЙ РАЗСКАЗЪ.

Этотъ потѣшный старичокъ, по фамиліи Фисунъ, состоялъ въ нашей губернской земской управѣ архиваріусомъ. Насъ, его молодыхъ сослуживцевъ, все потѣшало въ немъ: и то, что онъ архиваріусъ, и не только не находитъ смѣшнымъ это старомодное слово, а, напротивъ, понимаетъ его очень высоко, и то, что его зовутъ Фисуномъ, и даже то, что ему за восемьдесятъ лѣтъ.

Онъ былъ очень малъ ростомъ, круто гнулъ свою сухую спинку, носилъ престранный костюмъ: длинный базарный пиджакъ изъ чего-то сѣраго и громадные солдатскіе сапоги, въ прямыя широкія голенища которыхъ выше колѣнъ уходили его тонкія, на ходу качавшіяся ножки. Онъ очень плохо слышалъ,—„сего Хвисуна хоть подъ колокола подводи!“—говорили управскіе сторожа, съ хохлацкой насмѣшливостью поглядывая на его большія и всегда холодныя восковыя уши; трясъ отъ старости головой, голосъ имѣлъ могильный, ротъ впалый, и ничего, кромѣ великой усталости и тупой тоски, не выражали его выцвѣтшіе глаза. Прибавьте къ этому еще рыжій солдатскій башлыкъ, конусомъ котораго зиму и лѣто украшалъ себя Фисунъ на улицѣ во избѣжаніе полной потери слуха, прибавьте толстыя морщины на сапогахъ, всегда, какъ жаръ, горѣвшихъ отъ ваксы,—фигура-то получится и впрямь потѣшная. Но мало того,—такой потѣшной наружности и характеръ соотвѣтствовалъ потѣшный.

Секретарь, бывшій семинаристъ, недаромъ называлъ Фисуна Харономъ. Фисунъ, какъ я уже сказалъ, былъ убѣжденнѣйшій архиваріусъ. Служить онъ началъ лѣтъ съ четырнадцати и служилъ исключительно по архивамъ. Со стороны ужаснуться можно было: чуть не семьдесятъ лѣтъ просидѣлъ человѣкъ въ этихъ сводчатыхъ подземельяхъ, чуть не

семьдесятъ лѣтъ прошмыгалъ въ ихъ полутемныхъ ходахъ и все подшивалъ да присургучивалъ, подшивалъ да присургучивалъ, гробовыми печатями припечатывалъ ту жизнь, что шла гдѣ-то наверху при свѣтѣ дня и солнца, а въ должный срокъ нисходила долу, въ эту смертную архивную сѣнь, грудами пыльнаго и уже ни единой живой душѣ не нужнаго хлама загромождая полки! Но самъ-то Фисунъ не находилъ въ своей судьбѣ ровно ничего ужаснаго. Напротивъ: онъ полагалъ, что ни единое человѣческое дѣло немыслимо безъ архива.

— А ежели справка понадобится?—говорилъ онъ—и твердо былъ увѣренъ, что фраза эта неотразима.

Въ подземельѣ, до сводовъ заваленномъ докладами и отчетами, сидѣлъ въ ту пору и я, ближайшій сосѣдъ Фисуна, библіотекарь управы, тоже, значитъ, Харонъ въ нѣкоторомъ родѣ. Но вѣдь я сидѣлъ всего третій годъ, а не шестьдесятъ пятый; я получалъ, ничего не дѣлая, почти тридцать девять рублей и все былъ недоволенъ. А Фисунъ изнурялся въ трудахъ и заботахъ съ ранняго утра до самаго вечера, получалъ за вычетомъ въ эмеритуру всего тринадцать съ полтиной и даже терялся, небось, не зная, куда дѣвать такую уйму золота,—настолько были ограничены его житейскія потребности архивомъ. Да это еще что—тринадцать съ полтиной! Два рубля въ мѣсяцъ зарабатывалъ онъ при началѣ своего служебнаго поприща въ архивѣ опекунскаго совѣта, и то благодарилъ Бога, а если и „не чуялъ ногъ подъ собой отъ радости“, достигнувъ послѣ десятилѣтней службы въ сиротскомъ судѣ четырехъ рублей съ копейками, то не чуялъ вовсе не изъ корысти: единственно потому, что это былъ окладъ уже не мелкой сошки, а полнаго господина архивныхъ нѣдръ, окладъ архиваріуса.

Въ управѣ онъ служилъ чуть не съ перваго дня ея существованія. И какъ служилъ! Не знаю, когда онъ просыпался. Но думаю, что не позднѣе четырехъ утра, потому что жилъ онъ очень далеко, не въ городѣ, а за городомъ, въ голубой хаткѣ среди овраговъ предмѣстья, шаркалъ своими расчищенными сапогами и переставлялъ костыль очень медленно, и все-таки являлся въ управу ровно въ шесть. Бывало, еще солнце не успѣетъ нагрѣть тѣнистыхъ и росныхъ садовъ, еще плавно и гордо вихляются по деревяннымъ „пѣшеходамъ“ грудастыя хохлушки съ коромыслами черезъ плечо, съ макитрами молока и кошелками вишенъ, еще пустъ базаръ и по-утреннему чисты, бѣлы улицы, а онъ, въ своемъ баплыкѣ и болотныхъ сапогахъ, ужъ поспѣшаетъ. Сторожа,

которыхъ будилъ онъ стукомъ въ дверь управы, по разъ выскакивали на подъѣздъ съ твердымъ намѣреніемъ надавать ему въ шею, да вѣдь все-таки былъ онъ не простой человѣкъ, не свой братъ мужикъ, а архиваріусъ. Сторожа ругались, плевали, стыдили его; но онъ былъ упрямъ — и такидобился, что они смирились, привыкли къ его стуку ни свѣтъ ни заря.

При такомъ служебномъ рвеніи, можете себѣ представить, когда онъ покидалъ управу. Вотъ уже кончается долгій лѣтній день, ушли изъ управы не только столоначальники, но даже самые послѣдніе писцы, и гулко раздаются въ пустыхъ отдѣленіяхъ свободные голоса сторожей, грохотъ передвигаемыхъ столовъ и стульевъ; а Фисунъ все еще бродитъ въ своихъ темныхъ владѣніяхъ, въ дугу согнувъ свою худую спину, держа въ блѣдной, обезображенной ревматизмомъ рукѣ пылающій огарокъ и заботливо осматривая полки съ кипами дѣлъ; плаваетъ надъ городомъ, въ блескѣ опускающагося солнца, дрожащій басъ соборнаго колокола, призывая инвалидовъ и старухъ къ вечернѣ; ложатся тѣни отъ крышъ и садовъ, и усаживаются благодушествовать у раскрытыхъ оконъ пообѣдавшіе и вздремнувшіе горожане; а Фисунъ только голову башлыкомъ закутываетъ и стучитъ костылемъ въ полъ, распекая своего подчиненнаго за то, что тотъ опять явился сегодня въ управу чуть не въ семь часовъ, чуть не на цѣлый часъ позднѣе своего прямого начальства.

— Я бачу, бачу ваше поведэніе!—глухо кричитъ онъ, стоя возлѣ входа въ архивъ, подъ широкой лѣстницей, ведущей во второй этажъ, и глядитъ съ тоской, злобой и старческой растеряпностью.

Да, какъ это ни смѣшно, у Фисуна тожо былъ подчиненный! И этотъ подчиненный не мало терпѣлъ отъ него и пресерьезно называлъ его иногда тираномъ, и, что̀ всего страннѣй, не безъ основанія: характеръ у Фисуна былъ, дѣйствительно, нелегкій. Всѣ управскіе старики, кое-что знавшіе о личной жизни Фисуна, въ одинъ голосъ утверждали,—со смѣху помирали, конечно,—что онъ и въ семейномъ быту тиранъ: что онъ весь вѣкъ держитъ въ ежовыхъ рукавицахъ свою жену, робкую и беззавѣтно преданную ему старушку, кое-чѣмъ торгующую на базарѣ; что она слова лишняго не смѣетъ пикнуть при немъ и все-таки съ самой трогательной заботливостью, до седьмого пота начищаетъ каждое утро его сапоги на порогѣ своей хатки. Боялся Фисуна и его единственный подчиненный, Луговой. Фисунъ шамкаетъ, горбится отъ раздраженія еще круче, почти касаясь хвостомъ пид-

жака сапожныхъ голенищъ, и крѣпко стучитъ костылемъ, а тотъ, хотя и хмурится, да все-таки молчитъ, не поднимаетъ глазъ. Это былъ большой, угрюмый хохолъ, коренастый мужикъ въ люстриновомъ костюмѣ, долго работавшій на почтѣ по части зашиванія и штемпелеванія посылокъ и наконецъ попавшій въ управу на постъ „помощника архиваріуса“. Онъ однимъ щелчкомъ могъ пришибить Фисуна, да вѣдь давно извѣстно, что сила-то не въ самой силѣ, а въ той власти, съ которой связана она. А что Фисунъ облеченъ былъ властью, что Фисунъ чувствовалъ себя начальникомъ и заражалъ Лугового своимъ чувствомъ,—въ этомъ не было ни малѣйшаго сомнѣнія. Говоря по совѣсти, дѣла, и совсѣмъ не спѣшнаго, было въ архивѣ очень мало. Но Фисунъ отличался удивительнымъ умѣніемъ находить его и работалъ такъ кропотливо. что работы и заботъ оказывалось всегда по горло. И онъ упивался ими, онъ замучивалъ Лугового, особливо осенью, передъ земскими собраніями, когда въ управѣ шли вечернія занятія, въ которыхъ для архива, конечно, не было ни малѣйшей надобности и которыя, тѣмъ не менѣе, Фисунъ назначалъ неукоснительно.

Само собой разумѣется, что далеко не всегда,—и, прежде всего, по причинѣ своей глубокой старости, — ощущалъ онъ себя носителемъ власти, тѣмъ болѣе, что умалялась она сторожами, которые часто орали на него, находя, что онъ вѣчно мѣшаетъ имъ подъ лѣстницей, вѣчно „вертится подъ ногами“. Не всегда, конечно, трепеталъ передъ Фисуномъ и Луговой. А про тѣ часы, когда нужно было отдохнуть отъ понесенныхъ трудовъ и подкрѣпить силы для дальнѣйшихъ, я уже и не говорю: отдыхъ, закуска, а потомъ чаепитіе, куреніе тютюна и совсѣмъ уравнивали Фисуна съ Луговымъ. Тутъ, сидя подъ лѣстницей за столикомъ, они бесѣдовали, рѣзали житный хлѣбъ, чистили тарань и заваривали фруктовый чай въ жестяномъ чайникѣ совсѣмъ какъ простые, одинаковаго ранга люди. Да объединяла ихъ и ненависть къ сторожамъ, которые и Лугового не очень-то жаловали, объединяла отчужденность архива ото всѣхъ прочихъ отдѣленій управы: твердо держались эти архивные кроты, — и Фисунъ, конечно, особенно твердо,—того убѣжденія, что низъ и верхъ суть два совершенно разныхъ міра, что во вѣки вѣковъ не расти двумъ колосьямъ въ уровень, что до скончанія временъ пребудутъ большіе и малые, власть и подчиненіе, что напрасно молокососы потѣшаются надъ ними, и вѣрой-правдой служили этому убѣжденію, одинъ — властвуя, а другой — подчиняясь, по всегда, повторяю по въ должные моменты — обязательно.

Упрямы были они, эти темные люди! Знать не хотѣлъ Фисунъ того новаго міра, въ который попалъ онъ, старозавѣтный человѣкъ. И мы, молокососы, не только пожимали плечами, но порой и негодовали: смѣшонъ и странепъ былъ въ нашемъ мірѣ этотъ выходецъ изъ міра опекунскихъ совѣтовъ. Правда, времена тогда были глухія, „желѣзная лапа реакціи давала себя знать“, но вѣдь все-таки мы были земскіе люди. А наше земство къ тому же было не простое: оно на всю Россію славилось свободолюбіемъ и демократичностью. Я въ ту пору тоже находился внизу, но я уже былъ на порогѣ, на выходѣ изъ своего подземелья, и не куда-нибудь, а въ самое горнило управы — въ статистику. Я былъ тоже невеликъ господинъ, но я былъ вхожъ въ тотъ чуждый, заповѣдный и непонятный для Фисуна и Лугового міръ, гдѣ жизнь питалась совсѣмъ не тѣми идеями „временъ Очакова и покоренья Крыма“, что̀ въ архивѣ, — гдѣ со стѣнъ предсѣдательскаго кабинета глядѣли лица украшенныхъ великолѣпными бакенбардами дѣятелей „эпохи великихъ реформъ“, гдѣ въ двухсвѣтной залѣ собранія, передъ очами красавца Царя-Освободителя, во весь ростъ изображеннаго стоящимъ на зеркально-лаковомъ полу, отъ самаго начала шестидесятыхъ годовъ и до дней глубокой старости Фисуна смѣло звучали голоса „послѣднихъ изъ стаи славныхъ“, гдѣ съ устъ одного Станкевича, могикана этой стаи, раздалось столько бодрыхъ и краснорѣчивыхъ призывовъ къ „забытымъ словамъ“, „къ добру, къ правдѣ, къ гуманности“, къ самой широкой общественности, „къ неуклонному слѣдованію по пути предначертаній, возвѣщенныхъ съ высоты Престола на зарѣ русской гражданственности“... И, повторяю, досадно и смѣшно было мнѣ, подымавшемуся въ этотъ міръ и на обратномъ пути проходившему подъ лѣстницей, глядѣть на своихъ архаическихъ сослуживцевъ! Бывали минуты, когда даже не смѣяться мнѣ хотѣлось, а подойти къ Фисуну и Луговому и какимъ-нибудь однимъ словомъ, однимъ жестомъ, въ родѣ крѣпкаго рукопожатія, заставить воспрянуть духо́мъ этихъ людей, добровольно гнувшихъ свои выи, дать имъ почувствовать, какъ неправы они въ своемъ страхѣ передъ тѣмъ міромъ, что̀ наверху. Но нужно было видѣть, какими холодными взглядами провожали меня Фисунъ и Луговой, когда я, развязно спустившись изъ этого міра, проходилъ мимо нихъ въ библіотеку! Да, впрочемъ, холодные-то взгляды были бы еще туда-сюда,—дѣло обстояло еще хуже. Не одну враждебность ко мнѣ, не одно презрѣніе къ моей развязности чувствовалъ Фисунъ: нѣтъ, несмотря на мой низкій чинъ, онъ

непремѣнно поднимался съ мѣста, когда я проходилъ мимо, и вытягивалъ руки по швамъ, старался разогнуться и получше уставить свои качающіяся ножки, до колѣнъ погруженныя въ прямыя и широкія голенища. Ему чудилось сіяніе вокругъ головы того, кто спустился въ эту темную архивную юдоль съ горнихъ высотъ, онъ зналъ, что самъ предсѣдатель почему-то подаетъ мнѣ руку, что я какъ равный курю и болтаю съ секретаремъ, — и чувствовалъ, что вмѣстѣ со мною какъ бы доходитъ до него нѣкое вѣяніе оттуда, гдѣ обитала сама власть, у подножія которой столько лѣтъ пресмыкался онъ, и чьей ипостасью, хотя и очень малою, сознавалъ онъ порою и себя самого.

И такъ вотъ и шли рядомъ двѣ совершенно разныхъ жизни—наша и архивная. Такъ и стояли мы съ этимъ упрямымъ и потѣшнымъ старичкомъ каждый на своемъ, коснѣя въ своихъ совершенно разныхъ убѣжденіяхъ... какъ вдругъ старичокъ взялъ да и умеръ! Смерть его, какъ и всякая смерть, конечно, не могла быть потѣшной, — вѣдь все-таки горько плакала старушка на порогѣ хаты въ предмѣстьѣ, нагрѣвая щеткой солдатскіе сапоги и не желая разстаться съ надеждой, что хозяинъ ихъ поднимется и опять поплетется въ архивъ,—но что эта смерть была не менѣе странной, чѣмъ жизнь Фисуна, съ этимъ, надѣюсь, согласится всякій. Произошла она, правда, отчасти по нашей винѣ,— мы таки на нѣкоторое время сломили его упрямство, заразили его своей вѣрой въ торжество свободы и равенства, — да вѣдь кто же могъ знать, что онъ ужъ до такой крайней степени окажется робокъ во второмъ этажѣ управы, что онъ, будучи такимъ робкимъ и отъ природы и въ силу давней привычки трепетать передъ верхами, вдругъ перейдетъ всякія границы свободы, и что дѣло кончится смертью? Произошла эта смерть слѣдующимъ образомъ.

Служилъ я первый годъ, служилъ второй, третій... а Фисунъ шестьдесятъ шестой, шестьдесятъ седьмой. Время, повторяю, было трудное,—недаромъ обжора и пьяница, но либеральнѣйшій человѣкъ, старшій врачъ губернской земской больницы говорилъ: „Бывали хуже времена, но не было подлѣй“; время было темное, но вѣдь ужъ извѣстно, что „чѣмъ ночь темнѣй, тѣмъ ярче звѣзды“, что „самая густая тьма—предразсвѣтная“. И мы вѣрили въ этотъ „грядущій разсвѣтъ“ и все болѣе укрѣплялись въ его близкомъ пришествіи. А Фисунъ попрежнему твердо держался своего,— того коснаго убѣжденія, что двумъ колосьямъ въ уровень никогда не расти. Однако буквально каждый годъ прино-

силъ пораженіе за пораженіемъ этому Ѳомѣ невѣрному: съ каждымъ годомъ все бодрѣе звучали голоса и старыхъ земскихъ бойцовъ, и идущихъ на смѣну имъ. И вотъ наконецъ чуть не поголовно всѣми, ежегодно собиравшимися въ ноябрѣ въ двухсвѣтный залъ нашей управы, овладѣли знаменитыя весеннія мечтанія. А когда изъ-за рѣдѣющихъ зимнихъ облакъ выглянуло и само весеннее солнце, когда полетѣли въ поднебесьѣ первыя весеннія птицы и крѣпко затрещалъ кое-гдѣ ледъ, сковывавшій доголѣ вольныя воды,—эти мечтанія, прихлынувъ къ сердцамъ, вылились уже въ опредѣленную форму: въ форму страстныхъ протестовъ, пожеланій, требованій и самыхъ зажигательныхъ рѣчей. И случилось истинное чудо: самъ Фисунъ, самъ ветхозавѣтный Фисунъ сдался! До самыхъ подземелій управы проникъ горячій весенній свѣтъ, и Фисунъ хотя и растерялся немного отъ этого свѣта, невольно зажмурилъ свои старые глаза, но уже не могъ не видѣть, не могъ отрицать того, что̀ стало зримымъ, явнымъ и несомнѣннымъ для всѣхъ. Управа въ тотъ ноябрь подобна была вешнему улью: съ верху до низу гудѣла она народомъ, среди котораго было и огромное количество посторонняхъ, начиная съ курсистокъ, студентовъ, врачей и кончая даже обывателями, и, казалось, уже не стало никакого различія между низомъ и верхомъ, между большими и малыми: всѣ, отъ первыхъ земскихъ магнатовъ до послѣдняго сторожа, отъ предводителя дворянства до Лугового, жаждали заключить другъ друга въ объятія, чтобы уже однимъ потокомъ, къ одной цѣли двинуться впередъ. „Свобода, свобода!“—звучало повсюду. И вотъ на этотъ-то кличъ и двинулся, къ изумленію всѣхъ, Фисунъ: повязался по холоднымъ, восковымъ ушамъ свернутымъ краснымъ платкомъ, выползъ, горбясь и осѣдая на ноги, касаясь хвостомъ пиджака голенищъ, изъ своихъ подземелій, добрелъ до лѣстницы, во всю ширину крытой краснымъ сукномъ, — и, хоть и очень медленно, но упрямо, сталъ подниматься наверхъ, къ тѣмъ огромнымъ зеркаламъ, туманно-голубымъ отъ табачнаго дыма и отражающимъ въ себѣ цѣлое море народа, что̀ были по бокамъ главнаго входа въ двухсвѣтный залъ собранія. А поднявшись, смѣшался съ шумными, воедино слитыми въ одну массу народными толпами, вольно сталъ бродить по коридору, по отдѣленіямъ, по кабинетамъ — и узрѣлъ-таки наконецъ самого Златоуста нашего, самого Станкевича.

И ахъ какъ говорилъ Станкевичъ въ этотъ день! Смѣлое и гордое рѣшеніе итти на приступъ уже созрѣло, — оставалось только уронить въ полную чашу ту драгоцѣнную каплю,

что̀ переливаетъ влагу черезъ край. И звучно провозгласилъ предводитель дворянства, предсѣдатель собранія, терявшійся за моремъ головъ въ туманно-голубомъ залѣ, у блистающаго золотомъ, лакомъ и красками царскаго портрета, что принадлежитъ слово Алексѣю Алексѣевичу Станкевичу, и среди благоговѣйной тишины поднялась изъ среды сидѣвшихъ за безконечно-длиннымъ столомъ могучая сѣдовласая и прекрасная фигура „льва русской гражданственности“. Да онъ и наружностью похожъ былъ на льва! Правда, уже согбенъ годами и думами, лицомъ очень красенъ, взоромъ важно-печаленъ и тусклъ; поднялся медленно, концами дрожащихъ красныхъ пальцевъ оперся на столъ, крытый зеленымъ сукномъ, заговорилъ сперва тихо, раздѣльно... Но какая увѣренность звучала въ этихъ тихихъ, раздѣльно произносимыхъ словахъ, какая буйная грива сѣдыхъ кудрей возвышалась надъ высокимъ челомъ, ниспадая на плечи, облеченныя въ простой черный сюртукъ! А какъ потомъ окрѣпъ голосъ оратора, какъ зазвучалъ сталью, призывая безъ страха и сомнѣнія впередъ, на борьбу, во славу демократіи, какъ повергъ этотъ голосъ всю залу, вплоть до переполненныхъ хоръ, сперва въ жуткое молчаніе, а послѣ въ неистовый восторгъ, прорвавшійся бѣшеными кликами,—того и описать невозможно!

Потрясенный своими рѣчами и самъ разбитый усталостью, но торжествующій, засыпанный аплодисментами и цвѣтами съ хоръ, опустился Станкевичъ на свое мѣсто и долго, блѣдный и важный, какъ бы ничего не видящій, сидѣлъ, откинувшись къ спинкѣ кресла. Потомъ снова приподнялся и среди почтительно разступающагося земскаго и иного люда со старческой неспѣшностью прослѣдовалъ вонъ изъ зала...

А гдѣ же былъ все это время Фисунъ? А Фисунъ прослѣдовалъ къ той же цѣли, которая подняла съ мѣста Станкевича, еще раньше. Фисуну, долго стоявшему у входа въ залъ, за плечами сгрудившейся толпы, ровно ничего не было слышно. И, уставъ стоять, чувствуя дремоту, онъ медленно, но довольно свободно опять побрелъ по коридору. И, дойдя до конца его, постоялъ въ раздумьѣ, сонно глядя на дверь, за которую смѣли прежде заглядывать только предсѣдатель, гласные да высшіе чины управы,—и, ничтоже сумняшеся, взялся за ея скобку: можетъ-быть, даже не въ силу прямой потребности, а просто отъ скуки. И, затворившись на крючокъ, долго, долго пробылъ за этой дверью.

Не будь онъ глухъ, не завяжи онъ платкомъ ушей, слышалъ бы онъ, несчастный, что чья-то рука нѣсколько разъ дергала за скобку, тянула къ себѣ дверь, и что чей-то недо-

вольный, тоже старческій голосъ бормоталъ что-то. Но онъ былъ глухъ, глухъ и повязанъ платкомъ! Былъ онъ, кромѣ того, очень неспоръ въ движеніяхъ, потребныхъ для приведенія своего костюма въ порядокъ... Когда же одолѣлъ все это и распахнулъ дверь, то увидѣлъ, что передъ нимъ—самъ Станкевичъ! И застыли, замерли два старика другъ передъ другомъ,—первый отъ изумленія и негодованія, а второй отъ ужаса.

— Какъ?—медленно выговорилъ первый, выкатывая глаза и нагибаясь.—Какъ? Такъ это ты, негодяй, сидѣлъ тамъ?

— Никакъ нѣтъ,—хотѣлъ выговорить второй, тоже выкатывая глаза,—и не могъ: и отъ страха, и отъ того, конечно, что ужъ слишкомъ бы это не соотвѣтствовало истинѣ.

— Какъ? Ты осмѣлился забраться въ господское помѣщенье?—еще медленнѣе выговорилъ первый, наливаясь подъ своей бѣлоснѣжной сѣдиной кровью и наступая.

— Никакъ нѣтъ,—безсмысленно пролепеталъ второй, блѣднѣя, какъ смерть, и прижимаясь къ стѣнѣ, осѣдая на свои голенища, на свои отнявшіяся отъ ужаса ноги.

— Да ты кто такой?—бѣшено крикнулъ первый, затопавъ въ ярости ботинками.

Но второй, выпучивъ глаза, ставъ похожимъ на зайца, благодаря хвостикамъ краснаго платка, торчавшимъ на его макушкѣ, уже и лепетать не могъ...

Конецъ этой старой, гоголевской истории вы, разумѣется, уже знаете: будучи черезъ часъ послѣ этого доставленъ въ безсознательномъ состояніи домой, Фисунъ слегъ въ постель, а черезъ недѣлю и душу Богу отдалъ, въ первый и послѣдній разъ въ жизни побывавъ во второмъ этажѣ управы, въ первый и послѣдній разъ проѣхавшись на извозчикѣ... Смерть его, равно какъ и другія нѣкоторыя событія, послѣдовавшія вслѣдъ за весенними мечтаніями, конечно, не измѣнила нашихъ „идеаловъ“, не угасила нашей вѣры въ грядущее торжество этихъ идеаловъ. Но что она отчасти смутила кое-кого изъ насъ,—въ томъ числѣ и меня,—въ этомъ я не могу не признаться... Идутъ дни, годы, а я нѣтъ-нѣтъ да и вспомню эту смерть. И какъ уже не мало прошло этихъ дней и годовъ, то не мало и сомнѣній закралось въ мою душу. Все-таки не тотъ я теперь, какимъ былъ когда-то, въ управѣ славнаго на всю Россію земства! И, напримѣръ, всецѣло присоединился къ тому великому почтенію, какое питалъ покойный Фисунъ къ архивамъ. Равенство-то равенствомъ, а правъ онъ былъ, что немыслима безъ архивовъ жизнь, и что надо, надо оберегать ихъ, ибо, если бы ихъ не было, если бы не

существовало Фисуновъ, какъ бы сохранился вотъ хоть этотъ листокъ, на которомъ пишу я бѣдную и жалкую повѣсть Фисуна? А при Фисунахъ онъ, конечно, сохранится и, конечно, попадется кому-нибудь на глаза, и чѣмъ позднѣе, тѣмъ лучше: рѣзче ударятъ въ глаза новаго человѣка строки этой старой исторіи. Фисунъ говорилъ: „А ежели справка понадобится?..“ Такъ вотъ, если понадобится справка о нашемъ времени, пригодится, можетъ-быть, и моя справка, и мой святочный разсказъ въ старомъ, добромъ стилѣ.

VII. 1914.

ПЫЛЬ.

Высокіе запыленные тополя шумѣли отъ знойнаго вѣтра возлѣ большого бѣлаго вокзала. Въ тяжелыхъ вагонахъ длиннаго почтоваго поѣзда, поровнявшагося съ навѣсомъ, потемнѣло и стало тѣсно, всѣ поднялись съ мѣстъ, разбирая вещи. Ворвались въ вагонъ рослые мужики въ бѣлыхъ фартукахъ. Хрущевъ отдалъ одному изъ нихъ сакъ и приказалъ взять билетъ на курьерскій поѣздъ, отходящій въ двѣнадцать съ половиной.

Газетчики, стойки съ тульскими пряниками, апельсинами и водами, запахъ кухни и многолюдство,—все по эту сторону вокзала было знакомое, московское. Но по другую—совсѣмъ другое, забытое: глубокая провинція, край просторный, хлѣбный, богатый и скучный. Пыльное солнце пекло пустую ухабистую площадь. Нѣсколько запыленныхъ извозчиковъ стояло вдали. Сѣрый отъ пыли вагонъ трамвая долго поджидалъ кого-то. И Хрущевъ вспомнилъ Востокъ, Турцію...

Сутулый мѣщанинъ, въ рыжей, выгорѣвшей чуйкѣ, въ тепломъ картузѣ, надвинутомъ на уши, въ истертыхъ, съ пылью въ складкахъ, сапогахъ, грызъ на площадкѣ вагона подсолнухи. Грызъ и кондукторъ, поводя голубыми хмельными глазами. Неожиданно для всѣхъ и разсѣянно онъ дернулъ за темный ремень, и впереди щелкнулъ звонокъ. Вагонъ покатился внизъ, завернулъ къ трактиру въ угловомъ двухъэтажномъ домѣ, тоже ветхомъ, деревянномъ, напоминающемъ турецкіе дома, и навстрѣчу цѣлой тучи бѣлой пыли понесся подъ изволокъ—по широкой и безконечной улицѣ съ горбатой шоссейной дорогой посрединѣ и мѣщанскими хижинами по сторонамъ.

Тусклое солнце жарко свѣтило сквозь тусклое стекло. Хижины мелькали все нищія, съ высокими и гнилыми, почернѣ-

вшими тесовыми крышами. Навозъ сушился передъ ними. Надъ воротами торчали шесты съ желто-сѣдыми пуками ковыля. Хрущевъ съ радостью почувствовалъ, что всю жизнь будетъ любить все это. Но далеко впереди виднѣлись каменныя тріумфальныя ворота. За ними начинался городъ чиновничій и купеческій, весь бѣлый, каменный. Хрущевъ вспомнилъ себя юношей, корректоромъ губернскихъ вѣдомостей, вспомнилъ холеру, запахъ хлористой извести на вокзалѣ, серебристое отъ пыли и зноя небо за его бѣлымъ фасадомъ и торжественные проводы губернатора, важнаго опять-таки по-турецки, однимъ видомъ своимъ повергавшаго въ столбнякъ вытянутыхъ городовыхъ, ѣхавшаго на бунтъ, пороть мужиковъ. „Ахъ, будь она проклята, эта моя молодость“, — подумалъ Хрущевъ...

Остановились въ центрѣ города. Тутъ на площади, передъ думой, биржей и старыми колоніальными магазинами, надо было ждать пересадки: Хрущеву хотѣлось побывать на окраинахъ, на Пушкарной улицѣ, гдѣ онъ жилъ когда-то у сапожника Мухина. Былъ табельный день. Въ солнечномъ блескѣ дрожащій звонъ старыхъ колоколовъ былъ густъ и тяжелъ. Толпами шелъ и ѣхалъ народъ изъ церквей, трещали извозчики, мелькали шитые мундиры и треуголки. Хрущевъ прошелся по каменистому тротуару мимо пекарни Чаева, мимо столѣтняго виннаго магазина братьевъ Шафоростовыхъ, мимо подъѣзда гостиницы „Парижъ“, въ красныхъ, помпейскихъ сѣняхъ которой круто поднималась лѣстница, покрытая истоптаннымъ половикомъ. Запахъ пекарни былъ скученъ. Запахъ лимоновъ, бакалеи изъ прохладнаго, полутемнаго магазина съ политыми полами снова пробудилъ молодыя чувства — еще тѣхъ дней, когда Хрущевъ ѣздилъ съ отцомъ въ городъ на лошадяхъ, и отецъ покупалъ у Шафоростовыхъ карты, мѣлки, стеариновыя свѣчи и хересъ, — темныя бутылки, оплетенныя тонкой проволокой. Мимо шли какъ будто все тѣ же черные салопы со стеклярусомъ, все тѣ же лоснящіеся на солнцѣ купеческіе сюртуки, и заунывно, по-восточному, кричали все тѣ же квасники въ красныхъ рубахахъ, что̀ кричали двадцать пять лѣтъ тому назадъ. Выбритый, рыжеусый, краснолицый городовой, стоя среди площади, оправлялъ нитяныя перчатки на толстыхъ рукахъ.

Пришелъ вагонъ съ Карачевской. Онъ направлялся какъ разъ на тѣ пустынныя улицы, куда двадцать пять лѣтъ тому назадъ Хрущевъ попалъ изъ-подъ родительскаго обнищавшаго крова, изъ деревни. Опять неожиданно щелкнулъ звонкомъ кондукторъ. Опять стало припекать спину сквозь тусклыя

стекла, и понеслась навстрѣчу пыль... Жилъ Хрущевъ на Пушкарной улицѣ среди чужой, грязной семьи. Застѣнчивый барчукъ, какъ не шелъ онъ къ ней! Но какъ, значитъ, счастливъ онъ былъ своей молодостью, если и теперь еще запахъ сапожнаго товара, герани и гнили мѣщанскаго угла волнуетъ его, если отъ его хожденія въ казенную типографію остались въ памяти только раннія солнечныя утра и свѣжесть городского сада, мимо котораго проходилъ онъ, перейдя по деревяннымъ лавамъ мелкую широкую рѣчку и поднявшись на гору!

„Пушкарная!“—крикнулъ кондукторъ. Вагонъ остановился на половинѣ широкой немощеной улицы: здѣсь путь обрывался, рыжіе рельсы упирались въ песокъ, поросшій кое-гдѣ муравой. Вагоновожатый сталъ переводить желѣзный лукъ, соединяющій вагонъ съ проволокой, убѣгающей отъ столба къ столбу назадъ, въ городъ... Тишина и жаркій, ослѣпительный свѣтъ. По правому тротуару, по каменистымъ колчамъ, Хрущевъ долго шелъ мимо всяческихъ мѣщанскихъ домишекъ—и сѣрыхъ, и голубыхъ, и бѣлыхъ, но одинаково нищихъ. Онъ внимательно глядѣлъ на нихъ, читалъ надписи на дощечкахъ надъ калитками... Чуть не вся улица принадлежала женщинамъ: рѣдко-рѣдко гдѣ владѣлецъ, а то все владѣлицы,—странная черта русскаго захолустья! Онъ разспрашивалъ встрѣчныхъ старухъ, далеко ли до дома Мухина,—онѣ не знали и робѣли, отвѣчая; сидѣлъ, отдыхалъ на скамеечкахъ и снова шелъ. Ладный, коротконогій, чѣмъ-то довольный солдатъ, шедшій навстрѣчу, отиралъ рукавомъ губы отъ мокрой шелухи подсолнуховъ. Хрущевъ хотѣлъ спросить и его, гдѣ домъ Мухина,—и не могъ. Усталость онъ чувствовалъ смертельную.

Лицо его горѣло подъ тѣнью соломенной шляпы, въ головѣ мутилось отъ жары. Онъ опять остановился. Хижину Мухина трудно было найти, слишкомъ она была похожа на другія. Онъ сталъ искать глазами того дома, что̀ когда-то бѣлѣлъ напротивъ Мухина, далеко выдѣлялся среди этой бѣдной улицы своей желѣзной крышей и садомъ за заборомъ. Но и этого дома не было. А улица точно на край свѣта шла. И вдругъ вся эта затѣя—шататься въ жару, ломать ноги по песку и камнямъ, вызывать удивленные взгляды встрѣчныхъ своей легкой одеждой и шляпой—показалась Хрущеву глупой и безцѣльной. Навстрѣчу медленно ѣхалъ извозчикъ, молодой парень на ободранной пролеткѣ, на клячѣ съ кривыми, опухшими ногами. Хрущевъ крикнулъ, замахалъ руками, испугавшись, что онъ скроется куда-нибудь въ переулокъ.

„На вокзалъ, да поскорѣе!“—сказалъ онъ, садясь. И кляча

понесла его съ такой неожиданной прытью, что онъ не чаялъ живымъ остаться, ныряя по тѣмъ пустырямъ и буеракамъ, которые избралъ извозчикъ для сокращенія пути на вокзалъ.

Курьерскій поѣздъ подходилъ. Хрущевъ торопливо соскочилъ съ пролетки. Радость оживила его. Онъ прошелъ пахнущій самоваромъ вокзалъ и черезъ минуту уже сидѣлъ въ купэ международнаго вагона. Осмотрѣвшись, онъ улыбнулся: „Боже, что за жалкіе мы люди—обрадовался хорошему поѣзду и привычной обстановкѣ, точно Стэнли послѣ центральной Африки!“ Но какъ легко и плавно тронулся поѣздъ! Какая чистота въ этой маленькой каютѣ, сіяющей зеркалами, мѣдью, краснымъ лакированнымъ деревомъ и темно-зеленымъ рытымъ бархатомъ дивана!

Вагонъ уже мотало. Приноравливаясь къ его качкѣ, Хрущевъ снялъ шляпу, поглядѣлъ въ зеркало на свое блѣдное, непровинціальное лицо, сѣлъ... Полуденное солнце, свѣтившее за большимъ пыльнымъ стекломъ, горячей полосой ходило по дивану. Хрущевъ протеръ стекло; раскачиваясь отъ бѣга ревущаго на станціонныхъ путяхъ поѣзда, онъ долго разглядывалъ огромную низменность, въ тускломъ блескѣ которой туманно лежалъ городъ. Потомъ наполовину спустилъ кожаную занавѣску, — и сердце его сжала тоска, тоска какъ бы послѣдней разлуки съ этимъ уходящимъ изъ глазъ городомъ и съ бѣдными воспоминаніями молодости.

Въ дверь осторожно постучали: лакей съ карточкой завтрака заглянулъ въ купе.—Прекрасно, оставьте мнѣ мѣсто,—сказалъ Хрущевъ съ той пріятной легкостью, съ которой, вѣрно, говоритъ на своемъ языкѣ иностранецъ, переѣхавшій границу своей страны послѣ Россіи. На минуту онъ сладко захмелѣлъ, вспомнивъ, что сейчасъ будетъ сидѣть за столикомъ съ букетомъ цвѣтовъ, за бутылкой вина, и что впереди—сѣро-сиреневыя горы, бѣлый городъ въ кипарисахъ, нарядные люди, зеленыя морскія волны, длинными складками идущія на гравій, ихъ лѣтній, атласный шумъ, тяжесть, блескъ и кипень... Лакей деликатно притворилъ дверь. Хрущевъ легъ на диванъ,—и мысли его опять возвратились къ молодости, къ началу его бездомной жизни, къ этому большому мертвому городу, вѣчно заносимому пылью, подобно оазисамъ среднеазіатскихъ пустынь, подобно египетскимъ каналамъ, засыпаемымъ песками...

„Пыль, пыль, пыль!“—думалъ онъ съ какой-то ѣдкой и сладкой тоской, глядя на тончайшую сухую мглу, наполнявшую его жаркое купэ.—„Азія, Азія!“

Вагонъ мотало...

Капри. 1913

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ВЪ ВЕНЕЦІИ.

А. А. Карзинкину.

Восемь лѣтъ въ Венеціи я не былъ...
Мука Бреннеръ! Вымотало душу
По мостамъ, ущельямъ и туннелямъ,
Но зато какой глубокій отдыхъ!
Всякій разъ, когда вокзалъ минуешь
И на пристань выйдешь, удивляетъ
Тишина Венеціи, пьянѣешь
Отъ морского воздуха каналовъ...
Эти лодки, барки, маслянистый
Блескъ воды, огнями озаренной,
А за нею низкій рядъ фасадовъ
Какъ бы изъ слоновой грязной кости,
А надъ ними синій южный вечеръ,
Мокрый и ненастный, но налитый
Синевою мягкою, лиловой, —
Радостно все это было видѣть!
Плыли мы съ Энрико, — онъ женился,
Сталъ серьезнѣй, — у дверей отеля
Я сказалъ: „Энрико, если помнишь,
Я люблю осеннія сырыя
Мѣсячныя ночи, надо завтра
Побродить по городу, на взморье,
На лагуны выплыть: завтра въ полночь
Выйду я, какъ прежде, на пьяцетту,
Паперть нашей церкви, — дожидайся
Вонъ подъ тѣмъ палаццо, что̀ напротивъ,
Съ выбитыми стеклами, съ желѣзной
Ржавою рѣшеткой въ дырахъ оконъ“.

Восемь лѣтъ... Я спалъ въ давно знакомой
Низкой, старой комнатѣ, подъ бѣлымъ
Потолкомъ, расписаннымъ цвѣтами,
На широкой дѣдовской кровати.
Утромъ, слышу, — колоколъ... И звонко
И пѣвуче, но не къ намъ взываетъ
Этотъ чистый, одинокій голосъ,
Голосъ давней жизни, отъ которой
Только красота одна осталась!
Утромъ косо розовое солнце
Заглянуло въ узкій переулокъ,
Озаряя отблескомъ отъ дома,
Отъ стѣны напротивъ... И опять я
Радостную близость моря, воли
Ощутилъ, увидѣвши надъ крышей,
Надъ бѣльемъ, что̀ по вѣтру трепалось,
Облаковъ сиреневые клочья
Въ жидкомъ, влажно-бирюзовомъ небѣ.
А потомъ на крышу прибѣжала
И бѣлье снимала, напѣвая,
Дѣвушка съ раскрытой головою,
Стройная и тонкая... Я вспомнилъ
Капри, Граціэллу Ламартина...
Восемь лѣтъ назадъ я былъ моложе,
Но не сердцемъ, нѣтъ, совсѣмъ не сердцемъ!

Въ полдень, возлѣ Марка, что̀ казался
Патріархомъ Сиріи и Смирны,
Солнце, улыбаясь въ свѣтлой дымкѣ,
Перламутромъ розовымъ слѣпило.
Солнце пригрѣвало стѣны Дожей,
Площадь и воркующихъ, кипящихъ
Сизыхъ голубей, клевавшихъ зерна
Подъ ногами щедрыхъ форестьеровъ.
Лоснились цилиндры, обувь, трости,
Щурились глаза, сверкали зубы;
Женщины, весну напоминая
Свѣтлыми нарядами, раскрыли
Кружевные зонтики, чтобъ шелкомъ
Озаряло лица, и съ перчатокъ
Голубей кормили, подставляя
Плечи имъ и губы... Въ галлереѣ
Я сидѣлъ, спросилъ газету, кофе
И о чемъ-то думалъ... Тотъ, кто молодъ,

Знаетъ, что̀ онъ любитъ. Мы не знаемъ,—
Цѣлый міръ мы любимъ... И далеко,
За каналы, за лежавшій плоско
И сіявшій въ тускломъ блескѣ городъ,
За лагуны Адріи зеленой,—
Въ голубой просторъ глядѣлъ крылатый
Левъ съ колонны... Въ ясную погоду
Онъ на югѣ видитъ Апеннины,
А на сизомъ сѣверѣ—тройныя
Волны Альпъ, мерцающихъ надъ синью
Пла̀тиной горбовъ своихъ ледяныхъ.

Вечеромъ—туманъ, молочно-сѣрый,
Дымный, непроглядный. И пушисто
Зеленѣютъ въ немъ огни, столбами
Фонари отбрасываютъ тѣни.
Траурно Большой каналъ чернѣетъ
Въ розсыпи огней, туманно-красныхъ.
Маркъ тяжелъ и древенъ. Въ переулкахъ—
Слякоть, грязь. Идутъ посерединѣ,
Какъ на сценѣ ходятъ. Сладко пахнутъ
Крѣпкія сигары. И уютно
Въ свѣтлыхъ галлереяхъ—ярко блещутъ
Ихъ кафэ, витрины. Англичане
Покупаютъ кружево и книжки
Съ толстыми шершавыми листами,
Въ переплетахъ съ золоченой вязью,
Съ грубыми застежками... За мною
Дѣвочка пристряла,—все касалась
До плеча рукою, улыбаясь
Жалостно и робко: „Mi d'un soldo!“
Долго я сидѣлъ потомъ въ тавернѣ,
Долго вспоминалъ ея прелестный
Жаркій взглядъ, лучистыя рѣсницы
И лохмотья... Можетъ-быть, арабка?

Ночью, въ часъ, я вышелъ. Очень сыро,
Но тепло и мягко. На пьяццеттѣ
Камни мокры. Нѣжно пахнетъ моремъ,
Холодно и сыро—вонью скользкихъ
Темныхъ переулковъ, отъ канала—
Свѣжестью арбуза. Въ свѣтломъ небѣ
Надъ пьяццеттой, противъ папскихъ статуй
На фасадѣ церкви,—блѣдный мѣсяцъ:

То сіяетъ, то за дымомъ таетъ,
За осенней мглой, бѣгущей съ моря.
„Не заснулъ, Энрико?“ — Онъ беззвучно,
Медленно на лунный свѣтъ выводитъ
Длинный, черный катафалкъ гондолы,
Чуть склоняетъ станъ—и вырастаетъ,
Стоя на кормѣ ея... Мы долго
Плыли въ узкихъ коридорахъ улицъ,
Между стѣнъ высокихъ и тяжелыхъ.

Въ этихъ коридорахъ — баржи съ лѣсомъ,
Барки съ солью: стали и ночуютъ.
Подъ стѣнами — сваи и ступени
Въ плѣсени и слизи. Сверху — небо,
Лента неба въ мелкихъ блѣдныхъ звѣздахъ...
Въ полночь спитъ Венеція, — быть-можетъ,
Лишь въ притонахъ для воровъ и пьяницъ,
За вокзаломъ, свѣтятъ щели въ ставняхъ,
И за ними глухо слышны крики,
Буйный хохотъ, споры и удары
По столамъ и столикамъ, залитымъ
Марсалой и вермутомъ... Есть прелесть
Въ этой поздней, въ этой чадной жизни
Пьяницъ, проститутокъ и матросовъ!
„Но amato, amo, Desdemona...“—
Говоритъ Энрико, напѣвая,
И, быть-можетъ, слышитъ эту пѣсню
Кто-нибудь вотъ въ этомъ темномъ домѣ —
Та душа, что̀ любитъ... За оградой
Вижу садикъ; въ чистомъ небосклонѣ —
Голыя, прозрачныя деревья,
И стекломъ блестятъ они, и пахнетъ
Садъ виномъ и медомъ... Этотъ винный
Запахъ листьевъ тоньше, чѣмъ весенній!
Молодость груба, жадна, ревнива,
Молодость не знаетъ счастья — видѣть
Слезы на рѣсницахъ Дездемоны,
Любящей другого...

Вотъ и свѣтлый
Выходъ въ небо, въ лунный блескъ и воды!
Здравствуй, небо, здравствуй, ясный мѣсяцъ,
Переливъ зеркальныхъ водъ и тонкій
Голубой туманъ, въ которомъ сказкой
Кажутся вдали дома и церкви!

Здравствуйте, полночные просторы
Золотого млѣющаго взморья
И огни чуть виднаго экспресса,
Золотой бѣгущіе цѣпочкой
По лагунамъ къ югу! — Нѣтъ, не сердцемъ
Были мы моложе: сердце стало
Драгоцѣнной сказочною скрипкой,
Зазвучавшей золотомъ пѣвучимъ
Только послѣ многихъ скорбныхъ пѣсенъ!

30. VIII. 1913.

ПСКОВСКІЙ БОРЪ.

Вдали темно и чащи строги.
Подъ красной мачтой, подъ сосной
Стою и медлю—на порогѣ
Въ міръ позабытый, но родной.

Достойны ль мы своихъ наслѣдій?
Мнѣ будетъ слишкомъ жутко тамъ,
Гдѣ тропы рысей и медвѣдей
Уводятъ къ сказочнымъ тропамъ,

Гдѣ зернь краснѣетъ на калинѣ,
Гдѣ гниль покрыта ржавымъ мхомъ
И ягоды туманно-сини
На можжевельникѣ сухомъ.

VII. 1912.

ПРИЧАСТНИЦЫ.

Свѣжа въ апрѣлѣ ранняя заря.
Въ тѣни у хатъ хруститъ ледокъ стеклянный.
Причастницы къ стѣнамъ монастыря
Несутъ дѣтей—исполнить долгъ желанный.

Прими, Господь, счастливыхъ матерей,
Отверзи храмъ съ блистающимъ престоломъ—
И у святыхъ Своихъ дверей
Покрой ихъ звономъ благостно-тяжелымъ.

30. VI. 1907.

ІАКОВЪ.

Іаковъ шелъ въ Харанъ и ночевалъ въ пути,
Затѣмъ что пала ночь надъ той пустыней древней.
Царь говоритъ рабамъ: „Вотъ долженъ другъ прійти.
Гасите всѣ огни,—во мракѣ мы душевнѣй“.

Такъ повелѣлъ Господь гасить свѣтило дня,
Чтобъ тайную вести съ Іаковомъ бесѣду,
Чтобъ звать его въ ночи: „Возстань, бори Меня—
И всей землѣ яви Мой знакъ, Мою побѣду!“

Капри. 10. III. 1914.

ТОРА.

Былъ съ Богомъ Моисей на дикой горной кручѣ,
У вратъ небесъ стоялъ какъ въ жертвенномъ дыму:
Сползали по горѣ грохочущія тучи—
И въ голосѣ громовъ Богъ говорилъ Ему.

Мѣшалось солнце съ тьмой, основы скалъ дрожали,
И видѣлъ Моисей, какъ зиждилась Она:
Изъ бѣлаго огня—раскрытыя скрижали,
Изъ чернаго огня—святыя письмена.

И стиль,—незримый стиль, чертившій ихъ узоры,—
Богъ о главу Вождя склоненнаго отеръ,
И въ пламенномъ вѣнцѣ шелъ воспріемникъ Торы
Къ народу своему, въ свой станъ и свой шатеръ.

Воспойте пѣснь Ему! Онъ радостнѣй и краше
Свѣтильника Седьми предъ Божьимъ алтаремъ:
Не отъ него ль зажгли мы пламенники наши,
Ни свѣта, ни огня не уменьшая въ немъ?

Римъ. 24. III. 1914.

ГОСПОДЬ СКОРБЯЩІЙ.

Воззвалъ Господь, скорбящій о Сіонѣ,
И Ангеловъ Служенія спросилъ:
„Погибли стяги, воинство и кони,—
Что сдѣлалъ Царь, покорный Богу Силъ?“

И Ангелы Служенія сказали:
„Онъ вретищемъ завѣсилъ тронный залъ,
Онъ потушилъ свѣтильники въ томъ залѣ,
Онъ скорбь свою молчаніемъ связалъ“.

Воззвалъ Господь: „И Я завѣшу тьмою,
Какъ вретищемъ, Мной созданную твердь,
Я потушу въ ней солнце и сокрою
Лицо Свое, да правитъ въ мірѣ Смерть!“

И отошелъ съ покинутаго трона
Къ тѣмъ тайникамъ, чье имя—Мистаримъ,
И плакалъ тамъ о гибели Сіона,
Для Ангеловъ Служенія незримъ.

Капри. 10. III. 1914.

ПЛАЧЪ НОЧЬЮ.

Плакала ночью вдова:
Нѣжно любила ребенка, но умеръ ребенокъ.
Плакалъ и старецъ-сосѣдъ, прижимая къ глазамъ рукава,
Звѣзды свѣтили, и плакалъ въ закутѣ козленокъ.

Плакала мать по ночамъ.
Плачущій ночью къ слезамъ побуждаетъ другого:
Звѣзды слезами текутъ съ небосклона ночного,
Плачетъ Господь, рукава прижимая къ очамъ.

Капри. 10. III. 1914.

НОВЫЙ ЗАВѢТЪ.

Съ Іосифомъ Господь бесѣдовалъ въ ночи,
Когда Святая Мать съ Младенцемъ почивала:

„Іосифъ! Близокъ день, когда мечи
Перекуютъ народы на орала.
Какъ нищая вдова, что̀ плачетъ въ часъ ночной
О мужѣ и ребенкѣ, какъ Пророки
Мой древній Домъ оплакали со Мной,
Такъ проливаетъ міръ кровавыхъ слезъ потоки.
Іосифъ! Я расторгъ съ жестокими завѣтъ.
Исполни въ радости Господнее велѣнье:
Встань, возвратись въ Мой тихій Назаретъ —
И всей землѣ яви Мое благоволенье“.

Римъ. 24. III. 1914.

МАГОМЕТЪ И САФІЯ.

Сафія, проспувшись, заплетаетъ ловкой
Голубой рукою пряди черныхъ косъ.
„Всѣ меня ругаютъ, Магометъ, жидовкой“,
Говоритъ сквозь слезы, не стирая слезъ.

Магометъ, съ усмѣшкой и любовью глядя
Отвѣчаетъ кротко: „Ты скажи имъ, другъ:
Авраамъ — отецъ мой, Моисей — мой дядя,
Магометъ — супругъ“.

Римъ. 25. III. 1914.

НИЩІЙ.

Возноси хвалы при захожденіи звѣздъ.

Коранъ.

Всѣ сады въ росѣ, но теплы гнѣзда—
Сладокъ птичій лепетъ, полусонъ.
Возноси хвалы—уходятъ звѣзды,
За горами заалѣлъ Гермонъ.

А потомъ, счастливый, босоногій,
Съ чашкой сядь подъ ивовый плетень...
Миръ идущимъ пыльною дорогой!
Славьте, братья, новый Божій день!

Дамаскъ. V. 1907.

НОЧЛЕГЪ.

Міръ — лѣсъ, ночной пріютъ птицы.

Брамины.

Въ вечерній часъ тепло во мракѣ лѣса,
И въ теплыхъ водахъ меркнетъ свѣтъ зари.
Пади во мракъ зеленаго навѣса—
И, пріютясь, замри.

А раннимъ утромъ, бѣлымъ и росистымъ,
Взмахни крыломъ, среди листвы шурша,
И растворись, исчезни въ небѣ чистомъ—
Вернись на родину, душа!

Индійскій океанъ. II. 1911.

ВЪ ТЕМНУЮ НОЧЬ, ВЪ ШТИЛЬ, ПОДЪ ЭКВАТОРОМЪ.

Le Temps, l'Etendue et le Nombre...
Leconte de Lisle.

Время, Пространство, Число
Съ черныхъ упали небесъ
Въ море, гдѣ мракъ и покой.
Саванъ молчанья и тьмы
Ихъ поглотилъ безъ слѣда—
Время, Пространство, Число.

Тяжкимъ обломкомъ, нѣмымъ,
Падаетъ Духъ въ пустоту,
Въ море, гдѣ мракъ и покой.

Съ нимъ, погруженнымъ во тьму,
Тонутъ, зачатыя имъ,
Время, Пространство, Число
Въ моръ, гдѣ мракъ и покой.

27. II. 1915.

О ХРИСТѢ И ДОЧЕРИ ХАЛИФА.

Изъ „Золотой легенды“ лонгфелло.

Ферма въ Оденвальдѣ.—Садъ.—Утро.—Принцъ Генри читаетъ книгу.—Эльзи подходитъ къ нему съ цвѣтами.

Эльзи. Я нарвала цвѣтовъ,
Вотъ это вамъ,
А это Пречистой Дѣвѣ
И святой Цециліи.
Принцъ Генри. Ты похожа сейчасъ
На того ангела,
Что украсилъ безсмертными цвѣтами
Брачный чертогъ Цециліи.
Эльзи. Мои цвѣты умрутъ!
Принцъ Генри. Цвѣты умрутъ,
Но не умретъ память о нихъ,
А памяти дана
Власть воскрешать изъ мертвыхъ.
Эльзи. Знаете ли вы легенду
О Христѣ и дочери халифа?
Я не знаю легенды прекраснѣй.
Принцъ Генри. Тогда разскажи мнѣ ее.
Но прежде подойди поближе,
Положи цвѣты и дай мнѣ руки.
Теперь разсказывай.
Эльзи. Раннимъ утромъ
Гуляла дочь халифа
Въ саду отца своего,
Срывая яркія розы,
Полныя росы.
Принцъ Генри. Какъ нынче утромъ
Ты, дорогая Эльзи.
Эльзи. И, срывая,
Все болѣе дивилась.
Кто Господинъ цвѣтовъ,
Кто возрастилъ ихъ
Изъ темной и холодной земли?
„Въ душу мою,—сказала она,—

Вошла любовь къ Нему; я для Него
Оставлю домъ отца, я буду
Въ Его саду трудиться“.
Принцъ Генри. Дорогое, невинное дитя!
Какъ сладко разсказываешь ты
Давно забытую легенду,
Что въ раннемъ дѣтствѣ
Слышалъ я отъ матери!
Эльзи. И въ полночь,
Когда почивала дочь халифа,
Послышался изъ сада голосъ.
Онъ звалъ ее. И, взглянувъ въ окно,
Она увидѣла прекраснаго Юношу,
Стоящаго среди цвѣтовъ.
То былъ Господь нашъ.
И дочь халифа
Вышла и отворила Ему,
И Онъ сказалъ ей: „Дѣва!
Ты подумала обо Мнѣ съ любовью,
И ради твоего спасенія
Я оставилъ домъ Отца Моего.
Я Господинъ цвѣтовъ,
Мой садъ въ небесномъ царствѣ,
И если ты послѣдуешь за Мной,
Твой брачный вѣнокъ
Будетъ изъ ярко-красныхъ цвѣтовъ“.
И снялъ съ руки Своей
Золотой перстень
И спросилъ дочь халифа,
Хочетъ ли она быть Его невѣстой.
И когда она съ любовью отвѣтила Ему,
Раскрылась рана въ Его груди,
И Онъ сказалъ: „Вотъ розы,
Что расцвѣли на Голгоѳѣ,
Гдѣ Я умеръ ради тебя.
Иди за Мной,
Меня зоветъ Отецъ Мой небесный,
Ты Моя нареченная невѣста“.
И дочь халифа
Послѣдовала за Нимъ
Въ садъ Отца Его.
Принцъ Генри. А ты, Эльзи, послѣдовала бы?
Эльзи. Да, съ радостью.
Принцъ Генри. Тогда Небесный Женихъ

Придетъ за тобой.
Онъ на чело твое
Возложитъ не терновый вѣнецъ,
А вѣнокъ изъ розъ.
Въ брачномъ чертогѣ своемъ
Ты, какъ святая Цецилія,
Услышишь сладкогласные клиры
И упьешься благоуханіемъ
Цвѣтовъ безсмертныхъ.
Иди и положи цвѣты
Передъ ея изображеньемъ.

16. III. 1915.

СТАТЬИ И ЗАМѢТКИ.

ЧЕХОВЪ.

Я познакомился съ нимъ въ Москвѣ, въ концѣ девяносто пятаго года. Видались мы тогда мелькомъ, и я не упомянулъ бы объ этомъ, если бы мнѣ не запомнилось нѣсколько очень характерныхъ фразъ его.

— Вы много пишете?—спросилъ онъ меня однажды.

Я отвѣтилъ, что мало.

— Напрасно,—почти угрюмо сказалъ онъ своимъ низкимъ грудным баритономъ.—Нужно, знаете, работать... Не покладая рукъ... всю жизнь.

И, помолчавъ, безъ видимой связи прибавилъ:

— По-моему, написавъ разсказъ, слѣдуетъ вычеркивать его начало и конецъ. Тутъ мы, беллетристы, больше всего врем... И короче, какъ можно короче надо говорить.

Потомъ разговоръ зашелъ о стихахъ, и онъ вдругъ оживился:

— Послушайте, а стихи Алексѣя Толстого вы любите? Вотъ, по-моему, актеръ! Какъ надѣлъ въ молодости оперный костюмъ, такъ на всю жизнь и остался.

Послѣ такихъ мимолетныхъ встрѣчъ и случайныхъ разговоровъ, въ которыхъ были затронуты любимыя темы Чехова—о томъ, что надо работать „не покладая рукъ“ и быть въ работѣ до аскетизма правдивымъ и простымъ,—мы не видѣлись до весны девяносто девятаго года. Пріѣхавъ на нѣсколько дней въ Ялту, я однажды вечеромъ встрѣтилъ Чехова на набережной.

— Почему не заходите ко мнѣ? — сказалъ онъ. — Непремѣнно приходите завтра.

— Когда?—спросилъ я.

— Утромъ, часу въ восьмомъ.

И, вѣроятно, замѣтивъ на моемъ лицѣ удивленіе, онъ пояснилъ:

— Мы встаемъ рано. А вы?

— Я тоже,—сказалъ я.

— Ну, такъ вотъ и приходите, какъ встанете. Будемъ пить кофе. Вы пьете кофе?

— Изрѣдка пью.

— Пейте каждый день. Чудесная вещь. Я, когда работаю, ограничиваюсь до вечера только кофе и бульономъ. Утромъ—кофе, въ полдень—бульонъ. А то плохо работается.

Я поблагодарилъ за приглашеніе, и мы молча прошли всю набережную и сѣли въ скверѣ на скамью.

— Любите вы море?—сказалъ я.

— Да,—отвѣтилъ онъ. — Только ужъ очень оно пустынно.

— Это-то и хорошо,—сказалъ я.

— Не знаю, — отвѣтилъ онъ, глядя куда-то вдаль сквозь стекла пенснэ и, очевидно, думая о чемъ-то своемъ. — По-моему, хорошо быть офицеромъ, молодымъ студентомъ... Сидѣть гдѣ-нибудь въ людномъ мѣстѣ, слушать веселую музыку...

И, по своей манерѣ, помолчалъ и безъ видимой связи прибавилъ:

— Очень трудно описывать море. Знаете, какое описаніе моря читалъ я недавно въ одной ученической тетрадкѣ? „Море было большое“. И только. По-моему, чудесно.

Можетъ-быть, это покажется кому-нибудь манерностью. Но—Чеховъ и манерность! „Скажу прямо,—говоритъ одинъ изъ хорошо знавшихъ Чехова,—я встрѣчалъ людей, не менѣе искреннихъ, чѣмъ Чеховъ, но людей до такой степени простыхъ, чуждыхъ всякой фразы и аффектировки, я не помню“. Да, онъ любилъ только искреннее, жизненное, органическое,—если только оно не было грубо и косно,—и положительно не выносилъ фразеровъ, книжниковъ и фарисеевъ, особенно тѣхъ изъ нихъ, которые настолько вошли въ свои роли, что роли стали ихъ вторыми натурами. Въ своихъ работахъ онъ почти никогда не говорилъ о себѣ, о своихъ вкусахъ, о своихъ взглядахъ, что и повело, кстати сказать, къ тому, что его долго считали человѣкомъ безпринципнымъ, необщественнымъ. Въ жизни онъ также очень рѣдко говорилъ о своихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ: „я люблю то-то“, „я не выношу того-то“ — это не чеховскія фразы. Но симпатіи и антипатіи его были чрезвычайно устойчивы и опредѣленны, и среди его симпатій одно изъ первыхъ мѣстъ занимала именно естественность. „Море было большое“... Ему, съ его постоянной жаждой наивысшей

простоты, съ его отвращеніемъ ко всему вычурному, напряженному, казалось это „чудеснымъ“. А въ его словахъ объ офицерѣ и музыкѣ сказалась другая его особенность: сдержанность. Неожиданный переходъ отъ моря къ офицеру, несомнѣнно, вызванъ былъ его затаенной грустью о молодости, о здоровьѣ. Море пустынно... А онъ любилъ жизнь, радость, и за послѣдніе годы эта жажда радости, хотя бы самой простой, самой обыденной, особенно часто сказывалась въ его разговорѣ. Но именно только сказывалась.

Слова за послѣднее время стали очень дешевы. И хорошія и дурныя слова произносятся теперь съ удивительной легкостью и лживостью. Но, кажется, чаще всего такъ говорятъ объ умершихъ. Очень много легкости, неточностей, а порой просто скудоумія можно встрѣтить и въ воспоминаніяхъ о Чеховѣ. Пишутъ, напримѣръ, что Чеховъ поѣхалъ на Сахалинъ затѣмъ, чтобы поддержать репутацію „серьезнаго“ человѣка, и въ дорогѣ такъ простудился, что нажилъ чахотку... Пишутъ, что смерть Чехова была ускорена постановкой „Вишневаго сада“: наканунѣ спектакля Чеховъ будто бы такъ волновался, такъ боялся, что его пьеса не понравится, что всю ночь бредилъ... Все это сущій вздоръ. На Сахалинъ Чеховъ поѣхалъ потому, что его интересовалъ Сахалинъ, и еще потому, что въ путешествіи онъ хотѣлъ встряхнуться послѣ смерти брата Николая, талантливаго художника. И чахотку онъ нажилъ не въ Сибири, — о томъ, что его легкія „хрипятъ“, онъ упоминалъ въ письмахъ къ сестрѣ еще въ 87 году—хотя несомнѣнно, что ѣздить ему не слѣдовало: взять хотя бы этотъ страшно тяжелый двухмѣсячный путь на перекладныхъ, ранней весной, въ дождь и въ холодъ, почти безъ сна и положительно на пищѣ св. Антонія, благодаря дикости сибирскихъ трактовъ! А что до волненій о „Вишневомъ садѣ“... Пишущіе, конечно, очень чувствительны къ тому, что говорятъ о нихъ, и много, много въ пишущихъ чувствительности жалкой, мелкой, неврастенической. Но какъ все это далеко отъ такого большого и сильнаго человѣка, какъ Чеховъ! Ибо кто съ такимъ мужествомъ слѣдовалъ велѣніямъ своего сердца, а не велѣніямъ толпы, какъ онъ? Кто умѣлъ такъ, какъ онъ, скрывать ту острую боль, которую причиняетъ человѣческому уму человѣческая глупость? Извѣстенъ только одинъ вечеръ, когда Чеховъ былъ явно потрясенъ неуспѣхомъ,—вечеръ постановки „Чайки“ въ Петербургѣ. Но съ тѣхъ поръ много воды утекло... Да и кто могъ знать, волнуется онъ или нѣтъ? Того, что совершалось въ глубинѣ его души, никогда не знали во всей полнотѣ даже самые близкіе ему люди.

Мальчикомъ Чеховъ былъ, по словамъ его школьнаго товарища Сергѣенко, „вялымъ увальнемъ съ лунообразнымъ лицомъ“. Я, судя по портретамъ и по разсказамъ родныхъ Чехова, представляю его себѣ иначе. Слово „увалень“ совсѣмъ не подходитъ къ хорошо сложенному, выше средняго роста мальчику. И лицо у него было не „лунообразное“, а просто—большое, очень умное и очень спокойное. Вотъ это-то спокойствіе и дало, вѣроятно, поводъ считать мальчика Чехова „увальнемъ“, — спокойствіе, а отнюдь не вялость, которой у Чехова никогда не было — даже въ послѣдніе годы. Но и спокойствіе это было, мнѣ кажется, особенное, — спокойствіе мальчика, въ которомъ зрѣли большія силы, рѣдкая наблюдательность и рѣдкій юморъ. Да и какъ, въ противномъ случаѣ, согласовать слова Сергѣенко съ разсказами матери и братьевъ Чехова о томъ, что въ дѣтствѣ „Антоша“ былъ неистощимъ на выдумки, которыя заставляли хохотать до слезъ даже суроваго въ ту пору Павла Егоровича! Въ юности,—въ тѣ счастливые дни, когда ему доставляло наслажденіе проектировать такія произведенія, какъ „Искусственное разведеніе ежей,—руководство для сельскихъ хозяевъ“,—это спокойствіе тонуло въ пышномъ расцвѣтѣ прирожденной Чехову жизнерадостности: всѣ, кто знали его въ эту пору, говорятъ о неотразимомъ очарованіи его веселости, красоты его открытаго, простого лица и его лучистыхъ глазъ. Но годы шли, духъ и мысль становились глубже и прозорливѣе. Смѣло отдавъ дань молодости, первымъ непосредственнымъ проявленіемъ своей богатой натуры, онъ приступилъ къ суровому въ своей художественной неподкупности изображенію дѣйствительности.

Въ Москвѣ, въ девяносто пятомъ году, я видѣлъ человѣка среднихъ лѣтъ, въ пенснэ, одѣтаго просто и пріятно, довольно высокаго, очень стройнаго и очень легкаго въ движеніяхъ. Встрѣтилъ онъ меня привѣтливо, но такъ просто, что я,—тогда еще юноша, не привыкшій къ такому тону при первыхъ встрѣчахъ,—принялъ эту простоту за холодность. Въ Ялтѣ я нашелъ его сильно измѣнившимся: онъ похудѣлъ, потемнѣлъ въ лицѣ; во всемъ его обликѣ попрежнему сквозило присущее ему изящество,—однако это было изящество уже не молодого, а много пережившаго и еще болѣе облагороженнаго пережитымъ человѣка. И голосъ его звучалъ уже мягче... Но, въ общемъ, онъ былъ почти тотъ же, что въ Москвѣ: привѣтливъ, но сдержанъ, говорилъ довольно оживленно, но еще болѣе просто и кратко, и во время разговора все думалъ о чемъ-то своемъ, предоставляя собесѣднику самому улавливать переходы въ скрытомъ теченіи своихъ мыслей, и все глядѣлъ на море

сквозь стекла пенснэ, слегка приподнявъ лицо... На другое утро послѣ встрѣчи на набережной я поѣхалъ къ нему на дачу. Ясно помню это солнечное утро, которое мы провели съ Чеховымъ въ его садикѣ. Онъ много шутилъ и, между прочимъ, прочиталъ мнѣ единственное, какъ онъ говорилъ, стихотвореніе, написанное имъ: „Зайцы и китайцы, басня для дѣтей“. И съ тѣхъ поръ я началъ бывать у него все чаще и чаще, а потомъ сталъ и совсѣмъ своимъ человѣкомъ въ его домѣ. Сообразно съ этимъ, конечно, измѣнилось и отношеніе ко мнѣ Чехова. Оно стало оживленнѣе, сердечнѣе... Но сдержанность осталась; и проявлялась она не только въ обращеніи со мной, но и съ людьми самыми близкими ему, и означала она, какъ я убѣдился потомъ, не равнодушіе, а нѣчто гораздо большее.

Бѣлая каменная дача въ Ауткѣ, подъ южнымъ солнцемъ и синимъ небомъ, ея маленькій садикъ, который съ такой заботливостью разводилъ Чеховъ, всегда любившій цвѣты, деревья и животныхъ, его кабинетъ, украшеніемъ котораго служили только двѣ-три картины Левитана да огромное полукруглое окно, открывавшее видъ на утонувшую въ садахъ долину рѣки Учанъ-Су и синій треугольникъ моря, тѣ часы, дни, иногда даже мѣсяцы, которые я проводилъ на этой дачѣ, и то сознаніе близости къ человѣку, который плѣнялъ меня не только своимъ умомъ и талантомъ, но даже своимъ суровымъ голосомъ и своей дѣтской улыбкой—останутся навсегда однимъ изъ самыхъ лучшихъ воспоминаній моей жизни. Былъ и онъ настроенъ ко мнѣ дружески, иногда почти нѣжно. Но та сдержанность, о которой я упомянулъ, не покидала его даже въ самыя задушевныя минуты нашихъ разговоровъ. И она была во всемъ.

Онъ любилъ смѣхъ, но смѣялся своимъ милымъ, заразительнымъ смѣхомъ чаще всего только тогда, когда кто-нибудь другой разсказывалъ что-нибудь смѣшное; самъ онъ говорилъ самыя смѣшныя вещи безъ малѣйшей улыбки. Онъ очень любилъ шутки, нелѣпыя прозвища, мистификаціи; въ послѣдніе годы, какъ только ему хоть ненадолго становилось лучше, онъ былъ неистощимъ на нихъ; но какимъ тонкимъ комизмомъ вызывалъ онъ неудержимый смѣхъ! Броситъ два-три слова, лукаво блеснетъ глазомъ поверхъ пенснэ... А его письма! Сколько милыхъ шутокъ было въ нихъ всегда, при ихъ совершенно спокойной формѣ!

Но сдержанность Чехова сказывалась и во многомъ другомъ, болѣе важномъ, свидѣтельствуя о рѣдкой силѣ его натуры. Кто, напримѣръ, слышалъ отъ него жалобы? А причинъ

для жалобъ было много. Онъ началъ работать въ большой семьѣ, терпѣвшей въ пору его молодости нужду, и работалъ мало того, что за гроши, но еще и въ обстановкѣ, способной угасить самое пылкое вдохновеніе: въ маленькой квартиркѣ, среди говора и шума, часто на краешкѣ стола, вокругъ котораго сидѣла не только вся семья, но еще нѣсколько человѣкъ гостей-студентовъ. Онъ долго нуждался и потомъ. Но никто и никогда не слыхалъ отъ него сѣтованій на судьбу, и это вытекало не изъ ограниченности его потребностей: будучи на рѣдкость благородно-скромнымъ въ своемъ образѣ жизни, онъ въ то же время прямо-таки ненавидѣлъ сѣрую, скудную жизнь... Онъ пятнадцать лѣтъ былъ боленъ изнурительной болѣзнью, которая неуклонно вела его къ смерти; но зналъ ли это читатель,—русскій читатель, который слышалъ столько горькихъ писательскихъ воплей? Больные любятъ свое привилегированное положеніе, часто почти съ наслажденіемъ терзаютъ окружающихъ злыми, горькими, непрестанными разговорами о своей болѣзни; но поистинѣ было изумительно то мужество, съ которымъ болѣлъ и умеръ Чеховъ! Даже въ дни его самыхъ тяжелыхъ страданій часто никто не подозрѣвалъ о нихъ.

— Тебѣ нездоровится, Антоша? — спроситъ его мать или сестра, видя, что онъ весь день сидитъ въ креслѣ съ закрытыми глазами.

— Мнѣ? — спокойно отвѣтитъ онъ, открывая глаза, такіе ясные и кроткіе безъ пенснэ.—Нѣтъ, ничего. Голова болитъ немного.

Онъ горячо любилъ литературу, и говорить о писателяхъ, восхищаться Мопассаномъ, Флоберомъ или Толстымъ — было для него наслажденіемъ. Особенно часто онъ съ восторгомъ говорилъ именно о нихъ да еще о „Тамани“ Лермонтова.

— Не могу понять,—говорилъ онъ:—какъ могъ онъ, будучи мальчикомъ, сдѣлать это! Вотъ бы написать такую вещь да еще водевиль хорошій, тогда бы и умереть можно!

Но его разговоры о литературѣ были совсѣмъ не похожи на тѣ обычные профессіональные разговоры, которые такъ непріятны своею кружковой узостью, мелочностью своихъ чисто-практическихъ и чаще всего личныхъ интересовъ. Онъ заводилъ ихъ только тогда, когда зналъ, что его собесѣдникъ любитъ въ литературѣ прежде всего искусство, безкорыстное и свободное.

— Никому не слѣдуетъ читать своихъ вещей до напечатанія,—говорилъ онъ нерѣдко. — А главное, никогда не слѣдуетъ слушать ничьихъ совѣтовъ. Ошибся, совралъ—пусть и

ошибка будетъ принадлежать только тебѣ. Послѣ тѣхъ высокихъ требованій, которыя поставилъ своимъ мастерствомъ Мопассанъ, трудно работать, но работать все же надо, особенно намъ, русскимъ, и въ работѣ надо быть смѣлымъ. Есть большія собаки и есть маленькія собаки, но маленькія не должны смущаться существованіемъ большихъ: всѣ обязаны лаять—и лаять тѣмъ голосомъ, какой Господь Богъ далъ.

Все, что совершалось въ литературномъ мірѣ, было очень близко его сердцу, и много волненій пережилъ онъ среди той глупости, лжи, манерности и фокусничества, которыя столь пышно цвѣтутъ теперь въ литературѣ. Но никогда не замѣчалъ я въ его волненіяхъ мелочной раздражительности, и никогда не примѣшивалъ онъ къ нимъ личныхъ чувствъ. Почти про всѣхъ умершихъ писателей говорятъ, что они радовались чужому успѣху, что они были чужды самолюбія, и поэтому, если бы у меня была хоть тѣнь сомнѣнія относительно писательскаго самолюбія Чехова, я совсѣмъ не затронулъ бы вопроса о самолюбіяхъ. Но онъ дѣйствительно радовался всякому таланту, и не могъ не радоваться: слово „бездарность“ было, кажется, наивысшей бранью въ его устахъ. Къ своимъ же успѣхамъ и неуспѣхамъ онъ относился такъ, какъ могъ относиться только онъ одинъ.

Онъ работалъ почти 25 лѣтъ, и сколько плоскихъ и грубыхъ упрековъ выслушалъ онъ за это время! Одинъ изъ самыхъ деликатнѣйшихъ русскихъ поэтовъ, онъ никогда не говорилъ языкомъ проповѣдника. А можно ли при этомъ разсчитывать на пониманіе и благосклонность критики въ Россіи? Вѣдь требовали же отъ Левитана, чтобы онъ „оживилъ“ пейзажъ—подрисовалъ коровку, гусей или женскую фигуру! И, конечно, не сладко было Чехову имѣть такихъ критиковъ, и много горечи влили они въ его душу, и безъ того отравленную русской жизнью. И горечь эта сказывалась.

— Да, Антонъ Павловичъ, вотъ скоро и юбилей вашъ будемъ праздновать!

— Знаю-съ я эти юбилеи. Бранятъ человѣка двадцать пять лѣтъ на всѣ корки, а потомъ дарятъ ему гусиное перо изъ алюминія и цѣлый день несутъ надъ нимъ, со слезами и поцѣлуями, восторженную ахинею!

— Читали, Антонъ Павловичъ? — скажешь ему, увидавъ гдѣ-нибудь статью о немъ.

А онъ только покосится поверхъ пенснэ:

— Покорно васъ благодарю! Напишутъ о комъ-нибудь тысячу строкъ, а внизу прибавятъ: „а то вотъ еще есть писатель Чеховъ: нытикъ...“ А какой я нытикъ? Какой я „хму-

рый человѣкъ“, какая я „холодная кровь“, какъ называютъ меня критики? Какой я „пессимистъ“? Вѣдь изъ моихъ вещей самый любимый мой разсказъ—„Студентъ“... И слово-то противное: „пессимистъ“... Нѣтъ, критики еще хуже, чѣмъ актеры. А вѣдь, знаете, актеры на цѣлыхъ семьдесятъ пять лѣтъ отстали въ развитіи отъ русскаго общества.

И порою прибавитъ:

— Когда васъ, милостивый государь, гдѣ-нибудь бранятъ, вы почаще вспоминайте насъ, грѣшныхъ: насъ, какъ въ бурсѣ, критики драли за малѣйшую провинность. Мнѣ одинъ критикъ пророчилъ, что я умру подъ заборомъ: я представлялся ему молодымъ человѣкомъ, выгнаннымъ изъ гимназіи за пьянство.

Раздражался онъ рѣдко, а если и раздражался, то изумительно умѣлъ владѣть собой. Но и холоднымъ я его не видалъ. Холоденъ онъ бывалъ, по его словамъ, только за работой, къ которой онъ приступалъ всегда уже послѣ того, какъ мысль и образы его будущаго произведенія становились ему совершенно ясны, и которую онъ исполнялъ почти всегда безъ перерывовъ.

— Садиться писать нужно тогда, когда чувствуешь себя холоднымъ, какъ ледъ,—сказалъ онъ однажды.

Но, конечно, это была совсѣмъ особая холодность.

Чтобы эта сложная и глубокая душа стала ясна, нужно, чтобы какой-нибудь очень большой и очень разносторонній человѣкъ написалъ книгу жизни и творчества этого „несравненнаго“, по выраженію Толстого, художника. Я же всей душой свидѣтельствую пока одно: это былъ человѣкъ рѣдкаго душевнаго благородства, воспитанности и изящества въ самомъ лучшемъ значеніи этихъ словъ, мягкости и деликатности при необыкновенной искренности и простотѣ, чуткости и нѣжности при рѣдкой правдивости.

Быть правдивымъ и естественнымъ, оставаясь въ то же время плѣнительнымъ,—это значитъ быть необыкновенной по красотѣ, цѣльности и силѣ натурой. И такъ часто говорилъ я здѣсь о спокойствіи Чехова именно потому, что его спокойствіе кажется мнѣ свидѣтельствующимъ о рѣдкой силѣ его натуры. Оно, я думаю, не покидало его даже въ дни самаго яркаго расцвѣта его жизнерадостности, и, можетъ-быть, именно оно дало ему въ молодости возможность не склониться ни передъ чьимъ вліяніемъ и начать работать такъ безпритязательно и въ то же время такъ смѣло, „безъ всякихъ контрактовъ съ своей совѣстью“ и съ такимъ неподражаемымъ мастерствомъ.

„Я не скажу,—говоритъ профессоръ въ „Скучной исторіи“,—

чтобы французскія книжки были и умны, и талантливы, и благородны; но онѣ не такъ скучны, какъ русскія, и въ нихъ не рѣдкость найти главный элементъ творчества — чувство личной свободы..."

И вотъ этимъ-то чувствомъ личной свободы и отличался Чеховъ, не терпѣвшій, чтобы и другихъ лишали ея, и становившійся даже рѣзкимъ и прямолинейнымъ, когда видѣлъ, что на нее посягали.

Какъ извѣстно, эта „свобода" не прошла ему даромъ. Успѣхъ, который онъ имѣлъ, очень долго не соотвѣтствовалъ его заслугамъ. Но сдѣлалъ ли онъ за всю жизнь хоть малѣйшее усиліе для того, чтобы увеличить свою популярность? Онъ съ болью и отвращеніемъ смотрѣлъ на всѣ тѣ пріемы, какіе нерѣдко пускаются теперь въ ходъ для пріобрѣтенія успѣха.

— А вы думаете, что они—писатели! Они — извозчики!— говорилъ онъ съ горечью.

И его нежеланіе выставлять себя на видъ доходило порой до крайностей.

„Публикуетъ „Скорпіонъ" о своей книгѣ неряшливо,—писалъ онъ мнѣ послѣ выхода первой книги „Сѣверныхъ Цвѣтовъ".—Выставляетъ меня первымъ, и я, прочитавъ это объявленіе въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ", далъ себѣ клятву больше уже никогда не вѣдаться ни со скорпіонами, ни съ крокодилами, ни съ ужами".

Это было зимою 1900 г., когда Чеховъ, заинтересовавшись кое-какими черточками въ дѣятельности только-что организованнаго тогда книгоиздательства „Скорпіонъ", далъ, по моему настоянію, въ альманахъ этого книгоиздательства одинъ изъ своихъ юношескихъ разсказовъ: „Въ морѣ". Впослѣдствіи онъ не разъ раскаивался въ этомъ.

— Нѣтъ, все это новое московское искусство — вздоръ,— говорилъ онъ. — Помню, въ Таганрогѣ я видѣлъ вывѣску: „Заведеніе *искуственныхъ* минеральныхъ водъ". Вотъ и это то же самое. Ново только то, что талантливо. Что талантливо, то ново".

„Здравствуйте, милый Иванъ Алексѣевичъ!— писалъ онъ мнѣ въ январѣ этого года въ Ниццу.—Съ Новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ! Письмо Ваше получилъ, спасибо. У насъ въ Москвѣ все благополучно, новаго (кромѣ Новаго года) ничего нѣтъ и не предвидится, пьеса моя еще не шла, и когда пойдетъ—неизвѣстно..... Очень возможно, что въ февралѣ я пріѣду въ Ниццу..... Поклонитесь отъ меня милому теплому солнцу, тихому морю. Живите въ свое полное удо-

вольствіе, утѣшайтесь, не думайте о болѣзняхъ и пишите почаще Вашимъ друзьямъ..... Будьте здоровы, веселы, счастливы и не забывайте бурыхъ сѣверныхъ компатріотовъ, страдающихъ несвареніемъ и дурнымъ расположеніемъ духа. Цѣлую Васъ и обнимаю".

„Поклонитесь отъ меня милому теплому солнцу, тихому морю..." Такія слова я слышалъ отъ него рѣдко. Очень часто я скорѣе чувствовалъ, что онъ долженъ произнести ихъ, и это были минуты, въ которыя мнѣ было очень больно.

Помню одну ночь ранней весной. Было уже поздно; вдругъ меня зовутъ къ телефону. Подхожу и слышу:

— Милсдарь, возьмите хорошаго извозчика и заѣзжайте за мной. Поѣдемте кататься.

— Кататься? ночью?—удивился я.—Что съ вами, Антонъ Павловичъ?

— Влюбленъ.

— Это хорошо, но уже десятый часъ... И потомъ---вы можете простудиться...

— Молодой человѣкъ, не разсуждайте-съ!

Черезъ десять минутъ я былъ въ Ауткѣ. Въ домѣ, гдѣ зимою Чеховъ жилъ только съ матерью, была, какъ всегда, мертвая тишина и темнота, тускло горѣли двѣ свѣчки въ кабинетѣ, теряясь въ полумракѣ. И, какъ всегда, у меня сжалось сердце при видѣ этого тихаго кабинета, гдѣ для Чехова протекло столько одинокихъ зимнихъ вечеровъ, полныхъ, можетъ-быть,. горькихъ думъ о своей судьбѣ.

— Какая ночь!—сказалъ онъ мнѣ съ необычной для него мягкостью и какой-то грустной радостью, встрѣчая меня на порогѣ кабинета.—А дома—такая скука! Только и радости, что затрещитъ телефонъ, да Софья Павловна спроситъ, что я дѣлаю, а я отвѣчу: мышей ловлю. Поѣдемте въ Оріанду. Простужусь—наплевать.

Ночь была теплая, тихая, съ яснымъ мѣсяцемъ, съ легкими бѣлыми облаками, съ рѣдкими лучистыми звѣздами въ голубомъ глубокомъ небѣ. Экипажъ мягко катился по бѣлому шоссе, мы молчали, глядя на блестѣвшую тусклымъ золотомъ равнину моря. А потомъ пошелъ лѣсъ съ легкими узорами тѣней, похожими на паутину, но уже по-весеннему нѣжный, красивый и задумчивый. Потомъ зачернѣли толпы кипарисовъ, возносившихся къ лучистымъ звѣздамъ. И когда мы оставили экипажъ и тихо пошли подъ ними, мимо голубовато-блѣдныхъ въ лунномъ свѣтѣ развалинъ дворца, Чеховъ внезапно сказалъ мнѣ:

— Знаете, сколько лѣтъ еще будутъ читать меня? Семь.

— Почему семь?—спросилъ я.

— Ну, семь съ половиной.

— Нѣтъ,—сказалъ я.—Поэзія живетъ долго, и чѣмъ дольше, тѣмъ сильнѣе.

Онъ ничего не отвѣтилъ, но, когда мы сѣли гдѣ-то на скамью, съ которой снова открылся видъ на блестящее въ мѣсячномъ свѣтѣ море, онъ скинулъ пенснэ и, поглядѣвъ на меня добрыми и усталыми глазами, сказалъ:

— Поэтами, милостивый государь, считаются только тѣ, которые употребляютъ такія слова, какъ „серебристая даль“, „аккордъ“ или „на бой, на бой, въ борьбу со тьмой!“.

— Вы грустны сегодня, Антонъ Павловичъ, — сказалъ я, глядя на его простое, доброе и прекрасное лицо, слегка блѣдное отъ луннаго свѣта.

Опустивъ глаза, онъ задумчиво копалъ концомъ палки мелкіе камешки, но, когда я сказалъ, что онъ грустенъ, онъ шутливо покосился на меня.

— Это вы грустны, — отвѣтилъ онъ. — И грустны оттого, что потратились на извозчика.

А потомъ серьезно прибавилъ:

— Читать же меня будутъ все-таки только семь лѣтъ, а жить мнѣ осталось и того меньше: шесть. Не говорите только объ этомъ одесскимъ репортерамъ...

На этотъ разъ онъ ошибся: онъ прожилъ меньше.

Умеръ онъ спокойно, безъ страданій, среди тишины и красоты лѣтняго разсвѣта, который такъ любилъ всегда. И когда умеръ, „выраженіе счастья появилось на его сразу помолодѣвшемъ лицѣ...“ Вспоминаются слова Л. де-Лиля:

Moi, je t'envie, au fond du tombeau calme et noir,
D'être affranchi de vivre et de ne plus savoir
La honte de penser et l'horreur d'être un homme.

Москва. IX. 1904.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ.

...Однажды, читая газеты, Чеховъ поднялъ лицо и не спѣша, безъ интонацій, сказалъ:

— Все время такъ: Короленко и Чеховъ, Потапенко и Чеховъ, Горькій и Чеховъ...

Время измѣнилось. Теперь онъ выдѣленъ. Но, думается, и до сихъ поръ не понятъ, не почувствованъ онъ какъ слѣдуетъ: слишкомъ своеобразный, сложный былъ онъ человѣкъ, душа скрытная, застѣнчивая даже, въ силу своей тонкой организаціи, и воедино слитая съ рѣдкимъ по остротѣ умомъ. Всегда было много крикливыхъ людей, теперь ихъ особенно много. А онъ былъ изъ тѣхъ, о комъ сказалъ Саади: „*Тотъ, у кого въ карманѣ склянка съ мускусомъ, не кричитъ о томъ на всѣхъ перекресткахъ: за него говоритъ ароматъ мускуса*“... Я писалъ, что никогда ни съ кѣмъ не былъ онъ дружент, близокъ по-настоящему. Теперь это подтверждается. Замѣчательная есть строка въ недавно опубликованныхъ отрывкахъ изъ его записной книжки:

— Какъ я буду лежать въ могилѣ одинъ, такъ въ сущности я и живу одиноко.

Въ ту же записную книжку онъ занесъ такія мысли:

— Когда порядочный человѣкъ относится критически къ себѣ и къ своему дѣлу, то ему говорятъ: „нытикъ, бездѣльникъ, скучающій“.

— Какъ люди охотно обманываются, какъ любятъ они пророковъ, вѣщателей, какое это стадо!

— На одного умнаго полагается 1.000 глупыхъ, на одно умное слово приходится 1.000 глупыхъ, и эта тысяча заглушаетъ.

Его заглушали долго, распознавать стали поздно. До „Му-

жиковъ“, далеко не лучшей его вещи, большая публика охотно читала его; но для нея онъ былъ только занятный разсказчикъ, авторъ „Винта“, „Жалобной книги“. Люди идейные интересовались имъ, въ общемъ, мало: признавали его талантливость, но серьезно на него не смотрѣли,—помню, какъ нѣкоторые изъ нихъ искренно хохотали надо мной, концомъ, когда я осмѣливался сравнивать его съ Гаршинымъ, Короленко, а были и такіе, которые говорили, что и читать-то никогда не станутъ они человѣка, начавшаго писать подъ именемъ Чехонте: „Нельзя представить себѣ,—говорили они,—чтобы Толстой или Тургеневъ рѣшились замѣнить свое имя такой пошлой кличкой“. Въ средѣ литературной отношеніе къ нему было иное, тамъ его нѣкоторые высоко ставили, но тоже съ оговорками. А самъ онъ даже и это признаніе отрицалъ.

Настоящая слава пришла къ нему только съ постановкой его пьесъ въ Художественномъ театрѣ. И, должно-быть, это было для него не менѣе обидно, чѣмъ то, что только послѣ „Мужиковъ“ заговорили о немъ: вѣдь и пьесы его—не лучшее изъ написаннаго имъ, а кромѣ того, это вѣдь значило, что вниманіе къ нему привлекъ театръ, то, что тысячу разъ повторилось его имя на афишахъ, что запоминались: „22 несчастья“, „глубокоуважаемый шкапъ“, „человѣка забыли“,—что явился посредникъ между нимъ и публикой, разъяснявшій его этой публикѣ. Да и о пьесахъ-то своихъ былъ онъ, думается, не очень высокаго мнѣнія. Часто говорилъ онъ:

— Какіе мы драматурги! Единственный, настоящій драматургъ—Найденовъ: прирожденный драматургъ, съ самой что ни на есть драматической пружиной внутри! Онъ долженъ теперь еще десять пьесъ написать и девять разъ провалиться, а на десятый опять такой успѣхъ имѣть, что только ахнешь!

И, помолчавъ, вдругъ заливался радостнымъ смѣхомъ:

— Знаете, я недавно у Толстого въ Гаспрѣ былъ. Онъ послѣ болѣзни въ постели лежалъ, но много говорилъ обо всемъ, и обо мнѣ, между прочимъ... Наконецъ я встаю, прощаюсь. Онъ задерживаетъ мою руку, говоритъ: „Поцѣлуйте меня“,—и, поцѣловавъ, вдругъ быстро суется къ моему уху и этакой энергичной старческой скороговоркой: „А все-таки пьесъ вашихъ я терпѣть не могу! Шекспиръ скверно писалъ, а вы еще хуже!“

Долго иначе и не называли его, какъ „хмурымъ“ писателемъ, „пѣвцомъ сумеречныхъ настроеній“, „больнымъ талан-

томъ", человѣкомъ, смотрящимъ на все безнадежно и равнодушно. Я уже писалъ, какъ возмущался онъ этимъ:

— Какой я „хмурый" человѣкъ, какая „холодная кровь", какой такой пессимистъ?

Теперь безъ всякой мѣры гнутъ палку въ другую сторону, треплютъ фразу о „небѣ въ алмазахъ"... Послѣднія десять лѣтъ твердятъ: „чеховская нѣжность и теплота", „чеховская грусть", „чеховская любовь къ человѣку", „пѣвецъ вишневыхъ садовъ"... И читать все это нестерпимо. Если случалось, что бездарный человѣкъ пускался при немъ кого-нибудь характеризовать или копировать, онъ не зналъ, куда глаза спрятать отъ стыда за этого человѣка. Что же чувствовалъ бы онъ, читая про свою „нѣжность"! Очень рѣдко и очень осторожно слѣдуетъ употреблять это слово, говоря о немъ. Еще болѣе были бы противны ему эти „теплота и грусть". А вѣдь идутъ еще дальше его, воплощенную сдержанность, твердость и ясность, сравниваютъ иногда съ Комиссаржевской!

Говоря о немъ, даже талантливые люди порой берутъ невѣрный тонъ, порой говорятъ удивительныя вещи. Купринъ, напримѣръ, такъ театрально передаетъ его слова: „Знаете ли,—прибавлялъ онъ вдругъ съ серьезнымъ лицомъ, тономъ глубокой вѣры,—знаете ли, черезъ 300 лѣтъ вся земля обратится въ цвѣтущій садъ. И жизнь будетъ тогда необыкновенно легка и удобна!". Елпатьевскій даетъ такой образъ: „Я встрѣчалъ у Чехова людей добрыхъ и мягкихъ, нетребовательныхъ и непритязательныхъ, и влекло его къ такимъ людямъ.. Его всегда влекли къ себѣ тихія долины, съ ихъ мглой, туманными мечтами и тихими слезами"... А Короленко характеризуетъ его талантъ такими жалкими словами, какъ „простота и задушевность", приписываетъ ему „печаль о призракахъ". Напримѣръ (въ одной критической замѣткѣ): „Разсказы Седерберга напоминаютъ простоту и задушевность нашего Чехова..." Или (тоже въ одной критической замѣткѣ, гдѣ Короленко разбираетъ мои разсказы „Сны" и „Золотое дно" и совершенно извращаетъ смыслъ этихъ разсказовъ): „Чехову очень нравились эти очерки Бунина... Мы можемъ понять его: они проникнуты тою же печалью о призракахъ, которые мы встрѣчаемъ и въ послѣдней драмѣ Чехова..."

Прость, точенъ и скупъ на слова былъ онъ даже въ обыденной жизни. Словомъ онъ чрезвычайно дорожилъ, слово высокопарное, фальшивое, пошлое, книжное дѣйствовало на него рѣзко: самъ онъ говорилъ прекрасно—всегда по-своему, ясно,

правильно (и, кстати сказать, употреоляя приставку „же“ совсѣмъ не въ той комичной мѣрѣ, какъ это приписываютъ ему въ воспоминаніяхъ, собранныхъ Сулержицкимъ). Писателя въ его рѣчи не чувствовалось, сравненія. эпитеты онъ употреблялъ рѣдко, а если и употреблялъ, то чаще всего обыденные и никогда не щеголялъ ими, никогда не наслаждался своимъ удачно сказаннымъ словомъ.

Къ „высокимъ“ словамъ онъ чувствовалъ ненависть. Замѣчательное мѣсто есть въ однихъ воспоминаніяхъ о немъ. „Однажды,—разсказываетъ авторъ этихъ воспоминаній,—я пожаловался Антону Павловичу: „Антонъ Павловичъ! Что мнѣ дѣлать! Меня рефлексія заѣла!“ И Антонъ Павловичъ отвѣтилъ мнѣ: „А вы поменьше водки пейте“.

Можетъ-быть, въ силу этой ненависти къ „высокимъ“ словамъ, къ такъ называемымъ поэтическимъ красотамъ, къ неосторожному обращенію со словомъ, свойственному многимъ стихотворцамъ, а теперешнимъ въ особенности, такъ рѣдко удовлетворялся онъ стихами. Какъ восторженно говорилъ онъ о лермонтовскомъ „Парусѣ“!

— Это стоитъ всего Б. и Уреніуса со всѣми ихъ потрохами, — сказалъ онъ однажды.

— Какого Уреніуса?—спросилъ я.

— А развѣ нѣтъ такого поэта?

— Нѣтъ.

— Ну, Упрудіуса,—сказалъ онъ серьезно.—Вотъ имъ бы въ Одессѣ жить. Тамъ же думаютъ, что самое поэтическое мѣсто въ мірѣ — Николаевскій бульваръ: и море, и кафэ, и музыка, и всѣ удобства,—каждую минуту сапоги можно почистить...

Вспоминаю съ великимъ удовольствіемъ еще и то, что онъ терпѣть не могъ такихъ словъ, какъ „красиво“, „сочно“, „красочно“.

— Хорошо у Полонскаго сказано, — говорилъ я: — „красиво—ужъ не красота“.

— Чудесно! — соглашался онъ. — А „красочно“—вѣдь они же не знаютъ, что у художниковъ это бранное слово!

И порою, смѣясь, утверждалъ, что одно изъ лучшихъ стихотвореній начала двадцатаго вѣка написано на стѣнѣ его дома Гиляровскимъ:

Край, друзья, у васъ премилый.
Наслаждайся и гуляй:
Шарикъ, Тузикъ косорылый
И какой-то Кабакай.

Представители того „новаго“ искусства, которое такъ хорошо назвалъ „пересоленной карикатурой на глупость“ Толстой, смѣшны и противны были ему. Да и могъ ли онъ, воплощенное чувство мѣры, благородства, человѣкъ высшей простоты, высшаго художественнаго цѣломудрія, не возмущаться этими пересоленными карикатурами и на глупость, и на величайшую вычурность, и на величайшее безстыдство, и на неизмѣнную лживость! Часто говорилъ онъ въ суровомъ и грустномъ раздумьѣ:

— Вотъ умретъ Толстой, все къ чорту пойдетъ!

— Литература?

— И литература.

И самъ онъ умеръ не во̀-время. Будь живъ онъ, можетъ-быть. все-таки не дошла бы русская литература до такой пошлости, до такого паденія, до изломавшихся прозаиковъ, до косноязычныхъ стихотворцевъ, кричащихъ на весь кабакъ о собственной геніальности...

Про тогдашнихъ модернистовъ, „декадентовъ“, какъ называли ихъ, онъ однажды сказалъ:

— Какіе они декаденты, они здоровеннѣйшіе мужики! Ихъ бы въ арестантскія роты отдать.

Случалось, что собирались у него люди самыхъ различныхъ ранговъ: со всѣми онъ былъ одинаковъ, никому не оказывалъ предпочтенія, никого не заставлялъ страдать отъ самолюбія, чувствовать себя забытымъ, лишнимъ... Рѣдкая и прекрасная черта!

Всегда со всѣми онъ былъ любезенъ, съ нѣкоторыми очень ласковъ. Но и тѣхъ и другихъ неизмѣнно держалъ онъ на извѣстномъ разстояніи отъ себя, ничуть не подчеркивая этого, — какъ-то непередаваемо и съ безупречной деликатностью давая понять это и внушая всѣмъ,—за исключеніемъ, конечно, самыхъ тупыхъ, — почтеніе къ себѣ, нѣкоторымъ даже робость.

Чувство собственнаго достоинства, независимости было у него очень велико, но ему не нужно было стараться проявлять его,—оно исходило отъ него, какъ нѣкій радій. И не боялся онъ никого и ничего, многихъ и многое глубоко почитая,—боялся (если ужъ употреблять это не совсѣмъ удачное слово) одного только Толстого. Такъ боятся тѣхъ, кого слишкомъ любятъ или даже больше, чѣмъ любятъ. Онъ не разъ говорилъ:

— Вы только подумайте, вѣдь это онъ, онъ написалъ, что

Анна сама чувствовала, видѣла, какъ у нея блестятъ глаза въ темнотѣ!

— Серьезно, я его боюсь,—говорилъ онъ, смѣясь и какъ бы радуясь этой боязни.

И однажды чуть не часъ рѣшалъ, въ какихъ штанахъ поѣхать къ Толстому. Сбросилъ пенснэ, помолодѣлъ и, мѣшая, по своему обыкновенію, шутку съ тѣмъ серьезнымъ, что̀ было въ душѣ, все выходилъ изъ спальни — то въ однихъ, то въ другихъ штанахъ.

— Нѣтъ, эти неприлично узки!—говорилъ онъ.—Подумаетъ: щелкоперъ!

И тотъ надѣвалъ другіе, и опять выходилъ, смѣясь:

— А эти шириной съ Черное море! Подумаетъ: нахалъ...

Однажды онъ въ небольшой компаніи близкихъ людей поѣхалъ въ Алупку и завтракалъ тамъ въ ресторанѣ, былъ веселъ, много шутилъ. Вдругъ изъ сидѣвшихъ за сосѣднимъ столомъ поднялся какой-то господинъ съ бокаломъ въ рукѣ:

— Господа! Я предлагаю тостъ за присутствующаго среди насъ Антона Павловича Чехова, гордость нашей литературы, пѣвца сумеречныхъ настроеній...

Поблѣднѣвъ, Чеховъ всталъ и вышелъ. И много разъ съ негодованіемъ разсказывалъ объ этой исторіи.

Я подолгу живалъ въ Ялтѣ и почти всѣ дни проводилъ у него. Часто я уѣзжалъ поздно вечеромъ, и онъ говорилъ:

— Пріѣзжайте завтра пораньше.

Голосъ у него былъ глуховатый, и часто говорилъ онъ безъ оттѣнковъ, суховато, какъ бы бормоча: трудно было иногда понять, искренно ли говоритъ онъ. И я порой отказывался. Онъ сбрасывалъ пенснэ, прикладывалъ руки къ сердцу, съ едва уловимой улыбкой на блѣдныхъ губахъ, раздѣльно повторялъ:

— Господинъ депутатъ Букишонъ, убѣдительнѣйше васъ прошу! Если вамъ будетъ скучно со „старымъ, забытымъ писателемъ“, посидите съ Машей, съ мамашей, которая влюблена въ васъ, съ моей женой, венгеркой Книпшицъ... Будемъ говорить о литературѣ...

Я очень любилъ его, эта настойчивость была пріятна. Я пріѣзжалъ, и случалось, что мы, сидя у него въ кабинетѣ, молчали все утро, просматривая газеты, которыхъ онъ получалъ великое множество. Изрѣдка въ нихъ попадалось кое-что и обо мнѣ, чаще всего что-нибудь неумное, и меня очень трогало, какъ спѣшилъ онъ смягчить это.

— Обо мнѣ же еще глупѣй писали, обо мнѣ говорили еще злѣе, а то и совсѣмъ молчали по цѣлому году...

Случалось, что во мнѣ находили „чеховское настроеніе“: Оживляясь, даже волнуясь, онъ восклицалъ съ мягкой горячностью:

— Ахъ, какъ это глупо! Ахъ, какъ глупо! И меня донекали „тургеневскмии потами“. Мы похожи съ вами, какъ борзая на гончую. Я не могъ бы ни одного слова украсть у васъ. Вы рѣзче меня. Вы вонъ пишите: „море пахнетъ арбузомъ“... Это чудесно, а я бы ни за что такъ не сказалъ. Вы же дворянинъ, послѣдній изъ „ста русскихъ литераторовъ“, а я мѣщанинъ—„и горжусь этимъ“, — говорилъ онъ, смѣясь, цитируя самого себя.—Вотъ про курсистку—другое дѣло...

— Про какую курсистку?

— А помните, мы съ вами выдумывали разсказъ: жара, степь за Харьковомъ, идетъ длиннѣйшій почтовый поѣздъ... А вы прибавили: курсистка въ кожаномъ поясѣ стоитъ у окна вагона третьяго класса и вытряхиваетъ изъ чайника мокрый чай. Чай летитъ по вѣтру въ лицо толстаго господина, высунувшагося изъ другого окна...

Вотъ такія выдумыванія художественныхъ подробностей и сближали насъ, можетъ-быть, больше всего. Онъ былъ жаденъ до нихъ необыкновенно, онъ могъ два-три дня подъ-рядъ повторять съ восхищеніемъ удачную художественную черту, и уже по одному этому не забуду я его никогда, всегда буду чувствовать боль, что нѣтъ его.

Разъ онъ купилъ книжечку, составленную изъ нѣкоторыхъ произведеній моихъ и Андреева, съ пышнымъ заголовкомъ („Восходящія звѣзды“) и съ нашими портретами на обложкѣ,— ѣздилъ на набережную и возвратился усталый, съ зелено-сѣрымъ лицомъ, съ пепельными губами, но съ улыбкой на нихъ и съ затаеннымъ блескомъ въ глазахъ, въ томъ внутреннемъ возбужденіи, которое вспыхивало въ немъ порою по самому ничтожному поводу и держалось долго, означая, что этотъ ничтожный поводъ былъ толчкомъ для творческой игры его мысли, пробудилъ того Чехова, который когда-то сказалъ въ молодомъ задорѣ Короленкѣ: „Хотите, напишу разсказъ вотъ про эту пепельницу?“. И какъ молодо хохоталъ онъ въ этотъ день, фантазируя, съ какимъ благоговѣніемъ могутъ читать эту книжечку гдѣ-нибудь въ Маріуполѣ, Бердянскѣ, и глядя то на мой портретъ, — я вышелъ щеголеватымъ брюнетомъ, — то на портретъ Андреева въ поддевкѣ:

— Это французскій депутатъ Букишонъ, а это казакъ Ашиновъ.

Помню также, какъ смѣялся онъ, когда я разсказалъ ему о нашемъ сельскомъ дьяконѣ, до крупинки съѣвшемъ на именинахъ моего отца фунта два икры. Этой исторіей онъ даже началъ разсказъ „Въ оврагѣ“.

Онъ любилъ повторять, что если человѣкъ не работаетъ, не живетъ постоянно въ той художественной атмосферѣ, которая такъ раскрываетъ глаза художника, то, будь онъ хоть Соломонъ премудрый, все будетъ чувствовать себя пустымъ, бездарнымъ.

Иногда вынималъ изъ стола свою записную книжку и, поднявъ лицо и блестя стеклами пенснэ, моталъ сю въ воздухѣ и говорилъ:

— Ровно сто сюжетовъ! Да-съ, милсдарь! Не вамъ чета, молодымъ! Работникъ! Хотите, парочку продамъ?

Иногда онъ разрѣшалъ себѣ вечернія прогулки — и часто совсѣмъ не во-время. Разъ возвращаемся съ такой прогулки уже поздно. Онъ очень усталъ, идетъ черезъ силу, — за послѣдніе дни много смочилъ платковъ кровью, — молчитъ, прикрываетъ глаза. Проходимъ мимо балкона, за парусиной котораго свѣтъ и силуэты женщинъ. И вдругъ онъ открываетъ глаза и очень громко говоритъ:

— А слышали? Какой ужасъ! Бунина убили! Въ Ауткѣ, у одной татарки!

Я останавливаюсь отъ изумленія, а онъ съ радостными, блестящими глазами быстро шепчетъ:

— Молчите! Завтра вся Ялта будетъ говорить объ убійствѣ Бунина.

Одинъ писатель жаловался, что ему до слезъ стыдно, какъ слабо, плохо онъ началъ писать.

— Ахъ, что вы, что вы! — воскликнулъ Чеховъ. — Это же чудесно—плохо начать! Поймите же, что если у начинающаго писателя сразу выходитъ все честь-честью, — ему крышка, пиши пропало!

И горячо сталъ доказывать, что рано и быстро созрѣваютъ только геніи, или же люди способные, то-есть не оригинальные, таланта, въ сущности, лишенные, потому что способность чаще всего равняется умѣнью приспособляться, и живетъ она легко, а талантъ растетъ, какъ все живое, постепенно ищетъ проявить себя, сбивается съ пути...

— Ахъ, съ какой чепухи я началъ, Боже мой, съ какой чепухи!—говорилъ онъ.

Если бы онъ даже ничего не написалъ, кромѣ „Скоропостижной конской смерти“ или „Романа съ контрабасомъ“, то и тогда можно было бы сказать, что въ русской литературѣ блеснулъ и исчезъ удивительный умъ, потому что вѣдь выдумать и умѣть сказать хорошую нелѣпость, хорошую шутку могутъ только очень умные люди, тѣ, у которыхъ умъ „по всѣмъ жилушкамъ переливается“. И самъ онъ чрезвычайно цѣнилъ этотъ талантъ, талантъ шутки, и тѣхъ, которые быстро улавливаютъ шутку:

— Да-съ, это ужъ вѣрнѣйшій признакъ: не понимаетъ человѣкъ шутки,—пиши пропало!

— А чаще всего,—сказалъ я однажды,—страдаютъ этимъ женщины. Кажись, и умна, а не понимаетъ!

— Ахъ, да, да. И знаете: это ужъ не настоящій умъ, будь человѣкъ хоть семи пядей во лбу.

По берегамъ Черпаго моря работаетъ много турокъ, кавказцевъ. Зная то недоброжелательство, смѣшанное съ презрѣніемъ, какое есть у насъ къ инородцамъ, онъ не упускалъ случая съ восхищеніемъ сказать, какой это трудолюбивый, честный, набожный народъ.

Онъ мало ѣлъ, мало спалъ, очень любилъ порядокъ. Въ комнатахъ его была удивительная чистота, спальня была похожа на дѣвичью. Какъ ни слабъ бывалъ онъ порою, ни малѣйшей поблажки не давалъ онъ себѣ въ одеждѣ: одѣтъ былъ всегда такъ, что хоть въ незнакомый домъ въ гости.

Руки у него были большія, сухія, пріятныя.

Какъ почти всѣ, кто много думаетъ, онъ нерѣдко забывалъ то, что̀ уже не разъ говорилъ.

Въ основѣ его натуры, повторяю, лежала жизнерадостность. Какъ только чувствовалъ онъ себя мало-мальски сносно, онъ преображался.

Но помню и его молчаніе, покашливаніе, прикрываніе глазъ, думу̀ на лицѣ, спокойную и печальную, почти важную. Только не „грусть“, не „теплоту“, не „задушевность“.

Крымскій зимній день, сѣрый, прохладный, сонныя, густыя облака на Яйлѣ. Въ чеховскомъ домѣ тихо, мѣрный стукъ будильника изъ комнаты Евгеніи Яковлевны. Онъ, безъ пояса,

сидитъ въ кабинетѣ за письменнымъ столомъ, не спѣша, аккуратно записываетъ что-то. Потомъ встаетъ, надѣваетъ пальто, шляпу, кожаныя мелкія калоши, уходитъ куда-то, гдѣ стоитъ мышелевка. Возвращается, держа за кончикъ хвоста живую мышь, выходитъ на крыльцо, медленно проходитъ садъ, вплоть до ограды, за которой татарское кладбище на каменистомъ бугрѣ. Осторожно бросаетъ туда мышь и, внимательно оглядывая молодыя деревца, идетъ къ скамеечкѣ среди сада. За нимъ бѣжитъ журавль, двѣ собачонки. Сѣвъ, онъ осторожно играетъ тросточкой съ одной изъ собачонокъ, упавшей у его ногъ на спину, усмѣхается: блохи ползутъ по розовому брюшку... Потомъ, прислонясь къ скамьѣ, смотритъ куда-то вдаль, на Яйлу, поднявъ лицо, что-то спокойно думая. Сидитъ такъ часъ, полтора...

Была ли въ его жизни любовь страстная, „романтическая“, слѣпая?

Думаю, нѣтъ. И это очень знаменательно. А жаждать такой любви онъ, несомнѣнно, могъ. Удивительно зналъ онъ женское сердце, тонко и сильно чувствовалъ женственность, среди образовъ, рождавшихся въ его мечтѣ, есть образы плѣнительные, много было любившихъ его, и рѣдко кто умѣлъ такъ, какъ онъ, говорить съ женщинами, трогать ихъ, входить съ ними въ душевную близость...

Не въ томъ ли разгадка, что ужъ очень зоркіе глаза далъ ему Богъ?

„Любовь,—писалъ онъ въ своей записной книжкѣ,—это или остатокъ чего-то вырождающагося, бывшаго когда-то громаднымъ, или же это часть того, что въ будущемъ разовьется въ нѣчто громадное, въ настоящемъ же оно не удовлетворяетъ, даетъ гораздо меньше, чѣмъ ждешь“.

Что думалъ онъ о смерти?

Много разъ старательно-твердо говорилъ онъ мнѣ, что безсмертіе, жизнь послѣ смерти въ какой бы то ни было формѣ—сущій вздоръ:

— Это суевѣріе. А всякое суевѣріе ужасно. Надо мыслить ясно и смѣло. Мы какъ-нибудь потолкуемъ съ вами объ этомъ основательно. Я, какъ дважды-два—четыре, докажу вамъ, что безсмертіе—вздоръ.

Но потомъ нѣсколько разъ еще тверже говорилъ прямо противоположное:

— Ни въ какомъ случаѣ не можемъ мы исчезнуть безъ

слѣда. Обязательно будемъ жить послѣ смерти. Безсмертіе— фактъ. Вотъ, погодите, я докажу вамъ это.

Но такъ и не доказалъ.

Послѣднее время онъ часто мечталъ вслухъ:

— Стать бы бродягой, странникомъ, ходить по святымъ мѣстамъ, поселиться въ монастырѣ среди лѣса, у озера, сидѣть лѣтнимъ вечеромъ на лавочкѣ возлѣ монастырскихъ воротъ...

До самой смерти росла его душа!

Его „Архіерей“ прошелъ незамѣченнымъ — не то что „Вишневый садъ“ съ большими бумажными цвѣтами, невѣроятно густо бѣлѣющими за театральными окнами. И кто знаетъ, что̀ было бы, не будь „Винта“, „Мужиковъ“, Художественнаго театра!

„Черезъ мѣсяцъ былъ назначенъ новый викарный архіерей, а о преосвященномъ Петрѣ уже никто не вспоминалъ. А потомъ и совсѣмъ забыли. И только старуха, мать покойнаго, которая живетъ теперь въ глухомъ уѣздномъ городишкѣ, когда выходила подъ вечеръ, чтобы встрѣтить свою корову, и сходилась на выгонѣ съ другими женщинами, то начинала разсказывать о дѣтяхъ, о внукахъ, о томъ, что у нея былъ сынъ архіерей, и при этомъ говорила робко, боясь, что ей не повѣрятъ... И ей въ самомъ дѣлѣ не всѣ вѣрили“.

Послѣднее письмо я получилъ отъ него въ серединѣ іюня, десять лѣтъ тому назадъ, живя въ деревнѣ. Оно было коротко и, какъ всегда почти, шутливо; между прочимъ, въ немъ сообщалось, что чувствуетъ онъ себя недурно, что для него заказанъ бѣлый костюмъ... Четвертаго іюля я поѣхалъ верхомъ въ село на почту, забралъ тамъ газеты, письма и завернулъ къ кузнецу перековать лошади ногу. Былъ жаркій и сонный степной день, съ тусклымъ блескомъ неба, съ горячимъ южнымъ вѣтромъ. Я развернулъ газету, сидя на порогѣ кузнецовой избы,—и вдругъ точно ледяная бритва полоснула мнѣ по̀ сердцу...

VI. 1914.

РѢЧЬ НА ЮБИЛЕѢ „РУССКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“.

Привѣтствую „Русскія Вѣдомости“ съ благодарностью за то, что̀ дали онѣ русской литературѣ, и за ихъ отношеніе къ ней. Не останавливаюсь на томъ, что̀ непосредственно прошло черезъ „Русскія Вѣдомости“ и осталось въ литературѣ: столбцы ихъ украшались именами безспорными — именами Толстого, Чернышевскаго, Салтыкова, Глѣба Успенскаго, Чехова, Короленко. Отмѣчу только то, что имена эти были не случайными на этихъ столбцахъ, что они не терялись въ пестромъ спискѣ другихъ именъ, что до послѣдняго времени окружены они были именами, если и меньшими, то всегда приблизительно того же порядка и цѣнности опредѣленной, устойчивой, а не созданной тѣми или иными обстоятельствами. Другая заслуга „Русскихъ Вѣдомостей“ не менѣе, если не болѣе важна: это — позиція, которую занимали онѣ по отношенію къ литературѣ за послѣднія пятнадцать, двадцать лѣтъ, и воздѣйствіе ихъ на нее, прямое и косвенное. Трудно учесть это воздѣйствіе, каждодневное воздѣйствіе всякой газеты; но несомнѣнно, что оно огромно, а у насъ и за послѣднее время — особенно. Наша читающая масса еще мало-культурна; газета для нея еще въ новинку и дѣйствуетъ на умы рѣзко. А потребность въ газетѣ растетъ съ каждымъ днемъ; растетъ и число газетъ и распространеніе ихъ. А мы — еще далеко не европейцы; мы еще не чувствуемъ въ той мѣрѣ, какъ европеецъ, грани между печатнымъ словомъ истинно-литературнымъ и такъ называемымъ бульварнымъ; да у насъ еще и не обозначилась какъ слѣдуетъ эта грань. „Намъ печатный листъ все еще кажется святымъ“, — сказалъ Пушкинъ, и мы еще должны помнить эти слова. У насъ не рѣдкость, что не только газета, претендующая быть литературнымъ органомъ,

по и журналъ удѣляетъ столько же мѣста и столько же серьезности при разборѣ „Хаджи-Мурата“, какъ при разборѣ произведенія, недалеко ушедшаго отъ какого-нибудь „Разбойника Чуркина“. Мы еще не совсѣмъ понимаемъ, что̀ такое реклама, — мы, какъ провинціалъ: видимъ вывѣску — „центральный магазинъ“ — и полагаемъ, что этотъ магазинъ и впрямь центральный. Подумайте же, что̀ значитъ для насъ газета въ то время, когда мы съ такой быстротой европеизируемся, демократизируемся, порождаемъ буржуазію, пролетаріатъ, выходимъ на улицу, начинаемъ жить сложной, пестрой жизнью и все болѣе входимъ во вкусъ газеты, подпадаемъ подъ ея вліяніе! А вѣдь писатель испытываетъ вліяніе двойное, — власть и газеты и толпы. Много ли тѣхъ, что̀ могутъ противиться этой власти, жаждѣ править толпѣ, жаждѣ вырвать у нея славу, даже хотя бы скандальную? Такихъ стойкихъ всегда было мало, а у насъ, теперь, особенно мало, да иначе и быть не можетъ: вѣдь и писатель нашъ мало культуренъ, онъ не менѣе нервированъ смѣной событій и настроеній и столь же мало подготовленъ къ нашей новой, ломающейся жизни, не говоря уже о томъ, что русская дѣйствительность сдѣлала все возможное, чтобы искалѣчить насъ, что она дала намъ такіе ужасающіе контрасты, какъ шестидесятые, семидесятые годы, а вслѣдъ за ними — восьмидесятые, дала девяностые — и начало девятисотыхъ! Вы, господа, слишкомъ хорошо знаете, чѣмъ была русская жизнь за послѣднія двадцать лѣтъ, знаете всѣ радостныя и всѣ уродливыя или ужасныя явленія ея. Чѣмъ же была русская литература за эти годы? По необходимости отвѣчая на этотъ вопросъ кратко, въ самыхъ общихъ чертахъ, я долженъ твердо сказать, что уродливыхъ, отрицательныхъ явленій было въ ней во сто кратъ болѣе, чѣмъ положительныхъ, что литература эта находилась въ періодѣ во всякомъ случаѣ болѣзненномъ, въ упадкѣ, въ судорогахъ и метаніяхъ изъ стороны въ сторону. И тысячу разъ былъ правъ Толстой, когда говорилъ: „На моей памяти совершилось поразительное пониженіе литературы, пониженіе вкуса и здраваго смысла читающей публики“. Толстой причину этого видитъ въ развитіи рекламы, въ приспособленіи писателей и вообще печатнаго слова ко вкусамъ и интересамъ наибольшаго числа потребителей, ко вкусамъ „всегда грубымъ и низкимъ“, по его опредѣленію. Но у насъ, въ Россіи, есть и другія причины этого паденія художественныхъ произведеній и вообще печатнаго слова. Каковы онѣ, эти причины? На мой взглядъ, вотъ одна изъ нихъ. Былъ извѣстный укладъ въ русской жизни, тяжелый во многихъ от-

ношеніяхъ, но — укладъ. Онъ долженъ былъ разрушиться, исчезнуть — и почти исчезъ. Была извѣстная культура, не глубокая, не имѣвшая крѣпкихъ, вѣковыхъ корней: она тоже осуждена была на исчезновеніе еще въ тѣ дни, когда „порвалась цѣпь великая". Успѣла ли эта культура создать себѣ преемницу, основать прочныя культурныя традиціи? Вы знаете, что нѣтъ. Писатель-„разночинецъ" шестидесятыхъ, семидесятыхъ годовъ еще дышалъ этой культурой, да и само время опредѣляло его путь, направляло его. Этотъ „разночинецъ" странствовалъ, спивался, страдалъ, болѣлъ, но это была другая болѣзнь, это были муки совѣсти, сердца, — и вы знаете, что это сердце бывало порою поистинѣ „золотымъ сердцемъ". Теперь въ литературу пришелъ новый „разночинецъ", духовный разночинецъ, уже совсѣмъ почти традицій лишенный, сбитый съ толку годами восьмидесятыми, девяностыми, а кромѣ того и тѣмъ, что должно было встрѣтиться съ нимъ, — европейскими вліяніями. Я говорю не о всѣхъ представителяхъ современной литературы. Я говорю о типѣ писателя, еще такъ недавно преобладавшемъ. Каковъ же этотъ писатель? Онъ, мало-культурный, чуть не подростокъ во многихъ и многихъ отношеніяхъ, и началъ и жилъ эксцессами, крайностями и—подражаніемъ, чужимъ добромъ. Онъ нахватался лишь верхушекъ кое-какихъ знаній и культуры, а возгордился чрезмѣрно. Онъ попалъ въ струю тѣхъ теченій, что шли съ Запада,—и охмелѣлъ отъ нихъ и внезапно заявилъ, что и онъ „декадентъ", „символистъ", что и онъ требуетъ самой коренной ломки всего существующаго въ искусствѣ и самыхъ новѣйшихъ формъ его (какъ будто форма отдѣлима отъ содержанія, какъ будто форма не есть послѣдствіе, порожденіе индивидуальности таланта и того, что онъ хочетъ сказать). Конечно, все это было бы совсѣмъ смѣшно, когда бы не было грустно: грустно потому, что нѣтъ дѣйствій безъ причинъ, а на причины—и горестныя—я уже указывалъ; смѣшно же потому, что развѣ не нелѣпо было это требованіе баррикадъ и битвъ за свободу въ литературѣ русской, одной изъ самыхъ молодыхъ, одной изъ свободнѣйшихъ и разносторонняѣйшихъ литературъ въ мірѣ? Понятны были литературныя революціи въ Европѣ, эти битвы классицизма съ романтизмомъ, романтизма съ реализмомъ тамъ, гдѣ были долголѣтнія твердыни ихъ. А во имя чего начался нашъ бунтъ? Развѣ не у насъ былъ Пушкинъ и почти рядомъ съ нимъ — Лермонтовъ, Левъ Толстой — и Достоевскій, Фетъ — и Некрасовъ, Алексѣй Толстой — и Майковъ? Развѣ не съ чужого голоса закричали мы и продолжаемъ кричать? — Да,

такъ вотъ каково было, господа, начало. Нужно ли мнѣ напоминать дальнѣйшее? Здѣсь не мѣсто и не время для этого. Я только напомню вамъ, какое невѣроятное количество школъ, направленій, настроеній, призывовъ, буйныхъ славъ и паденій видѣли мы за послѣдніе годы! Послушайте писателя новаго типа: онъ, на своемъ пошломъ жаргонѣ, своими устами или устами своего критика,—и чаще всего газетнаго,—скажетъ вамъ, что онъ создалъ несмѣтное количество новыхъ цѣнностей, преобразовалъ прозаическій языкъ, возвелъ на высоту и обогатилъ стихотворный, затронулъ глубочайшіе вопросы духа, „выявилъ“ новую психику, поставилъ себѣ великія „заданія“, стремится къ великимъ „достиженіямъ“ и „возможностямъ“, онъ, не стыдясь, назоветъ себя „мудрымъ“, „многограннымъ“, „дерзновеннымъ“, „солнечнымъ“... А межъ тѣмъ, за немногими исключеніями, не только не создано за послѣдніе годы никакихъ новыхъ цѣнностей, а, напротивъ, произошло невѣроятное обнищаніе, оглупѣніе и омертвѣніе русской литературы:

Не многое исчезло: совѣсть, чувство,
Тактъ, мѣра, умъ... Растетъ словесный блудъ...

Исчезли драгоцѣннѣйшія черты русской литературы: глубина, серьезность, простота, непосредственность, благородство, прямота — и моремъ разлилась вульгарность, надуманность, лукавство, хвастовство, фатовство, дурной тонъ, напыщенный и неизмѣнно фальшивый. Испорченъ русскій языкъ (въ тѣсномъ содружествѣ писателя и газеты), утеряно чутье къ ритму и органическимъ особенностямъ русской прозаической рѣчи, опошленъ или доведенъ до популѣйшей легкости—называемой „виртуозностью“—стихъ, опошлено все, вплоть до самаго солнца, которое неизмѣнно пишется теперь съ большой буквы, къ которому можно чувствовать теперь уже ненависть, ибо вѣдь „все можно опошлить высокимъ стилемъ“, какъ сказалъ Достоевскій. Вы вспомните, господа, чего только ни продѣлывали мы съ нашей литературой за послѣдніе годы, чему только ни подражали мы, чего только ни имитировали, какихъ стилей и эпохъ ни брали, какимъ богамъ ни поклонялись! Буквально каждая зима приносила намъ новаго кумира. Мы пережили и декадансъ, и символизмъ, и нео-натурализмъ, и порнографію—называвшуюся разрѣшеніемъ „проблемы пола“, и богоборчество, и мивотворчество, и какой-то мистическій анархизмъ, и Діониса, и Аполлона, и „пролеты въ вѣчность“, и садизмъ, и снобизмъ, и „пріятіе міра“, и „непріятіе міра“, и лубочныя подѣлки подъ русскій стиль, и адамизмъ, и акмеизмъ—

и дошли до самаго плоскаго хулиганства, называемаго нелѣпымъ словомъ „футуризмъ“. Это ли не Вальпургіева ночь! И сколько скандаловъ было въ этой ночи! Чуть не всѣ наши кумиры начинали свою карьеру со скандала! И какую поистинѣ огромную роль играла во всемъ этомъ газета!

„Русскія Вѣдомости“ не есть эта газета. „Русскія Вѣдомости“ одна изъ тѣхъ немногихъ газетъ, которыя никого не рекламировали, не гонялись за сенсаціей, не создавали скороспѣлыхъ репутацій, со спокойствіемъ отмѣчали плюсы и минусы писателей и перворазрядныхъ и второстепенныхъ. „Русскія Вѣдомости“ проявляли отношеніе неизмѣнно безпристрастное даже и къ тѣмъ, которые послѣ шумной „славы“ падали и подвергались въ другихъ изданіяхъ, ранѣе превозносившихъ ихъ, издѣвательству. „Русскія Вѣдомости“ отмѣчали,—конечно, съ своей точки зрѣнія, съ которой можно и не соглашаться,—все цѣнное даже и у тѣхъ, которые по общему своему направленію совсѣмъ не подходили къ нимъ. „Русскія Вѣдомости“ замалчивали нелѣпости литературы послѣднихъ лѣтъ, справедливо полагая, что то вниманіе, которое, въ угоду толпѣ, обращалось на нихъ, лишь содѣйствуетъ ихъ развитію, ихъ популярности, хотя бы и скандальной. „Русскія Вѣдомости“ протестовали противъ тѣхъ теченій въ литературѣ, которыя задавались цѣлью совершенно устранить изъ литературы этическій элементъ, проповѣдывать полную разнузданность все себѣ позволяющей личности, прославлять подъ видомъ утонченности самый простой и старый, какъ міръ, развратъ, искоренить идеи общественности, разрушить вѣру въ силу разума и нагонять мистическіе туманы, шаткія метафизическія построенія, часто нарочито сочиненныя, собственнаго издѣлія и весьма слабо продуманныя. прославлять смерть, квіетизмъ и даже самоубійство. „Русскія Вѣдомости“ порою указывали и на происхожденіе того, чѣмъ жила наша литература за послѣдніе годы: на общую расшатанность, неустойчивость нашей общественной мысли и неорганизованность общественнаго мнѣнія, на нашу подражательность Европѣ, большею частью жалкую, ученическую.—очень нерѣдко сводившуюся даже къ плагіатамъ,—на низкія стремленія выдѣлиться не оригинальностью, а оригинальничаньемъ, на что имѣлся особо бойкій спросъ со стороны нашей уродливо формирующейся буржуазіи и всѣхъ праздныхъ слоевъ общества, на увлеченія нѣкоторыхъ изъ писателей, хотя и искреннихъ, но неспособныхъ вслѣдствіе отсутствія истинной культурности разобраться въ явленіяхъ жизни, въ различныхъ теоріяхъ. смѣшивающихъ движеніе впередъ съ чисто-дикарскимъ отрицаніемъ заслугъ

всѣхъ своихъ предшественниковъ, несовершенство научныхъ методовъ съ крахомъ науки, дерзновенные полеты мысли съ дерзостью, ростъ и разносторонность индивидуальности съ развращенностью ея... Толстой въ статьѣ, которую я цитировалъ, особенно упираетъ на тѣ *поддѣлки* подъ художественныя произведенія, которыя въ такомъ огромномъ количествѣ появляются въ наше время, и на роль газеты, журнала, критики, проводящихъ въ жизнь эти поддѣлки. „Отъ газетъ, журналовъ, критики,—говоритъ онъ,—зависитъ вся будущность просвѣщенія европейскаго міра“. Господа, за „Русскія Вѣдомости“ вы могли быть спокойны. „Русскія Вѣдомости“— одинъ изъ самыхъ благородныхъ органовъ печати во всей Европѣ. Поклонимся же имъ за это благородство.

Москва. 6. X. 1913.

АВТОБІОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА.

Письмо къ С. А. Венгерову.

Просьбу дать для „Русской литературы XX в.“ свѣдѣнія о моей жизни и литературной дѣятельности могу въ настоящее время исполнить только частично—кратко сообщить только кое-что.

Я родился 10 октября 1870 г. Отца моего звали Алексѣемъ Николаевичемъ, мать—Людмилой Александровной (въ дѣвичествѣ Чубаровой).

О родѣ Буниныхъ я кое-что знаю. Родъ этотъ далъ замѣчательную женщину начала прошлаго вѣка, поэтессу А. П. Бунину и поэта В. А. Жуковскаго (незаконнаго сына А. И. Бунина); въ нѣкоторомъ родствѣ мы съ бр. Кирѣевскими, Протасами, Юшковыми, Воейковыми, Булгаковыми, Соймоновыми; о началѣ нашемъ въ „Гербовникѣ дворянскихъ родовъ“ сказано, между прочимъ, слѣдующее: „Родъ Буниныхъ происходитъ отъ Симеона Буковскаго, мужа знатнаго, выѣхавшаго въ XV в. изъ Польши къ Великому Князю Василію Васильевичу. Правнукъ его Александръ Лаврентьевъ сынъ Бунинъ служилъ по Владимиру и убитъ подъ Казанью. Стольникъ Козма Леонтьевъ Бунинъ жалованъ за службу и храбрость на помѣстья Грамотой. Равнымъ образомъ и другіе многіе Бунины служили воеводами и въ иныхъ чинахъ и владѣли деревнями. Все сіе доказывается бумагами Воронежскаго Дворянскаго Депутатскаго Собранія о внесеніи рода Буниныхъ въ родословную книгу въ VI часть, въ число древняго дворянства“...

Родъ (тоже древне-дворянскій) Чубаровыхъ мнѣ почти невѣдомъ. Знаю только, что Чубаровы — дворяне Костромской, Московской, Орловской и Тамбовской губерній, и что были у дѣда и у отца матери имѣнія въ Орловскомъ и Трубчевско-

уѣздахъ. Да и сами Чубаровы знали о себѣ, вѣроятно, не больше: съ полнымъ пренебреженіемъ къ сохраненію свидѣтельствъ о родовыхъ связяхъ жили наши дворяне. Я же чуть не съ отрочества былъ вольнодумецъ, вполнѣ равнодушный не только къ своей голубой крови, но и къ полной утратѣ всего того, что было связано съ нею: исключительно-поэтическими были мои юношескія, да и позднѣйшія „дворянскія элегіи“, которыхъ, кстати сказать, у меня гораздо меньше, чѣмъ видѣли нѣкоторые мои критики, часто находившіе черты личной жизни и личныхъ чувствъ даже въ тѣхъ моихъ писаніяхъ, гдѣ и слѣда нѣтъ ихъ, и вообще многое навязавшіе мнѣ.

Прадѣдъ мой по отцу былъ богатъ. У дѣда была земля въ Орловской губерніи (въ Елецкомъ уѣздѣ), въ Тамбовской и Воронежской, но, кажется, понемногу. Дѣда братья его обдѣлили. Онъ былъ не совсѣмъ нормальный, „тронувшійся“ человѣкъ. Наслѣдство осталось отъ него не Богъ вѣсть какое, отецъ же и того не поощрилъ. Безпечень и расточителенъ онъ былъ необыкновенно. А крымская кампанія, въ которой онъ участвовалъ „охотникомъ“, какъ тогда выражались, и переѣздъ въ семидесятомъ году въ Воронежъ „для воспитанія дѣтей“, моихъ старшихъ братьевъ Юлія и Евгенія, способствовали нашему разоренію особенно. Въ Воронежѣ-то и родился я. Тамъ прошли первые три года моей жизни. (Очень слабо, но все-таки помню кое-что изъ того времени). Но расти въ городѣ мнѣ не пришлось. Страсть къ клубу, къ винту и картамъ заставили отца черезъ три съ половиной года возвратиться въ Елецкій уѣздъ, гдѣ онъ поселился на своемъ хуторѣ Бутырки. Тутъ, въ глубочайшей полевой тишинѣ, среди богатѣйшей по черноземy и бѣднѣйшей по виду природы, лѣтомъ среди хлѣбовъ, подступавшихъ къ самымъ нашимъ порогамъ, а зимой среди сугробовъ, и прошло все мое дѣтство, полное поэзіи печальной и своеобразной.

Отецъ, человѣкъ необыкновенно сильный и здоровый физически, былъ до самаго конца своей долгой жизни и духомъ почти столь же здоровъ и бодръ. Уныніе овладѣвало имъ въ самыхъ тяжелыхъ положеніяхъ на минуту, гнѣвъ—онъ былъ очень вспыльчивъ—и того меньше. До тридцати лѣтъ, до похода въ Крымъ, онъ не зналъ вкуса вина. Затѣмъ сталъ пить и пилъ временами ужасно, хотя не имѣлъ, кажется, ни одной типической черты алкоголика, совсѣмъ не пилъ иногда по нѣсколько лѣтъ (я рожденъ какъ разъ въ одинъ изъ такихъ свѣтлыхъ промежутковъ) и не соединялъ съ этой страстью никакихъ другихъ дурныхъ страстей. Учился онъ недолго (въ Орловской гимназіи), ученье терпѣть не могъ, но читалъ

все, что̀ попадало подъ руку, съ большой охотой. Умъ его, живой и образный,—онъ и говорилъ всегда удивительно энергическимъ и картиннымъ языкомъ, — не переносилъ логики; характеръ—порывистый, рѣшительный, открытый и великодушный—преградъ. Все его существо было столь естественно и наивно пропитано ощущеніемъ своего барскаго происхожденія, что я не представляю себѣ круга, въ которомъ онъ смутился бы. Но даже его крѣпостные говорили, что „во всемъ свѣтѣ нѣтъ проще и добрѣй“ его. То, что̀ было у матери, онъ тоже прожилъ, частью даже раздарилъ, ибо у него была какая-то неутолимая жажда раздавать. Постоянная охота, постоянная жизнь на воздухѣ много помогли тому, что этотъ хорошій, интересный и по натурѣ даровитый человѣкъ умеръ восьмидесяти лѣтъ, легко и спокойно.

Мать ни въ чемъ не походила на него—кромѣ развѣ доброты и здоровья, въ силу котораго она прожила тоже долго, несмотря на всѣ горести своей жизни, на астму, изнурявшую ее въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ, и на тяжкій постъ, который она, по своей горячей религіозности, возложила на себя и съ рѣдкой стойкостью переносила лѣтъ двадцать пять, вплоть до самой кончины. Отецъ ея тоже пилъ, но по-иному, культурнѣе, если можно такъ выразиться; послуживъ въ военной службѣ, побывавъ за границей, поживъ въ Варшавѣ, онъ вообще выдѣлялся среди помѣщиковъ, и воспитана была Людмила Александровна тоньше, чѣмъ Алексѣй Николаевичъ. Характеръ у нея былъ нѣжный,—что̀ не исключало большой твердости при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ,—самоотверженный, склонный къ грустнымъ предчувствіямъ, къ слезамъ и печали. Преданность ея семьѣ, дѣтямъ, которыхъ у нея было девять человѣкъ, и изъ которыхъ она пятерыхъ потеряла, была изумительна, разлука съ ними — невыносима. Въ пору же моего дѣтства старшіе мои братья были вдали отъ нея, отецъ все отлучался въ тамбовское имѣніе, пропадалъ на охотѣ, жилъ не по средствамъ, и, значитъ, немало было и существенныхъ поводовъ для ея слезъ.

Неизмѣнная бодрость отца и вообще нѣкоторыя его черты стали дѣйствовать на меня, въ противовѣсъ ея вліянію, и сказываться во мнѣ наслѣдственно лишь позднѣе. Рѣдко, повторяю, и бывалъ онъ съ нами. А „дворня“ наша невелика была, съ сосѣдями и родственниками мы въ ту пору видѣлись мало, сверстниковъ я не имѣлъ, — сестра Маша была еще совсѣмъ ребенокъ,—игрушекъ, развлеченій и склонности къ нимъ — тоже, впечатлителенъ былъ чрезвычайно. Все, помню, дѣйствовало на меня: новое лицо, какое-нибудь со-

бытіе, пѣсня въ полѣ, разсказъ странника, таинственныя лощины за хуторомъ, легенда о какомъ-то бѣгломъ солдатѣ, едва живомъ отъ страха и голода и скрывавшемся въ нашихъ хлѣбахъ, воронъ, все прилетавшій къ намъ на ограду и поразившій мое воображеніе особенно тѣмъ, что жилъ онъ, какъ сказала мнѣ мать, еще, можетъ, при Иванѣ Грозномъ, предвечернее солнце въ тѣхъ комнатахъ, что̀ глядѣли за вишневый садъ, на западъ... Мать и дворовые любили разсказывать — отъ нихъ я много наслушался и пѣсенъ и разсказовъ, слышалъ, между прочимъ, „Аленькій цвѣточекъ“, „О трехъ старцахъ“, — то, что̀ потомъ читалъ у Аксакова, Толстого. Имъ же я обязанъ и первыми познаніями въ языкѣ,— нашемъ богатѣйшемъ языкѣ, въ которомъ, благодаря географическимъ и историческимъ условіямъ, слилось и претворилось столько нарѣчій и говоровъ чуть не со всѣхъ концовъ Руси.

Лѣтъ съ семи началась для меня жизнь, тѣсно связанная въ моихъ воспоминаніяхъ съ полемъ, съ мужицкими избами, а потомъ и съ ними, и съ моимъ воспитателемъ. Чуть не все свободное отъ ученья время я, вплоть до поступленія въ гимназію, да и пріѣзжая изъ гимназіи на каникулы, провелъ въ ближайшихъ отъ Бутырокъ деревушкахъ, у нашихъ бывшихъ крѣпостныхъ и у однодворцевъ. Явились друзья, и порой я по цѣлымъ днямъ стерегъ съ ними въ полѣ скотину... А воспитателемъ моимъ былъ престранный человѣкъ — сынъ предводителя дворянства, учившійся въ Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ, одно время бывшій преподавателемъ въ Осташковѣ, Тамбовѣ и Кирсановѣ, но затѣмъ спившійся, порвавшій всѣ связи родственныя и общественныя и превратившійся въ скитальца по деревнямъ и усадьбамъ. Онъ неожиданно привязался ко всѣмъ намъ, а ко мнѣ особенно, и этой привязанностью и своими безконечными разсказами—онъ не мало наглядѣлся, бродя по свѣту, и былъ довольно начитанъ, владѣя тремя языками—вызвалъ и во мнѣ горячую любовь къ себѣ. Онъ мгновенно выучилъ меня читать (по „Одиссеѣ“ Гомера), распалялъ мое воображеніе, разсказывая то о медвѣжьихъ осташковскихъ лѣсахъ, то о Донъ-Кихотѣ,—и я положительно бредилъ рыцарствомъ!—поминутно будилъ мою мысль своими оригинальными, порой даже не совсѣмъ понятными мнѣ разговорами о жизни, о людяхъ. Онъ игралъ на скрипкѣ, рисовалъ акварелью, а съ нимъ вмѣстѣ иногда по цѣлымъ днямъ не разгибался и я, до тошноты насасываясь съ кисточки водой, смѣшанной съ красками,—и на всю жизнь запомнилъ то несказанное счастье, которое

принесъ мнѣ первый коробокъ этихъ красокъ: на мечтѣ стать художникомъ, на разглядываніи неба, земли, освѣщенія у меня было довольно долгое помѣшательство. Онъ писалъ стихи,—сатирическія вирши на злобы дня,—и вотъ написалъ стихотвореніе и я, но совсѣмъ не злободневное, а о какихъ-то духахъ въ горной долинѣ, въ лунную полночь. Мнѣ было тогда лѣтъ восемь, но я до сихъ поръ такъ ясно помню эту долину, точно вчера видѣлъ ее наяву. Вообще я многое представлялъ себѣ тогда чрезвычайно живо и точно.

Училъ меня мой воспитатель, однако, очень плохо, чему попало и какъ попало. Изъ языковъ онъ больше всего налегалъ почему-то на латынь, и не мало тяжкихъ дней провелъ я въ зубрежкѣ латинской грамматики.

Года за два до поступленія въ гимназію (поступилъ я туда на одиннадцатомъ году) я испыталъ еще одну страсть — къ житіямъ святыхъ, и началъ поститься, молиться... Страсть эта, вначалѣ сладостная, превратилась затѣмъ, благодаря смерти моей маленькой сестры Нади, въ мучительную, въ тоску, длившуюся цѣлую зиму, въ постоянную мысль о томъ, что̀ за гробомъ. Излѣчила меня, помню, весна. Отзвукомъ этого осталось то упоеніе, съ какимъ отдавался я иногда пѣнію всенощныхъ бдѣній въ елецкихъ церквахъ, куда водило насъ, гимназистовъ, наше начальство, хотя вообще церковныхъ службъ я не любилъ. (Теперь люблю — въ древнихъ русскихъ церквахъ и иновѣрческія, т.-е. католическія, мусульманскія, буддійскія — хотя никакой ортодоксальной вѣры не держусь).

Гимназія и жизнь въ Ельцѣ оставили во мнѣ впечатлѣнія далеко не радостныя,—извѣстно, что̀ такое русская, да еще уѣздная гимназія, и что̀ такое уѣздный русскій городъ. Рѣзокъ былъ и переходъ отъ совершенно свободной жизни въ полѣ, отъ заботъ матери къ жизни въ городѣ, къ нелѣпымъ строгостямъ въ гимназіи и къ тяжкому быту тѣхъ мѣщанскихъ и купеческихъ домовъ, гдѣ мнѣ пришлось жить нахлѣбникомъ. Учился я сперва хорошо, воспринималъ почти все легко, потомъ хуже: новая жизнь сдѣлала то, что я сталъ хворать, сталъ чрезмѣрно нервенъ, да еще на бѣду влюбился, а влюбленность моя въ ту пору, какъ, впрочемъ, и позднѣе, въ молодости, была хотя и чужда нечистыхъ помысловъ, но восторженна. Дѣло кончилось тѣмъ, что я вышелъ изъ гимназіи.

Читалъ я въ дѣтствѣ мало и не скажу, чтобы ужъ такъ жаждалъ книгъ, но, вѣроятно, прочиталъ почти все, что̀ было у насъ въ домѣ и что̀ еще не пошло на цыгарки тѣмъ при-

живальщикамъ, прежнимъ слугамъ-друзьямъ отца, что иногда гостили у насъ, и до сихъ поръ еще помню, какъ читалъ я „Англійскихъ поэтовъ“ Гербеля, „Робинзона“, затасканный томъ „Живописнаго Обозрѣнія“, кажется, за 1878 г., чью-то книгу съ картинками подъ заглавіемъ „Земля и люди“... Суть того чувства, что вызывали во мнѣ эти книги, и до сихъ поръ жива во мнѣ, но ее трудно выразить. Главное заключалось въ томъ, что я видѣлъ то, что читалъ,—впослѣдствіи даже слишкомъ остро,—и это давало какое-то особое наслажденіе.

Въ гимназіи многое изъ того, что обычно читается въ такіе годы, мнѣ совсѣмъ не нравилось. (Изъ того, что произвело на меня въ первые гимназическіе годы особенно поэтическое и восторженное впечатлѣніе, вспоминается сейчасъ „Колоколъ“ Андерсена). И стиховъ въ гимназіи я почти не писалъ, хотя до чужихъ былъ жаденъ и отличался способностью запоминать наизусть чуть не цѣлую страницу даже гекзаметра, только разъ пробѣжавъ ее. (Память у меня вообще хорошая,—то, что интересуетъ, запоминаю крѣпко,—но насилія не терпитъ: убѣдился въ этомъ еще въ ранней молодости, когда, по гоголевской манерѣ, пытался упражняться въ наблюдательности).

Зато необыкновенно много исписалъ я бумаги и прочелъ за тѣ четыре года, что прожилъ послѣ гимназіи въ елецкой деревнѣ Озеркахъ, въ имѣніи, перешедшемъ къ намъ отъ умершей бабки Чубаровой. Дома я снова быстро окрѣпъ, сразу возмужалъ, развился, исполнился радостнаго ощущенія все растущей молодости и силъ. Тутъ какъ разъ на цѣлыхъ три года выслали къ намъ брата Юлія, уже кончившаго университетъ и пробывшаго годъ въ тюрьмѣ по политическимъ дѣламъ, и онъ прошелъ со мной весь гимназическій курсъ, занимался со мной языками, читалъ мнѣ начатки психологіи, философіи, общественныхъ и естественныхъ наукъ; кромѣ того, мы безъ конца вели съ нимъ разговоры о литературѣ. И помню, что въ ту пору мнѣ все казалось очаровательно: и люди, и природа, и старинный, съ цвѣтными окнами домъ бабки, и сосѣднія усадьбы, и охота, и книги, одинъ видъ которыхъ давалъ мнѣ почти физическое наслажденіе, и каждый цвѣтъ, каждый запахъ...

Писалъ я въ отрочествѣ сперва легко, такъ какъ подражалъ то одному, то другому,—больше всего Лермонтову, отчасти Пушкину, которому подражалъ даже въ почеркѣ, потомъ, въ силу потребности высказать уже кое-что свое,—чаще всего любовное, — труднѣе. Читалъ я тогда что попало—и

старые и новые журналы, и Лермонтова, и Жуковскаго, и Шиллера, и Веневитинова, и Тургенева, и Маколея, и Шекспира, и Бѣлинскаго... Потомъ пришла настоящая любовь къ Пушкину, но на ряду съ этимъ увлеченіе, хотя и не долгое, Надсономъ, чему, впрочемъ, много способствовала его смерть. Вообще о писателяхъ я съ дѣтства, да и впослѣдствіи, довольно долго мыслилъ, какъ о существахъ высшаго порядка. (Помню, какъ поразилъ меня разсказъ моего воспитателя о Гоголѣ—онъ однажды видѣлъ его — вскорѣ послѣ того, какъ я впервые прочелъ „Страшную месть“, самый ритмъ которой всегда волновалъ меня необыкновенно). Самому мнѣ, кажется, и въ голову не приходило быть меньше Пушкина, Лермонтова (благо лермонтовское Кропотово было въ двадцати пяти верстахъ отъ насъ, да и вообще чуть не всѣ большіе писатели родились поблизости)—и не отъ самомнѣнія, а просто въ силу какого-то ощущенія, что иначе и быть не можетъ. Но это не исключало страстнаго интереса вообще къ писателямъ, даже къ такимъ, какимъ былъ, напримѣръ, нѣкто Назаровъ. Озерскій кабатчикъ какъ-то сказалъ мнѣ, что въ Ельцѣ появился „авторъ“. И я тотчасъ же поѣхалъ въ Елецъ и съ восторгомъ познакомился въ базарномъ трактирѣ съ этимъ Назаровымъ, самоучкой-стихотворцемъ изъ мѣщанъ. Изъ новыхъ писателей мнѣ очень нравился тогда Гаршинъ (самоубійство котораго ужасно поразило меня). Нравился и Эртель, хотя я и тогда чувствовалъ его литературность, непростоту, копировку Тургенева, даже эту непріятную изысканность знаковъ препинанія, обиліе многоточій. Въ Чеховѣ (его юмористическихъ разсказовъ я тогда не зналъ) тоже кое-что задѣвало меня — то, что онъ писалъ бѣгло, жидко...

Въ апрѣлѣ 1887 г. я отправилъ въ петербургскій еженедѣльный журналъ „Родина“ стихотвореніе, которое и появилось въ одномъ изъ майскихъ номеровъ. Утро, когда я шелъ съ этимъ номеромъ съ почты въ Озерки, рвалъ по лѣсамъ росистые ландыши и поминутно перечитывалъ свое произведеніе, никогда не забуду. Писалъ и читалъ я въ то лѣто особенно много, а чтобы ничто не мѣшало мнѣ въ этомъ и съ цѣлью „наблюденія таинственной ночной жизни“, мѣсяца на два прекратилъ ночной сонъ, спалъ только днемъ.

Въ сентябрѣ 1888 г. мои стихи появились въ „Книжкахъ Недѣли“, издаваемой П. А. Гайдебуровымъ, гдѣ часто печатались вещи Щедрина, Гл. Успенскаго, Л. Толстого, Полонскаго. Гайдебуровъ отнесся ко мнѣ крайне внимательно и

запретилъ сотрудничать въ другихъ изданіяхъ — взялъ меня подъ свое исключительное руководство.

Между тѣмъ благосостояніе наше, по милости отца, снова ухудшилось. Братъ Юлій переселился въ Харьковъ. Весной 1889 г. отправился и я туда и попалъ въ кружки самыхъ завзятыхъ „радикаловъ“, какъ выражались тогда, а, поживъ въ Харьковѣ, побывалъ въ Крыму, о которомъ у меня еще въ дѣтствѣ составилось самое поэтическое представленіе, благодаря разсказамъ отца, и нашелъ, что ходить верстъ по сорокъ въ сутки, загорать отъ солнца и отъ морского вѣтра и быть очень легкимъ отъ голода и молодости—превосходно. Съ осени сталъ работать при „Орловскомъ Вѣстникѣ“, то бросая работу и уѣзжая въ Озерки или Харьковъ, то опять возвращаясь къ ней, и былъ всѣмъ, чѣмъ придется, — и корректоромъ, и передовикомъ, и театральнымъ критикомъ, что̀, къ счастью, совсѣмъ не приставало ко мнѣ. Тутъ опять сразила меня, къ великому моему несчастью, долгая любовь.

Къ болѣе нормальной жизни, къ болѣе правильной работѣ литературной и образовательной я возвратился только черезъ два года, переселившись въ Полтаву, гдѣ братъ Юлій завѣдывалъ статистическимъ бюро губернскаго земства. Въ Полтавѣ я былъ библіотекаремъ земской управы, затѣмъ тоже статистикомъ, много корреспондировалъ въ газеты о земскихъ дѣлахъ; усердно учился, писалъ, ѣздилъ и ходилъ по Малороссіи, — служба у меня была легкая и свободная, — затѣмъ, увлеченный толстовской проповѣдью, сталъ навѣщать „братьевъ“, жившихъ подъ Полтавой и въ Сумскомъ уѣздѣ, прилаживаться къ бондарному ремеслу, торговать изданіями „Посредника“. Но самъ же Толстой, къ которому я ѣздилъ съ А. А. Волкенштейномъ и созерцаніе котораго произвело на меня истинно потрясающее впечатлѣніе, и отклонилъ меня опрощаться до конца. (Какъ къ художнику, я относился къ нему и тогда уже съ неменьшимъ восторгомъ. Но къ этому же времени относится и мое увлеченіе Флобе-ромъ, а на ряду съ этимъ — „Словомъ о полку Игоря“, малорусскими „думами“—тѣми, что̀ наиболѣе величавы и торжественны, нѣкоторыми вещами Мицкевича, особенно его крымскими сонетами, балладами, страницами изъ „Пана Тадеуша“: ради Мицкевича я даже учился по-польски).

За работой при „Орловскомъ Вѣстникѣ“ я писалъ урывками, печатаясь въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“, „Наблюдателѣ“ и иллюстрированныхъ журналахъ, и издалъ первую книжку стиховъ, чисто-юношескихъ, не въ мѣру интимныхъ. Первая рецензія на нее появилась въ „Артистѣ“ и заключала

въ себѣ странный упрекъ въ подражаніи Фету и совѣтъ заняться лучше прозой. Остальные отзывы были весьма сочувственны. Въ Полтавѣ я впервые приступилъ болѣе или менѣе серьезно къ беллетристикѣ и первый же разсказъ (безъ заглавія) послалъ въ „Русское Богатство“, руководимое тогда Кривенко и Михайловскимъ. Михайловскій написалъ, что изъ меня выйдетъ „большой писатель“, и разсказъ, подъ чьимъ-то заглавіемъ („Деревенскій эскизъ“), былъ напечатанъ въ апрѣлѣ 1894 г. Въ то же время рѣдкое участіе принялъ во мнѣ А. М. Жемчужниковъ, вступившій со мной въ переписку и проводившій меня въ „Вѣстникъ Европы“: самъ Стасюлевичъ былъ черезчуръ строгъ и порой несправедливъ. (Вотъ пустякъ, но характерный. Было у меня въ стихотвореніи: „Ржи наливаютъ и цвѣтутъ“. Стасюлевичъ изумился: „Кого наливаютъ?“—и написалъ „наливаются“. Жемчужниковъ горячо вступился за мѣня).

Въ январѣ 1895 г., бросивъ службу, я впервые попалъ въ Петербургъ, видѣлъ нѣкоторыхъ писателей, Михайловскаго, Кривенко, который отнесся ко мнѣ съ истинно-отеческой нѣжностью. Въ этомъ же году я познакомился въ Москвѣ съ Чеховымъ, съ Бальмонтомъ, съ Эртелемъ, съ Брюсовымъ, тогда еще студентомъ. (Знакомиться поѣхали мы къ нему съ Бальмонтомъ и не застали дома. На другой день онъ прислалъ записку Бальмонту: „Очень жалѣю, что не застали, Бунинъ, хотя и *не символистъ*, но настоящій поэтъ“... Помню, что и тогда это разсмѣшило меня). Позднѣе я мелькомъ видалъ Коневскаго и Добролюбова. Они произвели на меня впечатлѣніе больныхъ мальчиковъ съ полнымъ сумбуромъ въ головѣ и въ душѣ, благодаря и болѣзненности своей и косчему прочитанному. Видалъ я и нѣкоего поэта, славившагося тогда по Москвѣ своей книжкой, посвященной „самому себѣ и египетской царицѣ Клеопатрѣ“, и тѣмъ, что онъ ходилъ, какъ говорили, въ папахѣ, въ буркѣ, въ нижнемъ бѣльѣ, привязывалъ себѣ къ пальцамъ когти и тоже производилъ „перевороты“ въ стихотворной формѣ. Онъ, впрочемъ, раньше другихъ бросилъ всѣ эти „дерзанія“ и „переоцѣнки цѣнностей“ и, увы, не попалъ въ исторію „новой русской литературы“, хотя именно ему долго приписывали многіе всѣ эти „закрой свои блѣдныя ноги“ и т. п.

Въ октябрѣ 1895 г. въ „Новомъ Словѣ“, которое редактировалъ тогда Кривенко, разошедшійся съ „Русскимъ Богатствомъ“, а издавала О. Н. Попова, появился мой разсказъ „На край свѣта“, встрѣченный очень хорошо (особенно Скабичевскимъ, слову котораго придавали тогда большой вѣсъ).

Слѣдующей осенью я съ удовольствіемъ согласился на предложеніе Поповой издать свои разсказы. Вышли они въ свѣтъ (въ январѣ 1897 г.) среди почти единодушныхъ похвалъ. Но тутъ я внезапно надолго исчезъ изъ Петербурга, да не только исчезъ, а и замолчалъ на нѣсколько лѣтъ. Два года затѣмъ я жилъ особенно скитальчески и разнообразно—то въ Орловской губ., то въ Малороссіи, снова былъ въ Крыму, бывалъ въ Москвѣ, все чаще встрѣчался и со старыми и съ молодыми писателями, посѣщалъ „Посредникъ“, куда захаживалъ Толстой... Самъ чувствуя свой ростъ и въ силу многихъ душевныхъ переломовъ, уничтожалъ я тогда то немногое, что̀ писалъ прозой, безпощадно; изъ стиховъ кое-что (то, что̀ было менѣе интимно, преимущественно картины природы) печаталъ; довольно много переводилъ—чужое было легче передавать.

Съ этой поры собственно и начинается моя болѣе или менѣе зрѣлая жизнь, сложная и внутренне и внѣшне и столь еще близкая мнѣ, что говорить о ней подробно задача долгая и трудная. Поэтому кончу эти бѣглыя замѣтки еще болѣе бѣгло.

Въ 1898 г. я женился на А. Н. Цакни, гречанкѣ, дочери извѣстнаго революціонера и эмигранта Н. П. Цакни. Женившись, года полтора прожилъ въ Одессѣ (гдѣ сблизился съ кружкомъ южно-русскихъ художниковъ). Затѣмъ разошелся съ женой и установилъ въ своихъ скитаніяхъ, уже не мѣшавшихъ мнѣ работать въ извѣстной мѣрѣ правильно, нѣкоторый порядокъ: зимой столицы и деревня, иногда поѣздка за границу, весной югъ Россіи, лѣтомъ преимущественно деревня. За это время я былъ, между прочимъ, ближайшимъ участникомъ извѣстнаго литературнаго кружка „Среда“, душой котораго былъ Н. Д. Телешовъ, а постоянными посѣтителями Горькій, Андреевъ, Купринъ и т. д. Революція, прокатившаяся надо всѣми нами, надолго разсѣяла этотъ кружокъ. Съ 1907 г. жизнь со мной дѣлитъ В. Н. Муромцева. Съ этихъ поръ жажда странствовать и работать овладѣла мною съ особенной силой. За послѣднія восемь лѣтъ я написалъ двѣ трети всего изданнаго мною. Видѣлъ же за эти годы особенно много. Неизмѣнно проводя лѣто въ деревнѣ, мы почти все остальное время отдали чужимъ краямъ. Я не разъ бывалъ въ Турціи, по берегамъ Малой Азіи, въ Греціи, въ Египтѣ вплоть до Нубіи, странствовалъ по Сиріи и Палестинѣ, былъ въ Оранѣ, Алжирѣ, Константинѣ, Тунисѣ и на окраинахъ Сахары, плавалъ на Цейлонъ, изъѣздилъ почти всю Европу, особенно Сицилію и Италію (гдѣ три послѣднихъ

зимы мы провели на Капри), былъ въ нѣкоторыхъ городахъ Румыніи, Сербіи — и, говоря словами Баратынскаго, отовсюду — „къ вамъ приходилъ, родныя степи, моя начальная любовь“—и снова „по свѣту бродилъ и наблюдалъ людское племя“...

Что же до литературной моей дѣятельности за эти годы, то ходъ и развитіе ея извѣстны. Въ концѣ 1898 г. вышелъ мой переводъ „Пѣсни о Гайаватѣ“, давшій поводъ нѣкоторымъ моимъ критикамъ, при ихъ обычной поспѣшности сужденій и любви (или необходимости) повторять другъ друга, записать меня въ число идилликовъ и какихъ-то „созерцателей“. Въ 1900 г. издалъ первую книгу моихъ стиховъ „Скорпіонъ“, съ которымъ я однако очень скоро разошелся, не возымѣвъ никакой охоты играть съ моими новыми сотоварищами въ аргонавтовъ, въ демоновъ, въ маговъ и нести высокопарный вздоръ, хотя нѣкоторые критики уже заговорили-было о моемъ „увлеченіи декадентами“ и усердно цитировали мой сонетъ „Въ Альпахъ“, мысль котораго, въ сущности, была совсѣмъ не нова — подобна мысли того самаго сонета Пушкина, гдѣ сказано: „услышишь судъ глупца“ — межъ тѣмъ какъ другіе одобряли меня за то, что я держусь какихъ-то „завѣтовъ“, „традицій“, хотя любитъ талантъ, самостоятельность, умъ, вкусъ вовсе не значитъ держаться какихъ-то традицій. Въ 1902 г. „Знаніе“, ближайшимъ сотрудникомъ котораго я былъ послѣ этого почти все время его дѣятельнаго существованія, издало первый томъ моихъ сочиненій. Какія книги слѣдовали за этими тремя, говорить нѣтъ нужды. Извѣстно также, что отъ Академіи Наукъ я получалъ Пушкинскія преміи, что въ 1909 г. я былъ избранъ ею въ число Почетныхъ Академиковъ, въ 1912 г. почетнымъ членомъ Общества Любителей Россійской Словесности, коего я состою теперь временнымъ предсѣдателемъ, и т. д. Добавлю еще, что въ текущемъ году к-во Маркса выпускаетъ приложеніемъ къ „Нивѣ“ редактированное мною собраніе моихъ сочиненій, куда входитъ все, что я считаю болѣе или менѣе достойнымъ печати.

Въ общемъ жизненный путь мой былъ довольно необыченъ, и о немъ и вообще обо мнѣ долго существовало довольно превратное представленіе. Взять хотя бы первое десятилѣтіе моей литературной дѣятельности: большинство тѣхъ, что писали о моихъ первыхъ книгахъ, не только спѣшили уложить меня на какую-нибудь полочку, не только старались разъ навсегда установить размѣры моего дарованія, не замѣчая, что имъ же самимъ уже приходилось мѣнять свои приговоры,

по характеризовали и мою натуру. И выходило такъ, что нѣтъ писателя болѣе тишайшаго („пѣвецъ осени, грусти, дворянскихъ гнѣздъ“ и т. п.) и человѣка болѣе опредѣлившагося и умиротвореннаго, чѣмъ я. А между тѣмъ человѣкъ-то былъ я какъ разъ не тишайшій и очень далекій отъ какой бы ни было опредѣленности: напротивъ, во мнѣ было самое рѣзкое смѣшеніе и печали, и радости, и личныхъ чувствъ, и страстнаго интереса къ жизни, и вообще стократъ сложнѣе и острѣе жилъ я, чѣмъ это выразилось въ томъ немногомъ, что̀ я печаталъ тогда. Бросивъ черезъ нѣкоторое время прежнія клички, нѣкоторые изъ писавшихъ обо мнѣ обратились, какъ я уже говорилъ, къ діаметрально-противоположнымъ — сперва „декадентъ“, потомъ „парнасецъ“, „холодный мастеръ“ — въ то время, какъ прочіе все еще твердили: „пѣвецъ осени, изящное дарованіе, прекрасный русскій языкъ, любовь къ природѣ, любовь къ человѣку... есть что-то тургеневское, есть что-то чеховское“ (хотя рѣшительно ничего чеховскаго у меня никогда не было)... Впрочемъ, въ литературѣ стоялъ тогда невѣроятный шумъ.

А второе десятилѣтіе моей литературной дѣятельности еще у всѣхъ въ памяти. Тутъ отношеніе ко мнѣ, какъ извѣстно, измѣнилось, во вниманіи ко мнѣ за это время недостатка не было. Отмѣчу только одинъ фактъ, уже не разъ, къ сожалѣнію, повторявшійся въ русской литературѣ, — то, какъ нѣкоторые отнеслись къ моей „Деревнѣ“, къ „Ночному разговору“, къ „Суходолу“. На первыхъ порахъ чего только, на ряду съ похвалами моему художеству, ни наслушался я! Иные унижались даже до того, что говорили, что я былъ просто испуганъ революціей, какъ помѣщикъ (каковымъ на самомъ дѣлѣ я отроду не былъ), корили меня моимъ происхожденіемъ — точно я былъ первый и единственный „дворянинъ“ въ русской литературѣ, — увѣряли, что я для деревни только „пришлый интеллигентъ“, приплетали некстати мои „поѣздки въ Индію“, хотя поѣздки эти могли принести мнѣ, конечно, только пользу, ибо справедливо сказалъ Шекспиръ, что „недалеко ушла отъ глупости домосѣдная мудрость“. По шаблону, въ угоду традиціямъ и благодаря круглому незнанію жизни, нѣкоторые неизмѣнно прибавляли, говоря о моихъ произведеніяхъ, касавшихся русскаго народа: „а все-таки это не такъ“ — и, никогда не приводя никакихъ доказательствъ, отдѣлывались фразами о „искрахъ божьихъ“, „отрадными“ частностями, ссылками на Достоевскаго, Тютчева или Гл. Успенскаго и Чехова, хотя этихъ „искръ“ я никогда не отрицалъ, хотя не о частностяхъ, а объ общемъ, типиче-

скомъ говорилъ я, хотя Достоевскій и Тютчевъ для меня ничуть не обязательны, хотя Успенскаго тоже упрекали въ „хмуромъ и желчномъ пессимизмѣ“ и „полномъ незнаніи народа“, хотя, укоряя меня Чеховымъ, почти слово въ слово повторяли то самое, что̀ говорили Чехову, укоряя его предшественниками его. Все это, конечно, въ порядкѣ вещей. Судьба „Горя отъ ума“ всѣмъ извѣстна. О „Мертвыхъ душахъ“ и о „Ревизорѣ“ въ одинъ голосъ кричали: „это клевета, это невозможность“. Гончарову, по свидѣтельству А. Ѳ. Кони, „пришлось выслушать, что онъ совершенно не понимаетъ и не знаетъ русскаго народа“. „Преступленіе и наказаніе“ Достоевскаго называли (и не гдѣ-нибудь, а въ „Современникѣ“) „клеветой на молодое поколѣніе“, „дребеденью“, „глупымъ и позорнымъ измышленіемъ, произведеніемъ самымъ жалкимъ“... А вѣдь теперь дѣла стали еще хуже: литература наша извратилась невѣроятно, критика пала до-нельзя, провалъ между народомъ и городомъ образовался огромный, о дворянахъ теперешній городской интеллигентъ знаетъ уже только по книжкамъ, о мужикахъ — по извозчикамъ и дворникамъ, о солдатахъ — только одно: „такъ что, ваше благородіе“, говорить съ народомъ онъ не умѣетъ, изобразители сусальной Руси, сидя за старыми книжками и сочиняя какой-то никогда небывалый, утрированно-русскій и потому необыкновенно противный и неудобочитаемый языкъ, врутъ ему не судомъ, вкусы его все понижаются... Но все же не разъ думалъ я: доколѣ же такъ вотъ и будетъ писаться исторія? Не ужасно ли, что, покричавъ: „это клевета, это невозможность“ — мы всегда тѣмъ скорѣе успокаивались, что не проходило и нѣсколькихъ лѣтъ, какъ то, что̀ называлось „невозможностью“, признавалось классическимъ и поступало уже въ полное вѣдѣніе учителей словесности?

За всѣмъ тѣмъ, на критику серьезную жаловаться я и тогда не могъ.

1915.

Оглавленіе

VI тома.

Разсказы 1911—1913 г.

	стр
Іоаннъ Рыдалецъ	3
Илья Пророкъ	9
Я все молчу	13
Худая трава	24
Псальма	44
Вѣра	51
Весна	58
Преступленіе	65
Князь во князьяхъ	77
Послѣдній день	86
Сказка	93
Будни	99
Хорошихъ кровей	108
Личарда	114
Забота	121
Безъ заглавія	126
Крикъ	128
Копье Господне	135
Смерть	142

Стихотворенія.

Мушкетъ	149
Гробница	150
Степь	—
Невѣстка	—
Бѣлый Олень	151
Алисафія	—
Пѣсня	153
Конь Святогора	—
Мачеха	154
Пращуры	—

стр.

Сѣтлякъ 155
Дѣдушка . . . . . —
Ночная змѣя . . . . . —
Великій Лось 156
На большой дорогѣ 157
Ритмъ . . . . . —
Чибисы 158
Купальщица . . . . . —
Холодная весна . . . . . —
Лѣтняя ночь 159
Ноябрьская ночь . . . . . —
Художникъ 160
Отчаяніе 161
Могильная плита . . . . . —
Ночныя облака . . . . . —
Дальняя гроза 162
На камняхъ . . . . . —
Матросъ . . . . . —
Монастырь въ Сициліи 163
Послѣ обѣда . . . . . —
Потомки пророка . . . . . —
Въ Скутари 164
Уголь 165
Судный день . . . . . —
Завѣтъ Саади . . . . . —
Мать . . . . . —
Завѣса 168
Зовъ 169

Разсказы 1913—1915 г.

Чаша жизни 170
Грамматика. любви 189
Братья 198
При дорогѣ 222
Святые 246
Весенній вечеръ 257
Святочный разсказъ 267
Пыль 277

Стихотворенія.

Въ Венеціи 281
Псковскій боръ 285
Причастницы . . . . . —
Іаковъ . . . . . —
Тора 286
Господь скорбящій . . . . . —
Плачъ ночью 287
Новый Завѣтъ . . . . . —
Магометъ и Сафія . . . . . —

стр.

Нищій 288
Ночлегъ . . . . . —
Въ темную ночь, въ штиль, подъ экваторомъ . . . . . —
О Христѣ и дочери калифа. Изъ „Золотой легенды“ Лонгфелло . . 289

Статьи и замѣтки.

Чеховъ 292
Изъ записной книжки 308
Рѣчь на юбилеѣ „Русскихъ Вѣдомостей“ 314
Автобіографическая замѣтка. Письмо къ С. А. Венгерову 320